

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

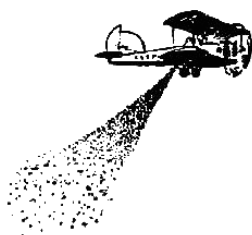

ТРЕХГЛАВАЯ СУДЬБА

*Антология советского
фантастического
и приключенческого
рассказа
20-х – 30-х
годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

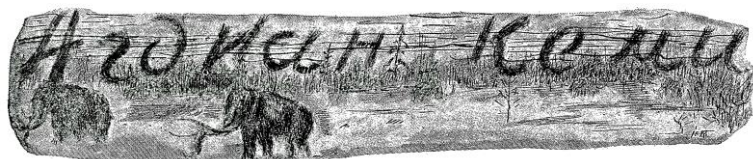
Н. МОГУЧИЙ

АГДИАН-КЕМИ

Рассказ

Рассказ Н. МОГУЧЕГО

Иллюстр. худ. Ю. КЕРН

НЕТОРОПЛИВОЙ «хлынью», как называют якуты мелкую трусцу своих косматых лошадеенок, Кеша направлялся на запад, продолжая тянуть вполголоса тихую заунывную песню.

Была середина апреля. На смену потухающей вечерней заре на востоке начинал розоветь восход, и в полночь было довольно светло.

Днями температура уже подымалась до нескольких градусов тепла, но ночью открытое лицо еще жег крепкий мороз.

Попридержав лошаденку, тунгус бросил мимолетный взгляд на запад, но довольно долго присматривался к алеющему востоку. Наконец, пробурчал себе под нос:

— Не видать юрты русского дагора¹⁾? Еще далеко.

Вскоре над дальней грядой невысоких гор выплыл край солнечного диска. Четко вырисовывался в чистом морозном воздухе контур растущих на горах деревьев, и казались они большой и длинной плетеной изгородью с неровными жердями, за которыми большие великаны разложили горячий золотой костер Урун-ойы-тайона — доброго князя Солнца, дающего жизнь воскресающей с весной тундре.

Действительно, тундра оживала после долгой зимней спячки, хотя и было еще холодно и не бежали по моховому покрову веселые ручьи. Кое-где над снегом подымались ольховый кустарник, побеги ерниковой березки и ива. Убогие деревья с искривленными, пригнутыми к земле стволами, высохшими верхушками и однобокими кронами шарили по снегу своими редкими оголенными ветвями. Среди этой карликовой растительности настоящими великанами каза-

---

1) Дагор — по-тунгусски: товарищ, друг.

лись группы даурской лиственницы, достигавшей размеров среднего дерева.

Солнце подымалось выше. Легкий белесоватый туман курился над равниной. Тишину ее белых пространств нарушало лишь щебетание синицы. Суслик, недавно проснувшийся от зимней спячки, приподнявшись на задних лапах и беспокойно втягивая подвижным носом воздух, провожал всадника любопытным взглядом.

Кеша не обращал внимания на окружающий его простор, который был привычен ему; он не слышал голосов птиц, оживлявших молчание тундры; не видел смешно-тревожной позы еврашки, хотя все это в другое время обрадовало бы его, говоря о том, что кончилась зима и возвращается короткое лето с теплом и незаходящим солнцем. Кеша думал, но мысли его не были, как березки в лесу, не шли одна за другой, — нет, они были, как разбросанный по тундре кустарник. И как нельзя сгрести в охапку этот кустарник, так же трудно было тунгусу собрать разбросанные неясные, бродившие в голове обрывки мыслей. Только одна мысль была ясна и волновала тунгуса.

«Где взять такой калым?..»

Кеша ехал из стоянки якутов. Там был один знакомый якут, кузнец, который хорошо мастерил из пороховых жестянок котлы и всякую домашнюю утварь. Трудно было сказать, что больше привлекало к себе молодого тунгуса — сам ли кузнец, упрямый и своенравный старик, или его молоденькая дочь, Марья. Когда тунгус не боролся с голодом, а были в его чуме и сало, и рыба, и табак, тогда мысль о Марье часто приходила ему в голову. Когда же вернулось солнце и стало теплее, и когда появились первые пушинки на голом тальнике, мысль об одиночестве стала еще сильнее угнетать тунгуса. В тунгусских чумах были свои незамужние девки, но Кеша стал думать не о них, а о кузнецовой дочке Марье.

Три дня тому назад молодой тунгус вышел из чума, прикрыл его и, не сказав никому, куда он едет, сел на лошадь и направился к стоянке якутов. Кузнец встретил его, как всегда, с виду приветливо. Но когда Кеша несвязно изложил ему причину своего приезда, узкоглазое, скуластое лицо кузнеца изменилось. Он долго не смотрел на гостя, а когда заговорил, выставил вперед узкую, с грубой от работы кожей руку и сказал, отгибая один палец.

— Ты берешь девку — раз; ты даешь калым — два...

Опуская руку, он строго спросил смутившегося тунгуса:

— Какой калым, сколько оленей, шкур и табаку привез ты?

Кеша знал, что без калыма ему не отдадут девку. Но когда он собрался ехать к якуту, он думал о себе и о девке, которую желал взять в жены, и не подумал о том, какой калым может он дать за Марью отцу. Оленей у него было только двадцать пять штук, а для того, чтобы прожить мало-мальски сносно, не подохнуть с голоду и добыть в год десять-двадцать песцовых шкур и двести-триста белок, тунгусу нужно не меньше сорока-пятидесяти оленей. Никак не мог Кеша отдать кузнецу последних оленей.

— Есть у меня два песца — несмело сказал молодой тунгус.

— Мало,— отрицательно мотнул головой кузнец.

— Есть у меня еще три мужика с лукошком,— робея, добавил Кеша. Так тунгус называл денежный билет в три червонца.

— Это хорошо, — одобрительно крикнул отец Марьи — но за девку мало.

Марья вышла в «хотон» — помещение для коровы, отгороженное от жилой части юрты редкой перегородкой. Дверь в «хотон» была открыта. Марья, спрятавшись за косяк, прильнула ухом к стенке и слушала, о чем говорили отец и Кеша:

Ей нравился молодой тунгус. Порозовевшее от смущения лицо ее побледнело, когда она услышала ответ отца.

— Так вот. Моя — девка, твои — две шкуры, три мужика с лукошком и один...

Старик помолчал и сказал, как будто спокойно и деловито, но Марья знала, что под этим деловым тоном таилась злая насмешка:

— ...И один зуб большого животного.

— Агдиан-Кеми!¹⁾ — воскликнул ошеломленный тунгус. — Ты смеешься или хочешь беду накликать на голову тунгуса, — продолжал Кеша, стараясь скрыть страх, который нагнала на него мысль о том чудовище, зуб которого требовал в виде калыма упрямый старый кузнец.

Но отец Марьи не замечал смущения тунгуса, или делал вид, что не замечает его. Он, не спеша, продолжал говорить:

— В соседней стоянке якутов, которая за лесом, у реки, Петр кузнец из рода Чагирь нашел зуб. Божков и безделиц он из него понаделал, Узоры на них и письма какие-то вырезал. Хорошо заработал.

Кузнец умолк. Позвав Марью, он приказал подать есть себе и гостю. Кеша понял, что разговор окончен, и что упрямый кузнец не отступится от своего требования.

Дорога подымалась в гору. Вдали показался чахлый и редкий лесок, над которым летела на север стая гусей. Кеша, задумчиво ехавший домой от кузнеца, встрепнулся. Он не сводил глаз с леска и гусей.

— Далеко, вздохнул он, — не попадешь. А то бы славному еду привез я русскому дагору...

Он начал прищипоривать лошадь, и та побежала ускоренной рысцей. Вдали послышались ружейные выстрелы.

— Дагор проснулся... стреляет, — усмехнулся тунгус.

Вскоре Кеша пересек небольшую рощицу, и перед его глазами, на пологом косогоре раскинулся поселок. Всего было шесть-семь изб, построенных шагах в пятидесяти одна от другой. В середине поселка были еще какие-то неведо-

---

1) Агдиан-Кеми (досл. „земляная крыса“) произносимая почти как Агджан-Кеми.

мые Кеше сооружения. Там стояли ящики на высоких столбах, к которым вели крутые лесенки. Какие-то чаны были прикреплены к врытым в землю столбам, и к этим столбам были прислонены доски. Но что больше всего обратило внимание на себя молодого тунгуса — это высокая мачта, такая высокая, что на постройку ее пошло, по крайней мере, две листовницы. От этой мачты шли тонкие металлические паутинки к самой большой избе. На вершине мачты колыхался острый красный флажок. Это была построенная в прошлом году культбаза для якутов и тунгусов, кочующих в тундре.

Между строениями бродило несколько человек тунгусов и десятка три оленей.

Кеша оглядел избы. Он работал над постройкой культбазы, и теперь осматривал ее с самодовольным чувством человека, любующегося произведением своего труда.

«Хороши юрты», — подумал он. И тут же вспомнил, как тяжело было долбить землю, все время натываясь на промерзлую почву, на вечную мерзлоту.

При этой работе он и заработал несколько «мужиков с лукошками», из которых три штуки собирался отдать в калым за Марью. Одного только не видел раньше Кеша в поселке — это мачты и мудреных ящиков, столбов и досок метеорологической станции, похожих, как ему показалось сначала, на могилу каких-то шаманов.

— Здравствуй, дагор! Как здоров? — закричал он, увидев вышедшего из рощи и направлявшегося к поселку человека в дохе и ушанке.

За плечом у незнакомца была охотничья двустволка, а в руках — пара диких гусей. Повисшие крылья птиц чертили узкий след по рыхлому снегу, а мертвые гусиные головы качались в такт шагам человека.

Охотник увидел тунгуса и радостно приветствовал его.

— Здравствуй, Кеша, здравствуй! Куда пропал? Всю зиму носа к нам не показывал.

— Тунгусу много работы, — оправдывался Кеша, — оленей водил, за зверем ходил, шкуру промыслил. Много

работы! — И замолчал, вспомнив, что охота эту зиму была неудачная.

В просторной комнате, занятой заведующим культбазой, Семеном Степановичем, на столе шумел самовар. Согревшийся Кеша потягивал горячий чай с блюдца, время от времени беря в рот кусочки ржанных сухарей.

— Ну, как живешь, товарищ Кеша? — спросил Семен Степанович.

— Плохо.

— Что так?

— Плохо, — упрямо повторил гость.

— А олени здоровы?

— Здоровы, — сказал Кеша.

— А что же это вы не ведете оленей на прививку. Вот парша нападет на них, плохо тогда будет...

— Плохо, ой, плохо будет! — согласился Кеша.

Семен Степанович нетерпеливо дернул плечом.

— Так привести их нужно, говорю, на прививку.

Кеша серьезно посмотрел на говорившего, и недоверчиво покачал головой.

— Никак нельзя. Шаман не позволяет. Он порчу напустит.

— Ну, как тебе не стыдно, Кеша, — сказал Семен Степанович мягко, — сколько раз говорили мы с тобой, что шаманы лгут, а ты продолжаешь бояться их.

— Кеша не боится их, — сказал тунгус, — но Кеша знает, что они могут напустить порчу на оленей. Каждый знает свое дело. Ты делаешь добро, шаман делает зло. Его не любят тунгусы, но боятся.

Семен Степанович засмеялся и отошел от окна. Сознание трудности предстоящей работы всегда бодрило его. Взгляд его случайно упал на мембраны радиоприемника. Машинально он надел аппарат и... улыбнулся. Тунгус с интересом следил за своим русским другом.

— Кеша! — весело воскликнул Семен Степанович. — Это радио... Кто послушает его, тот уже не будет бояться ни шаманов, ни порчи. На, послушай.

И он надел аппарат на уши тунгуса. Кеша сделал движение рукою, желая сбросить с себя эти холодные «уши», которые с непривычки давили голову и были неудобны, но не успел сделать этого. В коробочках, сдавливавших его уши, вдруг послышался голос, точно пел свое заклинание самый знаменитый шаман. Этот голос... (Кеша задрожал от неожиданности) подхватили веселые, бодрые, громкие голоса...

Молодой тунгус слушал с напряженным вниманием.

Слышно было, как выкрикивали парни, и их сильные густые голоса перемешались с голосами девок.

Молодой тунгус слушал с напряженным вниманием. На его лице страх сменялся недоумением, пот большими каплями выступал на лбу. Желая лучше расслышать неслыханную им музыку, Кеша ниже наклонял голову, точно этим движением хотел приблизиться к источнику непонятных звуков.

Молодой тунгус слушал... Пение сменили трубы, и играли они что-то веселое и задорное, так что развеселившийся Кеша в такт затопал ногами. Потом кто-то прокричал в ухо непонятные слова, и все кончилось.

Семен Степанович снял мембраны. Кеша растерянно смотрел на него, точно проснулся от глубокого сна и не мог еще сообразить: где он, что с ним?

— Я был на небе и слышал Айы-Танара, — после некоторого молчания сказал молодой тунгус с такой уверенностью и иступленной верой, что готовый было сорваться у его русского друга хохот замер на устах.

Семен Степанович замахал руками.

— Нет, Кеша, нет! Ты слушал концерт. Это пели и играли наши товарищи в Иркутске.

— Иркутск, он далеко! — нараспев сказал тунгус. — Крикни так, чтобы слышал кузнец-якут. У него дочь есть. Марья! Не крикнешь! — сказал он убежденно. — Разве могу я слышать, что говорят люди в Иркутске?

— Да, можешь.

Семен Степанович долго говорил на эту тему. Кеша слушал, и одна мысль захватила его. Он взял за руку своего русского друга и сказал ему голосом, в котором слышалась глубокая мольба и надежда.

— Ты ученый... все знаешь... Ты можешь слышать по воздуху. Скажи... научи, как мне достать зуб большого зверя...

— Какого зверя?

— Большого зверя Агдиан-Кеми! — нетерпеливо сказал Кеша.

— А, мамонта! Клыки мамонта! Зачем тебе они?.. — любопытствовал Семен Степанович.

Тунгус насупился.

— Надо, — сказал он коротко.

— По берегам рек в тундре, у высоких обрывов вода подмывает берег... земля обрушивается, и часто кости мамонта, а то и мерзлая вся туша его, обнажаются среди льда.... — заговорил Семен Степанович.

— Хорошо, спасибо, — сказал тунгус, вставая.

— Куда ты, подожди, поживи здесь день, два. Радио слушаешь...

— Прощай, — сказал молодой тунгус.

Он пожал руку недоумевающему Семену Степановичу, и вышел.

Кеша сидел на высоком обрывистом берегу речки, изви- вающейся по тундре и впадающей, как это знал тунгус, в Яну. Обрыв был обращен в сторону юга, и лучи солнца, нагревая его, почти высушили уже площадку, на которой находился Кеша. Сзади тянулся параллельно реке листвен- ный лес. Внизу набухла голубым льдом река. Перед Кешей была низменная моховая тундра, покрытая бесчисленными озерами талой воды.

Над тундрой шло мощное дыхание весны, проносились бесконечные вереницы гусей, оглашая воздух своим ликую- щим криком, высоко купаясь в лучах солнца, пел жаворо- нок. От болот неслося кряканье уток, крик рыболовов. Во- круг щебетали стрижи, а внизу у реки сустились трясогузки. По зеленеющему склону выглядывали «пострелы» — под- снежники, предусмотрительно укутавшиеся в легкие шубки из длинных волосков, покрывавших их чашечки и листья.

Возвращение тепла радовало Кешу, но вместе с тем изо дня в день вселяло тревогу. Уже больше месяца бродил он по лесо-тундре, доходил гребнями и обрывами речных бере- гов до самой Яны, но нигде не встретил Агдиан-Кеми. Зверь

не выходил из земли, не показывал тунгусу своего дорого стоящего «зуба».

Но азарт охотника заставил тунгуса упорно рыскать по тундре и искать редкостного зверя. Этот азарт заслонил перед ним даже ту главную цель, для которой ему понадобились бивни мамонта.

— Пока земля совсем не высохнет, буду искать. Из мокрой земли зверю легче вылезти, — рассуждал Кеша.

Ведя за собою лошадь, Кеша углубился в лес. До его селения было недалеко, и тунгус не торопился, зная, что за светло доберется до чума.

Вдруг Кеша прислушался. Впереди хрустнули ломавшиеся ветки. Тунгус насторожился. Кто-то продирался напрямик через кустарник. Лошадь фыркнула и вздыбилась. Рванув поводья, она вырвалась из рук Кеши и вскачь понеслась в сторону. Тунгус схватил ружье. Он понял...

Кеша выхватил „пальму“ и всадил ее зверю в сердце.

Прямо на него из-за лиственниц, переваливаясь, шел медведь. Завидев человека, зверь заревел, поднялся на задние лапы и быстро двинулся на Кешу.

Грохот выстрела заглушил медвежий рев. В ту же секунду тунгус отскочил в сторону, швырнув от себя бесполезное теперь ружье. Широкая неуклюжая масса почти вплотную пододвинулась к нему, но он ловко увернулся от удара. Медведь покачнулся и тяжело упал на передние лапы. Кеша выхватил «пальму»¹⁾, с которой никогда не расставался ни в дороге, ни дома, и прежде чем медведь, с поразительной быстротой и легкостью поднявшийся на задние лапы, успел подмять под себя охотника, всадил ее зверю в сердце. Яростный рев сменился агонией боли. Ослабевшая туша подалась и неуклюже осела на землю. Кеша отскочил к лиственнице, но пошатнулся и ударился спиной в ствол. Не понимая, что делается с ним, под глухой удар, от которого вздрогнула земля, закачались деревья и зазвенели сухие ветви, он упал на землю. Земля гудела протяжной гулкой дрожью, точно глыбы камней и льда кто-то скатывал с больших гор в тундру.

Все стихло. Кеша лежал, боясь пошевелиться.

Долго ли так он лежал, он не мог бы ответить. Наконец, он пошевелил ногой. Нога действовала. Тронул рукой, рука была цела. Кеша вскочил...

Пугливо оглядываясь по сторонам, молодой тунгус стал пробираться из лесу к недавно оставленному им обрыву.

Едва он миновал последнюю лиственницу, крик изумления вырвался из его груди. Возвышенной площадки над обрывом не было. Она сорвалась вниз, увлекая за собою большую часть берега. В нескольких шагах от Кеши начинался покатый срыв, усеянный обломками, вырванными с корчем деревьями, огромными глыбами льда. Мох, перегной, глина устилали нижнюю часть обвала, сплошь состоящую из отвесных глыб льда коричневого цвета.

Кеша не сразу рассмотрел все, что представилось его глазам. Он лег на край обвала и водил глазами по обломкам. Вдруг он вздрогнул. Среди комьев земли и мха он увидел

огромную, судорожно сведенную лапу. Она повисла в воздухе, точно искала места, куда бы могла стать. А над лапой выдавалась грязным комом огромная голова с загнутыми кверху клыками. Это были «зубы большого животного»...

Глад лапой выдавалась огромная голова с загнутыми кверху клыками.

— Агдиан-Кеми!..

Хотя солнце ярко освещало площадку, на которой лежал Кеша, ему стало холодно. Он не сводил глаз с огромной головы, которую Агдиан-Кеми поднял над обломками сброшенных им с себя льда и глины. Тунгус ожидал, что эта голова зашевелится, и лапа опустится.

Кричали гуси, шум их лета доходил до слуха тунгуса.

Пел жаворонок. Несколько пичужек, прыгая и трясая хвостами, пробежали под лапой чудовища. Они беспечно и весело щебетали, выклевывая что-то из черной земли. Одна из них села на лапу, и вслед затем вся стайка, вспорхнув, опустилась на голову чудовища и продолжала свой поспешный клев.

Голова оставалась неподвижной. Она была наполовину скрыта рыхлой землей, а от нее сползал вниз толстый огромный «нос» чудовища. И этот «нос»-хобот был также безжизнен и неподвижен.

Кеша вздохнул свободнее. Он понял, что зверь мертв, что его нечего бояться, и буйная радость охватила тунгуса...

Был одиннадцатый час ночи, но солнце светило, то прячась за облака, то снова выплывая и своими косыми лучами освещая подернутую льдом тундру. Хотя было уже почти первое июня, но в последние дни возобновился холод и сковал льдом разлившуюся талую воду. С низины слышались крики рыболовов, уток и других птиц. Крутясь, падали легкие пушистые хлопья снега, кладя белые мазки на начавшую зеленеть траву и цветы.

Семен Степанович хотел уже лечь спать, для чего тщательно завесил окна и даже зажег лампу, чтобы создать иллюзию ночи, когда в дверь раздался нетерпеливый стук.

Собаки на дворе неистово залаяли.

— Дома дагор? — услышал он голос Кеши. Дверь отворилась, и в комнату ввалился сам тунгус в сопровождении ветеринарного фельдшера.

— Одевайся, дагор, идем посмотреть, что привез тунгус — сказал Кеша.

Семен Степанович с удивлением посмотрел на своего приятеля, накинул пальто, шапку и вышел из избы. Кеша молча провел их к легким нартам и откинул медвежью шкуру...

— Смотри! — сказал он гордо.

— Бивни мамонта! — воскликнули в один голос фельдшер и Семен Степанович: — Где ты их достал?

Тунгус окинул их внимательным взглядом. Он хотел видеть, какое впечатление произведет на русских товарищей его находка. Наконец, он ответил:

— Тунгус сказал себе: «ищи зуб большого животного!», и тунгус нашел. Не один, а целых два; тунгус упрямый...

Когда на другой день в комнате Семена Степановича собрался весь персонал культбазы, Кеша рассказал историю своих поисков.

— Он думал, что тунгус не найдет зуба! — разглагольствовал Кеша, чувствовавший себя героем, — Думал обмануть тунгуса... А тунгус нашел. Ха-ароший калым нашел.

— К черту калым! — воскликнул с негодованием фельдшер. — Ты должен спросить Марью, хочет она за тебя идти?

— Хочет, хочет! — поспешно сказал. Кеша

— Ну, тем лучше. Тогда ты должен просто взять и увести ее к себе в чум.

— Без калыма? — удивленно спросил Кеша.

— Без калыма! — подтвердил фельдшер.

Кеша закачал отрицательно головой. — Нет! Нет! Нельзя! Тунгус будет вор, и его убьют в тундре, — сказал он.

Все молча переглянулись. Семен Степанович недовольно крикнул. — Непочатый угол работы здесь, товарищи! — сказал он.

Молчал, о чем-то задумавшись, и Кеша. Наконец он сказал:

— Кеша достал зуб. Агдиан-Кеми. Кеша рад, но большая беда идет на его голову.

Семен Степанович встал и с удивлением взглянул на своего друга;

— Что так? — спросил он.

— Тунгусы думают, — сказал Кеша, — что видеть Агдиан-Кеми нехорошо. Он приносит беду. И когда Кеша вернулся в чум, там сдох олень у соседа Ивана. Шаман говорит, что Кеша принес несчастье селению.

— Что? Сдох олень? — воскликнул фельдшер.

— Да, — сказал Кеша и начал рассказывать о том, как это случилось.

— Чесотка! — решил фельдшер. — Дело ясное.

— Кеша, — встрепенулся Семен Степанович, — ты когда едешь за женой?

— Сейчас.

— И будешь обратно?..

— Завтра в это время!..

— Хорошо.

Семен Степанович потер руки и сказал, обращаясь к фельдшеру:

— Товарищ Зарубин, нам с вами нужно съездить в чум к Кеше, сделать прививки оленям.

— Идет, товарищ! — весело ответил фельдшер.

— Кстати, мы проведем ряд собраний.

— Стало быть, одним зарядом двух зайцев убьем?

Семен Степанович засмеялся.

— Ты прав, — сказал он. — Ударим и по чесотке, и по суевериям.

Кеша радостно улыбнулся, когда Семен Степанович обратился к нему со словами:

— А ты, Кеша, на обратном пути заезжай к нам. Мы поедем с тобой и сделаем всем оленям прививки.

— Тогда они не подохнут? — спросил тунгус.

— Ни один.

И похлопав Кешу по плечу, Семен Степанович добавил:

— Находка «Агдиан-Кеми» приносит не беду, а радость, дружище. Только дурак будешь, если отдашь клык кузнецу.

—...Это средство — Пролетарская Революция!..

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

КОММУНИЗАТОР МИСТЕРА ХЭДДА

Фантастический рассказ

Журнал «Борьба миров», 1923, № 1

КОММУНИЗАТОР МИСТЕРА ХЭДДА

— Вот!...

Мистер Хедд нажал кнопку маленького черного аппарата, который своим внешним видом напоминал обыкновенный карманный кодак. Из крохотного с булавочную головку отверстия в передней стенке аппарата блеснул заметный, несмотря на яркий дневной свет, луч.

Луч этот переливался всеми оттенками радуги и, то вздрагивая, то извиваясь, скользил по комнате.

— Вот!...

Мистер Хедд с победоносным видом хлопнул ладонью по ящику.

— Нет больше революции, нет больше партийной борьбы. Все — коммунисты!..

Джон недоверчиво улыбнулся.

— Вы уверены в том, что добились своего?

— Уверен ли?!

Мистер Хедд поправил сбившееся в сторону пенсне.

— Уверен ли?! Вы, Джон, хороший оратор, прекрасный партийный работник, но в области науки вы дитя. У меня слишком большой опыт и не маленькое научное имя, чтобы говорить о непродуманных открытиях. Мой коммунизатор не сон, не фантазия. Вот он, — действительный, настоящий.

— Коммунизатор??!!

— Эта игрушка в течение секунды превращает любого человека в коммуниста.

Джон, откинувшись на спинку кресла, хохотал, вздрагивая всем крепким телом рабочего, и от густых нот его смеха дрожала комната.

— Охо-хо хо-хо хо! нет, тысяча чертей, Хедд, вы уморите меня. Коммунизатор!.. Да как вы можете сделать человека коммунистом посредством какого-то луча, когда... когда... ох-хо-хо-хо... и чудак же вы, мистер Хедд!

— Когда сознание определяется бытием, хотите вы сказать? Да? Так знайте, что в основу моего открытия положена именно эта, обязательная для всякого марксиста, формула: сознание определяется бытием! Так. А что такое бытие?

— Бытие?..

Джон пожевал губами.

— Бытие? Бытие — это... это... это бытие.

— О, несчастный! Бытие влияет на организм?

— Влияет.

— Влияет на физиологические свойства и взаимодействия тканей и клеток, их образующих?

— Влияет.

— Сознание зависит от определенного расположения и определенных реакций, в этих клетках происходящих?

— Зависит.

— Слушайте же. Я взял коммуниста, самого настоящего коммуниста. Исследовал его, проанализировал, узнал из каких химических элементов состоит его коммунистическая сущность, и готово.

— Ну?..

Джон перестал смеяться.

— После этого — несколько чисто лабораторных опытов, и мне удалось искусственным путем создать все необходимые элементы. Дальше уже пустяки. Высокая температура, конденсирование, и в результате этот луч обладает способностью моментально перестраивать все клеточки человеческого организма

— Ну?

— Сегодня я и решил произвести свой первый опыт.

— Над кем?

— Над премьер-министром.

— Над премьер-министром??!!

— Именно. Мы отправимся с вами в палату общин. Во время программной речи министра я пощекочу уважаемого реакционера своим лучом.

— Послушайте, — сказал Джон. — Вы слишком убедительно говорите. Я, кажется, начинаю вам верить, но не согласитесь ли вы произвести маленький предварительный опыт?

— Над кем?

— Над кем?..

Джон задумался.

— Ну, надо мной, что ли.

— Над вами? Чудак! Разве вы хотите быть коммунистом в квадрате? Нет, дорогой мой! От вас луч просто отскочит.

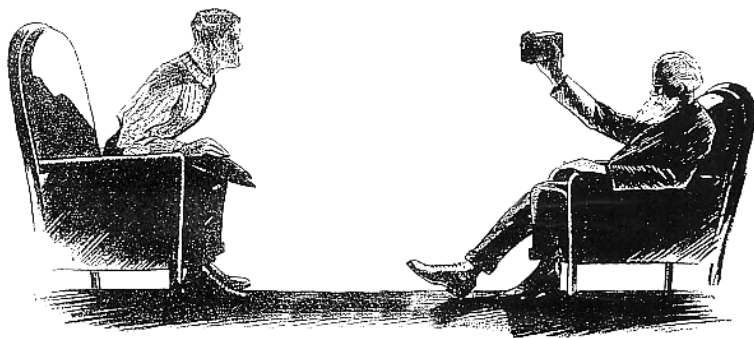
— Тогда над собой!

— Над собой?

Мистер Хедд покачал головой.

— Нет, нет, я предпочитаю остаться вне сферы влияния этого луча.

— Почему? Вы же сочувствуете нам.

— Видите ли, я, конечно, сочувствую. Но вот пункт, в котором мы расходимся. Вы уверяете, что на пути к коммунизму неизбежна борьба, а я говорю...

— Знаю. Слышал. Вы мечтаете об эволюционных возможностях.

— Да. Это-то я и докажу своим изобретением. Без гражданской войны, без потрясений, без...

В соседней комнате послышался негодующий голос. Квартирная хозяйка мистера Хедда возмущенно выговаривала горничной за то, что та пропустила очередное молитвенное собрание Армии Спасения. Бедная девушка робко извинялась: у нее захворал брат, она должна была его проведать.

— Нельзя забывать о господе ради забот земных.

— Но я, барыня...

— Никаких оправданий. Надо помнить о своей душе. Дело бедняков и тружеников ежечасно взывать к господу.

— О, дьявол — прохрипел Джон. — Вот пример...

Мистер Хедд приложил палец к губам.

— Тсс! Приоткройте тихонько дверь!

Джон встал и, стараясь не шуметь, на цыпочках подошел к двери. Старый ученый взял со стола аппарат и приготовился нажать кнопку.

— Следите, Джон!

Дверь тихо приоткрылась. В образовавшееся отверстие видно было, как горничная, теребя накрахмаленный перед-

ник, с глазами, полными слез, выслушивала наставления особы, сидевшей в глубоком кресле.

— О боге надо всегда помнить. Он защитник всех несчастных и страдающих, он...

— Но миссис, мой брат...

— Бог должен быть дороже брата. И кроме того, вы своим поведением огорчаете меня, вашу госпожу!

— Мне, право, стыдно, мэм! Я не подумала и, кроме того...

Крак! Мистер Хедд нажал кнопку.

Луч упал на лицо девушки. Она вздрогнула, как будто от укола, и вдруг неожиданно закончила.

— И, кроме того... убирайтесь вы к дьяволу! Проклятые эксплуататоры! Вы создали бога для того, чтобы лучше дурить нам головы. Я больше не служу у вас!

Почтенная матрона застыла в своем кресле с расширившимися от ужаса глазами, а ее, до сих пор покорная, служанка сорвала с себя передник, чепчик и, скомкав, швырнула их прямо в лицо своей госпоже.

Мистер Хедд, довольный, улыбался. Джон, как каменная статуя, недвижно стоял с широко открытым ртом.

— Я сказал вам, что вы дитя! Едем в палату общин.

Если бы белая палка полисмена, регулируя движение, не подымалась бы в воздухе, останавливая и снова направляя дальше сплошной поток людей и экипажей, то направляющиеся в палату общин никогда не добрались бы до нее.

Со всех сторон тянулись люди к зданию старого парламента. Сегодня было особенно много блестящих дорогих автомобилей, особенно много породистых лошадей, покрытых теплыми попонами, с ногами, забинтованными тонким белым полотном.

Все самое богатое, самое аристократическое, все, чьи текущие счета в банках оканчивались не менее, чем шестью нолями, все, чьи фабрики и заводы целые дни окутывали город дымом своих труб, все, что имело великую честь носить впереди своей фамилии титул сэра, было сегодня в палате общин.

Этот день был их праздником. В этот день самое реакционное из всех реакционных министерств Европы выступало со своей программной речью.

Джон дрожал как в лихорадке и, когда премьер-министр, сверкая огромной лысиной и небрежно играя моноклем, поднялся на трибуну, он схватил мистера Хэдда за руку.

— Начинайте!

— Подождите. Выберем момент поэффектнее.

В широкие улыбки расплывались лица нефтяных, стальных, угольных и других королей промышленности и биржи, когда премьер говорил о чрезмерных требованиях рабочих и о необходимости решительных мер для спасения промышленности.

Отдельные свистки, раздававшиеся на левых скамьях, беспомощно тонули в буре аплодисментов, и восторженных криков.

Промышленная олигархия приветствовала своего лидера.

Вторую часть своей речи премьер посвятил вопросу об отношениях к Советской России.

— Наша линия ясна и определена. Мы не можем допустить дальнейшего существования этого очага революционной заразы. Мы должны его уничтожить. Мы громко на весь мир заявим, что только дальнейшее укрепление основ капиталистического производства спасет человечество, что только капитал сумеет сплотить вокруг себя науку и технику. Мы громко на весь мир заявим...

Рука мистера Хэдда легла на кнопку. Крак! Что случилось с премьером? Он подпрыгнул на месте, сжал рукой стакан и, потрясая им, неистово закричал:

— На весь мир заявим... да здравствует власть Советов! Да здравствует диктатура пролетариата! Да здравствует!...

Какой шум поднялся в зале! Кто-то истерически вскрикнул, кто-то засвистал, кто-то зааплодировал, кто-то затрясся в смехе.

Взволнованный спикер кинулся к премьеру. Момент, и, попав в сферу действия рокового луча, он вытянул вперед

сжатую в кулак руку и бросил в самую гущу мятущегося собрания неожиданный возглас:

— Эксплуататоры! Кровопийцы! Долой капитализм!

А луч, вырвавшийся из отверстия аппарата, скользил по скамьям, впиваясь в красные взволнованные лица, и чинный зал шумел, захлебываясь от криков и проклятий.

— Довольно!

Мистер Хедд отвел палец от кнопки аппарата.

— Довольно! Удар попал в самое сердце противника! Куда же теперь?

— В Брюссель!

Джон уже нетерпеливо тянул мистера Хэдда за руку.

— В Брюссель! У меня есть два билета на конференцию. Через полчаса летит аэро. Скорей.

И пробившись сквозь возбужденную толпу к выходу, они вскочили в первый попавшийся автомобиль и понеслись к аэродрому.

Двадцатиместный аэролимузин в несколько часов покрыл расстояние между островом и Европой, и на утро следующего дня мистер Хэдд и Джон сидели в одной из зал королевского дворца, держа наготове свой аппарат.

Это была чуть не сотая по счету конференция, на которой капиталистические державы, играя гнусную комедию взаимного доверия, пытались нащупать слабые пункты социалистической республики Советов, и протянуть свои лапы к лакомым концессиям.

Она была посвящена вопросу о разоружении, но по лицам участников во время декларации представителя Р.С.Ф.С.Р. видно было, что всякие разговоры в этом направлении бесплодны.

А ответная речь представителя Франции, в которой почтенный виконт настаивал на необходимости усиления вооружений в интересах мира, звучала так упрямо и зло, что, казалось, будто из его рта вылетает не слова, а тяжелые дальнобойные снаряды.

— Только вооруженный мир возможен в Европе. Мы ничем не гарантированы от агрессивных стремления Совет-

ской России. Мы не пойдем на приманку красивых фраз и деклараций. Нам предлагают разоружение! Нет, нет и нет! Мы в свою очередь предлагаем не только не сокращать вооружение, но, наоборот, вооружить сотни тысяч людей для того, чтобы...

Крак! На этот раз уже Джон сам в нетерпении нажал кнопку. Луч упал прямо на лицо говорившего. На секунду, как будто что-то проглотив, он умолк, взволнованно взъерошил волосы и заключил:

— Дать в руки пролетариата оружие против буржуазии.

Представитель Р.С.Ф.С.Р. от неожиданности подскочил на стуле. Члены конференции застыли с испуганными лицами, а тонкий луч опять забегал от головы к голове, превращая заядлых реакционеров в убежденнейших коммунистов.

Мистер Хедд и Джон уже несколько дней, не знали отдыха. Из города в город, из страны в страну проникали они со своим аппаратом, всюду разнося заразу таинственного луча, всюду производя бескровные революции.

Целые министерства становились на сторону рабочих, армии надевали красные звезды. Мир без борьбы, без потрясений переходил к социализму.

Уже в Мадриде мистер Хедд сказал Джону:

— Хватит. Нам надо отдохнуть. Мы, черт знает, сколько времени не спали. Наше дело сделано. Теперь скажите: прав я или нет?

Джон, ничего не ответил. Он храпел в глубоком уютном кресле.

Они спали больше суток.

А когда, проснувшись, взглянули друг на друга, то радостно рассмеялись. Их первое нетерпеливое движение было за газетой.

«Конец эпидемии! Временное безумие прошло! Лучшие профессора заняты исследованием причин! Коммунизм раздавлен!»

— Что такое?

Джон недоумевающе вертел в руках листы, пахнувшие свежей краской.

— В чем дело?

Мистер Хэдд глубокомысленно жевал губами, уткнувшись в другую газету.

— Не знаю.

— Как не знаете? Снилось нам это разве?...

— Тут какая-то ошибка.

— Ошибка! Посмотрите-ка хорошенько ваш идиотский аппарат, а я узнаю, что случилось.

Джон вернулся поздно ночью.

Мистер Хэдд поднял голову от своего аппарата, над которым возился, осматривая его со всех сторон.

— Что нового?

Не говоря ни слова, Джон схватил коммунизатор и швырнул его в стену. По полу разлетелись осколки.

— Хэдд, вы, последний осел!

— Что же случилось?

— Что случилось? Бытие определяет сознание — вот что случилось. Вы, оппортунисты проклятые! Вы, которые думаете, что можно насадить коммунизм мирным путем. Вы, мечтающие об изменении сознания без перемены бытия. Глядите!

Он помахал перед лицом Хэдда номером вечерней газеты.

Жирными буквами в ней был отпечатан на первой странице список виднейших коммунистов, арестованных за последний день.

— Вы видите?

— Я не понимаю...

— Не понимаете? Что вы сделали со своим аппаратом? Вы меняли сознание индивидуумов. Но вы не изменяли их бытия: Ваш луч изменял их клеточки, но не мог отобрать у

них их фабрик и заводов. Вы делали фабрикантов и аристократов коммунистами, но вы не могли сделать их пролетариями. Ваш луч не изменял их привычной обстановки. И, попав в нее, они быстро возвращались к прежнему. Что мог сделать ваш аппарат? Насадить коммунизм сверху? Вот и насадили. Аристократы-коммунисты сбили с толку рабочие массы. Коммунизм в министерствах ослабил боевую готовность партии. Но бытие взяло верх. Действие вашего луча прошло, и вот результаты: сотни товарищей уже расстреляны, тысячи томятся в тюрьмах.

Мистер Хедд молча выслушивал все, что говорил Джон. Сразу спала с него вся прежняя самоуверенность и профессорская самовлюбленность.

— Вот что наделали вы, — ревел Джон.

— Да, кажется, вы правы. Мой опыт неудачен. Но что же, что приведет мир к коммунизму? Если бессильна наука...

— То мы сильны. Есть одно средство для этого. Слышите — одно. Когда же вы, наконец, поймете, что это средство — пролетарская революция?!...

—... Это средство—Пролетарская Революция!..

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

БЕССМЕРТИЕ

Фантастический рассказ

Иллюстрации Д. Робинсон

Часть первая

I

ВЧЕРА еще это имя было известно самому ограниченному кругу людей — ученых чудаков, живущих в странном, хрупком, дребезжащем от легкого толчка мира колб и реторт. Вчера еще сочетание букв этого имени не вызывало ни восторга, ни удивления, ничего, кроме обычного вопроса:

— Кто это такой?

Вчера еще сам обладатель этого имени — смешной маленький человечек с большой головой, покрытой копной рыжих волос нелепым картошкообразным носом, с красными подслеповатыми глазами совершенно спокойно никем не замечаемый, мог пройти по любому бульвару, по любой самой многолюдной улице Парижа.

Вчера еще.

Сегодня все изменилось.

Запели стальные нервы телеграфа, замелькали в высоте невидимые радиоволны, заорали, как бешеные, газетчики. Сворой голодных псов кинулись репортеры, фотографии и кинооператоры к зданию академии, толпы людей хлынули в парадный зал, запрудили лестницы и вестибюли, заполнили улицы и площади, как воронье облепили крыши и балконы домов. Все хотели видеть его хоть одним глазом, хоть на короткий момент, и из уст в уста передавалось его имя:

— Луи Мортель, профессор.

Полиции пришлось расчищать ему дорогу в парадный зал и беречь его от сумасшедшего натиска зрителей.

Он шел, маленький и нелепый, среди двух рядов блюстителей порядка, шел, не замечая ничего, не видя ничего вокруг. Казалось, он погружен в какие-то вычисления — губы его шептали что-то, а пальцы рук теребили пуговицы пальто нервными движениями лунатика.

Репортеры пускали в ход кулаки и зубы, чтобы иметь счастье преградить ему дорогу, но полиция, послушная приказу, отбрасывала их в сторону, ничуть не церемонясь с представителями шестой державы.

Только у самых дверей академии какой-то американец с поцарапанным лицом в порванной визитке сумел нырнуть под ноги одного из полицейских.

— Одну минуту, профессор, — сказал, он, вынимая блокнот.

— Вы ко мне? — поднял глаза Мортель, — садитесь пож... — и сообразив, что он не у себя в кабинете, сконфуженно улыбнулся. — Простите. Я очень рассеян.

— Только одно слово, профессор. Это правда?

— Вы, собственно говоря, о чем, — удивился нелепый человек.

— Об этом... репортер замялся, не решаясь сказать слово, которое орали разносчики газет... о том.... ну о вашем открытии. Только одно слово... Да отстаньте, черт вас возьми, — оттолкнул он полицейского. О вашем открытии. Одно слово. Это правда?

— А, ну конечно. Опыт сделан, проверен и удался.

— Еще один вопрос. Да отвяжитесь вы, наконец... ах дьявол!

Чья-то сильная рука отбросила янки в гущу теснившихся вокруг людей.

Профессор Луи Мортель вошел в подъезд академии.

II

ДОКЛАД профессора длился шесть часов и, однако, никто не выражал своего нетерпения, не поглядывал на часы, не зевал и не подмигивал насмешливо своему соседу. Шесть часов сотни людей напряженно слушали, боясь пропустить слово, потерять что-нибудь в той сложной системе формул, выводов и заключений, которую разворачивал перед аудиторией профессор.

На улицах и площадях, где огромные рупора повторяли каждое слово докладчика также напряженно и тихо слушали доклад миллионы людей.

Открытие, о котором говорил профессор, было сделано им более тридцати лет тому назад. По вполне понятной причине он только вскользь коснулся той гигантской подготовительной работы, которая привела его к открытию особого состава, состава, обещавшего переделать весь мир, нарушить обычный ход земной жизни и принести человечеству неисчислимые блага. Этот состав в течение тридцати лет проверен на животных, начиная от самых низших и кончая высшими, сложноорганизованными, и вот теперь он, профессор Луи Мортель, предлагает свое изобретение всему культурному и цивилизованному человечеству. Культурно-

му и цивилизованному, подчеркивает докладчик. Сюда не включаются дикари и, разумеется, большевики-коммунисты. Он, Луи Мортель, передает право использования своего открытия особому совету, состоящему из представителей всех европейских стран и Америки, и с разрешения этого совета производит сегодня публичное впрыскивание состава ротмистру 39 уланского полка молодому красавцу виконту д'Ормон, племяннику президента.

Виконт поднимается из первых рядов и проходит на эстраду. Видно, что он с трудом сдерживает себя. Его губы закусены почти до крови в лице ни кровинки.

— Вам надо снять мундир, виконт, — говорит профессор. — И рубашку — прибавляет он, не глядя на белоснежное кружевное дессу виконта.

Виконт слегка краснеет и стягивает рубашку. У него крепкое загорелое тело, мускулистое и выхоленное. По залу пробегает приятное волнение. Женщины подносят к глазам бинокли и лорнеты.

Профессор уже вынул из маленького саквояжа спиртовку, вату, обычный шприц и флакон, такой, какие бывают во всех аптеках — с притертой пробкой, наполненный бесцветной жидкостью. Вытер эфиром грудь виконта, чуть-чуть ниже левого соска и, забрав пальцами кусок виконтовой кожи, быстрым движением опытного врача, всадил острие шприца и перелил драгоценную влагу в кровь виконта д'Ормон.

Молодой человек стоял, словно раздумывая, и смотрел то на профессора, вытиравшего спиртом иглу шприца, то на свою богатырскую грудь.

Профессор поймал его растерянный взгляд и оторвавшись от своего занятия сказал:

— Все. Можете одеваться.

Потом, словно вспомнив о людях, затаенно следивших из зала за его движениями, прибавил:

— Вы теперь бессмертны, виконт.

Мертвая тишина разорвалась бурей криков и аплодисментов.

Мортель сделал знак рукой и, когда зал успокоился, продолжал:

— Вы бессмертны, виконт. Это значит, что вы гарантированы от всякого снашивания ваших органов от всякого их изменения от старости или болезни. Никакой яд отныне не опасен вам, никакая простуда не сломит ваше здоровье. Вы можете спокойно жить и, не сдерживая себя, пользоваться жизнью. Но помните, виконт, что всякое насильственное, извне причиненное разрушение может прервать вашу жизнь. Вы можете погибнуть под колесами трамвая или автомобиля, от удушения и удара палкой, от пули и ножа. Если медицина не сумеет оказать вам своевременную помощь, все это может убить вас. Берегите себя, виконт.

III

СОВЕТ или Комитет Бессмертия, как его называли, заседал в одном из зал парламента. Все его совещания окружались строжайшей тайной, и никто кроме членов комитета на заседаниях присутствовать не мог. У дверей стоял ливрейный лакей, да двое часовых с обнаженными саблями. Там, за тяжелыми дверями, украшенными причудливой резьбой, не было ни стенографисток, ни машинисток. Тайна, полная тайна — вот девиз комитета.

Но от ливрейного лакея по мягким коврам коридора, перепрыгивая через мраморные ступени лестницы, бежали смутные, нелепые, всюду проникающие слухи.

К вечеру они наполнили весь город, назойливо лезли в уши, набивали головы тысячами вздоров.

— Прививка будет производиться только тем, кто обладает достаточным имущественным цензом — уверенно сообщал какой-то выфранченный молодой человек толпе собравшейся на площади Этуаль.

— Вздор. Рабочие не допустят этого.

Рабочие разнесут и комитет и профессора и...

Проходивший мимо с ведром в руках и кистью под мышкой маляр вмешался в разговор.

— Рабочие, мсье. Нет. Плевать хотели рабочие на ваше бессмертие.

— Позвольте, — удивился кто-то.

— Нечего тут позволять. На черта сдалось рабочим ваше бессмертие. Вот мне, например. Я уже двадцати лет мажу кистью стены господских домов. Не думаете ли вы, что я соглашусь делать это вечно. Нет, мсье. Рабочие заговорят о бессмертии после...

В толпу незаметно втерся полицейский. Маляр замолчал.

— Продолжайте — улыбнулся франт, подмигивая защитнику общественной нравственности — вы, кажется, хотели сказать.

— Ничего я не хотел сказать. — Маляр сплюнул и пошел прочь.

— Несомненно, большевик, — решил человек с орденом почетного легиона. — Несомненно, большевик.

Слово толкнуло мысли в другом направлении.

— Да вот что-то большевики скажут. Им не видать этого, как ушей своих.

Толпа занялась большевиками.

IV

МАЛЯР был прав. Рабочие кварталы встретили сенсацию презрительной усмешкой. Около газетчиков, выкликавших имя Мортеля, собирались небольшие кучки.

— Кричи громче, малыш, — посоветовал мальчишке, торговавшему вечерними газетами, какой-то старик, — кричи громче. Твой товар здесь никому не нужен.

— Бессмертие, — говорила соседка, худая женщина с грудным ребенком на руках, — Да пусть меня силой потянут на эту прививку, я не пойду.

— Бессмертие, — говорил оратор на митинге. О бессмертии мы товарищи будем говорить после социальной революции.

В Москве, на Моховой, в штабе мировых восстаний вопрос о событии поставили в текущие дела. Председатель сообщил о полученной телеграмме, информировал собравшихся об отношении рабочих масс и уже готовился перейти к следующему вопросу когда...

— Коминтерн слушает, — сказал секретарь, снимая трубку звеневшего телефона. Да... только что... да... хорошо. Товарищи. Радио приняло сообщение, что Комитет Прививок после двенадцатичасового совещания вынес решение, согласно которому прививка эликсира профессора Мортеля будет произведена тем, кто согласится принять участие в священном походе на Республику Советов.

Несколько мгновений все молчали. Первым заговорил человек в военном с копной пепельно-черных волос, зачесанных назад. Поблескивая стеклами пенсне и пощипывая острую бородку, он сказал, отчеканивая каждое слово.

— Армия бессмертных. Отлично. Мы возьмем их голыми руками.

V

ЦК французской компартии получил приказ удерживать рабочих от преждевременных выступлений.

Нелегко было это сделать: слово «интервенция» действовало как искра, попавшая в бочку пороха. Фабрики и заводы прекратили свою работу, рабочие выходили на площади и бульвары, и ораторы компартии с трудом удерживали слишком горячих. В двух-трех местах сформировались отряды, и уже двинулись было к центру, но их вовремя удалось повернуть назад.

Полиция доносила Комитету.

День обещал большие волнения. К вечеру настроение улеглось: в рабочих районах тихо. Но тишина эта внушает большие опасения. Нет сомнения, что компартия ведет усиленную работу.

У здания военного министерства, где принималась запись желающих идти в ряды священных, как называл их рим-

ский папа, войск интервенции толпились огромные массы, желающих получить жизнь вечную.

Что за чудовищная толпа собралась здесь. Весь цвет мещанства, все упитанное, откормленное, все развратное и больное от кутежей и любви стекло к дверям, на которых виднелась небольшая белая вывеска:

ВЕРБОВОЧНАЯ КОМИССИЯ.

Какой-то бродяга с провалившимся носом изо всех сил старался протиснуться вперед и уже оттолкнул в сторону упитанного лавочника, когда в его руку острыми ногтями вцепилась накрашенная женщина.

— Сапперлиппопет, — воскликнул бродяга — Баба. Вы тоже на войну, мадам.

И ловко подняв ее над головой, он швырнул кричавшую женщину куда-то в гущу, напиравшей со всех сторон толпы. Ломая котелки и цилиндры, царапая глаза, она барахталась и визжала. Ее крик открыл глаза до сих пор слепым от волнения людям.

— Фьють. Да здесь еще одна женщина, — крикнул кто-то.

— И здесь, — отозвались в другом углу.

— И здесь — донеслось откуда-то сзади.

Женщин оказалось много.

Одна из них, взобравшись на плечи двух подозрительно-го вида молодцев, кричала.

— Вы не имеете права лишать нас этой возможности. Мы тоже хотим жить.

— А воевать хотите? — перебил кто-то.

— Воевать. Да я зубами перегрызу глотки десятку большевиков, перерву за одну дозу эликсира.

— Ура. Качать женщин.

— Слово, граждане, — слово — надрывался человек в бархатной куртке. — Я предлагаю допустить женщин. Допустить. Но... но только красивых. Поднимайте их на плечи, а мы все будем судить. Достойна или нет. Правильно?

— Правильно. Правильно. На плечи женщин.

Девушка лет восемнадцати взметнулась высоко над толпой.

— Сними шляпку, — крикнули ей несколько голосов.

Она повиновалась.

— Ножки покажи. Ножки. Да не так... выше... вот так.

— Разденься... Совсем...

Девушка колебалась.

— Разденься. Разденься, — ревела толпа. Юбка и кофточка полетели вниз.

В другом месте какой-то безногий на деревянной тележке пробирался между ногами бесновавшихся людей.

— А ты куда? — остановил его долговязый парень только что извлекий часы из кармана своего соседа.

— Я тоже пойду на войну. Тоже.

— Ты, — засмеялся парень — калека!

— Я буду у пулемета. Я старый пулеметчик. Я еще на прошлой войне ноги потерял: я тоже жить хочу. Тоже, — кричал он, вцепившись в ногу парня, который забавляясь испугом калеки, отшвыривал его в сторону сильными пинками.

Через пять дней Первый Корпус Священной Армии Бесмертных был целиком сформирован. Его командиром Комитет назначил племянника президента виконта д'Ормон.

Часть вторая

I

ПОСЛЕ своего обессмертия виконт д'Ормон пьянствовал целую ночь. Еще так недавно домашний врач виконта категорически запретил ему потребление алкоголя. А теперь... все можно, все доступно, все безвредно. Товарищи по кутежу вливали в виконтовское горло самые невероятные смеси приговаривая:

— Качай, виконт. Тебя никакой яд не возьмет. Дуй на здоровье.

В середине вечера кто-то предложил:

— Господа. Маленький опыт. У меня в перстне есть кристаллик цианистого кали. Не согласится ли виконт...

Д'Ормон улыбнулся.

— Пожалуйста.

Владелец яда протянул ему крупинку страшного вещества. Д'Ормон взял его кончиками пальцев и... остановился.

— Я не боюсь, господа, — сказал он в ответ на удивленно-вопросительные взгляды. — Может быть, вы не поймете меня, но это так странно, вдруг, вот сейчас проглотить эту частицу яда, и реально, совершенно реально почувствовать себя бессмертным. До сих пор я только верил этому. Теперь я буду знать это. Понимаете вы. Итак...

Он сделал движение, чтобы поднести яд к губам, но сидевшая рядом с ним женщина резким движением толкнула руку виконта. Кристалл выскользнул из холеных пальцев.

— Эй, ты с ума сошла, — вспыхнул д'Ормон.

— Я не хочу, я не хочу этого, а вдруг...

Упавшего кристалла не нашли.

На следующий день виконт проснулся с головной болью и с невыносимо ноющим телом. Он взял ванну, обильно приправленную духами, но это не помогло.

— Надо пройтись, — решил он.

Свежий апрельский ветерок выгнал пары алкоголя. Было уже около двух, и улицы кишели народом. Толпы стояли у

объявлений Комитета Бессмертия. Мальчишки-газетчики шмыгали под ногами. Рожки автомобилей надоедливо тывкали протуженными голосами.

Виконт д'Ормон решил перейти на другую, солнечную сторону.

В большом европейском городе приезжий провинциал теряется перед этой непосильной задачей. Несколько саженной отделяют его от противоположного тротуара и на этих нескольких саженях десятки воющих, звенящих и визжащих опасностей стерегут его. Трамваи и автобусы, автомобили и мотоциклетки, велосипеды и роскошные выезды богачей несут с собой ужас увечья, может быть и смерти. Сплошной вереницей летят они друг за другом, и, кажется, что нет никакой возможности проскочить между ними, не свернув шею.

Опытный взгляд столичного жителя легко и спокойно ориентируется в этой сутолоке. Сразу намечает он свободный проход, ловко отводит голову породистого рысака, дружеским жестом руки предостерегает спокойного шоффера, раскуривает потухшую папиросу перед самым носом трамвая, поправляет шнурок ботинка в двух дюймах от испуганного велосипедиста и, провожаемый проклятьями мотоциклиста, вступает на противоположный тротуар.

Виконту д'Ормон никогда и в голову не приходила, мысль что его могут сбить с ног, раздавить, изувечить. В своей красно-желтой кэпи и сером плаще он, прогуливаясь, переходил улицу, предостерегающе поднимая стэк.

Но сегодня с виконтом случилось что-то странное. Едва он вступил на мостовую, как мимо его носа прошмыгнул блестящий авто. В другое время виконт не обратил бы на это никакого внимания, но сегодня он вдруг вспомнил слова профессора Мортеля:

«ВЫ МОЖЕТЕ ПОГИБНУТЬ ПОД КОЛЕСАМИ ТРАМВАЯ ИЛИ АВТОМОБИЛЯ».

— О нет. Нельзя же так глупо рисковать вечной жизнью. Вечной жизнью. Нет, виконт, лучше подождет, пока проедет вот эта мотоциклетка. А теперь автобус. Надо пропу-

стить и его. Вот этот велосипедист едет слишком быстро. Ну, кажется, можно. Ах, что за сумасшедшие лошади в коляске этой дамы!

Уже несколько десятков человек с той и другой стороны улицы перешли полную движения полосу, а виконт д'Ормон все стоял и стоял, пока, наконец, не решил, что теневая сторона лучше солнечной, и не вернулся домой старым путем.

На гладком полированном полу вестибюля он поскользнулся и чуть-чуть не упал. Услужливый лакей поддержал его.

— Здесь надо постлатать ковер. Можно упасть и разбить себе голову о косяк. Распорядитесь.

— Слушаю, виконт.

Швейцар удивился. Виконт ненавидел ковры. Дом достался ему в наследство от брата, и первым распоряжением нового хозяина было:

— Убрать эту мягкую дрянь. Они только пыль разводят.

На столе в кабинете лежала утренняя корреспонденция. Между другими в глаза виконта бросился большой конверт с бланком военного министерства.

— Опять комиссия, — усмехнулся он, отрывая тонкую полосу бумаги.

В конверте было извещение о том, что он, виконт д'Ормон, ротмистр, назначается командиром 1-го корпуса Священной Армии Бессмертных. Предлагается немедленно приступить к исполнению обязанностей.

Д'Ормон вздрогнул. Корпус... война... опять...

«ВЫ МОЖЕТЕ ПОГИБНУТЬ ПОД КОЛЕСАМИ ТРАМВАЯ ИЛИ АВТОМОБИЛЯ, ОТ УДУШЬЯ И ОТ УДАРА ПАЛКОЙ, ОТ ПУЛИ, ОТ НОЖА...»

— И штыка тоже, милый, профессор, — подумал виконт.

Что же делать. Сослаться на болезнь? Отговориться недостатком опыта?

Раздумывая, виконт шарил глазами по комнате, словно хотел прочесть решение вопроса в лепных узорах потолка и

лакированной панели стен. Случайно глаза его остановились на большом зеркале, и он увидел себя в новеньком, с иголки, мундире. Грудь мундира была украшена орденами.

— Нет. Виконт д'Ормон не трус. Все это вздор: все это пройдет. Жан, закажите автомобиль.

II

Вербовочной комиссии, где являющиеся заполняли анкеты и подписывали какие-то обязательства, их предупреждали. — Прививка после прохождения полного курса военного обучения.

Некоторым это не нравилось, и они поворачивались, чтобы уйти, но в большинстве случаев, не дойдя до двери, махали рукой и возвращались.

— Черт с вами, пишите. После, так после.

Записавшиеся чувствовали себя уже бессмертными и, весело напевая, уходили, уступая место другим.

На записи дело не кончалось. Предстоял еще ряд формальностей в виде медицинских комиссий, комиссии полицейской благонадежности, в виде отобрания материальных поручительств. Всякий вступающий в армию должен был представить определенное движимое или недвижимое обеспечение.

— Совершенно правильно, — сказал какой-то упитанный человек, подписывая обязательство. — Совершенно правильно. Не можем мы разводить бессмертных нищих.

— Сволочи, — буркнул не имевший поручительства апап. Вы еще узнаете нас. Ночью произошло несколько дерзких грабежей на самых людных улицах. Полиция удвоила число и величину постов.

24-го апреля виконт д'Ормон рапортом президенту донес о своем вступлении в должность.

Первое время обучение добровольцев было поставлено так, чтобы не слишком отягчать обучающихся. Они обязаны

были являться на занятия в семь часов утра, и работали только до десяти.

Но время не ждало. Комитет Бессмертия, превратившийся в штаб мировой интервенции, был крайне обеспокоен подозрительным молчанием Советской России, не только не обращавшейся с воззваниями и протестами, но даже не прерывавшей официальных сношений со странами, давшими в комитет своих представителей. Часы занятий добровольцами все удлинялись, и удлинялись, и, наконец, корпус перешел на казарменное положение.

В огромном своем большинстве записавшиеся были люди уже знакомые с военным делом по опыту минувшей войны, и поэтому менее чем через два месяца виконт д'Ормон приказом по корпусу назначил поверочные испытания, на которых собирался присутствовать сам.

Офицеры корпуса в день, назначенный для испытаний, волновались с самого утра. Они старались угадать, какую часть виконт посетит первой, и, наконец, командир одного из полков узнал, что эта честь выпала на его долю. Он немедленно приказал приготовиться к практическому гранатометанию.

Ручные гранаты были коньком д'Ормона. Он любил их страстной любовью пресыщенного человека, которому приятно вертеть в руках игрушку, таящую смерть. Он наслаждался возможностью задержать в ладони уже шипящую лимонку. Он любил схватывать и возвращать противнику упавший на землю подарок. При этом он внимательно изучал это дело, и сам был конструктором новой системы, называвшейся — граната д'Ормона.

Именно эти гранаты велел приготовить командир полка.

Когда виконт в сопровождении своего штаба подъезжал к месту занятий полка, он еще издали услышал взрывы своих «милашек». Из тысячи других звуков брался он отличить этот характерный визгливо-ноющий звук, звук, который нес за собой страшную смерть не только от толстых неправильных осколков, но и от ужасного газа, скрытого под оболочкой бомбы.

Да, это его «игрушки».

— Полк занимается практическим гранатометанием — рапортовал командир. — Мы надеемся, что виконт не откажется продемонстрировать солдатам свое искусство.

Кавалькада придвигается ближе: уже видны контуры вала и фигуры людей, подбегающих к этому валу, замахивающихся, бросающих что-то и быстро нагибающихся. Виден полет удачно брошенной гранаты, слышен гул взрыва.

— Направо, виконт, направо.

Но виконт решительно поворачивает налево. Он очень любит искусство гранатометания. Он не боится за себя, когда держит в руке шипящую бомбу. Но мало ли что может случиться? Вдруг бомба разорвется раньше времени. Или, размахиваясь для броска, виконт поскользнется и упадет. Или кто-нибудь из этих неопытных еще гренадеров допустит ошибку. Может произойти несчастье, можно оказаться раненым и тогда...

«...ЕСЛИ МЕДИЦИНА НЕ СУМЕЕТ ОКАЗАТЬ ВАМ СВОЕВРЕМЕННУЮ ПОМОЩЬ, ВСЕ ЭТО МОЖЕТ УБИТЬ ВАС!»

— Нет, полковник. Я не заеду в ваш полк. Верю вам издала. У меня не хватит времени. До свиданья.

И весь штаб послушно поворачивает налево за командиром 1-го корпуса Священной Армии Бессмертных.

III

«ПРИКАЗ Комитета Бессмертия.

По донесению командира Первого Корпуса Священной Армии Бессмертных, Корпус готов к выступлению. Наступил момент, когда всем без исключения: офицерам, чиновникам и солдатам корпуса должна быть произведена прививка эликсира. Но лаборатория, вырабатывающая означенный эликсир, не успела произвести его в достаточном количестве. Для избежания могущего возникнуть недовольства среди части корпуса, коей прививка не сможет быть произведена, Комитет поста-

новил: сроком производства прививки назначить момент окончания военных операций.

Комитет».

— Ну, нет, — сказали господа офицеры, прочтя приказ.

— Ну, нет, — зашумели солдаты, узнав о распоряжении комитета.

— Сперва эликсир, потом фронт, — заявили все.

На следующий день прививка началась.

IV

ВИКОНТ д'Ормон сидел в кабинете Председателя Комитета.

— Факты вещь упрямая, господин председатель, — говорил он, — но третьего дня солдаты одного из полков отказались стоять в карауле у пороховых погребов. Вчера в другом полку во время практической стрельбы произошел разрыв винтовки, и затвор разможжил голову стрелка. Полк отказался продолжать стрельбу. Сегодня гренадеры заявили, что они не желают иметь при себе капсули от бомб, и настояли на передаче их в склады. Они не хотят иметь дело с такими опасными штуками. Они боятся.

Председатель позеленел:

— Что же это, значит, виконт. Все ваши солдаты трусы!

— Все мои солдаты бессмертны, господин председатель!

Утром следующего дня корпус грузился в поезда, чтобы следовать сквозными эшелонами на русско-польскую границу — в тот же день вечером полиция, жандармерия и регулярная армия потребовали прививки.

Виконт д'Ормон с корпусом не поехал. Накануне вечером он, прочищая револьвер, случайно прострелил себе ладонь руки.

V

ПАРИЖ спал. Бессмертная полиция сторожила его покой. Бессмертная армия хранила границы Франции.

В рабочих кварталах, крадучись по стенкам, проходили вооруженные люди. Они собирались на площадях, и оттуда стройными колоннами двигались к центру. Попадавшие по пути полицейские дрожали, как зайцы, перед дулами наведенных на них револьверов. Охрана арсеналов безмолвно поднимала руки вверх. Бессмертная жандармерия в панике бежала перед смертью, надвигавшейся на них стройными рядами рабочих отрядов.

Через пару часов город был в руках восставших.

Председатель Комитета имел этой ночью тайное свидание с Мортелем.

— Какого дьявола, — кричал председатель, — какого дьявола сказали вы все эти глупости об автомобилях и пулях, когда вливали в этого олуха, президентского племянника, вашу водичу.

— Позвольте, господин председатель. Мне было приказано, чтобы все было как можно правдоподобнее. Вот я постарался. Ну, если бы я этого не сказал? Первый несчастный случай, и обман открыт.

— Все равно он будет открыт, рано или поздно!

— Вот этого-то я и боюсь. Висеть на фонаре не моя специальность, господин председатель!

— И не моя, профессор. Ну да, впрочем, мы...

Дверь кабинета открылась, и отступивший с поднятыми вверх руками караул пропустил трех человек с револьверами в руках.

VI

С ПЕСНЯМИ и музыкой двигался эшелон через Германию. В дороге, в движении Герои Первого Корпуса не думали о предстоящем. С незаряженными винтовками (как бы

не выстрелила случайно), с гранатами, капсюли от которых (опасная штука) хранились в складах, следовавших особым эшелоном, неслись они к границам Советской России, по дороге хвастаясь предстоящими подвигами.

Наконец, первый головной эшелон достиг маленькой силезской станции. Здесь поезд остановился перед семафором. Стоял час, стоял два, а к концу третьего часа к поезду подошли пятеро вооруженных рабочих и скомандовали.

— А ну вылезай, да клади оружие! Живо! А то... Кругом пулеметы.

И Бессмертные солдаты Первого Корпуса Священной Армии покорно выходили из вагонов складывали безвредное оружие и возвращались обратно, пугливо посматривая на револьверы и бомбы пятерых.

За первым эшелоном подъехал второй, потом следующий и...

— Коминтерн слушает.

— По радио сообщают, что эшелоны Первого Корпуса Бессмертных обезоружены германскими железнодорожниками и возвращены обратно к границам Франции.

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

• ————— •
**ЧЕК НА
ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ**

Рассказ

Журнал «Борьба Миров», № 5, 1924 г.

ЧЕК НА ПРЕД'ЯВИ- ТЕЛЯ.

Андрей Иркутов.

I

Он повис в воздухе, держась одной рукой за подоконник, а другой за водосточную трубу. Снизу пахло жаром разгоряченного за день асфальта и запахом чего-то жареного. Особенно отчетливо и назойливо тревожил сознание именно этот запах. Несколько секунд он все свои мысли сосредоточил на разгадке того, что там жарят:

— Яичницу с колбасой, — решил он, наконец, и, решив, вернул свое сознание к основному.

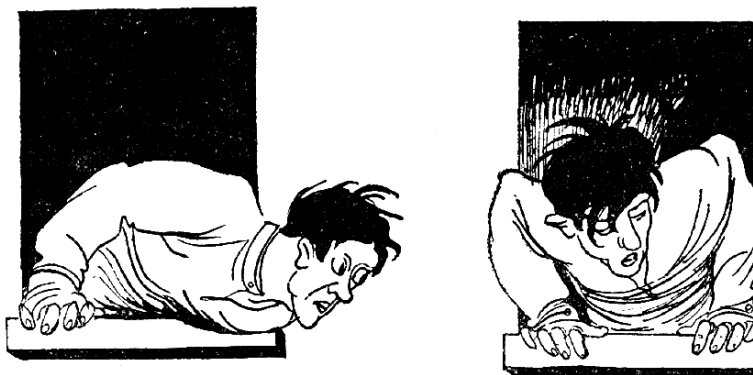
Он слышал, как там, в комнате, из окна которой он только что бежал, трещала дверь, поддаваясь ударам плеч и ружейных прикладов. Этот треск торопил ход его мыслей, заставлял быстро и четко принять решение.

Вниз?

Опасно. Они, несомненно, оцепили дом.

Страшным усилием воли, напрягая впившиеся в подоконник и трубу пальцы, он посмотрел в душный колодезь двора. Там суетливо бегали тени людей.

Вниз нельзя.

Не уверенный в прочности трубы, стал он карабкаться наверх, вздрагивая и останавливаясь каждый раз, когда железо трещало под тяжестью его тела.

Острый край крыши разорвал кожу ладони, и в тот момент, когда усталое тело на половину легло на свежеекрашенные листы, снизу раздался выстрел. Пуля ударилась в стену, и куски кирпича полетели в сторону.

Он не стал ждать второго выстрела. Сильным рывком поднялся он выше и, сгибаясь, как обезьяна,двигающаяся по земле, перебежал по шумящему насту железа к слуховому окну. Скрывшись в это окно, он через секунду долез на противоположную сторону и в том же полусогнутом положении побежал дальше.

Соседний дом был на два этажа ниже, и, спрыгнув, он едва не вывихнул ногу.

Он слышал еще несколько выстрелов, слышал шум и крики и, только миновав пять или шесть крыш, почувствовал себя вне опасности.

Это сознание улыбнулось ему тогда, когда он сидел на плоской крыше семиэтажного дома, выходившего на угол двух улиц.

Перегнувшись через железную решетку, он сориентировался и без труда узнал место.

Шум экипажей, гул толпы и мутные пятна фонарей внизу сулили возможность незаметно скрыться в вечернем движении города.

Стараясь стать как можно более плоским и незаметным, он полез вниз по узкой дрожащей пожарной лестнице.

Четыре этажа он миновал благополучно, но между четвертым и третьим задержался в нерешительности.

Ниже, вплотную к лестнице, подходил небольшой балкон, а на балконе, в изящном кресле, сидел человек, куривший сигару. Лицо человека было обращено прямо в сторону лестницы, и беглец, прижавшийся к ее упругим перекладинам, знал, что еще два шага и — он будет открыт.

Инстинктивным движением поднялся он на одну ступеньку выше, но в это же самое мгновение соседнее с лестницей окно третьего этажа открылось, и женская головка выглянула наружу.

Балкон был ниже и справа. Окно — выше и слева.

Человек на лестнице сжался в крошечный комоч, осторожно просунул ноги в промежуток между двумя ступенями и, усевшись более или менее удобно, старался найти выход из своего положения.

Женская головка сверху позвала:

— Дик.

Голос мужчины с балкона ответил:

— Ева.

— Мои ушли, Дик. Мы можем болтать целый час.

— Только час?

— Ты жаден Дик. Час — это очень много.

— Час с тобой — это одна секунда. Но ничего не поделаешь, придется довольствоваться часом.

Человек на лестнице подумал, что час — это целая вечность, и что страшно глупо целый час заниматься любовными разговорами.

Человек на балконе вдруг поднялся с кресла.

— Слушай, Ева. Блестящая идея. Что если я поднимусь по лестнице к тебе в окно?

Он сделал шаг вперед и, протянув руку, взялся за пере-
кладину.

Человек на лестнице понял, что не только час, но секун-
да может равняться вечности.

— Нет, нет, Дик, ко мне нельзя. Соседи дома.

— Я буду тих, как кошка.

— И не будешь целоваться?

— Целоваться? Нет. Целоваться я буду.

— Ну, вот видишь. Соседи услышат, и... Слушай, Дик. Я
спущусь к тебе.

— Ты?

— Ну, конечно. Здесь десять шагов, и ты сможешь по-
мочь мне.

— Что же, пожалуй. У тебя не закружится голова?

— Ты смеешься?

— Лезь.

Женщина встала на подоконник, потом села на него и
осторожно поставила ногу, нащупывая перекладину лест-
ницы. Человек на балконе ждал у самого края.

II

Крепкий замок поддался усилиям десятка человеческих
тел, и дверь с грохотом распахнулась, опрокидывая барри-
каду из тяжелого кресла, мраморного столика и большой
картины.

Вооруженные люди с ругательствами перешагнули че-
рез препятствие и бросились к окну.

— Ушел.

— Подлый коммунист.

Толстый, перетянутый поясом, как колбаса, полисмен
высунулся в окно и крикнул:

— Эй, внизу!

— Есть.

— Куда ушла эта сволочь?

— На крышу. Мы стреляли, но промазали.

— Погоня?

— Послана погоня.

Трое штатских, предоставив полисмену организацию облавы, уделили все свое внимание ящикам письменного стола. Они с ловкостью опытных воров взламывали замки и нетерпеливо рылись в бумагах, газетах и брошюрах.

— Он не успел ничего спрятать.

— Вот письма.

— Шифрованные.

— Разберем.

— Литература выдаст его с головой.

— Это он.

— Никакого сомнения.

В дверях комнаты взволнованная хозяйка, ломая руки и утирая слезы, клялась в своей невиновности. Сыщики накинулись на нее.

— Давно он у вас?

— Неделью, только неделю.

— Как он назвал себя?

— Джо-Джое — приказчик складов Гомпкина.

— У него бывал кто-нибудь?

— Никого. Он уходил в шесть и возвращался в двенадцать.

— Вы его ни в чем не подозревали?

— Ни в чем. Он был вежлив, скромен и заплатил вперед.

— У вас много жильцов, кроме него?

— Пятеро.

— Они дома?

— Да, все, кроме одного.

— Кроме кого?

— Кроме бухгалтера Стирена.

— Где живет бухгалтер Стирен?

— В соседней комнате.

— Откройте ее!

— У меня нет ключа.

— Тогда мы взломаем.

— Ломайте.

Дверь комнаты бухгалтера Стирена легко поддалась отмычке.

Сыщики внимательно оглядели аккуратную обстановку, пошарили в шкафу и письменном столе.

В ящиках последнего они наткнулись на странные вещи.

— Похоже, что это отмычки.

— Да, как будто.

— И целый склад патронов.

— Патроны кольтовские.

— Мы останемся здесь и будем ждать бухгалтера. Если вы предупредите его...

Хозяйка запротестовала против этого предложения. Она никого не будет предупреждать. Она...

Ее тирада была прервана шумом входной двери и звуком чьих-то шагов в коридоре.

Бухгалтер Стирен, пожилой, франтовато одетый человек, показался на пороге своей комнаты.

Он удивленно взглянул на хозяйку, на сыщиков, на приоткрытые ящики стола и, поняв, в чем дело, разразился руганью.

— Вы оба ослы и самые последние идиоты! — крыл он остолебневших шпииков. — Кто вас просил? Кто вас просил?

— Но позвольте...

— Пойдите вы к дьяволу! Испортить все! Так испортить! Я бы взял его голыми руками. А вы...

— Но, мистер Стирен...

— Какой я к черту Стирен. Пусть из вас кто хочет будет Стиреном, а с меня довольно. Довольно с меня работать рядом с официальной полицией. Довольно.

Сыщики начинали кое-что понимать.

— Вы не Генри от Пинкертон?

— Да, я Генри от Пинкертон, жалкие идиоты.

III

Генри от Пинкертон всю свою жизнь мечтал о хорошем деле. Его поистине собачья служба до сих пор сводилась к

тому, чтобы организовывать отряды штрейкбрехеров, и с их помощью срывать стачки.

Конечно, это было выгодное дело, но у Генри натура была широкая, как клёш английского матроса, и он ждал того дня, когда ему подвернется дельце на несколько десятков, а может быть, и сот тысяч долларов. И день этот настал.

В этот прекрасный день глава предприятия, сам Пинкер-тон-сын, вызвал его в свой кабинет.

— Есть дело, Генри.

— Да, сэр.

— И посерьезнее, чем ваши штрейкбрехеры.

— Отлично, сэр.

— Думаю поручить его вам. Вы способный парень...

— Очень рад, сэр.

— Дают сто тысяч.

— О, сэр.

— Ваши пятьдесят процентов.

— Спасибо, сэр.

— За инструкциями немедленно отправитесь к мистеру

Ллойд.

— К мистеру Ллойд?

— Да, чего вы таращите глаза?

— Я, ничего, сэр... Я...

И Генри с дрожащим сердцем переступил порог роскошного дворца мистера Ллойд, миллиардера, владельца копеек на Западе, дорог на Севере, пароходов на Востоке и еще чего-то во всех частях света.

Безобразный, как обезьяна, худощавый, маленький Ллойд быстро и кратко изложил ему суть дела.

— Том Тимбери. Член коммунистического союза молодежи. В прошлом году организовал стачку на моих копиях. Едет на конгресс КИМ-а. Это увеличит его популярность. Вернется — масса неприятностей. Убрать.

— Да, сэр.

Генри встал.

— Пойдите. Сто тысяч, если просто уберете. Двести — если достанете документы, разоблачающие организацию, работающую в моих копиях. Имена, явки и так далее...

— Да, сэр.

— Расходы отдельно. Получите.

Ллойд протянул Генри чек, и Генри едва не упал в обморок, увидя на нем цифру в десять тысяч долларов.

Он работал, как каторжник. Скоро, очень скоро напал он на след Тимбери. Возможность «убрать» представлялась несколько раз, но Генри мечтал о двухстах тысячах и поклялся добыть документы.

Он принял облик бухгалтера, поселился рядом с Томом, следил, ночами не спал и, наконец, узнал, что в ночь перед своим отъездом Том будет иметь у себя в комнате все нужные документы, чтобы привести их в порядок для передачи.

Двести тысяч были в кармане Генри.

И вдруг...

Официальная полиция никогда не поумнеет.

Том был приговорен к месячному аресту за какой-то митинг. Приговор был вынесен с единственной целью помешать его поездке на конгресс. И эти олухи, эти кустари, называющие себя сыщиками, не могли подождать и решили арестовать Тома за три дня до отъезда — тогда, когда никаких важных документов у него быть не могло.

Генри рвал на себе волосы.

— Вы арестовали его? — спросил он сыщиков.

— Нет, он бежал.

— Слава богу.

— Как?

— Слава богу, говорю я. Еще не все потеряно. Он должен уехать через три дня.

— Но он бежал, и мы не можем найти его.

— Вы не можете. Вы не можете. Я найду его. Сто тысяч дьяволов! Я найду!

И, оставив сыщиков переваривать случившееся, Генри от Пинкертон выбежал из квартиры.

IV

В одну короткую секунду, ту секунду, которая нужна была для того, чтобы женщина успела поставить ногу на перекладину лестницы, Том Тимбери успел передумать тысячу вещей.

Билет на пароход, отходящий через три дня у него в кармане. Документы тоже. Все сводится к тому, чтобы успеть взять другой билет на завтрашний пароход другой линии, или, еще лучше, сесть совершенно в другом порту.

Скрип перекладины, на которую ступила нога женщины, вернул его к ощущению действительности. Да. Прежде всего, надо сойти с этой проклятой лестницы. Черт возьми. Сейчас она полезет вниз, заденет его, испугается, сорвется и... все пошло прахом.

Ему не удастся убежать. Надо предупредить ее. Но это значит — выдать себя. Несомненно, его примут за вора.

Нога женщины задержалась, не решаясь ступить ниже.

— Дик, — позвал женский голос.

— Что, дорогая?

— Подожди одну минутку, Дик. Я сниму туфли. У них слишком высокие каблукки.

— Хорошо.

Женщина снова вернулась на подоконник и, наклонившись, стала развязывать шнуровку.

Том Тимбери напряг свои мысли, чтобы использовать новую передышку.

V

Генри от Пинкертона излазил все крыши, все дворы и все заборы соседних домов. Никаких следов. Проклятый парень как будто в воду канул.

Генри от Пинкертона сел на ступеньки какого-то подъезда и принялся составлять план.

У парня билет на пароход, отходящий через три дня из городского порта. Ясно, что за этим пароходом необходимо

установить слежку. Но также ясно, что с этим пароходом он не поедет и поэтому нужно начать слежку завтра же. Парень постарается уехать раньше. Возможно еще, что он изберет другой порт. Удобных для него портов, кроме городского, есть еще три. Надо следить за всеми поездами, идущими в эти порты. Один Генри этого сделать не сможет. Придется занять целый штат. Расходы, расходы, расходы.

Нет. Десять тысяч долларов, которые ассигновал ему Ллойд, не так уж много.

Генри встал и отшвырнул в сторону недокуренную папиросу. Так или иначе, парень вместе с документами должен быть в его руках.

Документы. Ах, черт возьми. Ведь теперь все дело меняется. Эти олухи-полицейские спугнули Тома, и совершенно ясно, что тот не станет возиться с бумагами. Придется отказаться от двухсот тысяч. Но зато сто будут в его руках. Тома Тимбери он, Генри, уберет, и уберет чисто.

Действовать, действовать.

Через пять минут он был в конторе Пинкертона, а еще через пять минут перед ним стояла дюжина отборных агентов с лицами дегенератов, убийц и карманщиков. Он быстро разогнал их во все стороны, пообещав каждому солидную сумму.

Пинкертон-сын, слыша его разговоры, спросил:

— Откуда вы наберете столько денег?

— Я полагаю, сэр, что контора...

— Контора поручила дело вам. Придется вам платить из вашей половины.

— Но, сэр...

— Никаких но. Расходы сыщиков нас не касаются.

Генри подумал о чеке на десять тысяч долларов и проворчал про себя:

— Эксплуататоры проклятые. Выжиматели соков.

Если бы он предвидел раньше такой оборот дела, то вместо дюжины шпииков взял бы шестерых.

За хлопотами, распоряжениями и составлением плана слежки он пробыл в конторе до утра.

На улицу он вышел, когда рассвет уже золотил высокий шпиль собора. Было слегка прохладно, и ночная тишина лежала еще не вспугнутая шумом движения.

Генри всей грудью вдохнул свежий воздух, снял шляпу, поскреб в затылке и подумал:

— Ллойд зарабатывает сто тысяч в минуту. Меня заставляет работать за эти деньги две недели. Черт возьми, — поймал он себя, — кажется, я начинаю бунтовать.

Высоко над городом, треском пропеллера, приветствуя утро, пролетел аэроплан.

Генри поднял голову.

— Высоко. Тысячи полторы метров.

VI

Наконец, туфли были сняты, и женщина снова опустила ногу, нащупывая перекладину.

— Ева, — позвал мужчина.

— Ну?

— Я боюсь за тебя. Право лучше я поднимусь.

— Чего ты боишься?

— У тебя может закружиться голова.

— Скорей у тебя закружится.

— У меня!

— Ну да.

— Дерзкая девчонка. Слыханное ли дело, чтобы у авиатора кружилась голова. Ты...

Мужчина на балконе не успел закончить начатой фразы. Голос, идущий откуда-то из стены дома, перебил его:

— Вы авиатор?

Женщина вскрикнула и крепко ухватила руками за раму окна.

Мужчина удивленно поднял голову вверх.

— Вы авиатор? — настаивал голос. — Хотите заработать десять тысяч долларов?

— Какой негодяй позволяет себе такие шутки, — вспылил мужчина.

— Никаких шуток, — уверял голос. — Я предлагаю вам десять тысяч долларов.

Мужчина на балконе выхватил револьвер.

— Спускайтесь сюда или я подстрелю вас.

— Вы потеряете десять тысяч.

— Ну?

— Вам не нужны деньги?

— Раз.

— Десять тысяч солидным чеком.

— Два.

— На предъявителя.

Мужчина не успел сказать три, так как заговорила женщина:

— Дик, — сказала она, — имея десять тысяч, ты сможешь жениться на мне.

Мужчина на балконе опустил револьвер.

— Спускайтесь. Я согласен поговорить с вами.

Том Тимбери в два прыжка очутился внизу.

— Мистер Дик, — сказал он. — Вот посмотрите этот чек.

Дик взял чек, покрутил его, посмотрел на свет и, убежденный в подлинности, протянул обратно.

— Что я должен сделать, чтобы получить его?

— Доставить меня на аэроплане в Восточный порт. При этом ни о чем не расспрашивать и ничем не интересоваться.

— Чек хорош? — спросил голос сверху.

— Вполне.

— Я думаю, что тебе следует согласиться, Дик.

— Ваша невеста крайне разумна, — вставил свое слово Том.

Дик протянул руку.

— Чек.

— По прибытии на место.

— Сейчас.

— Нет.

— В таком случае я вас передам властям.

— Потеряете десять тысяч.

- Отниму чек и выгоню.
- Я сделаю заявление об утере чека.
- Убью вас.
- Не советую, — сказал Том и вытянул вперед руку с браунингом, — это вроде лотереи. Кто первый?
- Я уверена, что ты полетишь, Дик, — настаивала женщина из четвертого этажа.
- Я тоже приобретаю некоторую уверенность в этом.
- Согласен.

VII

Генри провел четыре шальных дня. Он метался, как угорелый, тормозил своих помощников и только на пятый день, когда радио с парохода «Мария», посланное агентом Пинкертонa, сообщило, что Том Тимбери на борту и что убраться его невозможно. Генри успокоился.

Успокоился, если только можно назвать спокойствием то чувство досады, гнева и разочарования, которое охватило его.

Сто тысяч шмыгнули мимо носа!

Мало того. Из десяти тысяч пять уйдет на оплату помощников. Остается пять чистой прибыли. Это конечно не плохо, но пять не сто. Пять в двадцать раз меньше.

Со вздохом полез он в карман и вынул бумажник, чтобы извлечь из него подлежащий реализации чек.

Что за черт? Чека нет в бумажнике!

Генри обшарил все карманы. В карманах ничего, кроме двух стальных наручников.

— Куда он мог деваться? А! Стоп! Я, вероятно, оставил его в письменном столе комнаты, из которой я следил за Томом.

Он бросился туда. Комната на имя бухгалтера Стирена оставалась за ним. Он нетерпеливо взбежал по лестнице, не захотев ждать лифта.

Хозяйка приветствовала его и сказала:

— Вам письмо.

[illegible]

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

БОРЬБА ЗА ГАЗ

Фантастический рассказ

Художник В. Доброклонский

*Журнал «Смена», № 10, 1924 г.
Андрей Иркутов «ЕГО ОТЕЦ». Сборник, 1925 год*

БОРЬБА ЗА ГАЗ.

(2-ая ПРЕМИЯ НА КОНКУРСЕ „СМЕНЫ“).

ДЖОНС, иллюстрации В. ДОБРОКЛОНСКОГО.

Было это в те дни, когда войска белой армии железным кольцом сжимали молодую Республику Советов.

Трудно приходилось красноармейским отрядам; в жестокой, неравной борьбе пядь за пядью отстаивали они, борясь с противником, за спиной которого стояла финансовая и техническая мощь Запада.

Все мы знаем, что конечной победой красные войска, в значительной степени, помимо своей собственной храбрости, доходившей до героизма, обязаны той помощи, которую оказывали нам западные рабочие. Все мы знаем, что во многих случаях оружие, предназначенное для деникинских и красновских банд, застревало на железных дорогах Германии, а снаряды, направлявшиеся к батареям Колчака, пропускали все сроки в портах Англии и Америки.

Когда-нибудь историк с тщательным вниманием соберет отдельные факты и эпизоды, в которых проявлялась в те дни великая солидарность мирового пролетариата, а пока позвольте мне, не историку, а беллетристу, рассказать один случай.

I

Профессор Сидней Эшби уже второй месяц напряженно работал в своей лаборатории. Профессор Сидней Эшби пользовался крупной известностью. Профессор Сидней Эшби заслужил кличку, которую дали ему во время войны четырнадцатого года — кличку «Сиднея Душителя».

Химик по специальности, профессор Сидней Эшби все свои познания в избранной им области посвятил изготовлению газов, применявшихся на войне под названием удушливых газов. Название не вполне верное, так как среди этих газов попадались и такие, которые действовали не на дыха-

тельные, а на другие жизненные центры человеческого организма. Я не стану перечислять всех разновидностей этого «культурного» способа борьбы и ограничусь исключительно напоминанием о так называемом горчичном газе, примененном союзниками при ликвидации германского фронта. Этот газ, за короткое время действия, покрывал тело человека сплошными нарывами и, если не убивал, то, во всяком случае, надолго выводил из строя, причиняя страшные мучения.

Мы не смеем утверждать, что «Сидней Душитель» был причастен к этому последнему газу, но десятки других наверняка вышли из его лаборатории. В военных кругах профессор Эшби был своим человеком, и видные военные специалисты возлагали на его работы огромные надежды.

Сам профессор занимался своим делом с увлечением. В противоположность другим ученым, скрывавшим истинную цель своих лабораторных работ и старавшихся представить дело так, как будто их убийственные смеси предназначены в первую голову для саранчи и других вредителей, он прямо и открыто заявлял, что его цель — укрепление силы и мощи Англии. Выдержанный империалист, он научными путями обосновывал необходимость мирового торжества культурной английской нации и гордился тем, что все свои знания отдавал ее завоевательным целям. Совершенно поэтому понятно, что в отношении к большевикам его ненависть не знала границ, и что все свои работы он посвятил отысканию средства, которое могло бы сделать непобедимыми армии интервенции и свело бы на нет военную мощь Советской Республики.

Над этим-то средством он и работал уже две недели.

В его обширную, по последнему слову техники оборудованную лабораторию, в течение этих двух недель наведывались руководители внешней политики страны и представители военных кругов, проявляя живейший интерес к ходу профессорских работ, и уезжали оттуда с сияющими лицами. Виденное они хранили в секрете, но по отрывочным сведениям, неизвестными путями проникшими в печать, из-

вестна было, что «Сидней Душитель» готовит нечто из ряда вон выходящее.

II

— Они решили организовать все производство при самой лаборатории и уже соорудили там целую пристройку. Джек работал там и говорит, что в этой пристройке устанавливают несколько токарных станков.

— Токарные станки?

— Ну да. Они будут там вытачивать снаряды для этого газа. Говорят, что это что-то необыкновенное по силе и действию.

— Что ж, он мгновенно убивает, что ли?

— Ничего неизвестно, Нед. Когда нужно, они умеют беречь тайны. Но ходят слухи...

— Во всяком случае, надо помешать этому.

— Для этого-то я и позвал тебя. Надо помешать.

— Да, но как?

— Дело не сложное. Ты проникнешь в число токарей, которые будут работать на этом заводе.

— Я? А что же я там буду делать?

— Будешь точить эти самые снаряды.

— Буду точить снаряды?

— Ну да. Будешь точить снаряды. Но каждый снаряд ты будешь портить. Понял? Какой-нибудь пустяк, какая-нибудь маленькая неточность.

— Соображаю! Но ведь кроме меня будут и другие.

— Вот в том-то и задача. Твое дело попасть на конечный пункт работы... На тот момент процесса, когда снаряд уже готов, и когда...

— Понимаю. Но ведь там будут сотни таких, как я и тысячи снарядов?

— Нет. Там будет пять человек, и вы не сделаете больше сотни снарядов.

— Это почему?

— Потому что дьявольское изобретение этого чертового «Душителя» таково, что одного снаряда хватит на три дня и несколько сот верст. Понял?

III

Сидней Эшби несколько взволновался. Теоретически все было вполне благополучно — практические опыты над животными дали прекрасные результаты. Но он хотел быть совершенно уверенным. Он хотел посмотреть, как его газ будет действовать и на человека.

Полковник Сальс Бюри был в восторге, когда при последнем опыте около тысячи кошек, собак и других зверей, собранных для этой цели в специальное здание, в течение секунды были ослеплены и как сумасшедшие с криками и визгом носились, терзая друг друга. Но ведь это кошки и собаки. А люди?

Провожая полковника, профессор сказал:

— Мой газ будет действовать без промаха. Он невидим. Он не имеет запаха. Ничтожной дозы его достаточно, чтобы в течение минуты отравить воздух на сто верст в окружности и ослепить всех людей, находящихся в этой полосе.

И полковник вполне удовлетворился этим словесным подтверждением блестящего опыта, но самому профессору нужно было больше. Вот уже неделя, как маленький завод, построенный около его лаборатории, работает полным ходом, выпуская все новые и новые снаряды, начиненные слепящим снадобьем, уже близок день, когда первый транспорт этих снарядов отправится на фронт, а у него все еще нет уверенности в могуществе изобретения. А вдруг что-нибудь не так?

Но где найти людей, над которыми можно было произвести необходимые опыты? Профессор намекал полковнику на преступников, на пойманных на фронте большевиков, но полковник испуганно замахал руками:

— Вы плохой политик, господин профессор, — сказал он. — Зачем давать пищу для агитации.

Профессор был несколько обескуражен, но судьба благоприятствовала ему. Несколько дней спустя после его разговора с полковником, он получил известие о смерти своей тетки, причудливой старой девы, которая вместе с кругленькой суммой денег оставила ему в наследство маленького арабчонка, вместе с моськами и кошками, утешавшими ее печальную старость.

Едва этот арабчонок появился в доме профессора, как решение было принято. Чего стесняться? Во-первых, этот черномазый уродец почти что не человек, а во-вторых, все можно объяснить несчастным случаем. Опыт будет произведен завтра же, когда первая партия снарядов отправится на вокзал, и, в случае неудачи, у профессора хватит времени приостановить отправку.

IV

— Эй, кто там, несчастный!..

У сыщика Робби было свое мнение по поводу токаря Неда. И когда последнего назначили сопровождать автомобиль со снарядами, Робби сказал: — этому не бывать. Однако, он не хотел устраивать дело на виду у всех и решил просто в последнюю минуту задержать токаря у станка.

Нед наблюдал за укладкой в автомобиль больших ящиков, на которых было написано: «Осторожно верх».

На двух языках — русском и английском.

Он внимательно проверял перед отправлением упаковку и собственноручно ставил бук-

ву «С» на ящиках, подвергнутых проверке. Условились правильность груза подтверждать этой начальной буквой имени профессора.

Когда погрузка была уже закончена, из токарного отделения вышел Робби.

— Пойди-ка на минутку, Нед, — сказал он, — мне надо сказать тебе кое-что.

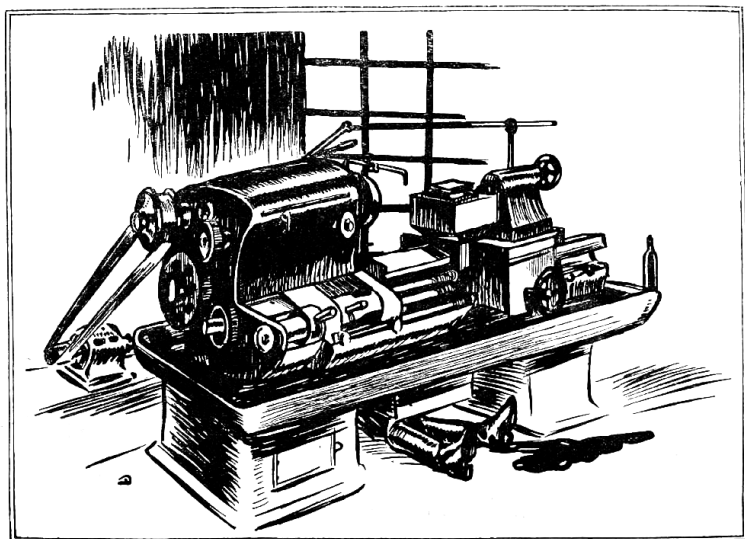
Нед приказал шоферу подождать и поднялся вслед за Робби на второй этаж, в комнату, где, блестя новенькими частями, стояли тяжелые токарные станки. Около одного из них Робби остановился и, хладнокровно вынув из кармана револьвер, приставил его к лицу Неда.

— Подожди здесь минуту, приятель, — сказал сыщик, и Нед услышал шум отъезжающего автомобиля.

Он сжал кулаки и попробовал рвануться, но, вовремя вспомнив о револьвере, остановился. Его обманули! Этот дьявол с револьвером проникнул в его тайну, и он, Нед, не сумеет помешать отправке груза. Мысли вихрем пронеслись в его мозгу, и, раньше, чем сыщик сумел предупредить его движение, он схватил один из стоящих на соседнем станке уже готовых снарядов и с силой швырнул его на пол. Не вполне закрепленная головка снаряда отлетела, стеклянная трубка, проходившая внутри, разбилась, и темная маслянистая жидкость большим пятном расплзлась по каменному полу и начала испаряться на глазах перепуганного сыщика. Сам снаряд покатился под станок, и, к великому удивлению ожидавшего выстрела Неда, сыщик Робби отбросил револьвер в сторону и, мгновенно закрыв глаза рукой, нырнул под станок, причем нырнул не на животе, а на спине.

Нед не дал себе труда разбираться в странном поведении противника и, как молния, выскочил наружу через огромное окно. Прыжок сошел благополучно. Теперь остается догнать автомобиль. Как это сделать?

Сыщик Робби знал, что он делает. Масло, смазывавшее части станка, капало прямо ему на лицо, и, лежа под его струями, он смутно надеялся, что проклятый газ не проникает сквозь масляную оболочку.

.. масло, обильно смазывавшее части станка, капало ему прямо на лицо.

Однако, надежды его не оправдались. Вскоре в глазах появилась режущая боль, красные точки мелькали, как в калейдоскопе, а еще немного спустя Робби почувствовал, что он ослеп, и, зажав глаза ладонями рук, с тоскливыми воплями выполз из своего ненадежного убежища.

Он полз, как червяк, стараясь не отрывать рук от невыносимо ноющих глазных впадин, а когда, наконец, скатившись по лестнице, выбрался на свежий воздух и ухватился руками за косяк двери, не решался поднять веки из страха лишний раз убедиться в своей слепоте.

Эта дверь стала для него ориентировочной точкой. Он отлично представлял себе, что прямо перед ним находятся ворота завода и что, выйдя из них, он должен свернуть вправо, чтобы дойти до лаборатории профессора. Однако, он во что бы то ни стало должен был проделать этот путь незамеченным. Вероятно, Нед не один и, может быть, уже сейчас за ним, слепым и беспомощным, как котенок, следят друзья этого проклятого социалиста. Б-р-р! Ему холодно стало при одной мысли об этом.

... прямо перед ним мелькнуло ярко-освещенное крыльцо профессорского дома.

Он прислушался и несколько удивился той мертвой тишине, которая царило вокруг. По-видимому, ни на дворе ни в мастерских никого не было. Ба! Он даже подпрыгнул от удовольствия. Происшествие отшибло ему память. Ведь уже вечер. Работы кончены и нигде никого нет. Остается только красться по стенке, благополучно миновать сторожа, который тоже может быть из этих, и предупредить профессора.

И сыщик Робби с закрытыми глазами тронулся в путь, показавшийся ему бесконечным.

VI

Очутившись вне завода, Нед сразу оценил положение. Надо нагнать автомобиль. В этом все спасение. Они условились с ребятами из центрального гаража, что весь транспорт будет приведен к ним, и там ящики со снарядами будут заменены другими, ничем не отличающимися по внешнему виду.

План был детально разработан Недом после того, как попытка с порчей снарядов не удалась ввиду тщательной проверки их при окончательной упаковке. Проверяли специалисты, и первый же испорченный Недом стакан был замечен и забракован. Новый план был крайне несложен. У центрального гаража машину от заводского шофера должны были принять шоферы военные, и уже они везли груз дальше — на вокзал. Нед позаботился о том, чтобы оба военных оказались из числа своих, посвященных в историю ребят, и ждали бы в гараже с заранее заготовленным и нагруженным поддельными ящиками автомобилем, точной копией первого. И вот теперь все летит вверх тормашками.

Впрочем! Нед соображал быстро. Автомобилю надо сделать круг почти в две мили, чтобы проехать в город. Между городом и лабораторией находится болото. Через болото есть тропинка. Если хорошо бежать, то можно перерезать путь автомобилю, пока он объезжает болото. А Нед бежит не плохо!

Шофер, бешено гнавший свой ужасный груз по указанному шоссе, не успел опомниться, когда Нед на ходу вскочил на передок и, вырвав руль, повернул автомобиль направо, туда, где высился корпус центрального гаража. Но он помнил приказание ни в коем случае в гараж не заезжать и решил вернуть дерзко захваченное управление машиной. Они боролись не долго. Меньше чем через минуту и шофер и Нед вылетели из машины, и никем не управляемый грузовик полным ходом понесся прямо к дверям гаража.

У самого гаража машина наскочила на какой-то камень, круто повернула в сторону, и крайний ящик вылетел от толчка на землю. Один из рабочих, услышав шум от его падения, с гаечным ключом в руках подскочил к нему. Он увидел, что автомобиль летит прямо на маленький домик гаражной конторы, и бешено заорал:

— Эй, кто там, несчастье!

И непосредственно за этим предостерегающим криком грузовик врезался в кирпичную стену, пробил ее как яичную скорлупу, и страшный взрыв потряс окрестность.

VII

Маленький арабчонок не чувствовал грозившей ему опасности.

Профессор Сидней Эшби и не подозревал о тех сценах, которые разыгрались вокруг его снарядов.

Он был занят своим опытом, окончательной проверкой своего газа.

Маленький арабчонок не чувствовал грозившей ему опасности. Он с любопытством следил за тем, как профессор надел себе на глаза странные очки, и спокойно последовал приглашению занять место у стола, на котором

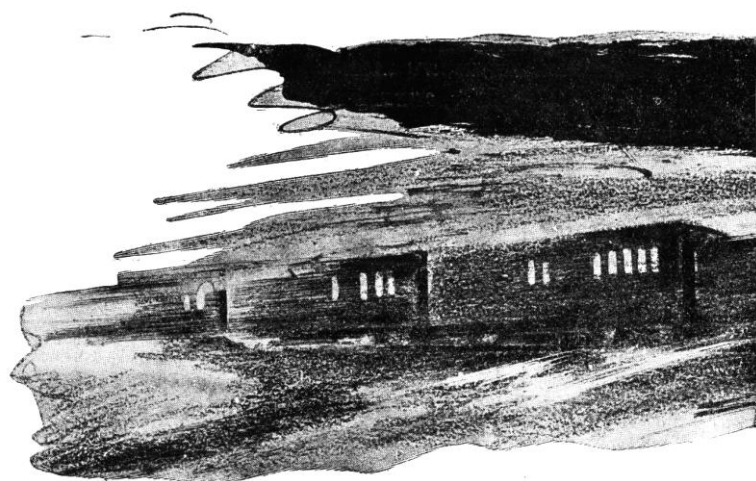
горела спиртовка, подогревавшая колбочку с какой-то странной жидкостью. Профессор Сидней, боясь, что мальчик, почувствовав боль, убежит и испортит опыт, встал сзади него, положив руки так, что они образовали нечто вроде барьера, и, бросив в кипящую жидкость желтый порошок, спокойно ожидал результатов.

Робби уже добрался по его расчетам до дома профессора, как вдруг страшный взрыв ударил ему в уши. Он вздрогнул, открыл глаза, и прямо перед ним мелькнуло ярко освещенное крыльцо профессорского дома с маленькой белой собачонкой, сидевшей на пороге раскрытых дверей. Он бросился вперед с радостным криком. Сыщик Робби видел! Сыщик Робби не ослеп!

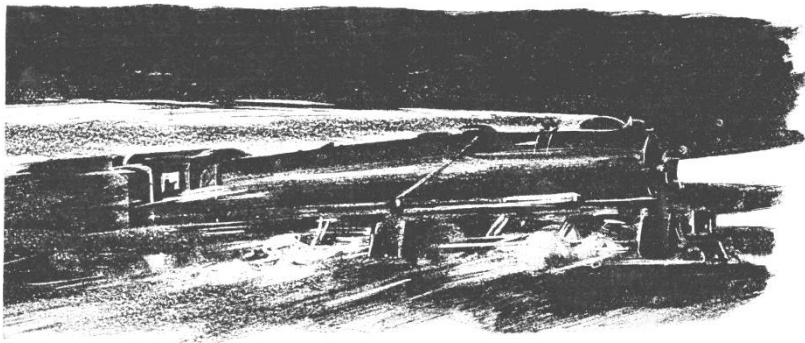
Не ослеп и арабчонок. Как раз в тот момент, когда взрыв заставил Робби открыть глаза, профессор Сидней сорвал с себя очки и на глазах испуганного арабчонка разбил хрупкую колбу. Газ, прекрасно ослепляющий животных, не действовал на людей.

Москва. Май 7-го года.

Б. ПЕРЕЛЕШИН

**СПЛОШНОЕ
СОЛНЦЕ**

Фантастический рассказ

Художники М. Ягужинский и И. Француз

Журнал «Смена», №16, 1924 г.

От редакции:

Печатаемый нами рассказ тов. Перелешина основан на простом научном факте, с которым нам в жизни сплошь и рядом приходится сталкиваться. Это — так называемый «закон отражения света».

Дело в том, что луч света, падая на какую либо поверхность, через которую он не в состоянии проникнуть (напр., зеркало), как бы отскакивает (или, как говорят, «отражается») от нее. И при том отражается всегда под тем же самым углом, под которым он упал на эту поверхность.

Вы не раз сами замечали это, когда пускали «зайчиков», пользуясь ярким солнцем и зеркалом.

При помощи одного крупного зеркала или, лучше всего нескольких зеркал, можно добиться того, что «зайчик» не только станет ярким и сильным, но и будет направлен по вашему желанию на любой предмет. Для этого вам надо поставить ваши зеркала таким образом, чтобы отражаемые ими лучи собирались именно на выбранной вами точке.

Этим умением «пускать зайчика» сплошь и рядом пользуется современная техника. Пример этого — хотя бы сильные прожектора (фонари), в которых свет от лампы падает на внутреннюю блестящую поверхность фонаря и отражается от нее ярким сплошным пучком света. Или - те самые «солнечные моторы» (см. очерк П. Лопатина - «Завоевание солнца» в № 8 «Смены»), в которых удается путем умелого отражения солнечных лучей от целой системы зеркал, все их направить на нагреваемый котел с водой.

Но в рассказе замечен и еще один научный факт, о котором надо сказать хотя бы несколько слов. Врачи, работая над способами лечения бессонницы, нашли, что одним из испытаннейших способов заставить больного заснуть, это — поместить перед его глазами яркий, блестящий предмет. Таким образом, человек, в глаза которого направлен «зайчик», получит не только впечатление яркого света, но и почти всегда — желание спать. Почему это происходит — мы попробуем подробно объяснить в одном из следующих номеров нашего журнала. А теперь мы только вскользь упомянем об этом для того чтобы читателям стали более ясным все происки хитроумного китайца из рассказа т. Перелешина.

СПЛОШНОЕ СОЛНЦЕ.

Б. ПЕРЕЛШИН иллюстрации М. ЯГУЖИНСКОГО

СТАНЦИЯ СОЖЖЕНА БЫЛА ровно настолько, насколько вообще может гореть дерево. Водокачка повисла, как металлический вопросительный знак над разметанными путями. Будущее паровозных бригад было чернее угля.

Тем не менее, эшелон должен был отправиться, и он отправился.

Только после сугубо осторожного выбора, предварительно покачавши головой раз тридцать, механик Милов кочегаром себе выбрал китайского гражданина из Иркутска Сена-Фу, он же Ма-о, и он же Ху-Фузи, что значит лиса и вошь.

Вот что сказал себе при этом механик Милов, качая головой в тридцатый и последний раз:

— Китайский гражданин, а не наш, значит, с него и спросить некому, ему то не все равно, кого и что он везет! А если нечего ему опасаться, то не должен он и предать!

Особого красноармейца на паровоз посажено не было, потому что сам механик Милов, был красноармеец, включен в состав части, и не любил, чтоб ему в будке без особой надобности мешали.

Занося ногу на подножку компаунда, Милов заметил около паровоза нечто, что заставило его сморщиться, как бы от дурного предзнаменования, хотя он и не признавал пред-
рассудков.

Скоро груды мусора остались позади. Когда паровоз проходил мимо опрокинутого выходного семафора, механик посмотрел на, завернутые в обрывок кожи, тщательно сберегаемые в глубине куртки, часы и помнит, что было восемь утра.

Никогда не было еще такого обнаженного режущего морозного воздуха, такой каменной, мелкой и едкой пыли, горстями летящей в лицо, а, главное, такого страшного солнечного блеска, ослеплявшего и затмевавшего взгляд.

Переводил ли механик утомленные глаза внутрь в будку, они не находили здесь отдыха. У ног плавилась и переливалась красные змеи топки, все внутри будки было полно бегающих солнечных зайчиков и отражений, тендер сиял миллионом огоньков, и, весь облитый солнечным светом, бесшумно двигался кочегар.

Ехали почти с завязанными глазами.

Механик терялся в догадках.

Остановить поезд из-за солнечного света представлялось ему явной контрреволюцией.

Высовываясь из своего окошка, он убеждал себя в том, что наблюдает профиль пути, но в сущности, — утверждает он теперь, — решительно ничего не видел.

Только впоследствии, после разговора со знакомым шофером, понял Милов, какому мощному двойному действию движения и солнечного света подвергался он в ту поездку.

— На автомобильных гонках, — рассказывал шофер, часто убирают стекло, помещающееся перед глазами шофера, потому что солнечный свет, распространяясь по стеклу, обладает такой усыпляющей силой, что бывали случаи впадения в дремоту гонщика в самые острые моменты состязания.

В 10 часов, — вспоминает далее механик, — он взглянул на часы. До разъезда 77-ой версты, цели перехода, оставалось уже не так много. Снизу, с площадки, поднимался густой желтоватый дым. Не то это была пыль от частого потряхивания угольной лопатой, не то китайский гражданин Ма-о по несознательности курил опий.

В это время поезд, пройдя небольшое закругление, вышел на уклон, ведущий к выемке у скалы под названием «Ходина Смерть». Название это объяснялось тем, что у входа в выемку подножия этой высоченной скалы убили когда-то какого-то китайца.

Милов обомлел.

Ему точно брызнули в глаза лучами электрического фонаря.

Само солнце занимало вход в выемку.

Все кругом - скалы, снежные скаты, гребни, рельсы, телеграфные провода паровозные части и он, Милов, сливались в какое-то варево солнечных лучей.

Он свалился на скамейку, закрыл лицо руками, и, как думает он, минуту, а то и полторы, ослепленный, находился без сознания.

Вдруг он почувствовал, что поезд сдает ход.

Он поднял голову и посмотрел перед собою впервые за последние полчаса вполне осмысленным взглядом.

В крест лучах, строгий и худой, у машины стоял Милов.....

Машина затихала. Зайчики уходили куда-то вверх. В косых лучах, строгий и худой, у машины стоял Ма-о и, повернув голову, как аист, в сторону Милова, сверлил, не отрываясь, неподвижным птичьим взглядом лицо машиниста, между тем, как правая рука его скользила по механизму.

Все силы и все сознание в одно мгновение вернулись к Милову.

Он встал, схватил китайца за шиворот и, одним движением руки, отшвырнул его, как былинку, в угольную пасть тендера.

Затем открыл пар и дал полный ход.

Выглянул в окно.

Вплотную перед ним возвышалась огненная стена, сплошное солнце, занавес из лучей и блеска.

Паровоз проваливался в солнце.

«Ходина смерть» возвышалась из моря блеска.

Механик не уменьшил хода.

Какой-то человек, взмахнувший винтовкой над головой, мелькнул у подножки паровоза и пропал позади.

Несколько винтовочных выстрелов хлопнули где-то.

Пуля проскрежетала по железу над головой.

Но поезд мчался уже в дивной лиловой тени ущелья.

Путь был, как на ладони.

Совершенно спокойно Милов провел поезд еще 15 минут и затормозил у разъезда 77.

Отряд принял боевой порядок.

Здесь только Милов заметил, что китайский гражданин «Лиса и вошь» смылся, пропал совершенно, от него не осталось и следа, может быть, он соскочил с паровоза в ущелье.

Осматривая паровоз, механик обнаружил целый ряд кусков зеркала, прикрепленных у основания трубы и по краю кузова паровоза.

Он вспомнил минутное неприятное ощущение на сожженном разъезде перед отправлением, когда, занося ногу на подножку, он разглядел на песке куски разбитого зеркала. Это были, вероятно, следы работы «Лисы и вши».

Если - б «Лису и вошь» поймали за этим занятием, он объяснил бы, вероятно, что хотел украсить машину, по маньчжурскому обычаю, маленькими зеркальцами.

Выяснилось, что у подножия «Ходиной Смерти», у входа в выемку, кем-то поставлены были перед проходом поезда два больших трюмо, добытые из разграбленного вагона белых беженцев. Какие-то люди арестованы были в окрестностях «Ходиной смерти». Точно выяснить целей их не удалось. Может быть, они хотели вскочить в паровоз в момент задержки хода и завладеть, таким образом, поездом; может быть, провести его мимо разъезда 77 в центр расположения белых.

Отныне механик Милов, отправляясь в путь в солнечные дни, не очень любит, чтобы все части его паровоза сверкали, начищенные как зеркало, как этого требует ТЧ.

Так ликвидировано было одно из самых странных покушений, имевшее место за время гражданской войны, покушение при помощи зеркала.

Е. ТОЛКАЧЕВ

S.-L.-ГАЗ

Фантастический рассказ

S.-L.-ГАЗ

НА ПЕРВЫЙ взгляд казалось, что город живет своими обычными делами. Так же стремились потоки людей по улицам, так же разрывал мостовую МОГЭС, так же шли друг за другом трамваи. Только увеличилось количество мужчин в военной форме, да в учреждениях стало больше женщин. Ничто не напоминало о тревожном положении. Люди понимали, что их работа, какой бы она ни была, служит делу обороны страны строящегося социализма. Ни признаков паники, ни малейшего волнения. Так велико было сознание своей мощи и вера в боевую готовность.

Поэтому, когда черная эскадрилья, примчавшись с запада, загудела над окраиной города, редко кто поднял голову: маневры военных эскадрилий с красными звездами были явлением обыденным.

Когда грянул первый залп зенитных батарей и взвыли пропеллеры десятков истребителей, улица посмотрела вверх.

Но без страха. Десятки желтых и серых машин со звездами окружали черную стаю.

— У черных-то не звезды, а кресты, — сказал кто-то тревожно.

— И орудия бухают. Разрывы настоящие, — дрогнувшим голосом сказал другой.

— Молодцы! Генеральная репетиция в костюмах и декорациях, — весело выкрикнул третий.

И все поверили. Мгновенное беспокойство улеглось. Большинство глаз обратилось в землю, большинство ног зашагало привычным направлением.

А сверху инсценировка разыгрывалась как-то странно. Пушки замолкали. Теснимые черные рвались к центру города, вылетавшие все новые и новые защитники теснили их. И вдруг черные, сбитые в кучу, бросились врассыпную, как стайка молоди от щуки. И на бегу они сбрасывали темные цилиндры, которые разрывались, не долетая до земли.

— Конечно, инсценировка, — сказал четвертый, — цилиндры пустые.

Вдруг сверху раздался взрыв: объятый пламенем черный хищник разломился пополам и упал вниз. Потом перевернулся другой и упал вниз, увлекая за собой и победителя.

— А знаешь, — сказал шестой, подняв брови, — кажется...

— Бах! Бах! — загрохотали орудия.

— Пахнет грушей, — слабо проговорил седьмой и застыл с полуоткрытым ртом.

Восьмой, почувствовав приступ удушья, оперся о стену...

А наверху одна за другой выбывали из строя боевые птицы. Только два черных самолета ушли от серых истребителей с красными звездами. Город замер.

Пушки давно перестали бухать.

Тревожно вспыхнули желтые лампочки. В кабинетах, в залах, на площадях.

— Включить большие распылители! — последовал приказ и ответ:

— Включены. Работает только один, юго-западный. Остальные не подают сигналов.

— Отправить повсюду отряды. Пустить распылители во что бы то ни стало.

И донесения одно за другим тревожные, холодные:

— Краснопресненский район затоплен почти весь. Замечено движение только на северном участке.

— Бауманский район затопляется с большой скоростью. Наблюдательный пост снимается.

— Газоубежища Пролетарского района не готовы.

— Из Хамовнического района нет вестей. Телефон работает.

— Сокольники молчат.

— Бауманский? Отвечайте! Почему молчите?

— Запах... запах груши... все...

Трубка валится из рук. В ней еще шипит голос. Ходят часы. А люди застыли, окаменевшие под запахом груши.

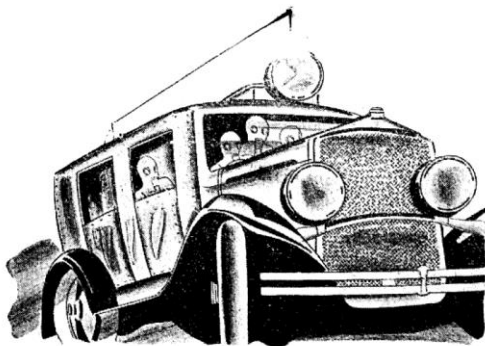
— Есть только две газонепроницаемые машины, — говорит седой. — Нужно объехать все районы, выяснить положение, добиться пуска распылителей. Кто хочет ехать?

Все восемь делают шаг вперед.

— Хорошо, — говорит седой. — Риск огромный, вы знаете. Респираторы М. Тройной запас поглотителей. Отправляйтесь. Донесения в штаб или мне.

Две машины, герметически закрытые стеклом и резиной. Сверху — антенны. Взыли. Отъезжает первая.

Вторая задержалась. Открывается дверь. На мгновение. Но этого достаточно. Слабый запах груши. Не помогают респираторы. Заведенная машина на малом газе стоит на месте и содрогается. Она ни-

куда не поедет. Люди оцепенели.

Во всей Москве осталось четверо живых в газонепроницаемой машине. Но четверо — это не мало.

Кадры жизни застыли. Люди окаменели на улицах, в домах, на работе, у станков.

Улица. Пешеходы застыли в тех позах, как их застал газ. Вот застыли двое с портфелями. Торопились на заседание, горячо обсуждая повестку. Застыли, не успев закончить жеста.

Застыл с поднятым жезлом милиционер. Застыл извозчик, натянув вожжи. Застыли седоки-провинциалы, зарытые в чемоданах и пледях.

У киоска Моссельпрома застыли торопливые пешеходы, на ходу глотавшие кружку пива.

Застыла группа женщин с корзинками.

Парочка. Он бережно вел ее под руку и нежно смотрел в лицо. Она беременна и полна застенчивой гордости. Она слегка оперлась на него. Оба застыли на полушаге.

Застыли перед универмагом ломовики, разгружавшие товар. Замер в нелепой позе газетчик, вытянув руку с номером «Известий».

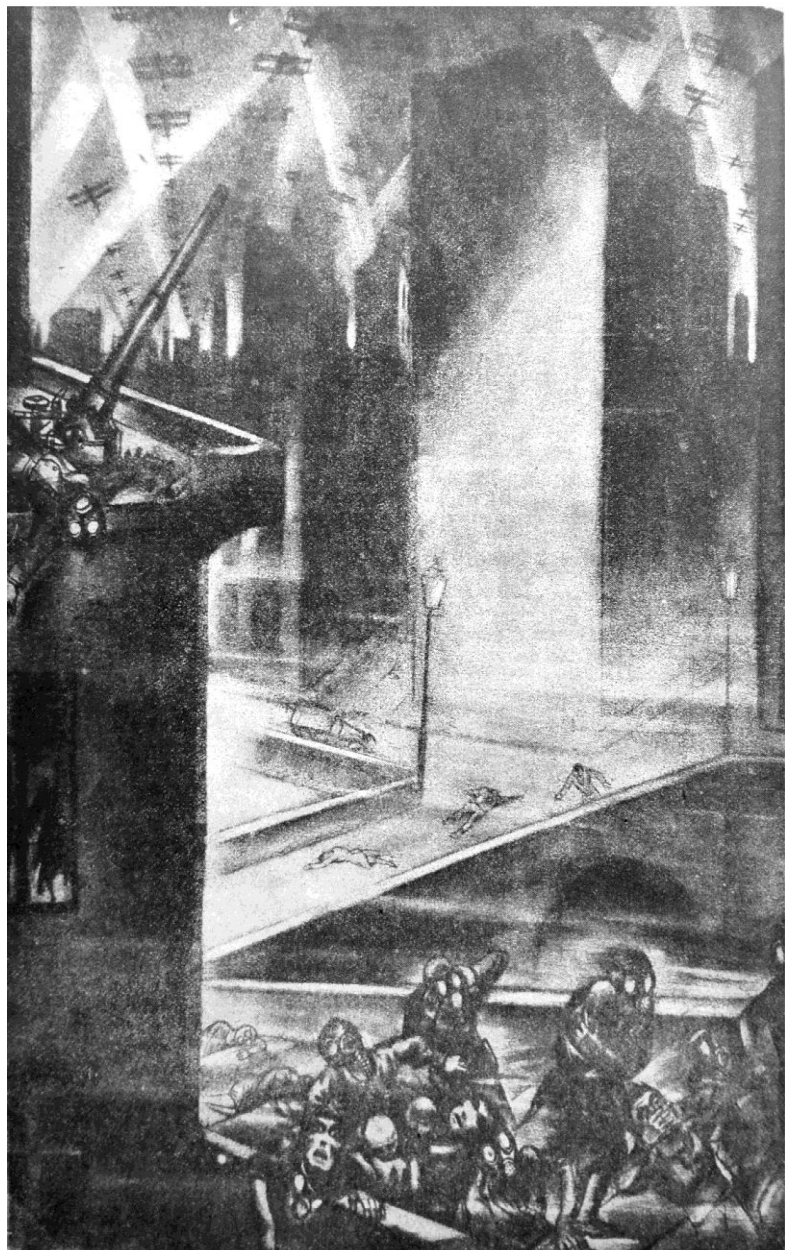
Замерли на остановке пассажиры, занесшие ногу на ступеньку несуществующего вагона. Вагон ушел. Вожатый оцепенел, а вагон продолжал бег.

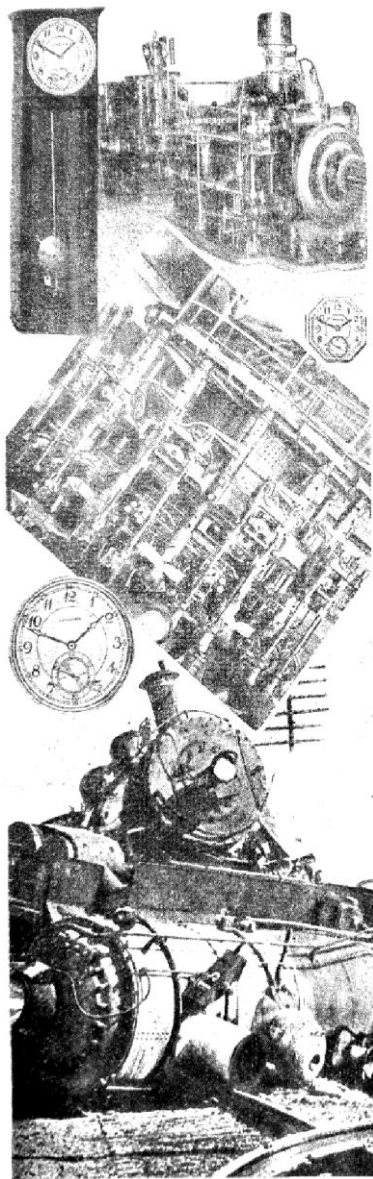
Механизмы живут.

Бесстрастно ходят часы.

Пронесятся сумасшедшие аэропланы, чертя неуправляемые круги. Стоят, уткнувшись в дома, разбитые авто. С грохотом ворвался в вокзал неуправляемый поезд с мертвыми пассажирами.

Медленно ползет в гору полузаторможенный трупам сумасшедший вагон трамвая, чтобы дойти до стоящего впереди, стать и бессильно вертеть колесами, пока будет ток.

Хлопают впусную печатные машины. Никто не накладывает листов, а набор по-прежнему скользит под валами, и хлопают планки, выкладывая незримые листы-оттиски.

С визгом вращается сверло, давно пробившее дыру в детали. Его некому остановить. Токарь застыл в недоумении, и машина яростно сверлит отравленный воздух.

На заводах густо гудят динамо, шелестят трансмиссии, мягко вхолостую поют станки. Все живое замерло. Все механическое живет.

Четверо в непроницаемой машине.

Они едут, медленно пробираясь по клочкам остановленной жизни.

Дико. Сон.

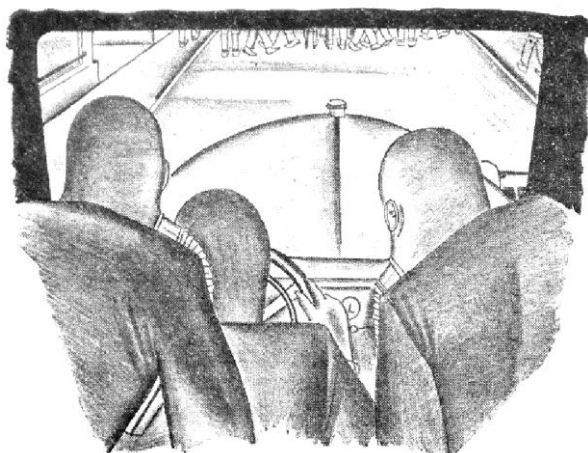
Неважно. Лишь бы добраться до первого распылителя.

Затор людей, сбившихся в кучу и застывших. Объехать нельзя. Сбоку — тоже затор сшибшихся машин.

Кругом, переулком.

Нет, загроможден опрокинутой подводой, на которую насел тихо работающий грузовик. Окостеневшая лошадь лежит, как стояла. В глазах шофера недоумение и последний ужас.

Назад. Проехать надо. Пусть погибнут десять застывших. Все равно они умерли. Но жалко. Они, как живые.

Без колебаний! Может быть, где-нибудь еще теплится жизнь, и распылители спасут ее.

Четверо закрывают глаза. Машина налетает на застывшую группу. Она падает, как кегли. Вперед! Мчатся улицы.

Как, однако, много людей! И все застыли!

Кажется, сейчас механик снова наладит ленту, и люди тронутся и пойдут по своим делам, как ни в чем не бывало.

Только некоторые, взглянув на жившие часы, поднимут брови и ускорят шаг. Из жизни выпал час.

— У вас правильные часы?

— Да. Посмотрите, и на трамвайных то же.

— Странно.

— Странно.

И пойдут быстрее.

Нет, механик не может наладить ленту жизни. Может быть, его тоже поразил L-S.- газ.

Наконец-то! Бетонное, низкое здание. Здесь стоит четвертый южный распылитель, кругом — будки поглотителей, сходящихся полукругом над подземным убежищем.

Вызов по радио. Ответа нет.

— Вызывайте беспрерывно.

Напряженное ожидание.

— Молчат.

— Тогда штаб.

— Молчат.

— Лабораторию.

— Нет ответа.

— Мы должны пустить распылитель.

— Для этого надо выйти из машины.

— Надо выйти одному. Кто пойдет на смерть?

— Не в этом дело. В момент открывания двери авто погибнут все.

Молчание.

— Значит, стоять у ворот, видеть в двух шагах спасение и...

— Да.

— Погибнем мы, последние в Москве.

— Как же иначе?

Молчание. Страшно. Безнадежно.

— Вот!

— Что?

— Заперта ли дверь?

— Ну?

— Ворваться внутрь на машине.

— Дверь железная. Заперта. Отворяется наружу. Разобьется машина. Последняя машина. Последние четверо.

— Но если ворваться, — у нас есть резиновые рукава, резиновые мешки (водолазные камеры); можно подъехать

совсем близко к аппарату и, просунув резиновую руку, включить рубильник.

— Разобьем машину, последние четверо.

— Тебе жалко себя, нас?

— Нет. Последних. Если погибнем мы, погибнут все.

— Все уже погибли.

— А может быть...

— Погодите! — криком. — Повертывайте! Калужская застава. Третий южный стоит в простом деревянном сарае. Машина выдержит удар.

— Вперед!

По дороге не считали сбитых кегель. К третьему южному.

В переулоч. Тише, стоп! Все равно, не жалеть кегель. Вперед!

Вот сарай. Замерло сердце. Р-раз!

Дверь повисла на одной петле. Дв-ва! Полумрак. Очертание серой большой машины на бетонном фундаменте.

— Тихо, тихо. Чуть вперед. Так. Сергей, пусти меня.

— Нет, подвинем ближе. Григорий, влезай в резиновую камеру. Двигайся правее. Выше. Здесь. Тяни вниз. Так!

Зажглись матовые лампы под низким потолком сарая, и ожила серая машина. Сперва послышался тонкий свистящий звук. Стал нарастать, превратился в вой.

Серая машина могуче задышала.

— Штангу.

— Какую?

— Вон там лежит!

— Небрежность! Валяется штанга.

— Эта небрежность спасет.

— Не понимаю.

— Штанга впереди машины — как таран. Вышибем железную дверь у третьего южного.

— Не выдержим.

— Нас четверо, мы молоды. Выдержим.

— Подождем полчаса. Тогда можно будет выйти здесь и придумать что-нибудь.

— Полчаса? Ты понимаешь — полчаса.
Нет.

— Едем, — покорно и просто.
Авто тихо, задним ходом выбирается из сарая.

Четверо, меняя руки, держат резиновыми рукавами тяжелую штангу.

— Скорее. Мне не хватает воздуха.

— Мне тоже.

— Доедем ли?

Скрипнув зубами:

— Доедем! Должны доехать!

— Может быть, вернуться к четвертому?

Там скоро можно будет дышать.

— Полчаса. Нельзя. Вперед!

— Смени меня. Мне душно.

— Скоро ли?

Снова железная дверь.

— Все в рукава. Хватайте штангу. Сергей, сразу!

Машина подскакивает, бросается на ворота.

Звонкий удар, штанга выпадает из слабующих резиновых рук, но ворота распахиваются. Они были отперты.

Включить рубильник — минута.

Третий распылитель — мощный. Он работает мягко, сильно. Кругом воют всасыватели.

— Я больше не могу. Откроем дверь.

— Все равно. Откроем.

— Да.

Маленький моторный насос нагнетает воздух в пневматические запоры, и дверца авто медленно открывается.

Четверо хватаются за респираторы М.

Они не нужны. Можно дышать.

Можно дышать.

Какое счастье!

Дышат жадно, захлебываясь.

— Чистый воздух.

— Молчи. Мы дышим, а другие?

— Собирайтесь!

Снова зафыркал закупоренный авто. Рокот. Новые аэропланы.

— Смотрите вверх!

— Серые.

— Ура! Звезды! Красные звезды!

— Звезды!

— Звезды!

Действительно над замершей Москвой парила сотня аэропланов с красными звездами на хвосте. Быстро маневрируя, легкие эскадрильи бросали вниз баллоны, открывавшиеся на полдороге и славшие струи желтой жидкости.

Затем, как сказочные рыбы, с севера приплыли серые узкие дирижабли и стали поливать мертвый город желтыми брызгами.

А сумасшедшая герметическая машина, не жалея кегель, мчалась от одной станции к другой, пуская в ход распылители.

Пешеход неуверенно опустил поднятую ногу, по инерции сделал еще шаг, пошатнулся и сказал:

— Ух!

Улица за-ше-ве-ли-лась.

Милиционер провел рукой по лбу и опустил жезл.

Человек с портфелем недоуменно посмотрел на трамвайные часы и вытащил свои.

Группа женщин с корзинками подняла голову кверху и, увидев поток желтой жидкости, бросилась врассыпную.

Газетчик опустил затекшую руку и хрипло крикнул:

— Газета «Известия»... «Рабочая Москва».

Улица за улицей оживали.

На заводах рабочие испуганно останавливали машины, сиюсья вспомнить, что произошло, почему работа шла вхолостую.

А к вечеру загремели рупора радио:

«Дерзкий противник без объявления войны произвел наглый воздушный налет на красную столицу, затопив ее газом Stop-Life (останавливающий жизнь). Соединенными усилиями случайно уцелевшего осоавиахимовского отряда и посланных на помощь Москве азросил, S.-L.-газ был уничтожен. К счастью для населения, накануне начались опыты с новым нейтрализатором, и в момент налета нейтралиновый завод автоматически продолжал работу, отнимая у страшного S.-L.-газа его истребительные свойства. Поэтому, подвергавшиеся действию S.-L.-газа подпадали своеобразному параличу, временно приостанавливавшему функции организма. Несмотря на быстрое, почти молниеносное затопление города газом, жертв насчитывается всего около 5 000 человек, но сильно пострадал неуправляемый железнодорожный и моторный транспорт. Всего убытки определяются в сумме...».

Этого не было. Этого может и не быть, но...

Будь готов!

Крепи оборону!

Вооружайся знаниями!

АНТУАН КР-РАСНЫЙ
(Е. ТОЛКАЧЕВ)

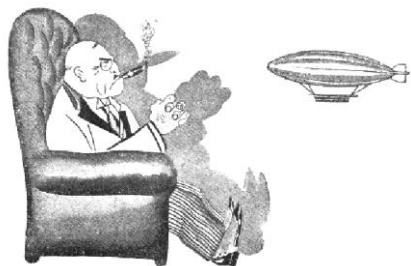
ЗОЛОТОЙ НАКОНЕЧНИК

Авантюер-р-рный роман (штамп)

ГЛАВА I. ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

МИЛЛИАРДЕР

Фенри Горд сидел в своем роскошном кабинете на Пятой авеню ¹⁾ и грыз сигару, которую специально для него изготовили угнетенные меньшинства острова Кубы.

С тихим звяканьем в стене откинулась форточка, из нее вылетела модель игрушечного дирижабля и застыла на расстоянии 4 метров от Горда. Миллионер лениво протянул руку и взял записку:

«Хочу с тобой говорить. Отвори».

Незаметным движением Горд коснулся ногой кнопки в полу; с грохотом сдвинулись стальные засовы с двери кабинета, и с легким свистом ушла вверх броневая плита. В дверях стояла дочь Горда Мабель.

Красавица была одета в самый лучший костюм из кувырота, и на ее пальце блестела знаменитая диадема древней персидской куртизанки Клеопатры. У ее ног лежал свирепый бульдог с лохматой страшной мордой, верный страж ее капиталистического могущества.

Она вошла и, сев на край кресла, развратным движением закинула ногу на ногу.

— Отец, я решилась, — глухо сказала она.

— Правда? — радостно вскочил банкир и бросился целовать дочь, но тут же завопил не своим голосом: верный бульдог Мабель вырвал клоч из его дорогих плисовых панталон и, злобно ворча, вцепился в его мясистую ляжку.

— Да, отец, для тебя, для нашего дела я похищу у него его изобретение, — грустно сказала красавица, оттаскивая озверевшую собаку.

---

1) Лучшая улица.

ГЛАВА II. ЗМЕЯ НА ГРУДИ

Молодой русский изобретатель Иван Драченев поднял голову, распрямил спину, которая много-много ночей горбилась над колбами, ретортами, и тряхнул буйными кудрями:

— Я нашел! Конец всем проискам империалистов! «Драченит» освободит трудящихся всех стран!

И, вымыв руки, до кости изъеденные кислотами, пошел в угол своей убогой мансарды. Он снял со спиртовки собственного изобретения усовершенствованную им электрическую кастрюлю и стал есть пшеничную кашу, скудно политую машинным маслом.

Ивану Драченеву было всего 9 лет, но он уже был изобретателем. Родился он в штате Оклахома, близ города Небраски, от матери негритянки, убитой Ку-Клукс-Кланом, и отца-революционера Джима Драченева, замученного фашистами. Несмотря на свои юные годы, Иван много страдал и был в душе комсомольцем и видным партийным деятелем.

Только что он успел съесть половину изобретенной им каши, в дверь постучали, и рыжая красавица появилась на пороге.

— Ах, — сказала она, — как я испугалась!

Войдя, она стала брезгливо оглядывать бедную комнату.

— Можно сесть? Это у вас заменяет стул? — развязно произнесла она с обольстительной улыбкой, садясь на ящик из-под папирос «Зефир». — Я вам нравлюсь, не правда ли? — И ее хищный взор скользнул по куску «драченита», лежавшему на столе.

Голова закружилась у бедного юноши.

Серое утро глядело в окно. На соломе в углу, спал, разметавшись, обманутый юноша. «Драченит» исчез.

ГЛАВА III. СИЛЫ СОБИРАЮТСЯ

— Сейчас будет говорить Джон! — пронеслось по цеху. Машины затаили дыхание, паровые молоты замолкли, остановились юркие челноки. На верстаке появился общий любимец Джон.

— Ребята! — громовым голосом заговорил он. — Черные силы начали наступление, но мы должны бороться с ними. Пролетарию нечего терять, кроме цепей, но приобрести мы можем весь мир. Мы противопоставим жирным капиталистам стальные ряды. Наш пароль «бель-месс». Мы должны действовать, если не хотим погибнуть. Вперед, товарищи! — И он гневно потряс вагранкой.

С гулом одобрений стали расходиться рабочие. И никто не заметил, как веснушчатый рыжий человек скользнул за угол, где, сбросив рабочую блузу, одел фрак и котелок и, подозревая таксомотор, нырнул в него. Шикарный «Рось-рось» запыхтел и с дребезжанием понесся прямо к дворцу Фенри Горда.

ГЛАВА IV. В ГНЕЗДЕ ПРЕСТУПНИКОВ

В темной трущобе подозрительного притона на Бродвее¹⁾ сидело пять человек типичных хулиганов. Они о чем-то шептались, показывая друг другу фашистские значки и поминутно хватались за шестнадцатиствольные «маузер-вессоны». Вдруг они окаменели: перед ними стоял незнакомец в маске и плюшевом цилиндре. Он имел вид аристократа.

— Вам деньги платят не даром, — глухо сказал он.

Бродяги потупились.

— Я требую, — голос незнакомца звенел, как сталь, — чтобы сегодня ночью рабочий Джон перестал существовать. — И, прибавив отвратительное ругательство, он исчез.

---

1) Худшая улица.

Бродяги почесали затылки.

— Миша, — сказал один другому, — ты знаешь: это кровожадный русский эмигрант, князь Орлов-Таврический.

ГЛАВА V. ПЕРВЫЙ УДАР

Мистер фабрикант и банкир Фенри Горд сидел в своем роскошном кабинете. Боясь революции, он не дер-

жал прислуги.

Весь дом его на Мэдиссон-бульваре³⁾ был электрифицирован. Радио, пар и электричество комфортабельно обслуживали все прихоти миллионера. На башне бывш. св. Сульпиция пробило 7.20. Миллионер щелкнул серебряным портсигаром с инкрустацией из кожи замученных им рабочих и нажал кнопку.

В стене открылась ниша, и из нее вышел человек в белом балахоне.

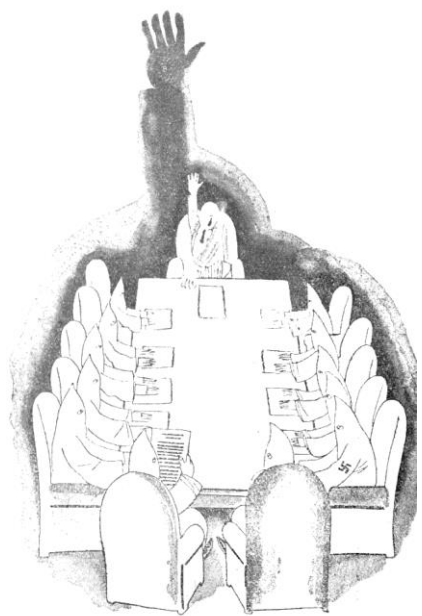
— Привет старшему брату, — сказа он, скрестив руки и чертя в воздухе таинственный знак свастики. Еще раз нажал кнопку Горд, и опять появился замаскированный⁴⁾ человек. И, так до двенадцати раз.

Объявляю заседание Великого Клана открытым! сказал Горд, и в этот миг все стены комнаты обволоклись броневыми плитами.

---

3) Лучшая улица.

4) Фашисты всегда появляются замаскированными.

— Наш орден может торжествовать: в мои руки попал новый элемент, обладающий страшной силой. Вот его образец! — и он достал, из кармана кусочек «Драченита». Все поднялись с мест и заплотировали. — Не прикасайтесь, к нему. — предупредил Горд, кладя кусочек на стол, — он вызывает атомический распад и может обжечь руки. А теперь перейдем к очередным делам. Брат Гарри, сколько рабочих убито вами за неделю?

Замаскированный человек стал читать по листу

бумаги. Это был кошмарный список жертв таинственной организации.

— Стоп, — прервал его Горд. — Где «драченит»? Кто взял «драченит»?

Кусочек «драченита» исчез. И никто из кровавых фашистов, не видел, как с потолка спустилась мозолистая рука, схватила кусочек и, произнеся «бель-месс», исчезла из обшивки стены.

ГЛАВА VI. ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА

— Ребята! — говорил рабочий Джон. — Меня хотят убить. Несколько отпетых подонков общества следят за мною. Но наплевать! Первый кусочек элемента в наших руках. Осталось пять, и мы их добудем! — И он тайным ходом пошел домой.

Но не успел он отворить дверь своей лачуги, как грянули выстрелы. Пять пуль было направлено в грудь Джона. Он отступил за дверь. С воем мщения пронеслись мимо пять хулиганов и бросились в погоню. А Джон спокойно вошел домой и застыл от ужаса: его молодая жена и пятеро детей плавали в крови, и на шее у грудного сына были видны следы золотых зубов князя Орлова-Таврического.

ГЛАВА VII. КРУПИНКА ЗА КРУПИНКОЙ

Горд был в бешенстве. Он рвал и метал дорогие манжеты из настоящих брюссельских кружев куда попало. Работницы Льежа слепли над вязанием художественных фабрикатов, которые теперь уничтожал разоренный хищник. Долго продолжалось бессильное бешенство Горда. Сколько сакса переколотил; он и уничтожил свою коллекцию трубок, чудо филателии.

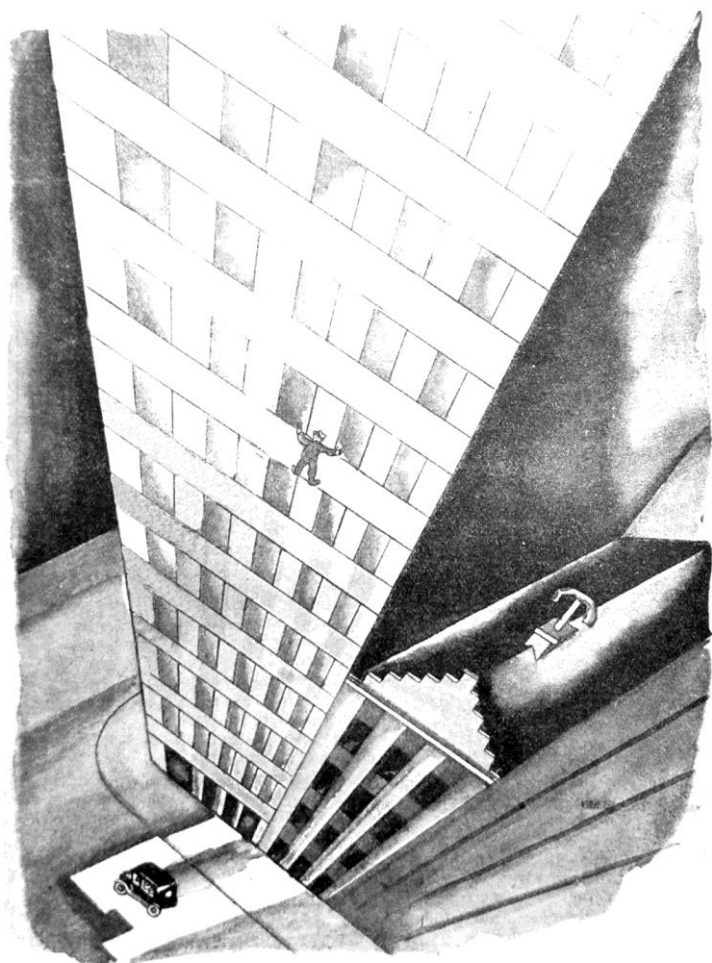
Крупинка за крупинкой исчезал «драченит». Кто отбирал у хищника плод его преступления? Горд сходил с ума. Он прятал кусочки элемента всюду, и они неизменно пропадали. Горд подозревал, мучился... Кто? И вдруг страшное подозрение проникло в его, мозг. Дочь!..

В тот же вечер черный автомобиль «Рено» увозил заchlorоформированную Мабель и двух вооруженных до зубов фашистов.

ГЛАВА VIII. ПОЙМАН

Ловко пробирался Джон по узкому карнизу небоскреба Горда, сжимая в мозолистой руке три крупинки «драченита» — сегодняшний улов. С ловкостью акробата, перепрыгивая с одного подоконника на другой, Джон достиг земли и вздрогнул, прямо на него с погашенными огнями мчался черный «Рено».

В один прыжок Джон очутился на его крыше и, пустив в ход чудесный «драченит», просверлил дырочку. Под ним

разыгрывалась гнусная сцена: фашисты разрывали на узелки спящую девушку. Как пантера, бросился на них Джон, стукнул их лбами друг о друга и выбросил из машины. Девушка очнулась.

— Где я? — сказала она. — Вы мне спасли жизнь. Я люблю вас.

Вдруг ужасный удар по голове свалил Джона. Страшное лицо князя в маске взглянуло в глаза Мабель. В руках его дымился осетинский кинжал.

— Пролетариат победит! — сказал Джон и упал без чувств.

ГЛАВА IX. ОДНА, ПОСЛЕДНЯЯ

Закрывшись стальной броней, Горд дрожал. Неуловимый враг отнимал одну за другой крупинки. Осталось всего две. Одна хорошо спрятана там, но вторая беззащитно лежит в кармане. Дрожа, стал раздеваться Горд и, одев синюю с золотом пижаму, лег спать. Но что это? Брюки ожили, ползут... Горд бросается в погоню.

Трах! Одна половина остается у него в руках, а другая с элементом в кармане уходит в расступившуюся стену. В руках у Горда осталась половина новых заграничных шевитовых брюк и... одна крупинка там.

ГЛАВА X. ПОСЛЕДНИЙ УДАР

В пять минут четвертого ночи в спальне президента зазвонил телефон.

— Кто там? — недовольно пробурчал президент, тяжело спавший после попойки, но вдруг, услышав, что говорит Горд, торопливо оправил рубашку. Сон мигом соскочил с него.

— Президент? — говорил Горд. — Слушайте. Медлить нельзя. Сейчас же мобилизуйте армию и объявляйте войну. У меня осталась одна, слышите, одна крупинка, но ее достаточно, чтобы разнести вдребезги весь Советский Союз! Живо принимайтесь за дело!

— Слушаюсь... — залепетал президент и побежал отдавать распоряжения.

ГЛАВА XI. В ПОДЗЕМЬЕ

Ни клочка света. Сырость, плесень, тьма. Под ногами бегают крысы и шипят ядовитые кобры. Голова раненого Джона лежит на плече самоотверженной Мабель.

Через час придет страшный князь и с ним придет смерть. Ей — электрический стул, Джону — пытки фашистов.

— Джон, Джон, дай мне «драченит», я разрушу стены, и мы будем свободны!.. — И, обжигая пальцы адским огнем, она берет из рук ослабевшего Джона заветные крупинки. Смело направляет их на стену, и камень начинает плавиться у нее на глазах.

— Умри, изменница! — раздается кошмарный голос. Выстрел сражает Мабель, но и страшный луч убивает князя.

ГЛАВА XII. КОНЕЦ ХИЩНИКА

В 12.05 армия встала под ружье. Но в 12.10 революционная воля рабочих и крестьян образовала Советы по всем городам Северной, Южной, Восточной и Западной Америки и даже дальше. Солдаты обратили штыки против вековых угнетателей.

И когда, пришли к Горду, то нашли его уже мертвым: в сердце у него торчал золотой наконечник клизмы, где хранилась последняя крупинка таинственного металла.

— Товарищи! — воскликнул Джон. — Мы свободны!

***

Бодро звучал гимн. Выходила заря свободы. Бухгалтерия подсчитывала гонорар.

Е. ТОЛКАЧЕВ

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА МИНАЕВА

Коллективная ненаучно-фантастическая повесть

Иллюстрации М. Гетманского

Журнал «Борьба миров», № 7, 1930 г.

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА МИНАЕВА

Пародия Е. ТОЛКАЧЕВА

*Иллюстрации
М. ГЕТМАНЬСКОГО*

КОЛЛЕКТИВНАЯ НЕНАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Советский приключенческий рассказ часто носит еще в себе отпечаток штампа, в большинстве случаев он схематичен и нередко подражает худшим приемам так называемого авантюрного романа эпохи расцвета западно-европейского и американского империализма.

Этим приемам мы объявляем беспощадную борьбу. Знамя «Бурьбы Миров» — знамя советской героини, славящей борющийся за социализм коллектив, знамя революционной романтики сегодняшних дней и подлинно научной фантастики, помогающей нам видеть близкое «завтра» социалистического строительства.

«Открытие д-ра Минаева» пародирует типичные литературные приемы, язык и стиль советских «приключенческих» авторов.

Гл. I. А. Беляев — Человек с четырьмя ногами

МИЛИЦИОНЕР Потапов только что сменил товарища на посту, на углу Никольской и Собачьей площадки, когда к нему быстро подошел неизвестный гражданин.

Гражданин был прилично одет в форму совслужащего с туго набитым портфелем. Подмышкой у него был толстый том «Жизнь животных» Брэма, «Жуки Европы» и «Психоанализ» З. Фрейда в трех томах с золотым обрезом.

Гражданин положил книги на мостовую и спросил:

— Скажите, пожалуйста, как пройти на Красную площадь через Земляной вал?

Усердный служака, милиционер Потапов, сызмальства знавший Москву, как свои двадцать пальцев, поднял брови, вынул из кармана потрепанный справочник, помуслил палец и стал листать.

— Гыр-у! — взревела вдруг вынырнувшая из-за угла машина.

Занятый справочником милиционер Потопов не заметил, что грузовик летит прямо на «Жуков Европы», а когда заметил, было уже поздно — несчастье было непредотвратимо. В грузовике сидели дошкольники из 4701-го детдома «Красная Кошечка». Из-за поломки грузовика они не успели, накататься всласть на 1 Мая, и заведующий детдомом, Мартын Иванович Шкрабов, сегодня организовал катанье для молодой смены.

Грузовик мчался.

Золотистое солнце золотило золотые маковки златоглавой Москвы и озаряло смутно сереющие серо-седые суровые сумерки стандартных строений, сооруженных силами смелых строителей.

Деловая жизнь на Никольской кипела: спешили озабоченные люди с портфелями, люди без портфелей и портфели без людей. А на Собачьей площадке и, тем более, в Лялином переулке никакой жизни не было вообще. Только по краю дома гулял лунатик, а в подземной лаборатории профессор изобретал перпетум-мобиле.

А грузовик мчался.

В это время сторож Зоопарка Кузмичев Андрей с группой юных натуралистов и корзиной мяса совершал обход и кормление зверей. Ласково похлопав по плечу льва «Мишку» и кинув ему полтуши быка, Андрей подошел к своей

любимице, дикой туркестанской осе «Муське», почесал ей за ухом и стал угощать медовой коврижкой. Оса жмурилась от удовольствия, юные натуралисты плакали от умиления.

— Животная дикая, а понимает, — гордо сказал Андрей.

А грузовик мчался прямо на громадный том «Жуки Европы». Несчастье было неминуемо.

На террасе дома отдыха известный хирург Филиппов рассказывал затаившим дыхание слушателям о замечательном случае препарации черепа с пересадкой левой задней доли мозга и седалищного нерва, которую он совместно с неким доктором Минаевым произвел обезьяне Гекко, жаловавшейся на шум в ушах.

— И вообразите мое удивление, — сказал он, — когда доктор Минаев вынул нож, отрезал у обезьяны ноги, приставил свою машину особой конструкции и... у Гекко выросли новые ноги.

Слушатели были потрясены.

А грузовик был совсем близко.

Быстрее молнии гражданин в форме совслужащего бросился к своим книгам. Поднять «Жуков Европы» без домкрата он был не в состоянии, остановить автомобиль тоже. Тогда с быстротой света (300 000 километров в секунду) он подставил правую ногу мчавшемуся автомобилю.

Раздалось — крак. Грузовик на полном ходу переехал его правую ногу, от удара отклонился в сторону и быстро свернул в Лялин переулок, увозя перепуганных дошкольников.

Милиционер Потапов подумал:

«Теперь справочник не нужен».

Спрятал его в карман и направился к лежащему гражданину.

Правая нога незнакомца лежала отдельно, все остальное — отдельно.

Мостовая была залита кровью раненого грузовиком.

Милиционер вынул свисток, но гражданин приподнялся и хрипло сказал:

— Не зовите никого. Я — доктор Минаев. Я сам вылечусь.

И тут на глазах милиционера произошло чудо. Доктор сел, передал отрезанную ногу милиционеру, вынул из кармана провод и приставил его к обрубку ноги. Где-то слышался глухой рокот.

Через десять секунд из кровоточащего мяса показалось пять розовых ногтей, затем плюсна, предплюсна, голень, колено (подробнее см. анатомию), и через минуту доктор встал на ноги. Сняв с отрезанной ноги чулок, ботинок и полштанины, он надел их на свежееотросшую ногу, поднял свои книги и портфель, кивнул милиционеру и свернул в переулок.

А милиционер Потапов так и остался стоять с отрезанной голой ногой в руках.

Гл. 2. Л. Никулин. — Прошлое доктора Минаева

Миндаль на Украине¹⁾ не цветет. А может быть, и цветет, только в 1919 г., когда комдив Спудя гонялся по всей Украине за бандюком батькой Рябым, тогда миндаль не цвел. Зато цвели артишоки.

У комдива были усталые кони и шашка с золотой насечкой, снятая с генерала Чупаева, а у батьки — обоз тачанок с пулеметами. Зато у комдива под началом были красные кавалеристы, а батько орудовал с босыми бандюками в шелковых шароварах.

---

¹⁾ Украина — советская социалистическая республика — входит в состав нашего Союза, занимает площадь 00 000 000 миллионов гектаров с севера на юг и 00 000 миллионов километров с юга на север. Прим. ред.

От батьки плакали черноглазые украинки, утирая слезы паляницей, а от комдивовых ребят улыбались чернобровые красавицы и стыдливо прикрывались плахтой.

Тринадцатого мая порубил Спудя бандюков без числа и отбил у них пленных, броневик и доктора. Пленных освободил, броневик пустил в расход, а доктора Минаева призвал к себе и допросил.

И странную историю рассказал ему доктор Минаев.

Гл. 3. Е. Бывалов. — Морской пролетарий

«По происхождению я — моряк, по образованию — пролетарий. А доктором я стал случайно, когда четвертый боцман-мат поскользнулся о новый мат, запустил витиеватый мат и раскроил свой ахтерштевень о фордевинд.

Я сидел в кочегарке, угнетаемый царским режимом. Услышав шум падения, я пренебрег конспирацией и вышел на грот-бом-брамсель.

Капитан Соколов, жуткий слуга капитализма, обозвал меня собакой и приказал починить боцман-мата.

Я вправил несчастному поврежденный ахтерштевень и забинтовал просмоленным канатом. К моему удивлению он выжил, и я стал доктором.

Потом мы попали в мертвый штиль. Паруса у нашего дизеля бессильно повисли, винт закрутился до отказа и встал, жалобно скрипнув, а фок-мачта нафокалась до одурения и тяжело прилегла на капитанский мостик.

Капитан Соколов, зверский прислужник капитализма, крепко выругался, бросил в юнгу Васю тяжелой грот-вантой, отчего у

бедняги голова треснула, как яйцо, и, поскользнувшись, упал на крыйт-камеру. Он дико застонал: у него отвалилась левая нога.

Кругом столпились мрачные матросы.

— Собаке и смерть собачья,— весело сказал Арсентьевич, рулевой.

— Что с ним? — спросил марсовой, Будкин.

— Да вот, нога отвалилась. От злости, наверно.

— Ничего, другая вырастет, — уверенно сказал Будкин.

Гл. 4. И. Окстон. — Загадочная загадка разгадывается

И тут меня осенила ослепительная мысль

Я бросился в свою каюту особого устройства, быстро собрал изобретенную мною машину с особого рода конденсаторами, специально мной изобретенными, приладил особые регуляторы, вдвинул странной формы рычаги и провода и подошел к лежащему.

Все почтительно расступились передо мной. Я соединил остаток ноги капитана особой трубкой с изобретенной мною машиной, вдел сложной системы провода, прицепил специально приделанные рычаги и нажал крохотную черную кожаную кнопку, на которой тайным шрифтом, только мне одному понятным, было написано:

**Ос.,орож. .о. Оп. .сно для ж.. зни.
Без р. .зин...вых перч...ток не п... ходит..
Бер...ги е карм...ны.**

Машина работала, матросы ахали, ветер гудел, океан грохотал, дождь барабанил, солнце светило, луна плыла, звезды сияли, капитан стонал. Все было в порядке.

Вдруг матросы ахнули сильнее прежнего.

Капитан перестал стонать и удивленно осмотрелся: из обрубка ноги лезла... лезла неудержимо новая нога, розовая, пухлая, перевязанная ниточкой, свежая, только что с фабрики.

Гл. 5. Д-р Саркизов-Серазини. — На юг

Старый матрос Арсентийч взял подмышку руль, обнял меня и прослезился:

— Ну, доктор, уж и доктор, а и доктор ты.

Капитан встал и, как побитая собака Ильдыз-Кихка, пошел прочь.

Я гордо выпрямился и сказал:

— Держите курс на Константинополь. Знаете, кто я. Я

— потомок венецианских дождей.

По рядам пробежал почтительный топот:

— Они сошли с ума-с.

Но я был тверд, и мы переменили курс.

Как хорошо пенились волны, как весело играли ракушки. Молодые красавицы-голотурии и раки-отшель-

ники подплывали к самому борту и нежно шептали:

— Здравствуйте, доктор.

В Константинополе мы выбрали уютный караван-сарай, дали хороший бакшиш своему мулле, пообещали подарить ему живого шайтана, за что он назвал нас ишаками, и вообще уютно устроились.

К нам приходили курды, хурды, мурды и делились со мной своими заветными ятаганами:

— Доктор, спаси нас. Спаси нас, доктор, — говорили они.

И я решился.

Гл. 6. А. Сытин. — В песках

Рано утром, погрузив свою машину на верблюдов, я с отрядом красноармейцев двинулся через Ферганскую степь. Перед нами мелькали аулы, улусы и убрusy.

Хищные баи угнетали несчастных декхан, кружились в предутренней мгле янтарно-бирюзовые пески, и восходило древнее солнце, кланяясь отряду и говоря:

— Селям-алейкум, красный эффенди.

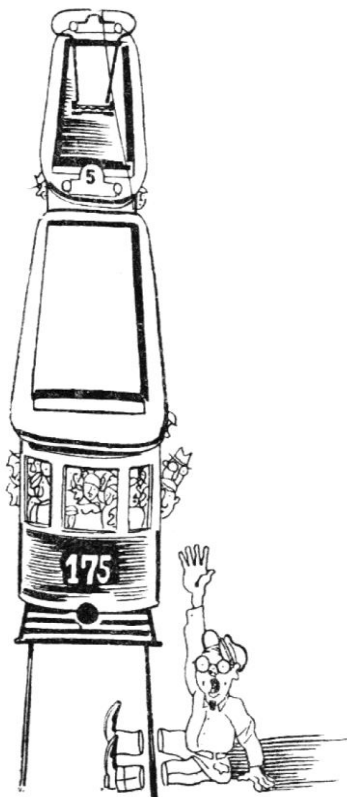
Так шли мы до Джетатура-Пуси.

По дороге мы разбили две банды мулай-гафизов, зато я попал в плен к загадочному племени басмачей.

Со мной обходились нехорошо: заставляли идти пешком по зыбучим пескам, отчего у меня лопнули глаза, и кормили вареным саксаулом.

Но машина была со мной.

Гл. 7. М. Зощенко. — Ловкие ребята

Так-то вот, братишечки, дошли мы до города Ленинграда. Большой такой город, замечательный. Поселился я на Обводном канале в комнатухе, завел себе примус, объявился в соцстрах:

«Инвалид, — говорю, — кумпола у меня не хватает». Ну, известно, пенсию дали, сто целковых, как я красный профессор и, может, машину какую выдумал.

Отрастил я себе новые руки-ноги, ничего, гуляю. А как в соцстрах за пенсией идти, под трамвай номер пятый свои руки-ноги ложу, и в таком, можно сказать, индустриальном виде заявляюсь.

Ничего, кормлюсь».

ВАЛЕРИЙ САНЧОВ

**ЗАВОД
ПРОИЗВОДИТ ГАЗ**

Фантастический рассказ

Иллюстрации Авалиани

**завод
производит
газ**

ВАЛЕРИЙ САНЧОВ

РИС. АВАЯНИ

...войне уничтожат миллионы безработных, война заберет миллионы детей, война даст пищу миллионам и миллиардам, война принесет поставки на фронт...
—делайте войну, делайте войну, господа—

I

Инженер Падельхорст, старик с военной выправкой и гордой осанкой, на заседании дирекции категорически потребовал:

- Мне нужно всего двести рабочих. На первое время этого вполне хватит. Но, за исключением пяти-шести опытных мастеров, мне требуются исключительно только молодые парни. Ваши старики для меня - инвалиды. Хорошее зрение, здоровые легкие и нормальное обоняние, - вот чего я требую.

Инженер Падельхорст опустился в мягкое кресло и вставил в глазную впадину монокль.

Инженер Падельхорст не был заводским работником. Он приехал из военного министерства руководить выполнением крупного секретного заказа. В дирекции заводов Леуна его выслушали с настороженным вниманием.

Застой в промышленности ударил и по гигантским химическим заводам Леуна и производство сократилось на две трети. Обнищавшая Европа не могла покупать патентованных химических препаратов, а богатая Америка предпочитала их производить у себя.

Поэтому несколько тысяч рабочих заводов Леуна уже полгода тому назад вместе с недельной получкой нашли в конверте зеленый листочек с печатным текстом:

„МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!
Дирекция заводов Леуна вполне удовлетворена вашей работой, но вызванное общей хозяйственной конъюнктурой сокращение производства вынуждает нас с большим сожалением расстаться с вами и объявить вам, что впредь от ваших услуг дирекция отказывается.
Примите уверения в непоколебимом нашем уважении к вам и искреннем расположении.
По поручению дирекции заводов Леуна
Куно Альшвангер“.

«Милостивый государь!

Дирекция заводов Леуна вполне удовлетворена вашей работой, но вызванное общей хозяйственной конъюнктурой сокращение производства вынуждает нас с большим сожалением расстаться с вами и объявить вам, что впредь от ваших услуг дирекция отказывается.

Примите уверения в непоколебимом нашем уважении к вам и искреннем расположении.

***По поручению дирекции заводов Леуна
Куно Альшвангер».***

Дирекция оставила на заводах только старых, наиболее опытных рабочих, а более молодые, и особенно зеленая молодежь, которая сейчас требовалась инженеру Падельхорсту, были выброшены за ворота.

Поэтому требование инженера не могло затруднить дирекцию.

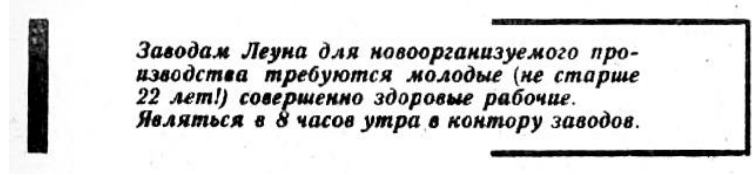
- Только это? - ответил с приятной улыбкой директор Альшвангер, ведающий рабочей силой. - Да в нынешних условиях это сущий пустяк. Не только двести, а пять раз по двести здоровых, как буйволы, парней можно вам предоставить. В Леуна-городе неисчислимы резервы рабочей силы.

- Очень приятно слышать, - кивнул головой инженер Падельхорст и выронил монокль. - Значит, я могу рассчитывать через три дня иметь рабочих?

- О, да! - быстро ответил Альшвангер. - Это можно гарантировать.

II

В тот же вечер на заводских воротах и на перекрестках улиц Леуна-города появились объявления:

Заводам Леуна для новоорганизуемого производства требуются молодые (не старше 22 лет!) совершенно здоровые рабочие. Являться в 8 часов утра в контору заводов.

Заводам Леуна для новоорганизуемого производства требуются молодые (не старше 22 лет!) совершенно здоровые рабочие. Являться в 8 часов утра в контору заводов.

С утра длинная очередь безработной молодежи потянулась к подъезду конторы и, извиваясь, как гигантская змея, обогнула угол здания и протянулась квартала на два.

Двое конторщиков производили запись безработных, а старичок-врач наскоро свидетельствовал зрение и легкие кандидаты на работу.

В двенадцать часов один из конторщиков захлопнул книгу, а другой вышел на улицу и крикнул:

- Комплект набран. Пока больше не нужно. Можете расходиться.

В числе счастливиц, успевших пройти запись и медицинское освидетельствование, были и Эгон Шиллер, Вилли Бушхакер, Курт Гольске и Эрвин Херинг - четверо

ребят с Нассауской улицы, почти соседи. Им и всем остальным, принятым на завод, объявили:

- На работу явиться завтра с утра. Ни папирос, ни ни табаку, ни спичек с собою не иметь! Пропуска получить у входа.

В Леуна-городе праздник, хотя в календаре дата напечатана черной краской. Но рабочие в Германии давно перестали жить по календарю. Из-за безработицы у доброй трети рабочих каждый день - воскресенье, и праздником в рабочих кварталах считается тот день, когда кто-нибудь поступает на работу.

То обстоятельство, что заводы Леуна снова широко раскрыли свои ворота, и приняли двести парней, в рабочих кварталах рассматривалось как радостное предзнаменование. Значит, производство расширяется! Вскоре и остальные сокращенные получат работу!

Во всех рабочих домиках, во всех заводских домищах с сотнями каморок, тесно прилепившихся друг к другу, как соты в улье, в подворотнях, на кухнях, в магазинах и в очередях за пособием, всюду, где встречались люди, говорили о приеме рабочих на заводы.

- Ну, слава богу... наконец...

- Теперь пойдет...

- Важно только начало. А там сотнями будут набирать...

В зале рабочего клуба толпилась молодежь. Вновь принятые на завод сияли, как именинники.

- Шутка ли, в такое время получить постоянную работу!... У Эгона Шиллера дома лежала больная мать, а сестренка ночи напролет вязала жакетки для магазина трикотажных изделий. Владелец магазина, каждый раз снижая расценки, грозил:

- Скоро совсем не буду принимать! Сбыта нет... Хоть самому эти жакетки надевать...

У Вилли Бушхакера отец был инвалид и получал пенсию, которой не хватало на хлеб для восьми всегда голодных ртов. За квартиру Бушхакеры задолжали за три месяца, и домовладелец грозил их выселить на улицу.

У Курта Гольске мать работала в прачечной. Она кормилась сама и с грехом пополам кормила двух маленьких сестер Курта. На сына она заработать не могла.

У Эрвина Херинга никого не было. Три месяца тому назад его безработный отец, отчаявшись найти работу, отвернул газовый рожок в своей комнате. Эрвин был тогда на собрании молодежи. Когда он вернулся домой, вся комната была наполнена светильным газом, а на полу лежали мертвыми отец, брат и сестренка.

Эрвин остался без семьи и без средств.

Уже за час до утреннего гудка новые рабочие толпились у заводских ворот. Они боялись опоздать, сразу же лишиться работы и с рассветом вышли из дома.

Старый табельщик у проходных ворот проверил фамилии по списку и выдал пропуска, сторож обыскал всех, ища в карманах запрещенные спички и табак, и наконец они очутились в новоотделанном помещении с огромными цилиндрическими котлами, высокими баками, барабанами, цистернами и сифонами, соединенными друг с другом сложной системой труб, змеевиков и рукавов. По всему залу, под потолком, вдоль стен и по полу тянулись прямые и извилистые трубы и все помещение напоминало стеклянный павильон зоологического сада, кишущий змеями. Огромные бункеры над котлами автоматически наполняли их сырьем, а стальной гусеничный конвейер подавал к топкам котлов топливо.

Несколько старых мастере в разбили новоприбывших рабочих по группам и указали каждой группе ее место и задачи.

Угон Шиллер и Курт Гольске попали в котельную группу: они должны были следить за температурой в котлах, в определенные промежутки времени открывать клапаны и краны и выпускать пары, спускать воду и перегонять содержимое котлов в охлаждающие кубы.

Вилли Бушхакера мастер поставил у сифона. Когда измерительный прибор показывал полное наполнение сифона, он должен был целой системой рычагов пускать си-

фонные насосы в ход и перегонять содержимое сифона в цистерны.

Эрвинг Херинг стал мотористом у конвейера и регулировал его ход, чтобы топливо равномерно подавалось ко всем котлам.

Инженер Падельхорст в последний раз проверил механизмы и приказал открыть дверцы бункеров. Зеленоваторыжие камешки с металлическим грохотом посыпались в котлы. Затем инженер приказал герметически закрыть котлы и разжечь топку.

Новое производство было пущено в ход.

Соскучившиеся по работе руки ловко и быстро выполняли приказания и, глядя на работу нового отделения, можно было подумать, что эти рабочие практиковались здесь годами, - так стройно и четко шла работа.

Увлеченные работой парни не чувствовали усталости, и лишь когда гудок прогудел и в зал вошли рабочие, назначенные во вторую смену, первая смена покинула зал, - тогда только парни почувствовали, как на них отразился первый день работы. У всех болели головы. Околышки кепок стали вдруг тесными и причиняли нестерпимую боль. Почти все расходились по домам с обнаженными головами, держа кепки в руках. Кроме того, у парней ломили спины, а во рту пересохло, и ощущался неприятный вкус. У тех, которые работали у сифонов и цистерн, слезились глаза, а котельщики чувствовали тяжесть и боль в желудке.

Но все это приписывалось непривычке к новым условиям работы, утомлению и слабости после продолжительной голодовки.

Комсомольский комитет Леуна-города включил в повестку дня экстренного заседания странный вопрос:

«Информация весовщика железнодорожной станции Леуна, тов. Брета».

Когда весь комитет был в сборе, секретарь объявил:

- Сегодняшнее заседание созвано по чрезвычайно важному вопросу. Сообщение, которое нам сейчас сделает то-

варищ Руди Брет, мы должны обсудить со всей серьезностью.

Рыжеватый паренек с веснушчатым лицом, одетый в форму железнодорожника, встал и тихо, но так, что его все-таки могли слышать все присутствовавшие, заговорил:

- Товарищи! В течение последнего месяца с заводов Леуна отправлено несколько десятков вагонов, нагруженных баллонами, какие обычно употребляются для кислорода. Мне приходилось выписывать сопроводительные документы и всякий раз экспедиторы завода заявляли, что в баллонах содержится жидкость для уничтожения полевых и огородных вредителей. Грузы отправлялись на предъявителя. Но вот три дня тому назад одна из сопроводительных бумаг вернулась уже после вручения груза для дополнительного взыскания с отправителей недополученного весового сбора. Это была моя ошибка, и я за нее получил выговор, - Руди Брет покраснел, запнулся и после минутной паузы продолжал: - Но сейчас я готов эту ошибку благословлять. На документе имелась подпись получателя и там стояла печать приемщика военно-химического склада. Я сразу догадался, что тут что-то неладно. Зачем военно-химическому складу жидкость для уничтожения сельскохозяйственных вредителей, да еще в таком, большом количестве?.. Я заподозрил худшее... - Брет снова сделал паузу. - Вчера, когда экспедитор заводов Леуна, этот пьянчужка Метцкер отправлял новую партию баллонов, я, как будто между прочим, заметил ему:

- А ведь укупорки у вас неважная. На днях мы получили от приемщика военно-химического склада акт, что один баллон с ипритом оказался со сбитой колбой и газ улетучился...

- Иприт я назвал совершенно случайно. Просто мне подвернулось название этого газа. Но Метцкер возразил:

- Ничего подобного! Колбы всегда припаяны. Кроме того, это вовсе не иприт, а медный газ. Он не улетучивается...

- Поняв, что он проговорился, Метцкер замолчал, а затем стал говорить о посторонних вещах, и в конце концов, повел

меня после сдачи дежурства в пивную и накачивал меня пивом, вероятно надеясь, что я опьянею и забуду наш разговор. Вы понимаете, - закончил свое сообщение Руди Брет, - что это значит? Заводы Леуна изготавливают этот страшнейший из всех газов - медный газ, который отравляет все живое, ослепляет и выедаёт легкие. Я читал об этом изобретении в газете... И этот газ производят у нас!...

- А, вот оно что! Синие жилки на бледном лбу Эгона Шиллера натянулись канатами. Он закашлялся, вскочил со стула и, когда приступ кашля наконец прошел, заговорил горячо и возбужденно:

- Вот оно что! Это значит, у нас, в новом отделении, производят медный газ. У нас... моими руками! Теперь я понимаю, для чего в бункерах колчедан, а в котлах - кислота! Проклятые мошенники... Нам они говорили, что новое отделение вырабатывает жидкость для истребления Грызунов.

- Надо немедленно принять меры к прекращению производства медного газа. Это ведь открытая подготовка к войне, - заявил коренастый пекарь Шмельц. - Нельзя допустить, чтобы на заводах Леуна вырабатывалось это орудие войны. Единственный путь, по-моему, - немедленно широко оповестить об этом рабочих и призвать их прекратить работу...

- Это теперь-то... когда всюду безработица, - отрицательно покачал головой Фихтель. - Ничего не выйдет. Рабочие изголодались, обнищали, ты требуешь от них непосильной жертвы - отказаться от работы, которой добиваются сотни тысяч людей в Германии...

- Нет! Нет! - снова заговорил Шиллер. - Ты не знаешь наших. Только скажи им, и они сейчас же бросят работу. Наши ребята - сознательные!

- Да, не слишком ли мы много потребуем от них? - усомнился секретарь. - Мы можем призвать молодежь, работающую в новом отделении, к забастовке... Но что из этого выйдет? Если забастовка не удастся - это подорвет наш авторитет.

- Удастся! Удастся! - закричал Шиллер. - Должна уда... - приступ кашля заставил его оборвать фразу на полуслове.

Из семи комитетчиков пять голосовали за забастовку и секретарь заявил:

- Я сегодня буду говорить об этом в партийном комитете. Мы не можем этот вопрос решить без партийного комитета, и я сообщу там, что наш комитет за забастовку.

- Только забастовка! И новое отделение объявить под бойкотом! - закричал Шиллер.

Типографии в Леуна-городе не приняли заказов на летучки комсомольского комитета. Владельцы типографий не хотели портить своих отношений с дирекцией заводов.

Тогда Шмельц, Шиллер, Бушхакер и Херинг засели за работу и в течение вечера написали двадцать больших рукописных плакатов.

Плакаты обращались к рабочим:

РАБОЧИЕ ЗАВОДОВ ЛЕУНА!

Полтора месяца тому назад на заводе пущено новое отделение, в котором, по заявлению дирекции, должна была приготавливаться миноискатель для истребления грызунов.

Но дирекция обманула рабочих. Как сейчас установлено, в новом отделении вырабатывается медный газ, самый страшный из всех существующих газов, сеющий смерть и уничтожение.

Нас обманули! Руками рабочих производится страшнейшее оружие для уничтожения рабочих. В новом отделении заводов Леуна фабрикуется будущая война!

Мы против войны, против производства орудий истребления, против обмана рабочих и призываем всех работающих в новом отделении немедленно бросить работу.

Лучше безработица, голод и нищета, чем собственными руками готовить новую бойню, ибо там, где производят газ, там готовят новую бойню, новые миллионы жертв.

В новом отделении объявляется забастовка и отделение под бойкотом.

Гоните и бойте штрейкбрехеров, предателей рабочего класса!

Не допускайте производства ядовитых газов, служащих для целей войны.

РАБОЧИЕ ЗАВОДОВ ЛЕУНА!

Полтора месяца тому назад на заводе пущено новое отделение, в котором, по заявлению дирекции, должна

была приготовляться жидкость для истребления грызунов. Но дирекция обманула рабочих. Как сейчас установлено, в новом отделении вырабатывается медный газ, самый страшный из всех существующих газов, сеющий смерть и уничтожение. Нас обманули! Рунами рабочих производится страшнейшее оружие для уничтожения рабочих. В новом отделении заводов Леуна фабрикуется будущая война! Мы против войны, против производства орудий истребления, против обмана рабочих и призываем всех работающих в новом отделении немедленно бросить работу. Лучшие безработица, голод и нищета, чем собственными руками готовить новую бойню, ибо там, где производят газ, там готовят новую бойню, новые миллионы жертв. В новом отделении объявляется забастовка и отделение под бойкотом.

Гоните и бейте штрейкбрехеров, предателей рабочего класса! Не допускайте производства ядовитых газов, служащих для целей войны.

Ночью все двадцать плакатов висели в разных районах города, и хотя к восьми часам утра разъяренные шупо сорвали их, все население Леуна-города только о них и говорило. Кто не успел прочесть плакатов, тот узнал новость из уст соседей.

В новом отделении парни собирались группами, обсуждали воззвание и даже при появлении мастеров не расходились.

- Тут никаких разговоров не может быть, - убеждал других Шиллер. - Мы не убийцы и не станем производить орудий убийства. О чем тут рассуждать? Возьмем свои шапки и кофейники и по домам...

- Но ведь другие найдутся, - возражали некоторые. - Мы работу бросим, а другие на наши места станут.

- Нет, других мы тоже не допустим, - упрямо твердил Шиллер. - Штрейкбрехеров мы сюда не допустим.

Бушхакер, Херинг и Гольске агитировали другие группы рабочих:

- Что вы, сами себе враги? - говорил Гольске.-Сегодня вы производите газ, даете возможность капиталистам начать войну, а завтра вас же пошлют защищать капиталистов, вас же отравят этим самым газом. Как ни тяжела безработица, все же она лучше смерти. При безработице вы имеете шансы получить работу, на войне же ваш выбор ограничен смертью от пули, от штыка или от газа. Вот и весь ассортимент...

О тревожном настроении рабочих мастера несколько раз докладывали дирекции, и в отделение пришел инженер Падельхорст, а за ним вслед директор Альшвангер.

Инженер Падельхорст медленно прошелся по залу, проверил все механизмы, просмотрел все счетчики и собирался уже было уходить, как вдруг Альшвангер наткнулся на группу парней, толковавших о забастовке.

- Что вы, лодыри, тут делаете? - заорал на них директор. - Вас наняли работать, а не языки чесать, бездельники! Лентяев мы вон гоним! Слоняющийся без дела рабочий обманывает предприятие...

- А кто нас обманул? Кто наврал нам про жидкость для истребления грызунов? - крикнул со своего места у конвейера Эрвин Херинг.

Альшвангер быстро подскочил к нему.

- Вот ты о чем, молокосос! Вон отсюда! Сейчас же вон!

- Я уйду! - громко заявил Херинг и сделал шаг вперед! - Я уйду, но уйду не один...

И со всех концов зала раздались крики:

- Он уйдет не один! Мы с ним вместе уйдем! Все уйдем!... Альшвангер быстро выскочил из зала. В коридоре инженер Падельхорст нагнал его и, пожимая плечами, пробормотал:

- Удивительно... как мало патриотического чувства в этих... рабочих... они совершенно не чувствуют себя немцами!

С вечерним гудком широко распахнулись железные ворота заводов Леуна и густой поток человеческих тел хлынул на широкий заводский двор.

Приземистые аккуратные кирпичные здания с высокими трубами и круглыми кислотными башнями, издали похожими на гигантские сосиски-картошники, проглотили десятками пастей-дверей всю эту массу людей с кофейниками в карманах, в руках и подмышками, и почти тотчас же начали выплевывать такой же поток окончивших работу, - усталых, изможденных людей-автоматов. Эти шли медленнее, пошатываясь от усталости и головокружения, и жадными ртами вбирали воздух, стараясь поглубже дышать своими отравленными ядовитыми испарениями легкими. Вместе со стариками выходили из завода и молодые рабочие нового отделения, но среди пришедших работать во вторую смену - не было молодежи. Вторая смена нового отделения инженера Падельхорста на работу не вышла.

Она осталась за воротами завода, и когда первая смена вышла, полтора-два молодых рабочих прошли по улицам Леуна-города с большим трафаретом, растянутым на двух палках:

- Мы, рабочие нового отделения, бастуем!

Мы отказываемся производить ядовитые газы для войны!

Мы не хотим помогать грядущей войне!

Рабочие, безработные и их жены толпились на тротуарах, провожая глазами демонстрантов. Из толпы раздавались выкрики:

- Ура!

- Долой войну!

- В тюрьму поджигателей войны!

На площади перед зданием городской ратуши состоялся импровизированный митинг, на котором выступил член городского самоуправления - коммунист. Тысячная толпа высыпала на площадь и загрохотала ее всю, и громкие крики:

На площади перед зданием городской ратуши состоялся импровизированный митинг, на котором выступил член городского самоуправления - коммунист. Тысячная толпа высыпала на площадь и загрохотала ее всю, и громкие крики:

- Долой войну! Долой подготовку к войне! – казалось, могли оглушить и мертвого.

Ночью не вышла на работу и третья смена нового отделения, а с утра у заводских ворот появились пикеты забастовщиков с плакатами:

«Завод производит газ!» Шиллер, Бушхакер, Херинг, Гольске и Брет, арестованные на другой день забастовки, сидят в тюрьме и ждут суда. Четырем молодым, рабочим нового отделения заводов Леуна предъявили обвинение в государственной измене, а Брета обвиняют в разглашении служебной тайны.

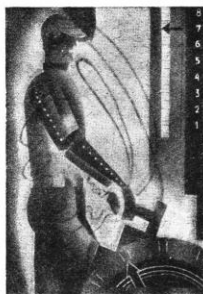
Их будут судить Альшвангеры, Падельхорсты и все, кто с ними. Завод производит газ и должен производить газ!

Но завод перестанет производить газ! Этот день наступит...

И тогда за судейский стол сядут Эгоны, Курты, Вилли и Эрвины и вынесут приговор Альшвангерам и Падельхорстам и приговор этот провозгласит:

- Именем Германской Социалистической Советской Республики...

Июнь, 1931 г.

Т О Ж Е

го романа, который будет печататься со следующей книжки.

4. Ж е н щ и н а.

«Искусственное деторождение — развитие ребенка из оплодотворенной клетки вне материнского тела — освободит женщину от опасностей деторождения. Но все же женщина будет попрежнему для нее средством к выполнению своего назначения».

Опытный читатель «Борьбы Миров» недоверчиво шурится:

— Деторождение? Единственное назначение женщины? Странное утверждение. Правый уклон. Но, все-таки, я уверен, что это рекламируют новый роман. И рисунки уже готовы. Надо не забыть возобновить подписку. Ну, а что дальше?

5. Т р у д.

«Только одну неделю в месяц каждый гражданин будет отдавать однообразной, но невероятно продуктивной работе. Взамен ее он получит достаточную оплату, чтобы вместе с семьей жить с полным комфортом».

6. Р а з в л е ч е н и я.

«Повышение личного благосостояния даст возможность беднейшим гражданам заниматься дорогим спортом. Развитие радиотелефонии и телевидения даст возможность присутствовать на лекциях, в театре, на спортивных состязаниях, не выходя из дома».

Читатель делает большие глаза:

— Оплачиваемый труд в будущем обществе, повышение личного благосостояния? Спорт — не физкультура, а зрелище? Ну, знаете?..

1. П р о м ы ш л е н н о с т ь.

«В 2000 г. внутриматомная энергия сделает уголь пережитком старины, а наименее населенные места земли, например, Гималаи с их мощными водопадами, станут крупнейшими индивидуальными центрами».

«Вероятно, реклама нового романа», думает читатель.

Не надо спешить с выводами.

2. Н а у к а.

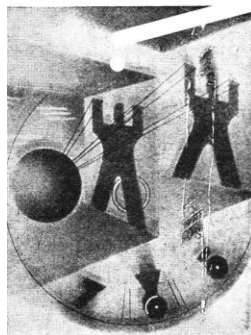
«Превращение Сахары в продолжение Средиземного моря. Искусственное отопление полярных стран. Центральная Азия превращается в плодородную страну, климат ее становится мягким, подходящим для существования человека. Контроль над погодой и стабилизация ее».

3. П у т и с о о б щ е н и я.

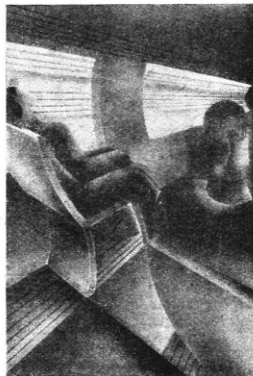
«Молекулярный мотор преодолевает силу тяготения. Полет Лондон—Нью-Йорк займет несколько часов. Пассажиры будут путешествовать в герметически закрытых кабинках».

— Ну, конечно, — уверен читатель, — сейчас редакция заявит, что это отрывки из ново-

2

3

4

Журнал «Борьба миров», № 7, 1930 год

УТОПИЯ

Последнее испытание. Еще две цитаты:

7. Государственность.

«Индустриальная и коммерческая «Лига Наций» запрещает государствам всякие войны, кроме как за свое существование: мечи будут перекованы в карбюраторы».

8. Война.

«Когда будет достигнута возможность управления механизмами по радио, целые армии танков будут бороздить землю».

Теперь читателю ясно, что он ошибся.

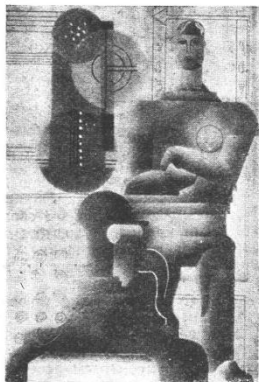
Речь идет не о новом романе «Борьбы Миров».

На Западе вышла книга под довольно обыкновенным названием «Мир в 2030 году». Это не роман и не фантастика беллетристического порядка—таких выходят десятки в год. «Мир в 2030 году» написан очень серьезным человеком, который пользуется большой известностью не только у себя на родине.

Нет, это не Уэльс. Больше того, это не писатель-профессионал. Перо в его руках в свое время служило совсем не для утешения скучных вечеров тоскующих мисс. Это политический деятель, довольно популярный в СССР. Нет, и не Чемберлен. И не Болдуин. И не Ллойд-Джордж. Хуже.

Эту книгу написал твердолобейший из консерваторов, лорд Биркенхэд. Тот самый, непримиримейший враг СССР. Угнетатель Индии, достаточный преемник Керзона.

Этот враг будущего пишет о будущем. И в каких тонах! Твердолобый сдает позиции: да, трудящиеся будут хорошо обеспечены и даже будут жить в комфорте. Разве

5

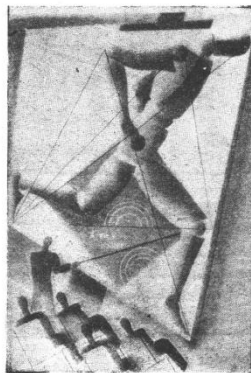
это не достижение для твердолобого? Министр не у дел решил помечтать и попутно сделать глазки рабочей партии. В этом отношении он своей цели достиг. Издателю удалось раздобыть от самого Макдональда благоприятный отзыв о книге лорда.

— Ну, ладно, — скажет читатель, — а почему сие важно в-третьих? Зачем нам нужно знать, что твердолобый написал какую-то книгу с определенно капиталистической тенденцией? Мало ли подобной дребедени выходит на Западе? К чему мне, читателю «Борьбы Миров», знать об этом?

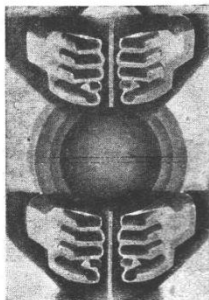
Во-первых, знать, что пишут даже твои враги, всегда полезно.

А во-вторых, да, в конце-концов, ты оказался прав, читатель: в «Борьбе Миров» будет печататься новый фантастический социальный роман.

Название его будет объявлено позже. Но в одном будь уверен, читатель, — что автор его не лорд Биркенхэд.

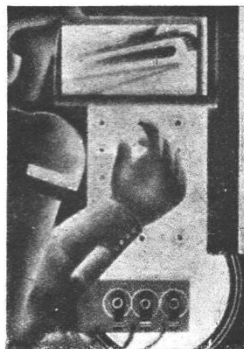

6

7

8

коны для практических и просвещенных женщин!»

Так говорила мадам из Перу репортеру большой и просвещенной венской газеты. Вопрос этот заинтересовал газету, весьма озабоченную поднятием духовного уровня

Долой тиранов!

Но нет, есть еще порох в пороховницах, еще бьется в сердце мира—в Европе—подлинная интернациональная, свободная и революционная мысль. В великом европейском городе Вене бьется эта мысль на интернациональной женской конференции, открывающейся на-днях. Это будет поистине интернациональная конференция—на ней присутствует, например, представительница южно-американского государства Перу—мадам Галлахер де-Паркс. И это будет свободомыслящая конференция, ибо намерена на ней упомянутая мадам, согласно ее сообщению в прессе, поднять великий бунт, поднять восстание против тиранов. Каких? Ну, конечно, против тиранов со знаменитой парижской улицы, где сосредоточены ателье знаменитых портных—законодателей мод.

Ведь эти тираны пытаются «заставить» нас вернуться назад, к глупым непрактичным модам, к платьям с высокой талией и длинными юбками, к шляпам с перьями и цветами... Вопрос этот имеет не только практическую, но и духовную сторону, и я очень хотела бы, чтобы наша конференция высказала свое мнение по поводу этой попытки парижских магазинов создавать за-

своих читателей, и поспешно устроила она анкету о будущем женщин вообще, и, в частности, о влиянии коротких и длинных юбок на психологию современных женщин. В чем же таится оно, это «вечно-женственное», о котором писал еще великий Гете, в короткой или длинной юбке?

Были запрошены «выдающиеся женщины» Парижа, Лондона, Берлина, Вены. Америка и тут оказалась загороженной непроницаемой стеной—дорогим телеграфным тарифом... И из последовавших многочисленных ответов выяснилось, что вообще будущее женщины весьма благоприятно и женственности ее ничто не грозит, если только она усвоит принцип двойной моды: короткой юбки для улицы и работы и длинной юбки для вечерних развлечений и домашнего очага.

НИК. ПОГОДИН

ЛЕТАЮЩИЕ ХУТОРА

Фантастический очерк

Л Е Т А Ю Щ И Е Х У Т О Р А

О черк Ник. Поюдина. Рисунки В. Сварога.

Остап Остапович Хвыличка глядел на книжечку, врученную ему комсомольцами, любопытнейшими и нежными глазами. Он подозвал всех, кто был на его току: жену свою, Домну Серапионовну, зятя Никиту Гузия, сына Даньку, меня, и мы вместе с Остапом Остаповичем глядели на книжечку.

Сидевший на соломе Остап Остапович поднял палец правой руки.

— Осо! — прочитал он.

Поглядел на жену значительно.

— Ави! — прочитал он и ехидно глянул на зятя.

— Ахим! — крикнул он и обвел всех нас взглядом, который говорил вызывающе и гордо: „Что, слышали?“

Было молчание, которое каждый из нас делал по-своему. Молчание разорвал Остап Остапович возгласом укушенного шмелем человека:

— Ой, братики, шо будэ на белом свете, когда все люди, и собаки, и волы, и целые хутора будут летать по небу, как моя арба, с соломой по степу. Шо ж це буде!

Он умолк. Зажмурил глаза и так, с зажмуренными глазами, качал головой, а потом заговорил, и в мгновение ока, вечерний приутихший ток, с думающими волами, с гигантской фигурой Домны Серапионовны, с рыжими усами самого Остапа Остаповича, с курносой Данькой и с шароварами Никиты Гузия, с веселой рожей катающегося по степи солнца, со всем, что есть на свете и чего нет, сгинул, пропал, как будто заговорил не Остап Хвыличка, а сам Алексей Толстой.

Вот Остап Остапович летит на аэроплане куда-то, и сам не знает куда. И поет Остап Остапович на всю землю, на весь мир:

Ой, у дузи,

Тай ще при берези...

По дороге ему, например, попадается кум Гнилорыбенко:

— Це вы?

— Я.

— Погодь... Та постой трохи, чертяка, — весело кричит ему Остап Остапович, как кричит ему всегда, встречая его на арбе под слободой Булочкиной, едучи с хутора Хуруля. — Ну, как у вас, у Булочкиной?

— У Булочкиной? — медленно закуривает кум, — шо ж, у Булочкиной? Ничего. А у вас на Хуруле как?

Поговорив эдак прилично и приятно, Остап Хвыличка продолжает свой путь прямо Черкасским шляхом, — шляхом! — через Персияновку, на Шахты, на Миллерову, на слободу Дегтеву, на хутор Ситраков, и опять шляхом, — шляхом! — через станицу Мигулинскую, а потом солонцами, солонцами! — и прилетает в Китай. Конечно, день воскресный, и почему бы Остапу Хвыличке не погулять по Китаю?

Но вы же знаете, какой скаженный характер у супруги его! Она теперь пришла от обедни и раскладывает на столе под вишней крутые яйца, поляницу, хворост, сметану и пирожки с картошкой. А муж где-то пропадает по Китаю. Остап Остапович и сам чувствует запах пирожков с картошкой, а потому, махнув рукой на всю китайскую территорию, забегает в ихнюю потребиловку, «купует себе четверку чаю и заводит свой мотор на все сто двадцать четыре силы.

И опять шляхом, шляхом... Хорошо!

— Остап Остапович, — говорит ему жена вежливо и протяжно, в то время, как она с самыми приятными чувствами держит на пяти пальцах блюдец с чаем и малиновой каймой.

— Остап Остапович!

— Шо, Домна Скорпионовна? — богоугодно спрашивает он.

— Божається нам с Пузырчихой на звезду — говорит она басом пресыщенной удовольствиями светской львицы, и при этом „вылупляет очи“.

„Це окаянная пузырчиха“ — сердито думает Остап Остапович, но интересуется в самом невинном тоне.

— Чи на Хуруле вам места мало с Пузырчихой?

Ожидая, что жена его выругает каким-нибудь нехорошим словом, Остап Остапович убеждается в другом. Жена до того нежно глядит на него, что у него чай и пирожки и яйца поворачиваются в животе.

— Прокатить Остап Остапович нас с Пузырчихой на звезду, — еще нежнее просит она. — Нам яка поближе.

— Та на шо?! — уже кричит Остап.

— О це ж мы заимпотризовались¹⁾, чи там людины такие, как мы, чи какие другие.

В это самое мгновение у Остапа Хвылички рождается и созревает коварнейший план. Засветло он сажает в аэроплан жену свою с бабой Пузырчихой, и отправляется в путь степью, на Ростов, на Таганрог и Азовским морем до какой-нибудь первой звезды. Слезает, конечно, на звезде, и все, как полагается, и с дьявольской хитростью ласково советует бабам.

— Идить, бабы, до того вон хутора, тем вон лужком, а я машину буду туточки доглядать.

---

1) Выражение, принадлежащее Домне Серапионовне. Означает «Заинтересовались»

Не успевают пройти они двадцать шагов, как Остап Хвыличка орлом-птицей взмывается на небо и за все свои земные мучения показывает жене дулю, а сам скорее Азовским морем на Таганрог, на Ростов и в Хуруль..

В это время мимолетная семейная сцена прервала увлекательный рассказ Остапа.

Со стремительностью тумбы, гонимой японским тайфуном, прокатилась через ток его супруга, засучила рукав, и под самые усы, под самые дырочки Хвыличкиного носа, сунула тяжелый кукиш.

— З'ишь сам, — прошептала, она очаровательно.

Хвыличка пьяными глазами глянул на кукиш, не удивился, а продолжал.

Идет он до председателя Хурульского совета, Гребенюка, требовать справедливости. Но ведь весь мир знает, что председатель Хурульского совета кривой на один глаз. Все люди давно решили, что Гребенюку не место в Хурульском совете. И не получает Остап Хвыличка справедливости, а видит своими глазами, что одной рукой Гребенюк берет взятку, а, другой рукой угнетает бедняков.

Ничего никому не сказавши, подается Хвыличка на Старочеркасск, на Ольгинскую, на Оксай, оттуда на Нахичевань, на Большие Салы, по армянам... Ну, а там уже близко Москва. Спускается Хвыличка под Кремлем, ставит аэроплан в холодок, дает ему «хватажонку»¹⁾, появляется собственноручно перед Михаилом Ивановичем.

—Так и так, Гребенюк угнетает черных труженников...

— Так и так, Гребенюк угнетает честных тружеников.

Михаил Иванович, видя такую несправедливость, скорее дописывает свои законы и подается с Остапом на хутор Хуруль. Кривой Гребенюк занимается, конечно, своим прежним делом, и Михаил Иванович застаёт его на самом месте преступления.

— Вот, — говорит Михаил Иванович, — когда ты поймался! Давай печать. — И так далее.

Отделавшись от жены и расправившись таким образом с Гребенюком, Остап продолжает заниматься своими домашними делами. Скажем, поломались у него ножи на лобогрейке, или потерял он в чортову бурю вилы с машины.

— Данько, сбегай у Ростов, а как у Ростове нема ножей, то погоняй в Катеринослав, а бо у Харьків.

Но Данько — растрепан. Раззявил свой рот и залетел чорт его знает куда. Долетел он до Батайска, и тут же ведь Ростов прямо через Дон, а он повернул на Тихорецкую, покрутился над Армавиром, повстречал за одной тучей казака, а у казака — до чего хитрый народ! — к машине корова привязана, хлопает по небу хвостом и летит вместе с казаком, должно быть, по срочному делу, а, может, и украденная. Данько очень заинтересовался и поехал следом за казаком, пропадая со смеху от такой картины. Казак куда-то нырнул со своей коровой за Кубанью, а Данько совсем потерял дорогу. Погнал прямо. Прямо поедешь — куда-нибудь всегда попадешь. И Данько попал, сам не знает куда, — вроде в персидское царство, вроде в Индию. Хвыличке косить надо до зарезу, хлеб печет, а ножей нет.

Позывает он машину у Ивана Бруна и гонит Гузия в Ростов, а сам тем временем выходит на дорогу — чи не летит там кто на Кубань. Народу летает много туда, и сюда, и среди проезжающих всегда найдешь кубанских или ставропольских, или каких тебе надо людей. Заметил Хвыличка молодую бабу, лускает арбузные семечки и летит помаленьку.

— Стой, тетка, откуда, будешь?

— А из Старо-Мышастовки.

— А мне треба Ново-Мышастовку. Подвези.

— Сидай.

Прыгнул Хвыличка на бабыну машину, на задок, вздремнул на сене, а в Новой Мышастовке вскочил у родича Степуна на току. Взял у него веялку на время, привязал ее за Степуновой машину и айда на Хуруль. Под самым Каилом нагнал Данька. Согнулся чортов рак и гонит машину, аж пыль но небу горами подымает.

— Ты где бул? — кричит ему Остап Остапович. — Где бул, чертыка?

— У Индии, — жалобно отвечает Данько.

— Да как же ты, курносая собака, попал в Индию?

— Заблукался я, — плачет Данько, потому что сам натерпелся много страху.

Тут же за Батайском, над Займищем повстречали они Никиту Гузия. Этот сукин сын пересел к какой-то старо-черкасской молодайке, обнимается с нею, как будто он поехал не по делу, а сидит под стогом. А свою машину, как возилку с волами, привязал за задок молодайкиного аэроплана. И в этот самый момент откуда-то с небесной горы прыгает Остапу Остаповичу на спину его супруга Домна Скорпионовна, цепляется в его патлы, выволакивает его из машины на волю, и ну катать, и ну катать, все головой об тучу, об тучу!

Остап Остапович поглядел на замершее бурое облако, на жену свою, на шаровары Гузия, на меня и закончил убежденно:

— А ць будэ. Кода-сь, а, будэ!

Книжечку Осоавиахима он спрятал за пазуху. Гузий, собрав складки своих штанов, лег на живот в солому.

— Да-а, — произнес он аппетитно.

Данько глядел в небо, будто искал там Степунову машину с привязанной Остапом Остаповичем веялкой, себя, убегающего из Индии, Гузия, целующегося с старо-черкасской молодайкой... Ему в нос залетела комашка, и он обиженно чихнул. Домна Скорпионовна выругала Остапа Остаповича обидным словом, а я...

Я тут совершенно не при чем, и заверяю всех людей, что эти небесные похождения выдумал мой случайный знакомый гражданин Хвыличко с хутора Хуруля, округа Донского, края Северо – Кавказского, в июле месяце 1927 года, мечтая на своем току об удивительном будущем по случаю своего вступления в Общество Содействия авиации и химии.

Ник. Погодин.

Е. ЛАУМАН

ВЕСТИ ИЗ БУТЫЛКИ

Фантастический рассказ

ВЕСТИ ИЗ БУТЫЛКИ

Фантастический рассказ **Е. Лаумана**

СЕМЬ ЛЕТ ПО МОРСКИМ ВОЛНАМ.

В декабре на Новую Землю прибыл советский ледокол «Русланов». Обитатели острова—самоеды—передали капитану ледокола бутылку, которую они нашли в море. Бутылка была наглухо запечатана. Ее раскупорили. В бутылке лежала записка, в которой было написано, что бутылка опущена в море морской лабораторией в Абердине (Шотландия) в 1920 году. Бутылка была опущена в море для того, чтобы проследить—куда ее приберет морское течение. О находке сообщено в лабораторию, опустившую эту бутылку в море.
(Из газет)

15 ноября, в 10 ч. 37 м. утра, вахтенный заметил вблизи левого борта плавающий предмет. Если я так точен, то это потому, что как раз в эту минуту я проверял свои часы по судовому хронометру. Мы шли в это время: в Северном Ледовитом море, недалеко от Нордкапа. Мы — это Французский военный корабль.

Замеченный предмет едва выделялся над поверхностью воды и имел странный вид.

— Плавающая мина, — сказал кто-то.

— Не думаю, — отвечал капитан, всегда скупой на разговор. — Готовьте шлюпку, — отдал он приказание.

Судно убавило скорость, и штурману было приказано держать курс параллельно движению таинственного предмета. Мичман с двумя матросами сели в спущенную шлюпку. Море было удивительно спокойно, погода была самая подходящая для такого маневра.

Мы все сгорали от нетерпения: подобная находка в море всегда сопровождается целым рядом интересных моментов; кроме того, это событие нарушило однообразие судовой жизни.

Несколькими ударами весел лодка приблизилась к плавающему предмету, и мы увидели, как мичман внимательно рассматривал его, затем велел подойти к нему совсем вплотную, и один из матросов выловил его. Пять минут спустя шлюпка была уже снова поднята на борт, и мичман положил предмет на стол капитана.

Это была бутылка из толстого, почти черного стекла, вместимостью, приблизительно, в 5 литров. Она, вероятно, когда-то служила для водки и была тщательно обернута просмоленной веревкой, а также пробковыми пластинками и деревянными дощечками, очевидно для того, чтобы предохранить стекло, и вместе с тем, дать ей возможность держаться на поверхности. С первого взгляда мы убедились, что бутылка уже долгое время находится в море, потому что она вся была покрыта зоофитами¹⁾, равно как и пробка, которая, как мы увидели впоследствии, состояла из деревянной заклепки, пеньки и дегтя.

Какое было происхождение этой бутылки? Какой путь прошла она? Прилипшая к ней колония зоофитов указывала, что она долго плавала по южным морям, ибо зоофиты не встречаются в тех холодных морях, где мы были. Можно было поэтому предположить, что бутылка, принесенная северным течением из Великого океана, попала в Ледовитое море. Но вот сколько месяцев? Впрочем, можно было допустить и обратное предположение, а именно: что бутылка, выброшенная у Шпицбергена, совершила путь к югу, а затем вернулась назад. Как бы то ни было, ее пребывание в жарких морях не подлежало сомнению.

После того, как бутылка была откупорена, ее наклонили, и из нее выпал платок, тщательно обернутый вокруг небольшой гири. Платок был осторожно развернут, и перед нами появились написанные на нем крупные буквы, начертанные, по-видимому, деревянной палочкой, смоченной в деготь, разбавленный сажей. Капитан нагнулся над этой рукописью, слегка разгладил ее ладонью и прочел первую строку:

С борта «Гальционы», 13 февраля 1820 г.

Он остановился, пробормотал «гм!», и в недоумении снова нагнулся над платком, чтобы внимательно разглядеть написанное; затем, как будто ища нашего сочувствия, он добавил, оглядывая нас:

---

1) Иначе «фитозоа» («растения-животные») — название кишечнополостных: губок, медуз, кораллов и т. п. о

— Значит, бутылка эта пробыла в воде 98 лет?

Мы все молчали.

— Господа, — сказал капитан, — это дело серьезное; мы составим протокол о всем происходящем, и все его подпишут. Лейтенант, возьмите бумаги. Заметьте, документ этот писан разными руками и людьми разного образования: первые строки написаны правильно и красивым почерком, а прочие, и в особенности последние, писаны плохо, и рукой, очевидно, не привыкшей держать перо. Потопимся: я боюсь, что эти буквы, которые так долго пробыли в темноте в этой бутылке, побледнеют от воздуха и света, и исчезнут.

Капитан стал медленно читать под доносившийся до нас глухой шум судовой машины. Я не сумею объяснить то общее чувство, которое нас охватило; нам казалось, будто мы находимся в комнате умершего, и невидимая смерть витает в ней.

Вот, слово в слово то, что было написано на платке:

«Мы, нижеподписавшиеся и единственные, оставшиеся в живых, покинули Новую Землю с грузом тюленьего жира 13 сентября 1819 года, направляясь в Христианию, как первую стоянку, при порядочной погоде и ветре норд-ост. «Гальциона» — бриг-шхуна в 160 тонн¹⁾, прочный, хорошо построенный, прекрасно выдерживающий бури и противные ветры. Экипаж состоял при отъезде из 25 человек, считая в том числе и командный состав (полный список команды приложен).

Вы, кто прочтет эти строки, внемлите мольбе, которую мы обращаем к вам: двенадцать человек исполнены ужаса и отчаяния, сейчас, перед тем как бросить в воду эту бутылку, содержащую последний луч их надежды».

Капитан поднял „голову и внимательно оглядел всех нас; затем он продолжал медленно читать:

---

2) Метрическая тонна (1000 кг) вошла в употребление сравнительно недавно. Здесь разумеется «морская тонна».

«Вы, кто бы вы ни были, должны сказать себе, что двенадцать человек, подобных вам, гибнут среди мертвого безмолвия, окруженные странными и ужасными явлениями. Придите на помощь — во имя нашего спасения, во имя тех, которые поджидают нас дома!

Мы снялись с якоря и уже три дня шли с приспущенными парусами, когда вдруг, почти неожиданно, барометр быстро упал, и сильный порыв ветра пронесся в воздухе. В эту минуту мы были под 48°52'40" северной широты и 0°2'45" западной долготы; это была последняя точка, какую нам удалось определить. Ветер дул все сильнее и гнал нас к северу; мы успели спустить паруса, лот показал совершенно достаточную глубину. Внезапно море окрасилось странным молочным оттенком, и волны, поднятые ветром, стали так высоки, что они достигали нижних рей и падали со страшным шумом на палубу, которая вся дрожала под их напором.

По-видимому, самые глубины моря были охвачены волнением, ибо порой волны выносили со дна на поверхность воды множество странных существ, неизвестных — чудовищных рыб, плавательные пузыри которых, вылезая из рта, лопались под ослабленным давлением. Море как будто дымилось, над волнами носилась распыленная ветром влага.

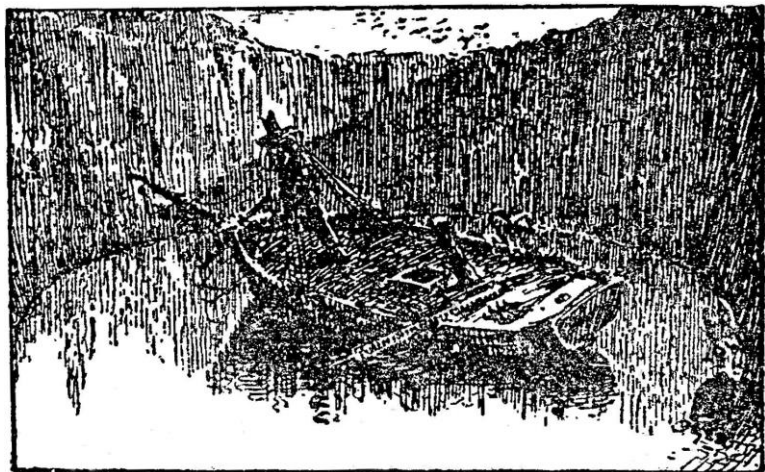
Несмотря на принятые нами меры, главная мачта была сорвана, как щепка, а фок¹⁾ сломался на две трети своей длины. Целыми часами мы с невероятными трудностями боролись, чтобы освободить наше несчастное судно от поломанных частей и поставить два фока, с помощью которых мы могли бы удержаться в дрейфе. Во время этих работ был смыт волной Жан-Франсуа Крева.

Настала ночь. Буря удвоила силу, и вдруг без видимой причины мы были унесены с невероятной быстротой, и притом не по направлению ветра, а вкось от него; вследствие этого мы потеряли все оставшиеся у нас паруса.

---

1) Точнее — фок-мачта, то есть передняя мачта (фок — нижний парус этой мачты).

**...Мы находимся в центре огромной лохани.
Вокруг поднимаются мощные стены...**

Непреодолимое течение влекло нас, сбитый с толку компас не давал никаких указаний, по которым можно было бы ориентироваться.

Скоро, увы — да будет проклят этот час! — мы услышали грозный шум прибоя, сначала далекий, потом все приближавшийся и усиливавшийся. Мы находились в центре циклона, настолько сильного, что невозможно было оставаться на палубе даже привязанным. Нас несло к бурунам, еще несколько минут — и все было бы кончено, но вдруг наше судно, как нам показалось, было приподнято над водой и со страшной силой брошено вперед, словно оно несло по гребню волны. Раздался глухой удар и сильнееший всплеск воды, потом наружные звуки затихли, и мы почувствовали, что вышли из бурной атмосферы и медленно кружились вокруг себя. Было так темно, что мы ничего не могли видеть; но мы, по крайней мере, на этот раз были спасены.

В тревоге ждали мы рассвета, и что особенно было странно, это то, что мы слышали страшный рев моря и завывание ветра, но не ощущали их действий. Этот необъяс-

нимый покой после пережитой бури внушал нам невыразимый страх; впоследствии некоторые из матросов уверяли, что они считали себя умершими, словно спускающимися на дно моря вместе с кораблем, покинув жизнь незаметно для самих себя.

Наконец, настало утро, холодное, серое и тусклое, и мы разом поняли все и содрогнулись от ужаса. Мы находимся в центре огромной лохани, вокруг нас подымаются высокие и мощные стены из мрачного черного камня. Незаметно нигде никакого отлогого берега, кое-где лишь несколько обломков скал и выступов, на которые нога могла бы опереться, и несколько черных и таинственных отверстий в толще каменных стен. Этот цирк имеет от ста до ста пятидесяти метров в диаметре, наше злосчастное судно находится в центре его.

Мы стояли неподвижно, не понимая, как все это случилось и как мы попали сюда, но с этой минуты большинство из нас убедились, что мы погибли и можем думать только о смерти. Капитан не мог не заметить, по бледности наших лиц, нашего волнения, и тотчас же принялся отвлекать нас от мрачных мыслей, раздавая приказания направо и налево и подкрепляя их самыми страшными угрозами...

Измерение глубины, произведенное после того, как мы несколько пришли в себя, не дало никаких результатов, — глубина должна была быть слишком велика, а наш лот недостаточно длинен. Экипаж принялся, в ожидании событий, которых мы предвидеть не могли, приводить «Гальциону» в такое состояние, которое позволило бы ей держаться на воде при могущих наступить обстоятельствах. У нас было два якоря, мы соединили обе якорные цепи в одну, так что у нас получилась цепь в 33 метра, которую мы спустили за борт; хотя она, конечно, не коснулась дна, но это позволило удержать судно на одном месте и заняться, не спеша, изучением окружающей обстановки...

...Я, капитан «Гальционы», пишу эти строки, предоставив матросам отдыхать, а сам с помощником отправился в шлюпку, чтобы найти тот проход, через который мы вошли. Наша поездка была очень коротка и совершилась с тем

большей легкостью, что мы плыли по стоячей воде; но вынесенное нами из нее заключение могло свести с ума. Никакого прохода, даже щели не было! Каменная стена поднималась со всех сторон, не пересеченная ни одной расселиной, высокая, плотная, и совершенно недоступная на первый взгляд. Мы сговорились промолчать об этом и, возвратившись на судно, прежде всего занялись подсчетом наших запасов продовольствия. Оказалось, что, если никто не умрет за ближайшее время, у нас хватит их на 45 дней.

Лестница из
вбитых в ска-
лы скоб была
сделана, и мы
предвкушали
уже свободу.
Но поднявшийся матрос сорвал-
ся вместе с веревочной лес-
ницей...

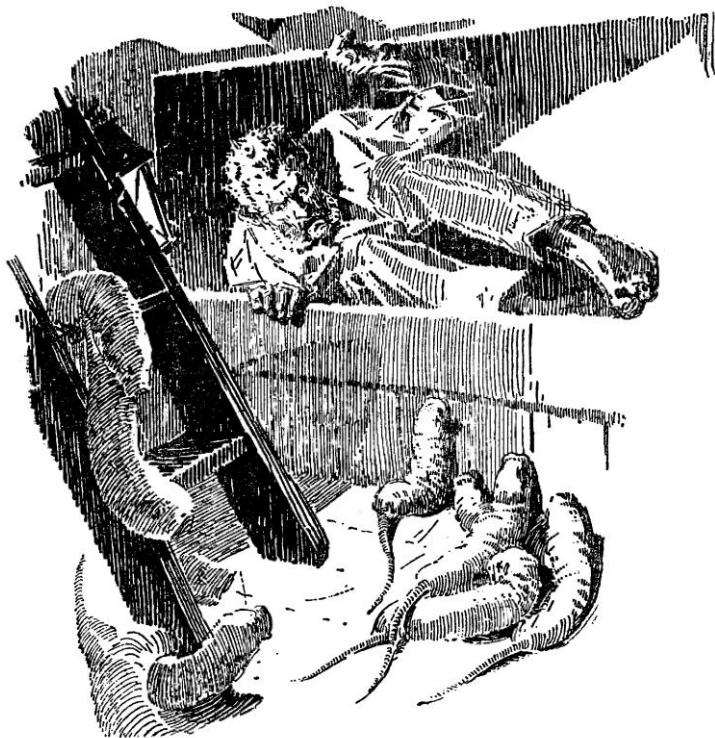
На следующий день я, по долгу совести, собрал своих людей и, призывая их мужественно перенести испытание, раскрыл им всю правду; вместе с тем я предложил им вновь попытаться найти выход в окружавшей нас каменной стене. Все лодки были спущены в воду; но и их поиски, как и наши, остались бесплодными. Один из матросов предложил перебраться через стену, вбивая в скалу последовательно железные скобы, по которым можно было бы подняться до верху; при этом первый, взобравшийся на скалу, должен был бы взять с собой веревку, чтобы прикрепить к ней веревочную лестницу, по которой можно было бы поднять нужные материалы для постройки лодки или плота. Все преисполнилось надеждой, и работа началась. Цепи послужили для изготовления скоб, лестница была сделана, и мы уже предвкушали удачу, когда все погибло: поднявшийся матрос сорвался вместе с веревочной лестницей, а у нас не было ничего, чтобы соорудить другую. Мы все добрались до верхушки гранитной стены, но оказалось, что и с другой стороны она отвесно спускалась в море. Усталые, полные отчаяния, мы возвратились на «Гальциону», неподвижно дремавшую на стоячей поверхности воды.

Ослабленные и упавшие духом люди не хотят ничего предпринимать и покорно мирятся с мыслью о смерти. Нам осталось припасов только на 20 суток. Я с ужасом предвижу самое худшее!

Если наши дни унылы и полны отчаяния, то ночи ужасны и исполнены невыразимых страхов. Из моря выползают огромные кольчатые существа, похожие на улиток и испускающие в темноте молочно-белый свет. Эти улитки (ни с чем другим их нельзя сравнить) длиной около 30 см, толщиной же в человеческую руку. Их прикосновения вызывают злокачественные нарывы. Стены нашей тюрьмы кишат ими по ночам; улитки поедают лишай, покрывающие камень в нижней его части. Они взбираются и на нашу палубу, и тогда перестают светиться, словно зная, что это может обнаружить их присутствие. Двое из наших людей, дотронувшись до них, обратились в ходячие трупы и умерли от

гангрены. Это дает нам продовольствия на один лишний день.

Есть еще белые твари, тяжело летающие вокруг нас в ночной темноте; их крылья, очевидно, служат им и плавниками, так как мы слышим, как они ныряют в воду, а потом взлетают на полметра над ее поверхностью. Они издают противный запах тины, тела их мягки, влажны и холодны, как тела медуз. Глаза их светятся фосфорическим блеском, но унылы, как бы полные невыразимой печали... Мы увидели эти существа впервые в одну лунную ночь и поймали одно из них; они плоски, рот их окружен присосками, у них два плавника, на хвосте третий; таково это отвратительное животное, конечно, доселе неизвестное...

...Стены нашей тюрьмы кишат по ночам этими огромными улитками... Прикосновение к ним вызывает злокачественные нарывы...

— Здесь, — сказал капитан, — есть пробел. Я вижу слово «безумие», потом «отчаяние». Дальше идет следующий текст:

«Ужасно! Ночью поднявшийся на палубу матрос не вернулся обратно. Утром мы нашли его совершенно обескровленный труп, на шее его был ряд мелких ран, из которых сочилось еще немного спекшейся крови. Ночью они окружают судно... никто больше не осмеливается выходить на палубу, а у нас нет ни света, ни продовольствия, мы ничего не можем выловить из воды...

Самый сильный из нас взберется на стену по вбитым в нее скобам и оттуда бросит в море бутылку... Мы ждем без надежды, но если кто-нибудь нашел эту бутылку... помогите...».

Капитан поднял голову, он был бледен; помолчав минуту, он сказал:

— Тут идут дальше только подписи, потом несколько бессвязных слов. Смерть витала вокруг них...

Эти простые, но дышавшие близкой смертью строки потрясли нас всех. Мы, как будто видели перед собой обескровленные лица людей, чудовищных улиток и надвигавшуюся гибель...

Капитан нарушил наше молчание первый. Он положил ветхий документ на стол перед собой и задумчиво произнес:

— Еще одна загадка!.. Еще одна кошмарная драма в летописи моря.

Слова капитана разрядили создавшуюся атмосферу. Все всколыхнулись и заговорили. Начались горячие споры. Некоторые стали доказывать, что это кольцо образовалось от вулканического извержения на дне моря, и что это место должно находиться где-нибудь в еще неисследованных местах арктических морей. Другие стали утверждать, что это, наоборот, остатки какого-либо затонувшего материка. Завязался спор. Однако это все были только предположения...

Лейтенант разложил бумагу и стал составлять акт о находке...

Быть может, через-много лет какой-либо корабль, исследуя неизвестные места океана, наткнется на каменное кольцо и найдет в нем то, что было когда-то шхуной-бригом «Гальционой», и тогда к этой загадочной трагедии будет приписан конец...

В. ЯЗВИЦКИЙ

МЕКСИКАНСКИЕ МОЛНИИ

Фантастический рассказ

Рисунки А. Соколова

Знание- сила

Год издания 5-й

Март 1930 года

МЕКСИКАНСКИЕ МОЛНИИ

Рассказ В. ЯЗВИЦКОГО, рис. А. СОКОЛОВА

«ЛУЧИ ЖИЗНИ» ИЛИ «ЛУЧИ СМЕРТИ»?

ПОСЛЕ ТОГО как Томас Дудлей продемонстрировал свой аппарат в Нью-Йоркской академии наук, жизнь его была отравлена. На другой же день, помимо назойливых газетных репортеров, к изобретателю явился представитель военного ведомства. Он предложил Томасу Дудлей приспособить изобретенный им аппарат специально для военных целей. Седоусый полковник был очень весел, и как специалист своего дела с увлечением изобразил такие ужасы разрушения и гибели в рядах неприятеля, что у Томаса Дудлей захватило дух от негодования. Взмолванный и потрясенный чудовищно злой силой, в какую может быть превращено его изобретение, он стал горячо доказывать непригодность своего аппарата для нужд военного министерства.

— Мои опыты с передачей электроэнергии, — говорил он, — носят лишь лабораторный характер. Я не могу гарантировать...

Полковник ласково остановил его.

Он по-своему понял волнение ученого и поспешил успокоить его. Он обстоятельно и крайне убедительно разъяснил изобретателю, что правительство и не предполагало требовать тотчас же исполнения тех или иных заданий. Наоборот, оно охотно подождет, а что касается обещанной суммы, то она может быть выдана Томасу Дудлей в любой момент, как только он этого пожелает.

— Мы хотим купить вашу гениальную идею и ваш мозг, — говорил, улыбаясь, полковник, — сердце же и душа ваша, мы уверены, и так принадлежат отечеству. Вы будете одним из самых великих граждан Соединенных Штатов.

Томас Дудлей почувствовал себя в мышеловке. Он понял, что вокруг него заплетается крепкая и хитро сплетенная паутина. Почтительный и любезный полковник между прочим посоветовал ему воздержаться от всяких интервью и бесед с репортерами, предоставив информацию о новом изобретении лишь Академии наук.

В калейдоскопе последующих дней перед Томасом Дудлей замелькали в газетах заметки одна лживее другой. Говорилось о его аппарате для изучения радиоволн и об его изобретении, при помощи которого можно прервать работу всех неприятельских радиостанций. Появились также «решительные опровержения», сделанные от его имени относительно «вздорных измышлений о какой-то передаче электроэнергии».

Однако вся эта шумиха в печати не помешала военным атташе всех стран кое-что пронюхать, и к Томасу Дудлей настойчиво стали заглядывать не только американские полковники, но и полковники различных национальностей. Несчастный изобретатель, боясь иностранного шпионажа и отечественной слежки, не смел сказать лишнего слова, стал избегать друзей и знакомых. Положение его делалось невыносимым, нервы начинали сдавать, и он вызвал по телеграфу младшего брата Остина Дудлей.

Переписываться обо всем откровенно братьям было уже нельзя, так как все их письма вскрывались тайной полицией и контрразведкой.

То обстоятельство, что Томас Дудлей не брал из отпущенной ему суммы ни одного доллара, вызывало еще более усиленный за ним надзор.

Брат застал великого изобретателя в состоянии полного отчаяния. Он кинулся навстречу приехавшему и быстро заговорил истерически-надорванным голосом:

— Слушай, Остин, они хотят меня сделать убийцей! Палач у электрического кресла убивает одного или нескольких преступников, а я должен убивать сразу тысячами ни в чем не повинных людей. Кроме того, они лгут обо мне, что хотят, и я не могу возразить им.

— Успокойся, Томас, — прервал его Остин, сжимая руки брата, — ты просто издергал нервы, ты преувеличиваешь... Расскажи все подробнее. Я ничего не знаю толком.

Томас устало опустил в кресло.

— Моя жизнь отравлена, — продолжал он, — ты знаешь из газет, что я выступал в академии... Теперь я раб военного ведомства. Меня связали по рукам и ногам, заткнули мне рот...

Он закрыл лицо руками. Остин молча наблюдал за братом, стараясь лучше понять создавшуюся обстановку.

— Я мечтал, снова заговорил Томас, — что создам сказочную электрификацию. Я предложил человечеству «невидимые провода» из радиолучей. Я мечтал, что всюду, куда протянутся радиолучи, заработают моторы всевозможных машин, судов, экипажей и даже воздушных кораблей...

Он вскочил с кресла и подбежал к брату.

— Ты понимаешь, Остин, — воскликнул он, — все величие этой картины? И что же! Я создавал «лучи жизни», а они хотят превратить их в «лучи смерти».

— Где же выход? — спросил Остин, с тревогой следя за братом, — я помогу тебе во всем...

Водворилось тяжелое молчание.

— Для меня задача эта труднее, чем сделанное мною изобретение, — медленно ответил Томас, — я не знаю... Я готов проклясть свое открытие, ставшее для меня цепью каторжника... Если бы я не ждал твоего приезда, я бы или сошел с ума или бы пустил себе пулю в лоб...

Чтобы отвлечь брата от мучительных размышлений, Остин Дудлей попросил показать ему аппарат, которого он еще не видел.

— У меня есть кое-какие планы, — сказал он, — но об этом мы поговорим после, а теперь я хочу видеть то, что ты придумал.

Они прошли в лабораторию. Здесь стояла динамомашина переменного тока, связанная с излучателем очень коротких электромагнитных волн. Электрический ток сначала попадал в трансформатор, потом направлялся к прожектор-

ной антенне. Здесь особые радиоотправители посылали в воздух, ионизируя¹⁾ его, радиоволны длиной в 5—8 сантиметров. Эти радиоотправители представляли собой два прожектора, от которых «лучи ионизированного воздуха» отражались двумя прямыми параллельными пучками, идущими к двум металлическим приемникам. Это и были «невидимые провода» из радиолучей, по которым ток, исходя из динамомашины, бежал в воздухе, как по медным проводам, принимался металлическими приемниками и поступал во второй трансформатор, откуда направлялся в электромотор и приводил его в движение. Томас, попав в привычную рабочую обстановку, несколько успокоился. Давая те или иные объяснения, он даже увлекся.

— Заметь, говорил он брату — эти «невидимые провода», высылаемые радиолучами, освобождают нас от всяких хлопот. Допустим, что мы передаем ток огромного напряжения от Ниагарской станции на сотни километров. Сколько для этого потребуется столбов, медного провода, а главное — сколько нужно будет самой хорошей изоляции, чтобы удержать ток от прорыва в землю. Невидимые же провода не нуждаются ни в какой изоляции. Они, если можно о них так выразиться, висят без опоры в пространстве, совершенно не нуждаясь ни в столбах, ни в изоляции. Кроме того, эти невидимые провода проходят сквозь все препятствия...

Изобретатель подошел к динамомашине и заставил ее работать.

— Теперь, — продолжал он, — переменный ток от генератора побежал по воздуху к электромотору, который у меня установлен в соседней комнате и сейчас начал уже работать. Перейдем туда. «Невидимые провода» и электроток свободно пронизывают эту толстую стену.

---

1) Очень короткие радиоволны, подобно рентгеновским лучам, расщепляют молекулы воздуха на ионы (еще более мелкие частицы). Это расщепление воздушных или газовых молекул и есть ионизирование воздуха. Ионизированный воздух, т. е. расщепленный на ионы, становится хорошим проводником для электрического тока. — В. Я.

Он пустил в ход динамомашину...

— Поразительно, — восклицал Остин, — теоретически я верил в это и раньше по твоим рассказам, но теперь, когда это осуществлено, когда все предстало воочию, мне твое открытие кажется сказкой. Оно удивительно, поразительно и вместе так гениально и просто!

Когда они вошли в соседнюю комнату, там уже работал электромотор, получая энергию из лаборатории по воздуху. Остин Дудлей сел в кресло и с восторгом стал следить за его работой, будто слушал музыку. Томас закурил сигару и ближе подошел к брату.

— Теперь представь, — говорил он, — что где-то, в далекой степи, нужно сжать пшеницу с нескольких тысяч гек-

таров, а потом вымолотить тысячи тонн зерна и смолоть их. Мы получаем запрос по радио на энергию, необходимую для сельскохозяйственных работ. Тотчас же мы протягиваем на сотни километров «невидимый провод» и пускаем по нему чудовищной силы ток. Там, в степи, поймав радиолуч, пропускают ток через трансформатор и передадут на моторы электрожатоков, электромолотилок и электромельниц.

Остин Дудлей соскочил с кресла и бешено заплодировал.

— Это перевернет весь мир, — восклицал он, — я представляю, как тысячи «невидимых проводов» протянутся от радиоэлектроцентральных по тысячам различных направлений, приведут в движение сотни тысяч моторов в самых глухих и диких углах и зажгут столько электрических ламп, что смогут осветить даже полярную ночь!

Он долго говорил о неограниченных возможностях «беспроводной электрификации», о новой жизни всего человечества, о завоеваниях культуры и техники. Но Томас, все время радостно слушавший брата, вдруг побледнел и опять бессильно опустился в кресло. Остин остановился на полуслове и растерянно смотрел на него. От мечтаний они вернулись к действительности.

— Нам не позволят этого сделать, — сдавленным голосом произнес Томас, — все это засекретит военное ведомство, чтобы целиком применить для массовых убийств и разрушений... Все созданное мною я должен сам же разрушить, чтобы не быть преступником в глазах будущего человечества, а я с гордостью чувствую себя гражданином будущего...

— Нет, — горячо возразил Остин, — ты не имеешь права губить гениальное открытие. Ты должен довести дело до конца. Постараемся сбросить эти рабские цепи. Мы можем скрыться и закончить работу, а потом найдем страну, где живут для мира, а не для войны...

— Есть ли такая страна в мире? — горестно воскликнул Томас.

— Есть, убежденно произнес Остин, — я знаю о ней.

Братья Дудлей совещались несколько часов подряд, а за обедом весело перекидывались шутками о предстоящих приключениях и опасностях, которые увлекали их, как настоящих американцев.

— Лучше рискнуть жизнью, — говорил Томас, — чем сдаться в плен милитаризму. Лучше умереть в борьбе, чем быть орудием убийств.

— Браво, — восхищался Остин, — мы еще поборемся и, надеюсь, победим.

Через пять дней после этого совещания во всех американских и европейских газетах замелькали сенсационные телеграммы об исчезновении Томаса Дудлей. Тревога приняла почти истерический характер, и разноголосый газетный хор выкрикивал сногшибательные новости, сообщая то о политическом похищении изобретателя, то об его убийстве или самоубийстве, то, наконец, об измене отечеству и побеге в другое государство. Этот шум длился несколько недель, но потом сам собою смолк ввиду отсутствия каких бы то ни было новых данных о Томасе Дудлей. Несмотря на все усилия сыска, это странное исчезновение так и осталось загадкой.

КАТАСТРОФА В САН-ХУАН-БАУТИСТА

ПРОШЛО более полугодом после этого события, как Нью-Йорк, где были получены первые сведения из Мексики, снова пришел в волнение. Правда, первая телеграмма о катастрофе в штате Табаско не вызвала здесь особого внимания. Но уже через день все американские и европейские газеты были до отказа нафаршированы телеграммами от «собственных» и «специальных» корреспондентов, подробно сообщавших о «мексиканских молниях». Мировая пресса при этом была заинтересована не столько самой катастрофой, сколько обстоятельствами, ее вызвавшими.

Дело было так. По окончании выборов в местный конгресс в столице штата Табаско Сан-Хуан-Баутиста были

устроены празднества. Происходили велосипедные гонки, а местный гарнизон, по просьбе губернатора, предоставил в распоряжение публики два змейковых аэростата. За несколько сентавос¹⁾ всякий желающий при звуках военного оркестра мог подняться на «колбасе» в длину всего стального каната и полюбоваться своей столицей с птичьего полета, увидеть болотистые окрестности, гисовые и кофейные плантации. Желающих было много, в корзины аэростата садилось по два или по три человека. Лебедки почти непрерывно скрежетали, разматывая и сматывая стальные канаты, к которым были прикреплены воздушные шары.

Погода стояла удивительно ясная, нигде не было ни единого облачка, и верхушки кокосовых пальм, казалось, утопали в густой и знойной синеве неба. Разноцветные флаги горели на солнце, а трубы музыкантов, велосипеды и автомобили сверкали ослепительными бликами. Публика беспечно веселилась. Кругом смеялись, пили, ели бананы и апельсины, а духовой оркестр наигрывал самый зажигательный фокстрот. Обе «колбасы», слегка покачиваясь на стальных канатах, висели в воздухе. Вдруг около одного из аэростатов, когда его немного повернуло ветром, вспыхнула бледно-розовая молния.

Шар охватило пламенем, а одновременно пламя выскочило из земли около лебедки. Затем раздался оглушительный взрыв, давший такой толчок воздуху, что другой аэростат положительно заплясал на своем канате, но тотчас же был поражен молнией подобно первому. Как потом стало известно, при катастрофе погибло девять человек. Пятеро разбились насмерть, остальных обожгло и убило электрическим током. Специально наряженным следствием было установлено, что катастрофа вызвана электрическим разрядом необычайной мощности.

С этого момента интерес к «мексиканским молниям» достиг наивысшего напряжения. Соединенные Штаты тотчас же, в ударном порядке, отправили в Мексику специальную научную экспедицию, а морское ведомство с подозри-

---

1) Сентавос—мексиканская монета около 5 коп.

*Раздался оглушительный взрыв... «Колбасу»
охватило пламенем...*

тельной поспешностью предложило самый быстроходный крейсер, который находился тогда в Новом Орлеане. Еще больше нервности проявили военные министерства Англии и Франции, когда в прессе появились догадки, что «мексиканские молнии» не что иное, как «лучи смерти», о которых уже не один раз появлялись таинственные слухи.

Еще больше нервности проявили военные министерства Англии и Франции, когда в прессе появились догадки, что «мексиканские молнии» не что иное, как «лучи смерти», о которых уже не один раз появлялись таинственные слухи.

Таким образом, случай в Сан-Хуан-Баутиста де-Табаско сделался центром тревожного внимания для правительств всего мира. Всевозможные сенсации, появляясь на страницах газет, сеяли тревогу также и среди обывателей. Американская экспедиция еще более подлила масла в огонь. В ее отчете сообщалось, что при помощи различных, очень остроумных приборов удалось установить следующий факт. Через столицу штата Табаско проходил сильнейший высоковольтный электрический ток на высоте двухсот метров. В юго-западном направлении ток шел к горному штату Оаксака, а в северо-восточном направлении тянулся к Багамским островам. Однако дальнейшее исследование экспедиция не могла продолжать, так как электрический ток внезапно прекратился.

ИНЖЕНЕР РОДЖЕРС И ПАСТОР ШУЛЬЦ

В ЭТО САМОЕ время город Оаксака был погружен уже третью ночь в полную темноту. Прекратили движение трамваи, и не работали многие фабрики. Главный инженер города Джон Роджерс подробно изучал по плану места разрушений плотины, произведенных наводнением. Он был так углублен в работу, что слегка вздрогнул, когда в его кабине резко прозвучал вызов по радиотелефону. Роджерс откинул рычажок аппарата и стал слушать.

Говорили с Багамских островов.

— Неужели, Томас, — спрашивал Остин Дудлей, — произошла такая авария, что ты третий день не можешь подать мне тока?

— Я тебе сообщал, — ответил Томас, теперь превратившийся в Джона Роджерса, — что ремонт займет более трех дней... К счастью, это случилось...

— Почему же это к счастью? — нетерпеливо крикнул Остин, — я не понимаю твоих шуток, Томас. Ведь, это случилось тогда, когда нам еще нужно усовершенствовать приемники. Я жду не дождусь, когда мы сможем отсюда уехать. Нет, я не понимаю твоего чрезмерного хладнокровия...

— А ты лучше послушай вот это, — перебил его Томас и прочел газетную заметку с отчетом американской экспедиции.

— Значит, пронюхали, — сразу упавшим тоном проговорил Остин — а я здесь не читал ни одной газеты и ничего не слышал. Это ужасно!

— Я сам узнал об этом только сегодня утром, — сказал Томас, — но не падай духом и помни: «Четыре буквы и пять лет». Это наш последний разговор по радиофону. Немедленно свертывай все свои работы и выезжай в Сан-Доминго. Завтра городская станция начнет работать, и я освобожусь. Через неделю увидимся. Жди телеграммы до востребования на имя пастора Шульца от Джона Роджерса. Понял?

— Понял, — ответил повеселевший Остин, — а что касается пастора, то у него уже растет борода, и будет не хуже, чем у инженера города Оаксака. Игру, значит, проложим?

— И выиграем, — добавил Томас, — до свидания.

Через два дня после этого разговора инженер Джон Роджерс, пустив в ход городскую электростанцию, выехал из города Оаксака в командировку по делам электрической компании, а в город въехало несколько разноплеменных шпионов. Направление тока направило сюда целые десятки казенных и добровольных сыщиков. Местное население было удивлено таким наплывом иностранцев, вызвавших симпатию только у хозяев гостиниц. Такое же тяготение у по-

добного же рода туристов проявилось и к Багамским островам. Вскоре часть американской экспедиции тоже приехала сюда из штата Табаско, тщетно улавливая различными приборами исчезнувший ток.

Впрочем, таким же исследованием воздушных слоев, но в строгой тайне, занимались во всех странах. Напряженное международное положение ежеминутно грозило войной. Всюду опасались новых военных изобретений и охотно верили, что Томас Дудлей кому-то уже продал свой секрет и готовится к разрушительной работе. Во многих государствах придумали особые приспособления для арсеналов и пороховых погребов, которые должны были действовать против «лучей смерти» наподобие громоотводов. Были объявлены премии за изготовление особых защитных оболочек для людей и аэропланов, а также тратились всеми государствами бешенные деньги на военный шпионаж.

Но как бы то ни было, а газетная шумиха о «мексиканских молниях» постепенно стихла, и взволнованные на некоторое время рядовые читатели газет опять стали увлекаться спортивной хроникой, следить за выигрышами лотерей и спокойно посещать кинематографы.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ИНОСТРАНЦЫ

МЕСЯЦА ЧЕРЕЗ два после мексиканских событий германская охранка обратила внимание на двух иностранцев, приехавших в Берлин.

Это были хорошо одетые люди неопределенной национальности, заросшие густыми бородами. Иностранцы с вокзала поехали в первую попавшуюся гостиницу, предложенную им комиссионером. Они, видимо, впервые были в Германской столице и к тому же очень скверно говорили по-немецки, но это не смущало их. Наоборот, они вели себя как-то легкомысленно весело, что казалось особенно забавным при наличии у них весьма солидных и даже суровых

бород. Все невольно обращали на них внимание. Германская агентура опытным глазом заметила, что приезжие привезли за собой «хвост». Это были американские сыщики. Агенты быстро снюхались. Оказывается, американцы поймали на мушку обоих иностранцев еще в Гамбурге, когда те выходили из океанского парохода, прибывшего из Бразилии.

Заокеанские сыщики объявили немцам, что выслеживают двух крупных уголовных преступников, укравших бриллианты огромной стоимости, и обещали хорошую премию за содействие. Германская агентура сразу насторожилась, почуяв, что пахнет жареным.

Между тем, оба иностранца, ничего не подозревая, предъявили свои бумаги в гостинице и тотчас же отправились бродить по городу. Европейские и американские агенты совместно осмотрели их паспорта, познакомившись таким образом с гражданами республики Гаити: доктором Джоном Роджерсом и пастором Мартином Шульцем. Это неожиданное открытие привело в некоторое замешательство сыщиков обоих континентов, но, придя в себя, они все же бросились преследовать по пятам таинственных иностранцев.

Парикмахер принялся за работу.

После небольшой гонки по берлинским улицам они увидели, что автомобиль двух гаитянцев остановился на углу Фридрихштрассе и Лейпцигской улицы. Оба пассажира быстро вошли в парикмахерскую.

— Они говорят, как настоящие американцы из Нью-Йорка, — шепнул германскому агенту американец в черных очках, выходя из другого автомобиля.

Гаитянцы уселись в кресла, а полиция заняла наблюдатель-

ные посты. Парикмахеры принялись за работу, постепенно превращая волосатых людей в настоящих европейцев. Оба иностранца оживленно перебрасывались шутками на английском языке и весело смеялись. Они были странно возбуждены и заметно нервничали.

— А мне все-таки жалко мою библейскую бороду, — говорил один из них, — право, я походил на Авраама.

— Зато мы приближаемся к земле обетованной, — шутил другой, — а это нам досталось не легче, чем бородатым патриархам.

— Да здравствуют «Четыре буквы и пять лет»!

Американец в черных очках поглядел через газету на одного из гаитянцев и вздрогнул. Перед ним, освободившись от усов и бороды, были лицо Томаса Дудлей, великого изобретателя, исчезнувшего из Нью-Йорка. Агент даже побледнел от волнения. Он уже ощутил себя владельцем огромной премии за поимку такого преступника, и разные планы, как блохи, запрыгали в его мозгах. Он оставил в парикмахерской вместе с немцами своего помощника, приказав телефонировать ему каждые четверть часа, а сам помчался в американское посольство. Через двадцать минут бешеной езды на автомобиле он уже беседовал с американским военным атташе, полковником Пирсоном.

— Смотрите, не ошибитесь, Диксон, — говорил полковник очкастому американцу, — вы должны помнить, что мы на иностранной территории, и что за ошибку ответите лично вы...

— Ручаюсь, полковник, — воскликнул Диксон, — ошибки быть не может!

Он вытащил из кармана картонный футлярчик и раскрыл его. Там была прекрасно сделанная фотография Томаса Дудлей. Показывая портрет военному атташе, сыщик решительно заявил:

— Вот он. Смотрите — лоб, глаза...

— Да, согласился полковник, — это такое лицо, которое не смешалось с другими.

Их беседу прервал звонок по телефону.

— Говорю из ресторана на Унтер-ден-Линден, — сообщал Диксону его помощник, — во время обеда они спрашивали у кельнера о том, где находится советское посольство. Тот дал им точные указания.

Боясь, что преступники ускользнут, через немцев приказал задерживать подачу блюд...

Когда это сообщение стало известно полковнику, лицо его побелело, как мел. Они крепко сжал руки Диксона.

— Если это изобретение попадет в руки Коминтерна, — заговорил он, задыхаясь от волнения, — то все мы погибнем! Спешите, Диксон, государства всего мира будут вам благодарны... Спешите!.. Не жалейте ни средств, ни сил... Ведь, они завтра же смогут начать мировую революцию!

Полковник в ужасе закрыл лицо руками, а Диксон, как бомба, вылетел из посольства и вскочил в ожидавший его автомобиль.

«ПОСТРАДАВШИМ ОКАЗАНА МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ»

КОГДА БРАТЬЯ Дудлей после неприятно затянувшегося обеда вышли из ресторана, они не нашли своего автомобиля. Их удивило, что шофер исчез, не получив даже причитавшейся с них платы.

— Странно, — проговорил Остин, — ты ничего не замечаешь, Томас? Около нас все время трутся какие-то подозрительные личности.

Томас взял брата под руку и, сделав знак, сказал громко беспечным тоном:

— Какая чудесная погода! Пойдем пешком...

Они энергично отмахнулись от двух назойливых шоферов, наперебой предлагавших свои автомобили.

— Этот в черных очках, — быстро прошептал Томас, — с утра попадаете мне на глаза. Мы сделали глупость, что обрили раньше времени...

— Они не посмеют нам причинить вреда, — возразил Остин, — но приготовимся на случай...

— Да, — громко смеясь, ответил Томас, — Берлин очарователен!

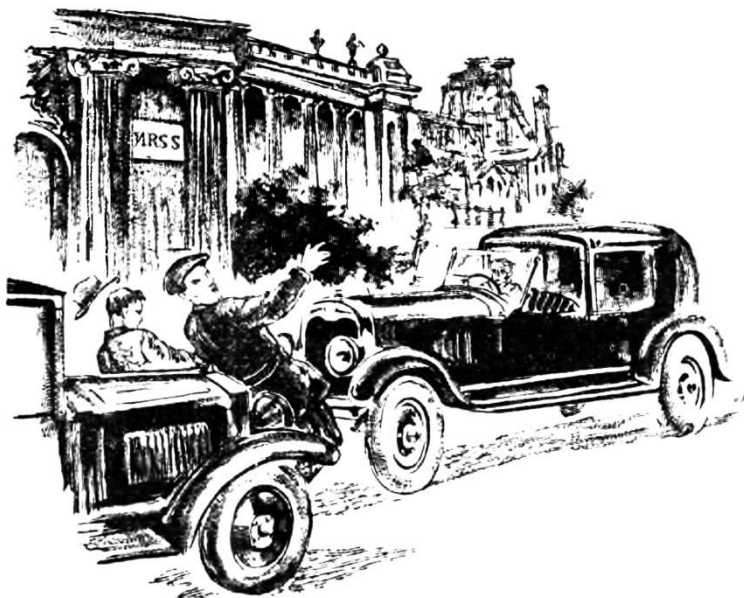
Он крепко сжал руку брата, хотевшего вскочить в автомобиль, все еще ехавший рядом. Тот вопросительно поглядел на него и тихо сказал:

— Но, ведь мы вооружены, Томас.

— Все же мы рискуем приехать не туда, куда хотим, — чуть слышно шепнул Томас, — мне кажется, нас узнали. Идем в гущу толпы...

Они вдруг инстинктивно почувствовали, что окружены врагами. Они насторожились, ощупали в карманах револьверы и быстро двинулись вперед. Они знали, что советское посольство недалеко, всего в двух кварталах.

Берлинская толпа захватила их своим потоком. Они вздохнули свободнее.

На них насмотрелись сразу два автомобиля...

— Наши страхи преувеличены, — улыбнувшись, сказал Остин — это еще сказывается американская трепка нервов...

— Возможно, — согласился Томас и радостно добавил, — вот они четыре буквы!

Действительно, перед ними на противоположной стороне улицы возвышалось здание советского посольства, над которым плескался красный флаг с четырьмя золотыми буквами «U.S.S.R».

В этот момент шутман задержал уличное движение, чтобы дать пешеходам возможность перейти с одного тротуара на другой. Братья крепко пожали друг другу руки и почти бегом направились к подъезду советского посольства.

Но, когда они были на середине улицы, случилось что-то совсем странное. На них наскочили сразу два автомобиля. Остин Дудлей был сбит с ног, а Томас упал на него. Братья не успели опомниться от неожиданности, как с заткнутыми ртами и связанными руками были втолкнуты в карету скорой помощи...

* *

*

В вечерних изданиях берлинских газет по этому поводу было всего несколько строк, из которых любопытные могли узнать следующее:

«Против русского посольства попали под автомобиль два американца. Пострадавшие подобраны каретой скорой помощи и доставлены по месту своего жительства в американское посольство, где им оказана необходимая медицинская помощь».

В. ЯЗВИЦКИЙ

• ————— •

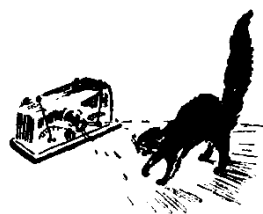
АППАРАТ ДЖОНА ИНГЛИСА

Фантастический рассказ
Рисунки В. Голицына и В. Ермолова

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ЯЗВИЦКИЙ

АППАРАТ ДЖОНА ИНГЛИСА

Рисунки В. Ермолова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

Журнал «Знание-сила» за 1929 год, №4.

Также, с изменениями: В. Язвицкий

«Аппарат Джона Инглиса»

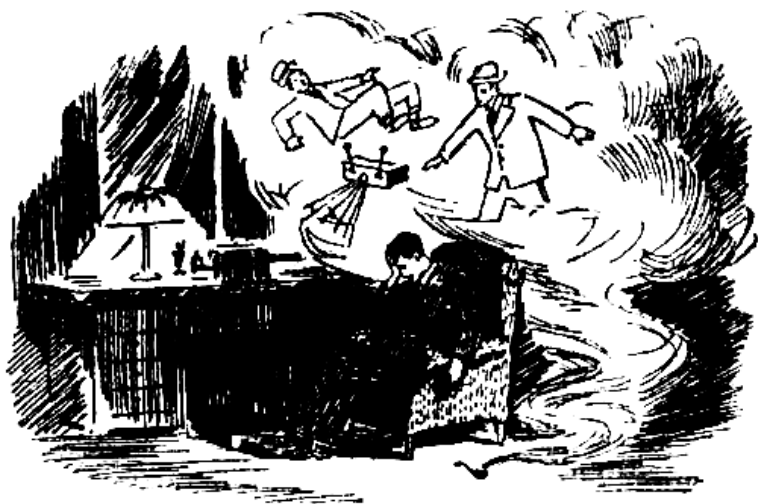
М.-Л.: Детгиз, 1945 г.

*Серия: Библиотека научной фантастики и приключений
(Детгиз)*

АППАРАТ ДЖОНА ИНГЛИСА

Фантастический рассказ В. ЯЗВИЦКОГО, рис. В. ГОЛИЦЫНА

Это случилось совсем недавно, когда Джон Инглис сдавал свою докторскую работу. Тема его исследования была довольно трудная: он должен был изучить условия, вызывающие уменьшение коэффициента трения, и заковать свои наблюдения в соответствующие формулы. Но при всей трудности поставленной задачи о Джоне Инглисе нельзя было сказать, что ради науки совсем забросил теннис, футбол и речные гонки. Время от времени он бывал и у своей тетки, миссис Кроккер. Это была старая методистка, и поэтому она недолюбливала Джона за свободомыслие, но Джон бывал там из дружбы к Сибилле, своей двоюродной сестре.

Несмотря на спорт и развлечения, он успевал ежедневно бывать в лаборатории, где конструировал очень оригинальные

нальную модель. Аппарат предназначался для того, чтобы наглядно иллюстрировать формулы, устанавливающие отношения силы трения, скорости скольжения твердых тел и давления тела на скользящую поверхность. Это был очень остроумный прибор, и Джон Инглис больше всего гордился именно этим изобретением.

Словом, молодой ученый горел творческим энтузиазмом. Он радостно вступал в мир и настолько был уверен в своих будущих победах, что весь земной шар казался ему только триумфальной колесницей, специально для него приготовленной. В самом деле, ему везло. Докторская работа удалась блестяще, и сам декан факультета публично заявил, что университет гордится таким способным воспитанником.

Джон Инглис был беспредельно счастлив в тот знаменательный день. Легкой тенью скользила иногда только мысль, что аппарат еще не готов из-за некоторых деталей. Поэтому он тотчас же после обеда у родителей мисс Кроккер поспешил в лабораторию.

— Завтра аппарат должен быть готов, — сказал он. — Я просижу всю ночь, но закончу его.

Но в лабораторию Джон успел попасть всего за несколько минут до закрытия. Он решил взять свою модель домой, где у него была небольшая мастерская. Аппарат, которому он еще не придумал названия, свободно укладывался в небольшой футляр. Заявив о своих намерениях заведывающему лабораторией, он, весело посвистывая, отправился домой. У него впереди была целая ночь.

Дома он с любовной нежностью поставил свой аппарат на стол и замечтался. В его воображении мелькали различные вариации тех или иных частей прибора, но потом отодвинулись куда-то в сторону. Джон Инглис неожиданно увидел своих стариков, к которым в Саут-Бенд. Вот он чувствует, что мать положила руку ему на голову и говорит таким нежным и уютным голосом:

— Как бежит время! Вот мой мальчик стал уже доктором университета Пурда...

Джон Инглис весело рассмеялся и отогнал от себя сладкую дремоту. Он энергично принялся за дело. Время летело незаметно. Где-то в верхнем этаже часы по ночному гулко пробили три раза. Джон разогнул онемевшую спину. Он выточил, наконец, те сложные рычажки, которые должны управлять аппаратом. Он привинтил их у зубчатой передачи и попробовал, как они действуют. Все было великолепно. Он даже не предполагал такой точности, какую обнаружил аппарат. Радостный и довольный, он откинулся к спинке кресла, посасывая трубку. В это время миссис Инглис опять оказалась около сына. Она восторженно осматривала его прибор и что-то разъясняла Давиду Диксону, товарищу Джона по нормальной школе.

Давид Диксон, теперь молодой врач, недоверчиво улыбался, покачиваясь на своих длинных ногах.

— Послушай, старина, — говорил он Джону, — неужели ты действительно можешь довести коэффициент трения до нуля?

Джон лукаво улыбнулся и подвинул к себе «иксофор», как теперь назывался его аппарат, являющийся носителем никому не известной силы. Сам Джон Инглис никак не мог понять, как ему удалось сконструировать такое чудо. Это было гениальное, но совершенно случайное открытие. Иксофор работал вопреки всем известным законам природы, но факт оставался фактом — аппарат действовал.

— Ты не веришь, — сказал Джон, наводя с усмешкой иксофор на Давида, — так испытай.

Он нажал рычажок, и вдруг длинные ноги Давида поползли в стороны, как на коньках. При первой же попытке удержаться он поскользнулся и шлепнулся на пол. Раздосадованный, он хотел подняться, упираясь ногами и руками в пол, но скользил, как по льду, и распластывался на полу. Джои хохотал во все горло.

— Уверился! — выкрикивал он сквозь смех, видя, как его приятель тщетно извивается на полу, будто червяк на удочке.

— Довольно! — взмолился наконец Диксон, приходя в себя от неожиданности.

Джон нажал второй рычажок, и Давид легко поднялся с пола.

— Ты не можешь представить, — заговорил он, — какое это дьявольски скверное ощущение! Простите, миссис Инглис, за резкое выражение, но я совсем сбит с толку. Джон сделал величайшее открытие, а я чувствовал себя так, будто все земные законы рушились...

В это время раздался громкий стук от упавшего предмета. Джон Инглис слегка вздрогнул и открыл глаза. Оказывается, он опять задремал и уронил трубку изо рта, которая упала на кусок жести. Джон поднял трубку и рассмеялся.

— Какой странный сон! — пробормотал он, подходя к окну. — Однако, уже утро.

Погасив свет, он отдернул занавеску, и солнечные лучи ворвались в комнату. На улицах начиналось движение. Проходили еще пустые трамваи, видимо, только что выпущенные из парка. Провозили на автомобилях мусор, а машины мели и поливали асфальтовую мостовую.

— Забавный сон... — повторил с улыбкой Джон Инглис, подходя к своему аппарату. — Итак, ты называешься «иксофором».

Он засмеялся, но вдруг смолк и побледнел. Его аппарат имел не такой вид, как раньше. Это был теперь небольшой плоский ящик черного цвета с блестящими рычажками по бокам. К аппарату были прикреплены ремни, чтобы надевать его в виде пояса. Джон Инглис, взволнованный и потрясенный, склонился над своим рабочим столом.

— Непонятно! — шептал он. — Невероятно!..

Вглядываясь, он заметил на передней стороне аппарата очень своеобразную диафрагму. Она была закрыта черным матовым диском. Все это было похоже на карманный фотографический аппарат. Блестящих рычажков было три: один справа, другой слева от диафрагмы, а третий сверху над ней. Ничего не понимая, Джон нажал наугад рычажок с правой

стороны. Тот легко подался, как кнопка электрического звонка, и слегка щелкнул, напоминая заскок замочной пружины. Тотчас же черный диск странной диафрагмы начал вращаться с бешеной быстротой.

— Неужели я опять сплю! — воскликнул Джон Инглис, и что есть силы ущипнул себя за руку выше локтя.

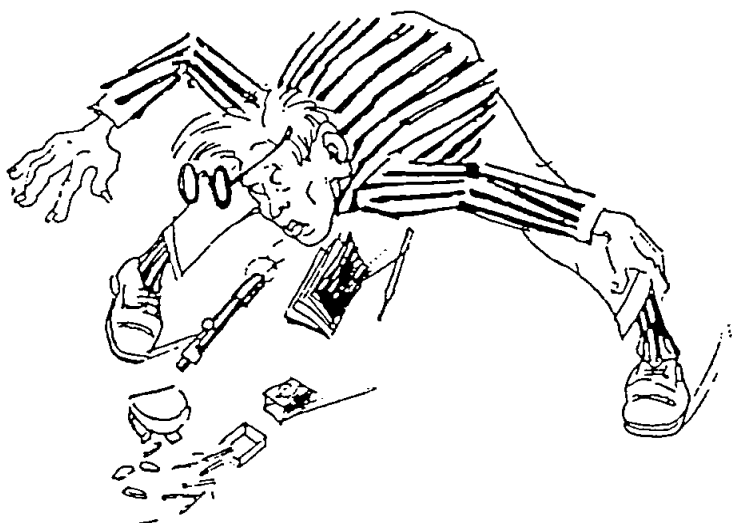
Неожиданный эффект этого жеста поверг его в изумление. Его пальцы, грозившие ущипнуть до синяка, легко скользнули по чему-то гладкому и маслянистому. Пиджак и мякоть руки будто растаяли между его пальцами. Он провел рукой по лицу. Ничего необыкновенного не случилось. Он стал двигать руку вниз, и вот, начиная от плеч, рука заскользила по неуловимой маслянистой поверхности, и лишь около колен почувствовала шероховатую ткань брюк.

Джон Инглис простоял несколько минут с сильно бьющимся сердцем, но потом успокоился. Он взял себя в руки и стал исследовать непонятное явление. Вскоре он установил, что из аппарата исходит луч какой-то энергии в виде конуса, вершиной которого была диафрагма аппарата с вращающимся диском. Диск этот светился теперь лиловым фосфорическим светом, похожим на свет катодных лучей.

Все это так захватило внимание молодого инженера, что он перестал удивляться необычности явления. Он хотел понять происходящее. Продолжая рассматривать аппарат, он привычным жестом достал коробку спячек. Но коробка так скользила, что он еле-еле удерживал ее в руках.

Когда же он изловчился и ткнул пальцем, чтобы выдвинуть спички, но внутренняя часть коробки вылетела вон, а вслед за ней выскользнула из рук и верхняя часть. Когда же он невольно сделал резкое движение, чтобы поймать коробку, из его жилетных карманов выскочили сразу кошелек, записная книжка и вечная ручка.

Джон Инглис машинально опустился на пол и стал подбирать выпавшие предметы. Он крепко зажал в руке кошелек, книжку и ручку. Но как только он выпрямился, все эти вещи мгновенно стали скользкими, как ртуть, и выскочили из пальцев.

Из его жилетных карманов выскочили: кошелек, записная книжка и вечная ручка.

— Коэффициент трения равен нулю! — воскликнул Джон, вспоминая странное сновидение.

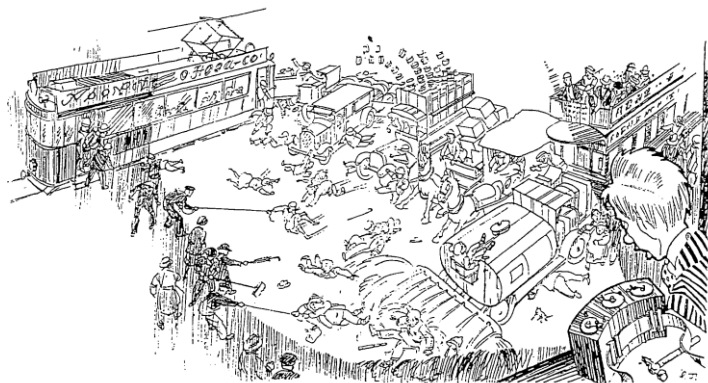
В его голове вихрем закружились странные мысли. Он не мог допустить возможности существования энергии, уничтожающей силу трения. Это было явным абсурдом и никак не укладывалось в его мозгу.

— Может быть, — шептал он, — я действительно сделал этот невероятный аппарат, потом уснул и видел его во сне, а теперь проснулся и путаю...

Эти сбивчивые соображения Джона Инглиса были прерваны шумом и криками, которые неслись с улицы. Он быстро обернулся к окну и увидел какой-то чудовищный фокус. На площади, куда выходили окна его комнаты, он заметил как раз на самом бойком месте, странную неподвижность пылящихся и трясущихся на месте автобусов и автомобилей. Среди них стояло три трамвая. Подъезжавшие

со всех сторон автомобили и автобусы вдруг начинали скользить, как на лыжах, потом останавливались.

№ 4 (40) АПРЕЛЬ

На площади творилось что-то необычайное...

Джон Инглис вгляделся и увидел, что колеса трамваев и машин быстро вращались на одном месте. Перепуганные люди, с растерянными, бледными лицами, кричали и пытались что-то сделать. Однако руки их скользили и не могли ни за что схватиться, не удерживая ни одного предмета. Те, что пытались выйти из трамваев и автобусов, скатывались по ступенькам, как по ледянкам, тяжело падали на мостовую и катились некоторое время, как салазки. Потом останавливались и начинали вертеться и ворочаться на одном месте, тщетно пытаясь встать на ноги. Особенно неистовствовал толстяк около 130 кило весом, распластавшийся недалеко от окон Джона Инглиса. Багровый от напряжения, он кричал во все горло и время от времени вертелся волчком.

Прибывавшие с каждой минутой экипажи грозили запрудить всю площадь. Всмотревшись в окна трамваев и автобусов, Джон Инглис увидел, что внутри их пассажиры копошатся на полу между сиденьями. Время от времени не-

которые из них выскальзывали в двери, падали на мостовую и катились в разные стороны. Мужчины и женщины всех возрастов, дети, коробки и пакеты смешались в одну кучу. Два полисмена, потеряв свои резиновые палки и каски, тоже извивались на мостовой с крайне озадаченными лицами и выпученными глазами. Один из них попал под машину для поливки улиц и вертелся, подобно толстяку, под ударами водяных струй, усердно его поливающих...

Однако дальше этого, так сказать, «заколдованного места» все имело обычный вид. Кругом, на границе странных явлений, скопились любопытные и успевшие вовремя остановиться всякого рода авто и трамваи. Некоторые из зрителей протягивали пострадавшим трости или бросали им концы веревок, бечевек и даже ниток. Это было что-то вроде рыбной ловли.

Джон Инглис невольно засмеялся вместе с публикой, видя, как один тщедушный и длинный парень закинул обыкновенную шпульку и, поймав тяжеловесного толстяка, легко тащил его на еле видимой, тонкой ниточке, словно гигантскую рыбу.

Вскоре стараниями многочисленных удильщиков был выловлен мокрый полисмен и две дамы. Это так увлекло всех, что была забыта фантастичность и загадочность явления. Отовсюду сыпались шутки, звучал смех и составлялись пари по самым нелепым поводам. Джон Инглис тоже беспечно улыбался, глядя на всю эту возню, но вдруг вспомнил, что ведь это он виновник всего происходящего. В ту же минуту в его мозгу мелькнула жуткая мысль, что если все шоферы и вагоновожатые покинут машины, то те, когда прекратится действие иксофора, помчатся без управления во все стороны и будут давить люден. Волосы зашевелились у него на голове, и он бросился к своему аппарату. Он решил, что левый рычажок остановит выделение энергии, вызванное нажимом правого. Но произошла новая неожиданность.

Как только Джон Инглис нажал второй рычажок, ноги его моментально поползли по невероятно гладкому полу.

Он не удержал равновесия и распластался посреди комнаты, недалеко от стола с иксофором. При падении он скользнул немного в сторону и, больно ударившись об пол, проехал до самой стены. С ним случилось то же, что с Давидом Диксоном и всеми теми несчастными, что валялись на площади. Зная по опыту, что подняться нельзя, Джон Инглис стал напряженно искать выхода из глупого, и в то же время ужасного положения. Вдруг его поразило следующее наблюдение: наиболее мелкие предметы, лежавшие на полу, скользили и двигались к стенам или к крупным предметам вроде шкафа. Это напомнило ему школьный опыт, когда крошечные кусочки пробки в чашке с водой подтягивались к стенкам сосуда и прилипали к ним. Лишь позади стола, где валялись винты, кусочки дерева и бумажки, не было никакого движения. Очевидно, изменения в силе трения происходили только впереди иксофора.

В голове Джона быстро промелькнула целая вереница догадок. Было ясно: трения абсолютно нет, а притяжение к центру Земли уравновешено противодействием пола. Значит, действует только притяжение предметов друг к другу. Чем тяжелее предмет...

— Выход есть! — прервал он радостный возгласом ход своих мыслей, чувствуя, что коснулся ногами стены.

Напрягая мышцы, он оттолкнулся, и тотчас же, как бильярдный шар, проскочил между ножками стола и неожиданно затормозил. Руки его уперлись в настоящий, твердый, а не скользкий, призрачный пол. Он быстро подтянул, словно из воды, еще скользящее тело и радостно встал на ноги позади стола с иксофором. Он осторожно склонился над аппаратом и нажал третий рычажок, помещенный над диафрагмой. Фосфорический свет мгновенно погас, и вращающийся диск начал постепенно останавливаться.

Джон Инглис зажмурил глаза, боясь взглянуть на площадь. Ему казалось, что он сейчас услышит вопли несчастных, попадающих под колеса машин. Но вот зазвенели звонки, загудели гудки и раздался шум тормозов. Он открыл глаза. Площадь приняла обычный вид. Все люди стояли на

ногах или подымались с земли. Автобусы и автомобили медленно двигались по площади, и так же медленно, двумя лентами, тянулись навстречу друг другу по параллельным линиям скопившиеся здесь трамваи. Постепенно быстрота движения увеличивалась, но приняла нормальную скорость лишь тогда, когда черный кружок иксофора совершенно остановился.

Дисон Инглис протер глаза.

— Нет, это или сон, или галлюцинация... — пробормотал он, не веря чуду, им же самим совершенному.

Джон поглядел на иксофор и любовно взял его в руки. Расправив приделанный к аппарату ремень, надел его на себя, как пояс. Только в этот момент он вспомнил о Кроккерах, и бросился на улицу, чтобы сейчас же ехать к ним.

Ему хотелось блеснуть своей гениальностью перед родственниками, а главное, дать почувствовать надменной тетке все свое величие и внушить к себе должное уважение. Джон казался ей подозрительным человеком. Действительно, молодой человек имел как-то неосторожность защищать теорию Дарвина. Правда, он не проявил открытого безбожия, но для миссис Кроккер и одного дарвинизма было более чем достаточно.

Такие мысли волновали Джона Инглиса, когда автомобиль мчал его к Кроккерам, жившим на другом конце города. Прошло уже более часа с того момента, как начались странные события около дома Инглиса. Весть об этом, видимо, разлетелась повсюду. По крайней мере, когда он проезжал мимо редакции «Лафайет Геральд», оттуда вырвалась толпа газетчиков и с криками рассыпалась по улицам, размахивая пачками экстренного выпуска газеты. Джон Инглис задержал автомобиль, и за десять центов приобрел печатный листок, где жирным шрифтом было набрано: **МУЧЕНИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗАГАДОЧНЫХ СИЛ**.

В заметке с невероятными преувеличениями рассказывалось о том, что натворил иксофор. Тут же были фотографические снимки, среди которых первое место занимал портрет мокрого полисмена. О нем говорилось, как о жертве

гражданского долга, и восхвалялись его героические усилия водворить порядок среди взбунтовавшихся сил природы. Джон Инглис вспомнил, как этот полисмен вертелся под машиной для поливки улиц, и рассмеялся.

— Вот доказательство могущества моего аппарата, — произнес он вполголоса, — держись, тетка!

В самом отличном расположении духа он подкатил к дому Кроккеров и вбежал в прекрасный цветник с фонтаном и с площадкой для тенниса. Мисс Сибилла сидела на скамейке, погруженная в чтение романа.

Молодые люди крепко пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Джон тотчас же достал газету и передал ее Сибилле. Та с жадностью впилась в сенсационные строки, время от времени прерывая чтение испуганными восклицаниями.

— Это ужасно! — проговорила она. — Папа еще не приехал домой, и я боюсь, чтобы не повторились эти странные явления.

Джон весело рассмеялся. Это удивило ее, даже слегка обидело.

— Не бойся, — поспешил заявить Инглис, — эти чудесные явления могут произойти только по моей воле.

Она посмотрела на него, как на сумасшедшего, и невольно отступила на шаг.

— Вот здесь, — продолжал Джон, указывая на пристегнутый ремнями иксофор, — заключается источник всех чудес. Пойдем в крайнюю аллею, и я покажу вам действие этого аппарата.

Сибилла молча последовала за Инглисом. Они обогнули теннисную площадку и зашли за густые кусты сирени. Это было любимое местопребывание толстого и жирного бульдога Джимми. Собака спала. Увидев своих, она только повела ушами и снова закрыла глаза.

— Мы произведем опыт над Джимми, — предложил Инглис. — Вы увидите сами, как мой аппарат, называемый иксофором, мгновенно прекратит всякое трение, когда я нажму вот этот рычажок.

Сибилла по знаку Джона позвала собаку. Та лениво поднялась, выпрыгнула из плетеной плоской корзины и, потягиваясь, направилась к хозяйке. В этот момент Джон, попросив свою кузину не становиться впереди аппарата, нажал рычажок. Собака сразу как-то странно остановилась, и ноги ее стали расползаться в разные стороны. Потом она перевернулась на бок и, несмотря на отчаянные усилия, не могла подняться.

От усиленного махания лапами и судорожных изгибаний тела животное иногда скользило назад и вперед, как кусок масла, брошенный на раскаленную сковородку. Все эти движения были так не похожи на обычные, что Сибилла взволнованно воскликнула:

— Это поразительно!

В этот момент пробежавшая откуда-то кошка неожиданно попала в луч иксофора и, распластавшись на земле, заскользила к тому месту, где барахтался бульдог. Она вся распыхилась, фыркала и плевалась, но ее ноги скользили по земле, и она беспомощно каталась недалеко от собаки.

— Представь, Сибилла, — радостно говорил Джон Инглис, — что американская армия вооружена такими, казалось бы, невинными приборами. Ведь тогда все неприятельские полки, пешие и конные, все их батареи будут так же вот беспомощно кататься по полю битвы.

Откуда-то долетели испуганные женские крики, но, увлеченные чудесным опытом, молодые люди ничего не замечали.

— Теперь, Сибилла, — говорил Джон Инглис, — крепче зажми пальцами свою книгу и протяни ее перед диафрагмой иксофора.

Девушка протянула руку, и книга мгновенно выскользнула. Сибилла вздрогнула от неожиданности, но потом расмеялась.

— Знаешь, Джон, — сказала она, улыбаясь, — книга выскочила, будто мокрый и скользкий кусок мыла.

В это время опять за кустами сирени раздались глухие выкрики какой-то женщины.

— Пойдем туда! — заволновалась Сибилла. — Кто-то кричит впереди нас.

Накая-то толстая дама барахталась беспомощно на дорожке.

Взявшись за руки, они двинулись к кустам. Тотчас же кошка, как только их ноги приблизились к ней, вскочила и с громким фырканием убежала прочь.

— Она вышла из сферы действия луча, — пояснил Джон.

В это время бульдог тоже благополучно вскочил на ноги и крайне испуганно смотрел по сторонам. Молодые люди рассмеялись и, раздвинув кусты сирени, вышли на аллею. Здесь они остановились, как вкопанные. Какая-то толстая дама вертелась, как турбина, в песке и пыли садовой дорожки.

— Мама! — закричала Сибилла и бросилась к тетке Джона.

Девушка, словно на коньках, прокатилась несколько метров, потом сразу рухнула и наскочила на мать. От толчка миссис Кроккер подпрыгнула, причем с этой туши слетела какая-то часть головного убора, обнажив огромную лысину. При отсутствии трения шпильки и завязки не держали ни волос, ни парика.

Джон Инглис был так поражен этой неожиданностью, что стоял, разинув рот, перед копошащимися женщинами и смотрел на них, как баран на ворота. Между тем миссис Кроккер злобно хваталась за парик, но он всякий раз выскальзывал из ее пальцев.

— Джон, — закричала наконец Сибилла, — да прекрати же действие своего аппарата! Разве ты не видишь, что делается с нами?!

— Так это он, — взвизгнула будущая теща, — это он издевается над нами? Мистер Инглис, вы безнравственный человек, вы мне больше не племянник! Прошу никогда не бывать в моем доме! Вон!

В этот момент парик окончательно отлетел прочь и, не удерживаемый трением, покатился к ногам злополучного изобретателя.

Джон Инглис отскочил от него, как от гремучей змеи, и бросился бежать. Ничего не видя и не соображая, он выскочил из цветника на улицу и бросился, сам не зная куда. Он

не замечал, что его неистовый бег сопровождался всюду какой-то кинематографической буффонадой.

У одного магазина приказчики грохнули на пол корзину с бутылками лимонада, как только луч иксофора коснулся ее. Шипучий напиток под звон разбитого стекла взметнулся фонтаном из корзины. В другом месте небольшой ресторанчик наполнился воплями и грохотом разбиваемой посуды, а публика забарахталась на полу, среди осколков и кусков пищи.

Вдруг он увидел перед собой трамвай, колеса которого вертелись на одном месте. Тут только Джон догадался, что во всем виноват он сам. С яростью он сорвал с себя иксофор и стал топтать его ногами, но тотчас же беспомощно распластался по земле, как кисель!

В ужасе он открыл глаза. Обвел мутным взором свою комнату и отчетливо услышал стук в дверь. Он не сразу сообразил обстоятельства, но машинально ответил:

— Войдите!

Вошел посыльный Кроккеров и подал ему карточку с приглашением на домашний концерт.

Джон Инглис окончательно пришел в себя и, поблагодарив посыльного, добавил с радостным смехом:

— Сегодня, Дик, я видел поразительно смешной сон!

В. ЯЗВИЦКИЙ

• ————— •

ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ **(Хранитель жизни)**

Фантастический рассказ

Рисунки В. Ермолова

Живое кладбище: Рассказ - М.: Мол. гвардия, 1931.

Хомутов громко рассмеялся. Его круглое лицо сияло и лучилось веселыми морщинками. Седые волосы и борода были взлохмачены.

— А знаете, — говорил он, — как десять лет назад меня здесь честили? Как выйду, бывало, в поле с сачком, так люди говорят: «Вон старый дурак, опять бабочек ловить пошел!» Сумасшедшим считали.

Попыхивая трубкой, Хомутов рассказал мне много смешных историй, связанных с его научной работой. Немало было у него и неприятностей, но он все преодолевал и вышел победителем. Я слушал его внимательно, удивляясь, откуда столько энергии и здоровья у этого могучего старика.

— Зато теперь, — сказал я, — вы являетесь гордостью советской науки, а колхозы и совхозы вам челом бьют.

— Еще бы! — воскликнул Хомутов. — А вы знаете, как колхозники мою опытную станцию окрестили? Нельзя отказать им в остроумии.

— Как же? — спросил я.

— «Живое кладбище»! — опять громко расхохотался старик. — Вот разбойники!

Хомутов любил посмеяться и пошутить. Эта черта характера отличала его от ученых обычного типа, серьезных,

сухих, и иногда и чересчур важных. Мне он сразу понравился, и я почувствовал себя на его станции как дома.

— Алексей Иванович, — попросил я, — да покажите мне все ваши завоевания, разъясните...

Хомутов вытряхнул трубку и уложил ее в карман.

— Пойдемте сначала в лабораторию, — сказал он улыбаясь.

Мы пошли по коридору, в конце которого виднелась дверь. Хомутов отворил ее, и мы попали в длинную, узкую комнату. В середине стоял большой оцинкованный ящик, внутри его на особых подставках помещался другой, с тонкими электрическими проводами. У задней стены была специальная установка в виде столбика, на котором белела фарфоровая пластика с нанесенными на ней градусами и цифрами. По ней вверх и вниз от цифры к цифре двигалась черная палочка. С противоположной стороны на другой установке помещалась зрительная труба, чтобы видеть на значительном расстоянии градусы и цифры, отмечаемые палочкой.

— Это электрический термометр, сконструированный Бахметьевым, — объяснил Хомутов. — Он так чувствителен, что приближение человеческого тела с температурой в тридцать шесть градусов тепла по Цельсию может уже оказать на него влияние. Поэтому я наблюдаю за изменениями температуры насекомых в зрительную трубу.

Потом он объяснил мне, что оцинкованный ящик представляет собой холодильник, в котором помещаются особые ванны охлаждения. Эти ванны бывают разной величины, в зависимости от их назначения.

Обычно для опытов над одним насекомым употребляется маленькая коробочка.

Укрепив на пробках насекомое, в него вкалывают крошечную иглу, соединенную проводами с электротермометром. Слабые токи, возникающие в игле от теплоты насекомого, передаются по проводам, усиливаются специальными усилителями и приводят в движение черную палочку на шкале, отмечая температуру. В самой же воздушной ванне

всегда поддерживается холод от двадцати до двадцати двух градусов Цельсия.

— Все это вместе, — сказал Хомутов, — и составляет знаменитую установку Бахметьева. По его примеру, но с некоторыми усовершенствованиями продолжаю работать и я.

Из дальнейшей беседы я понял следующее. Оказывается, можно при помощи холода остановить жизнь любого живого существа на сутки, на месяц, на год и даже на столетие. Животное в это время не будет ни есть, ни пить, ни дышать. Сердце его остановится, кровь и соки тела замерзнут и перестанут двигаться, все мышцы и ткани совершенно окоченеют.

— Вы уверены, что животное погибло, что оно мертво, — воскликнул Хомутов, — но нет, оно только в состоянии анабиоза — между жизнью и смертью — и воскреснет, когда мы захотим этого!

— Позвольте, — возразил я, — мне непонятно, почему же не воскресают тогда замерзшие в буран овцы, мороженая рыба и так далее...

— Вот в этом «почему» и была вся загадка, — ответил Хомутов, — пока Бахметьев ее не разрешил.

Сущность этого разрешения, как я понял из разъяснений Хомутова, заключается в том, что для каждого живого существа при затвердевании его соков и крови есть своя определенная температура охлаждения. Так, для насекомых Бахметьев нашел следующий закон анабиоза. При замерзании в воздушной ванне насекомые охлаждаются (обязательно постепенно, а не сразу) до десяти градусов холода по Цельсию. Достигнув этого охлаждения, тело насекомого внезапно согревается, его температура сразу делает скачок, и с десяти градусов холода повышается до полутора градусов холода же. После такого скачка насекомое снова начинает охлаждаться. При вторичном охлаждении кровь и соки в его теле постепенно затвердевают и превращаются в кристаллики. Дыхание, сердцебиение и всякий обмен веществ у насекомого прекращаются. Оно замерзает, превращаясь в ледяшку.

— Но если после такого температурного скачка насекомое охладить только до четырех с половиной градусов и все время хранить при этой температуре, — заметил Хомутов, — то оно может пролежать так лет сто и более, а потом воскреснуть, как ни в чем не бывало. Если же после скачка охладить его, ну, скажем, до десяти градусов, то животное погибнет, его ткани не выдержат вторичного замерзания...

Говоря это, Хомутов подошел к одному из стеклянных шкафов, стоявшие вдоль стены. Я только теперь обратил на них внимание.

— Внутри этих аппаратов, называемых термостатами, — разъяснил мне Хомутов, — можно поддерживать какую угодно температуру. У меня здесь везде минус пять градусов по Цельсию.

Он повернулся ко мне и прищурил один глаз. Видимо, он готовил мне какой-то сюрприз.

— Вот что, — сказал он, — опыт с замораживанием я не буду делать, это возьмет много времени. Я вам покажу другое. Видите, в этом термостате висит пять штук летучих мышей. Они висят здесь уже три года. Сегодня очередь одной из них для проверки опыта.

Хомутов быстро достал летучую мышь с раскрытыми крыльями и закрыл термостат. Он задел рукавом за что-то, и мышь, скользнув по его ладони, упала на каменный пол. Я услышал звук падающей ледяной сосульки. Хомутов быстро поднял мышь — одно крыло у нее болталось. Оно разбилось в кусочки, как стеклянное.

— Возьмите ее в руки, — сказал Хомутов. — В местах изломов крыла вы увидите ледяные кристаллики. Потрогайте грудь, живот — все это сплошной кусок льда.

Я взял в руки мышь. Она была холодная и твердая, как камень. Разбитые части крыла болтались на кусках кожи и жилок, поблескивая мелкими обломками льда, словно изморозью.

Мы подошли к небольшому столу, специально приспособленному для оживления. Хомутов положил на него летучую мышь. Я не помню, сколько прошло времени, пока у

замерзшей мышцы оттаял живот, но он стал мягким на ощупь и начал изредка вздрагивать.

— Это первые попытки вздохнуть, — заметил Хомутов.

Через полчаса такие вздрагивания участились до шести в минуту, а потом быстро дошли до двухсот шестидесяти и были похожи на мелкую непрерывную дрожь. Через полчаса дыхание сделалось нормальным, и мышь начала оживать.

Сначала задвигалось правое, потом левое ухо, зашевелились задние ноги, несколько раз высунулся изо рта язык и начало двигаться правое крыло.

— Это поразительно! — воскликнул я, видя, как мышь медленно перевернулась, встала на ноги и поползла. — Три года быть мертвой и воскреснуть!

— Подождите, дорогой мой, — ответил мне Хомутов, — когда-нибудь и не такие вещи будут проделывать.

Не успел я прийти в себя, как Хомутов потащил меня в другие отделения лаборатории.

— Я вам всех своих живых покойников покажу, — говорил он, вводя меня в другую комнату, где висели полушубок, шуба на меху и что-то вроде оленьей дохи.

Ни слова не говоря, Хомутов облачился в полушубок и надел меховую шапку. Я с недоумением посмотрел на него. День стоял очень теплый, но Хомутов основательно укутался и обратился ко мне с улыбкой:

— Выбирайте: шуба или доха? Нам придется с полчаса погулять по десятиградусному морозу.

Догадываясь, в чем дело, я не заставил себя упрашивать. Надев шубу, я пошел за Хомутовым вниз по лестнице, в какой-то не то подвал, не то погреб.

Скоро мы спустились на небольшую площадку, где я при свете электрической лампы увидел слегка заиндевевшую дверь. Хомутов повернул выключатель, отпер дверь и пригласил меня в комнату, похожую на вагон-холодильник. Вдоль стен тянулись в несколько рядов длинные полки. На полках были навалены горами квадратные цинковые коробки вроде коробок для консервов.

— Вот здесь и начинается живое кладбище, — засмеялся

Хомутов. — Эти коробки не что иное, как мои пчельники, а также пчельники всех соседних колхозов и совхозов. В каждой коробке находится по семейству пчел с маткой во главе.

— Это зачем же? — недоумевал я. — Какой смысл держать их здесь в коробках, когда пчелы прекрасно зимуют в своих ульях?

— Есть смысл, — перебил меня Хомутов. — Всем известно, что хорошее пчелиное семейство в одном улье съедает за зиму десять и даже пятнадцать килограммов меда, чуть не пуд, говоря по-старому. Так вот, подсчитайте. У нас пятьсот ульев, да тысячи полторы у наших соседей. Мы тут все пчеловоды. Значит, две тысячи ульев. Так-с? Вот и выходит, что все эти пчелы в одну зиму съедят тридцать тысяч килограммов меда. Если же мы их превратим в живых покойников и продержим зиму в таких вот коробочках, весь этот мед уцелеет. Ведь это громадная экономия.

— Конечно! — воскликнул я. — Такая игра стоит свеч.

— Весною я раздаю эти коробочки, — продолжал Хомутов. — Они так устроены, что легко открываются и вдвигаются в улей. Пчелы постепенно оживают и тотчас же принимаются за работу. На коробочках есть ярлыки, где помещено, кому пчелы принадлежат и из какого улья взяты.

Я внимательно разглядывал коробочки, но мне хотелось посмотреть на самих замороженных пчел. Хомутов, видимо, угадал мое желание.

— Я вам покажу их, — сказал он. — На каждой полке есть контрольные ящики. В этом помещении температура минус десять градусов по Цельсию, а

в цинковых коробках благодаря некоторым приспособлениям она держится между пятью-семью градусами холода. Поэтому открывать их здесь нельзя, но в контрольных ящичках вставлены стекла...

Он достал один деревянный ящичек и выдвинул его крышку, под которой оказалось стекло. Я увидел целый рой пчел, лежавших в самых разнообразных, иногда неестественных положениях вокруг своей матки. Они лежали так, как захватил их холод, остановивший их жизнь, как мы останавливаем часы, задержав маятник.

Я сказал об этом Хомутову, и ему понравилось мое сравнение.

— Когда начинают цвести цветы, — говорил он, — я трогаю маятник, и жизнь их, как часы, идет полным ходом.

Мы опять вышли на лестницу и спустились еще ниже. Хомутов хранил молчание. В самом низу, где было заметно холоднее, мы вошли в длинный полутемный коридор, на противоположном конце которого были видны большие ворота. Указывая на них, Хомутов сказал:

— Эти ворота выходят на двор. Через них ввозят сюда все необходимое. Охлаждается же этот коридор мощным холодильником особого устройства. Но подробности узнаете, если захотите, потом, а сейчас я буду показывать вам своих четвероногих пациентов.

Хомутов повернул выключатель, дал сильный свет, и я увидел вдоль стен коридора ряд дверей с окнами из целого стекла, как в окнах пароходных кают или вагонов железной дороги. Мы подошли к первому окну с правой стороны. Я заглянул в него, и на гладком полу большого помещения увидел темную массу неопределенных очертаний.

— Я ничего не могу разобрать, — сказал я.

— Одну секунду, — откликнулся Хомутов, — я сейчас включу лампу.

Вспыхнул свет, и я увидел перед собой молодого бычка, неподвижно лежащего на полу. Казалось, он спал. Шерсть на морде около ноздрей и бока животного были покрыты белым налетом из тонких иголочек инея.

— Этот красавец, — начал шутливо Хомутов, — будет спать здесь всю зиму. Как только весной достаточно подрастет подножный корм, мы его разбудим и отправим в стадо. За лето он подрастет, а к будущей осени станет производителем.

Он рассказал мне, что в состоянии анабиоза, то есть между жизнью и смертью, этот бык проведет всего восемь месяцев, что в среднем составит двести сорок дней. Если кормить быка все это время, ему нужно давать по четыреста десять граммов сена на каждые шестнадцать килограммов живого веса.

— Этот бычок, — сказал Хомутов, указывая на окошко, — весит четыреста килограммов. Следовательно, ему нужно десять с четвертью килограммов сена в сутки. За двести сорок дней это составит две тысячи пятьсот двадцать килограммов сена. Если же к этому количеству, или, вернее, за счет его, прибавить тонну картофеля, килограммов сто пятьдесят жмыха и килограммов двести пятьдесят овсянки, то это составит восьмимесячный рацион хорошей молочной коровы. За это время она, давая пятнадцать литров в день, даст три тысячи шестьсот литров молока. Выходит, что иногда заморозить кое-кого из четвероногих не менее выгодно, чем заморозить пчел.

Мне было интересно слышать все эти удивительные объяснения, но в то же время тянуло заглянуть и в другие окна чудесного коридора. Взглянув на меня. Хомутов рассмеялся.

— Я вижу, вам тошно от моих сельскохозяйственных рассуждений. Верно, это скучная материя, но необходимая. Больше не буду томить вас цифрами, примера с быком достаточно.

Мы пошли от окна к окну, заглядывая внутрь. Там лежали, как трупы, в странно покорных позах окоченевшие овцы. В пяти помещениях важно покоились, будто в фамильных склепах, жирные розовые свиньи...

Мне трудно рассказать, какое впечатление производит это поистине «живое кладбище». Перед ним блекнут и ка-

жутся жалкими все сказки о спящих и воскресающих царевнах и богатырях, которые нам рассказывали в детстве.

Сам Хомутов показался мне каким-то магом и волшебником, дающим жизнь и смерть. С глубоким уважением я пожал руку этому удивительному ученому и поблагодарил его за все, что он мне показал.

— Не спешите, — прервал он меня, — вы еще не видели моих крылатых ударников.

Я с удивлением посмотрел на него.

— Какие крылатые ударники? — недоумевал я. — Что это значат?

— Они помещаются рядом с пчелами. Это, друг мой, боевая публика. Знаете, сколько неожиданностей бывает на сельскохозяйственном фронте. То на плодовые деревья нападут гусеницы бабочки боярышницы и все сожрут дочиства, то яблонная плодоярка появится в садах, то озимь начнет есть личинка озимой совки, то на бахчах и огородах появится тля и начнет губить дыни и прочее. Словом — беда. Вот тут-то ко мне летят телеграммы со всех концов, вызывают ударников. Я, батенька мой, составляю крылатые бригады и посылаю их в бой. Совсем как Наполеон, команду армиями...

Он закурил свою трубку, и мы отправились вверх по лестнице. Дорогой я старался угадать, как же борется Хомутов с вредителями, которых он назвал, и при чем тут анабиоз.

На площадке по середине лестницы мы остановились и прошли в помещение рядом с замороженными пчелами. Здесь не было полок, а прямо на полу возвышались груды простых деревянных ящиков, в каких отсылают почтовые посылки. Они стояли вдоль стен отдельными группами, и над ними четко выделялись крупные надписи:

I. Наездники (*Apanteles spurius*).

II. Наездники (*Pimpla instigator*).

III. Яйцееды яблонной плодоярки (*Pentarthron semlidis*).

IV. Божьи коровки (*Hippodamia convergens*).

В помещении было так же холодно, как и в других местах «живого кладбища». Хомутов, добродушно улыбаясь, покурил свою трубочку. Я вопросительно поглядел на него.

— Вот здесь мои крылатые армии, — произнес он, указывая на ящики. — Они мобилизованы, находятся в полной боевой готовности и в любой момент ринутся на врага. Говоря проще, в этих ящиках упакованы в замороженном виде все те насекомые, названия которых вы видите на стене. Они замораживаются, как и пчелы, сразу сотнями и тысячами в особых коробках...

По моей просьбе он рассказал мне замечательные вещи о весьма сложных взаимоотношениях в природе. Так, например, как это отмечал еще Бахметьев, бабочка боярышница чрезвычайно сильно размножается, и ее гусеницы поедают всю зелень. Но природа создала и врагов этих обжор — десятки видов перепончатокрылых мушек наездников, которые прокалывают кожу гусениц и откладывают в ней яйца. Одна самка наездника откладывает в среднем шестьдесят пять яиц, распределяя их в среднем же на сорока гусеницах. Из отложенных яиц вылупливаются личинки как раз в то время, когда гусеница начинает превращаться в куколку, и съедают ее.

— Здесь заморожены миллионы этих наездников, — сказал Хомутов, — причем, когда они оживут и разлетятся из ящиков, каждая пара их будет стоить жизни сорока гусеницам. Яйцееды еще полезнее. Они оберегают не только сады от яблонной плодовой гусеницы, но и хлебные посевы от озимой совки. Они уничтожают все яйца этих вредителей. Все это «ударники», и в каждом ящике — многотысячная крылатая бригада.

— Ну, а божьи коровки зачем попали сюда, к этим храбрым джигитам? — спросил я. — Ведь само название этих насекомых стало презрительной кличкой для беспомощных людей.

Хомутов, дружески хлопнув меня по плечу, спросил:

— Хотите видеть, как эти божьи коровки работают? Пойдемте в нашу контору разбирать почту. Возможно, что кое-где эти коровки уже нужны. Тогда вы сможете поехать на место «военных действий».

Мы вышли из «вечной зимы», как сказал Хомутов, сняли теплую одежду и занялись в конторе просмотром писем и телеграмм.

— Ну, так и есть! — воскликнул через некоторое время Хомутов. — Из Закавказья пишут, что там, на бахче совхоза «Красный серп», появилась тыквенная тля.

Он надел очки и углубился в длинную телеграмму, стараясь точно угадать пропущенные для краткости слова.

— Знаете, Алексей Иванович, — робко предложил я, — мне на днях нужно ехать по поручению «Известий» в Сухуми и писать статью об обезьяньем питомнике. Давайте, я отвезу ваших наездников...

Хомутов улыбнулся, глядя через очки.

— Не наездников, — поправил он меня, — а божьих коровок.

— Это тем интереснее, — заметил я.

— Да, их работу легче наблюдать, — продолжал Хомутов. — Я знал, что вы едете, потому и намекнул давеча вам. Ну что ж, поезжайте на наше поле битвы в качестве военного корреспондента.

* * *

Дней через пять я приехал на машине в совхоз «Красный серп». С сознанием важности данного мне поручения уже хотел торжественно выгружать все десять ящиков с божьими коровками, но заведующий совхозом, чтобы не терять зря времени, распорядился тотчас же начать борьбу с тлей. Мы отправились на бахчи.

Дыни, тыквы, арбузы и огурцы давно развернули широкие листья, пустили густые плети и усы, кое-где виднелись и первые плоды.

Кругленькие жузки медленно ползали по листьям.

— Вот что значит юг! — воскликнул я. — У нас еще далеко до этого. Благодать!

— А вы посмотрите поближе на эту благодать, — с досадой возразил заведующий, подымая зеленую плеть тыквы.

Я нагнулся и увидел, что растение было почти все усыпано тлей. Местами вредители сплошь покрывали усики и листья, которые кое-где уже вяли и морщились.

— Ну, — сказал я, — пускайте скорее «крылатых ударников», как их зовет Алексей Иванович.

Заведующий совхозом весело улыбнулся.

— Ну, а как сам старик поживает? — спросил он шутливо, но любовно. — Замечательный человек! Гений, можно сказать, и душа-человек.

— Николай Никитич, — обратился к заведующему рабочий, — как нам их выпускать?

— Сколько штук в каждом ящике? ~ спросил меня, в свою очередь, Николай Никитич.

— Пятнадцать тысяч.

— Так вот, товарищи: на каждые два гектара — по ящичку.

— Имейте в виду, — добавил я, вспомнив указания Хомотова: — каждый ящик содержит по пяти коробок. Их нужно расставить на двух гектарах приблизительно в равном расстоянии друг от друга.

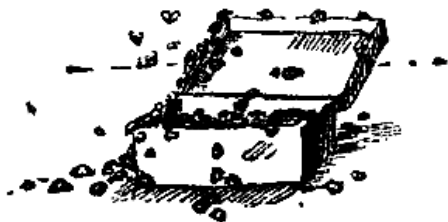
Работа эта началась часов в десять утра, а к двум часам дня вся армия маленьких жучков, то есть сто пятьдесят тысяч штук, была размещена на двадцати гектарах бахчи.

На другой день, перед отъездом из совхоза, я с Николаем Никитичем заглянул на бахчи. Мы увидели поразительное зрелище. Кругленькие жучки красного и желтого цвета, с черными крапинками на спине медленно ползали по листьям и побегам растений. Их челюсти непрерывно шевелились, врезаясь в плотную массу тли. Захватывая тлю, божья коровка прокусывала и выпивала ее, оставляя пустую шкурку.

— И скоро эти крылатые ударники уничтожат всех вредителей? — спросил я.

Николай Никитич со счастливой улыбкой хозяйственника сказал:

— Эти не подкачают! В неделю прикончат всю погань. Я теперь спокоен. Приезжайте к нам есть дыни, а пока передайте Хомутову привет и сердечную благодарность.

В. ЯЗВИЦКИЙ

• ————— •
**ЗАГАДКА
МАУЭРСКОГО ОЗЕРА**

Фантастический рассказ
Художник В. Александровский

ЗАГАДКА МАУЭРСКОГО ОЗЕРА

Фант. рассказ В. ЯЗВИЦКОГО

Иллюстр. худ. В. АЛЕКСАНДРОВСКОГО

ПРИДЯ домой, я разжег примус и улегся на диване. Усталый после службы и томимый жаждой после ресторанного обеда, я слегка дремал в ожидании чая. Вдруг раздался резкий стук в дверь. Прежде чем я успел сказать «войдите», ко мне влетел сильно взволнованный Рихард. Он торжественно потрясал «Красной Газетой» и совал ее мне в нос. Озадаченный таким внезапным натиском, я некоторое время ничего не мог понять из его отрывочных восклицаний.

— Успокойся, Рихард, — сказал я с легкой тревогой, — и говори толком. Когда ты волнуешься, твой немецкий акцент портит все дело. Я слушаю.

Рихард вместо ответа бросил мне газету и буркнул только:

— Читай!

Взяв газету, я взглянул на подчеркнутое красным карандашом место. Там жирным шрифтом было напечатано:

«Ультра-магнит П. Л. Капицы».

Я быстро пробежал статью, где говорилось, что наш молодой ученый, работая у знаменитого профессора Резефорда в Кембридже, сконструировал «прерывательное устройство, открывающее доступ току в обмотку электромагнита на сотую долю секунды». «Ввиду этого, — говорилось дальше, — стотысячноамперные токи не только не сожгут и не испепелят обмотку и сердечник электромагнита, но не окажут на них никакого теплового влияния».

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Все это интересно, но почему ты так взволнован?

— Читай дальше, — потребовал с нетерпеливой настойчивостью Рихард. — Вот тут.

Он пропустил несколько строк, ткнул пальцем в текст, но потом схватил газету и сам громко прочел:

— «Пользуясь колоссальным трансформаторным устройством, дающим ток силою до 65 тыс. ампер, ему уда-

лось создавать в течение одной сотой секунды магнитное поле напряжением до 490 тыс. гауссов!» Понял?

— Понял, — ответил я. — Хотя сказано не совсем грамотно, но все же понятно.

— Почти полмиллиона гауссов! — крикнул он и, торжественно помахав газетой, с видом победителя сел на стул.

Я пожал плечами и молча стал наблюдать за своим приятелем. Он нервно достал папиросу и закурил. Это, видимо, успокоило его.

— Ну, что скажешь, старина? — спросил он, улыбнувшись. — Напряжение до полмиллиона гауссов!

Я улыбнулся в свою очередь.

— Конечно, это блестящее достижение в научной технике. Но почему это так волнует тебя? Я никогда не предполагал, что ты так увлекаешься физико-техническими вопросами.

Рихард снова засуетился и крепко схватил меня за руки.

— Ты слышал о странном случае с одним из наших полков в Восточной Пруссии? — спросил он значительно. — Нет? Это было, когда русские в прошлую войну наступали на Кенигсберг.

— Ничего не понимаю, — сказал я с недоумением. — Что общего между работами Капицы и каким-то полком? Знаешь, ты что-то вообще... У тебя нет лихорадки?

Рихард рассмеялся и сказал, стукнув себя пальцем по лбу:

— Ты думаешь, в этой коробке не совсем ладно? Успокойся, там ничего не попорчено. Меня взволновало не открытие Капицы, а совсем другое. Выслушай внимательно то, что я расскажу тебе. Мне кажется, я сам сделал любопытное открытие.

Я недоверчиво посмотрел на Рихарда, но приготовился слушать. Отвернул винт у примуса и прекратил его неистовый шум. Налил чаю.

— Вот тебе вместо сахарного сиропа, как полагается ораторам, — сказал я, подавая стакан. — Я слушаю.

— Так вот, — начал Рихард, размешивая сахар, — эта статейка в «Красной Газете» неожиданно бросила свет на событие, в расследовании которого я принимал участие.

Тебе ведь известно, что я прежде, чем стать красным фронтовиком, попасть в тюрьму и потом бежать из-под ареста в Москву, служил в армии кайзера. Я только что кончил топографическую школу, когда был объявлен призыв моего года. Я был взят на военную службу, отправлен в военную школу и как раз к войне был выпущен оттуда в чине резервного лейтенанта. Этот чин у нас дают только в военное время. Как топографа по специальности, меня прикомандировали к одному из штабов армии, действовавшей в Восточной Пруссии. Вот там и случилось это странное дело — исчез гвардейский полк. Полк этот в начале русского наступления был сильно потрепан генералом Самсоновым. Все же, будучи почти отрезанным и имея в своем составе не больше двух батальонов, полк ускользнул от неприятеля. Мы даже имели о нем некоторые сведения и знали, что он где-то лавирует среди так называемых Мазурских озер и болот.

Когда же царская армия была разгромлена и уничтожена, то упомянутого гвардейского полка нигде не оказалось. Он исчез бесследно.

Главное командование дало распоряжение произвести самое тщательное расследование.

Я попал, в состав комиссии, которой было приказано во что бы то ни стало отыскать пропавший полк. С большим трудом из отрывочных и сбивчивых, показаний людей, мало знакомых с географической картой Восточной Пруссии, мы все же установили следующее. Русские имели последнее соприкосновение с исчезнувшим полком где-то в окрестностях Шпирдингского озера, которое почему-то многие из них называли «Большим Мазурским озером». Местное же население дало сведения, из которых следовало, что последний раз полк видели, около Лётцена.

Наша комиссия разделилась. Капитан Гитциг отправился в Зенебург, чтобы обследовать окрестности Шпирдинг-

ского озера. Мне было велено ехать в Лётцен, что на берегу Мауэрского озера.

Я не знаю, что делало мое начальство в лице капитана Гитцига, но я, расспросив в Лётцене кого только можно было, решил объехать верхом восточный берег Мауэрского озера по направлению к Ангербургу. Должен признаться, что эта поездка была скорее порывом вдохновения, чем серьезно продуманным планом. Впрочем, тут были и некоторые основания. Меня туда толкали неясные слухи о какой-то пушке, воткнутой или врытой дулом вниз на берегу озера, и о том, что там находили будто бы каски, принадлежавшие гвардейскому полку. Конечно, всего этого было еще слишком мало, так как каски могли быть потеряны и в других местах, где проходил полк. Это еще не доказывало, что полк, вернее его остатки, находился именно там. Но, так как у меня никакой другой информации не было, то мы сели на лошадей и поехали. Я говорю «мы», потому что нас было трое: я, фельдфебель и мой ординарец.

По мере приближения к Ангербургу, мы все больше и больше увязали в какой-то фантастике. Казалось, местные жители задались целью нас мистифицировать. Нам рассказывали о каких-то странных ветрах, при которых все предметы теряли вес; говорили о каком-то пане Тадеуше, засевшем среди болот и озер, и еще чорт знает о чем, но только не о пропавшем полке. Скоро вся эта болтовня перестала нас забавлять, и я раскаивался в своем скороспелом решении скакать вокруг озера.

Погода, старина, стояла самая гнусная. Дожди, туманы — туманы, дожди! Бррр! Вообще Восточная Пруссия, с ее болотами и песчаными бесплодными полосами среди возделанных полей, скучна и однообразна. Тоскливыми казались ровные цепи холмов, маячившие у горизонта, и тусклые свинцовые воды озера.

В один из таких сереньких деньков мы, забрызганные с ног до головы грязью, проехали десятка два километров, нигде не встретив и признака жилья. Только когда совсем стемнело, мы заметили огонек рыбацкой хаты и решили там

заночевать. Хозяин лачуги нас приветствовал на том скверном немецком языке, на котором говорят местные латыши и литовцы. Примерно так, как я говорю по-русски, старина! Но потом я как будто убедился, что это был поляк или кашуб. Впрочем, я не силен в этнографии, к тому же мы все тогда чертовски устали, хотели есть и спать.

Нас поместили среди груды новых неводо́в.

Я не буду останавливаться на подробностях, только замечу, что поужинали мы отлично. Угостили и кашуба. Парень пил не хуже нас и заметно делался добродушней.

Укладываясь уже спать, мы перекинулись несколькими ленивыми фразами.

— Ну, и забрались мы к чертям на кулички, — сказал я. — Кажется, дальше, чем пресловутый пан Тадеуш...

Эта фраза взволновала рыбака. Он внимательно оглядел нас и спросил меня:

— А вы знали, господин лейтенант, пана Тадеуша?

— Как же, — засмеялся я, — из-за него только сюда и приехали.

Тогда кашуб стал уверять, что пан Тадеуш не иначе как колдун, что он жил на противоположном берегу озера, но после одного крупного боя наших с русскими исчез бесследно.

— Так же, как гвардейский полк, — шутливо сказал кто-то из моих спутников.

Кашуб вздрогнул и пробормотал:

— Да... Это было страшно... Я видел...

Я приподнялся и крикнул:

— Что ты видел?

— Я видел, как исчезал полк.

Мы переглянулись между собою, ничего не понимая.

— Когда же и где исчезал этот полк?

— Когда еще был пан Тадеуш и пускал легкие ветры.

Мы подумали в первую минуту, что кашуб смеется над нами, но он был серьезен.

— Что это за легкие ветры? — спросил я.

Лодка над водой поднялась...

— Вы же знаете пана Тадеуша, — ответил кашуб, — он их и пускал. В первый раз я чуть было не утонул из-за этого проклятого колдовства. Хорошо, что я был на лодке. Не будь я на лодке, потонул бы непременно. Кто попал в озеро или болото, тот уже не выплывет...

— Хорошо, — перебил я нетерпеливо, — но как же это все случилось?

— Так вот, — продолжал кашуб, — плыл я с неводом. Вдруг подул легкий ветер. Чую, тяжести во мне не стало, и невод не тянет, будто его нет. Дернул я за веревку — невод из воды весь выскочил вверх и повис в воздухе. И рыбы штук двадцать в нем бьется. Глянул вниз, а лодка вот на столько над водой поднялась... Не успел я опомниться, как все прекратилось. Лодка в воду шлепнулась так, что брызги полетели во все стороны, а невод с рыбой на меня упал. Тут я, как не в своем уме, давай грести к берегу. Лодку привязал, дрожу, весь мокрый... Собрал кое-как рыбу, да в хату. Трое суток просидел в хате, боялся выходить. Не знал я то-

гда, что это за штука, а потом понял, что это легкие ветры пана Тадеуша. Он там, по ту сторону озера жил. По ночам у него белые огни горели, светло, как днем, было...

— Ну, ладно, этот Тадеуш верно был инженером, а на том берегу торф добывали.

— Да нет же, — возразил кашуб, — он пускал легкие ветры. Торфа там не брали. Вскоре потом в избе со мной случилось... Вдруг почувал я легкость во всем теле, и пришло мне в голову привскочить. Ну, понятно, меня вверх бросило. Стукнулся я слегка теменем в потолок, потом вниз, ногами в пол толкнулся, потом опять вверх. Таким манером, как мячик, вверх и вниз раз пяток метнулся и растянулся на полу. Легкость сразу исчезла. Очень этого всего я боялся первое время. Потом привык. Всегда настороже был: чуть пойдет в воздухе веянье, сейчас хватаюсь за кусты, либо за что другое, и жду, пока ветры пройдут.

— Что же, они сильные были и долго дули? — спросил я.

— Когда как, но больше, как до десяти, досчитать не удавалось. Ничего, я привык, только боязно было, что может унести: чем дальше, ветер сильнее делался и все тянул вверх. Лодки, и те из воды подымал. Того и гляди о берег ударит и разобьет. Только этого не было, все в воду падали. Одна лишь боком упала и затонула. Ну, я ее за веревку легко вытянул...

— Довольно, — сказал я, выслушав эту небылицу. — Теперь я знаю о легких ветрах и о пане Тадеуше. Расскажи нам лучше о полке.

— Он исчез.

— Мы это знаем. Но когда и куда он исчез?

— Да я же сказал, когда дули ветры. Вот утром пойдете, так увидите ихнюю пушку...

— Какую пушку? — вскрикнул я от удивления, вспомнив, что нам об этой пушке твердили еще в Лётцене.

Я поглядел на своих товарищей и заметил что-то странное, мелькнувшее на их лицах.

— Большую, — ответил рыбак. — Она воткнулась в землю и стоит торчком. Завтра покажу вам.

Я не звал, что думать обо всем этом. То, что болтал кашуб о легких ветрах, мне казалось просто досужей фантазией. Но пушка начинала меня тревожить. Мне казалось, что мысли мои путаются от усталости и от коньяка, которого я хватил чуть-чуть больше, чем следовало. Не желая себя ставить в смешное положение перед подчиненными, я сделал вид, что все понимаю.

— Хорошо, — обратился я к кашубу. — Ну, а как же исчез полк? Может быть, ты видел и каски?

Рыбак потянулся под лавку, вытащил из-под сложенных там мешков солдатскую каску и подал мне. Сердце у меня забилося толчками — это была каска того самого гвардейского полка, который пропал без вести. Эти каски мы вскоре потом заменили защитными, но в первые недели войны головные уборы наших войск были еще «образца мирного времени».

— Где ты взял эту каску? — спросил я.

— На берегу, когда исчез полк.

— Ну, рассказывай, как это случилось.

Я велел фельдфебелю записывать показание и приготовился слушать. Запись несколько смутила кашуба, но мы его успокоили, подкрепив бодрость духа коньяком.

— Пошел я как-то утром, — начал он, — смотреть верши. Только дошел я до мостков, вдруг повеяло... Я вцепился в мостки и лег. Думаю, пережду. А ветер сильнее да сильнее, прямо в бурю разыгрывается, и все вверх тянет. Шапку сорвало, только и видел ее. Пополз я ближе к берегу, поймал конец веревки от причала и привязал к поясу. «Так-то вернее», — думаю, а самому курить захотелось. Освободил я руки, а меня как сдунет, будто перо, — и вверх! И повис я в воздухе. А ветер так и бушует, да как-то снизу вверх, боюсь уж, что с веревки сорвет...

Кашуб вздохнул.

— Страшное потом вышло, — продолжал он. — Висел-то я всего на метр высоты, а потому без труда притянулся к земле и схватился за самый причал. Вдруг вижу — что-то летит вверх. Вгляделся, и с испугу чуть причал не выпу-

стил. Надо мной кучей летели солдаты, пушки, ружья, лошади, повозки... Летели стоя, лёжа, вверх ногами, боком.

*Гляжу, с неба
падает войско...*

«Проклятый колдун, подумал я, — что он делает с нашим войском!..» В этот самый момент вернулась ко мне тяжесть, я стал на ноги и тотчас же услышал на озере удары по воде, будто кто-то доской хлопал... Гляжу, — с неба падает войско. Вода кипела, плескала, люди кричали, лошади ржали, как дикие. Страх такой, что сказать нельзя! Все это на самой середине озера. Люди барахтались, хватались друг за друга, тонули... Я стоял, как очумелый, и дрожал всем телом. Когда я бросился к лодке и стал ее отвязывать, на воде еще держалось несколько человек. Это было почти за километр от меня, и пока я выехал из залива, они потонули. Один только еще бился в воде и немного плыл, но когда я поравнялся с ним и хотел его схватить, он пошел ко дну у самого борта. В полной амуниции были, где тут плавать.

— Вот, старина, — обратился ко мне Рихард, — что я узнал в рыбацкой избушке. Я вижу, ты глядишь с недоверием. Это не беда. Я столько уже видел недоверия, что сам почти перестал верить слышанному. Помню, когда я доложил обо всем капитану Гитцигу, он ласково потрепал меня по плечу и сказал с улыбкой:

— Оставьте этот доклад себе на память. После войны вы из него можете сделать фантастический рассказ. А сейчас лучше забудьте о нем. Мне же подайте другой рапорт, какой я смог бы дать прочесть здравомыслящим людям.

Рихард замолчал и налил себе второй стакан чаю.

— Слушай, дружище, — сказал я с улыбкой, — ты не сочинил всей этой истории? Может быть, ты действительно придумал фантастический рассказ и проверяешь на мне, удачно ли он выдуман? И причем тут электромагнит Капицы, которым ты начал свое странное повествование?

Рихард рассердился и вскочил с места.

— Как причем? — воскликнул он. — Да ведь эта заметка в «Красной Газете» мне все и напомнила. Ультрамагнит,

так сказать, дал ключ ко всему. Я уверен теперь, что инженер Тадеуш делал что-то вроде того, чего достиг сейчас Капица.

— Ну, ну! — заметил я. — Таких вещей в секрете не удержишь. Тогда же, в военное время, его опыты около Мауэрского озера могли грозить ему если не виселицей, то каторгой... Наконец, куда же он мог деться?

Рихард прошелся по комнате.

— Я там был, — произнес он значительно.

— Ну да, ты об этом рассказывал.

— Там, где жил пан Тадеуш, — подчеркнул Рихард. — Я там был через год после войны и видел странные вещи. Теперь я понимаю, что там делалось. На месте жилища Тадеуша я нашел развалины. Туда попало несколько бризантных снарядов. Кругом были огромные воронки. Среди груд щебня, мусора и лома я наткнулся на части газовых и электрических моторов, видел колоссальные катушки изолированной проволоки, изорванные и растрепанные. Там лежал гигантский электромагнит, о чем я догадался по обмотке.

Были там еще какие-то странные машины и приборы разбитые, поломанные и спутанные с хаосом всевозможных обломков и обрывков. Там же я нашел в разных местах три человеческих скелета. Один был без головы и без рук. Другой — совершенно целый, но у него не хватало поясницы. Третий скелет я нашел раздавленным под электромагнитом.

Я поспешил сообщить об этом ближайшим властям. Там мне сказали, что примут меры, так как давно имеется заявление об исчезновении инженера Тадеуша.

— Это был большой фантазер, — добавил начальник местной полиции, — он добывал какие-то особые магнитные токи. Судя по вашим словам, он погиб во время боев с русскими.

Тогда я уехал из Восточной Пруссии, убедившись в полной достоверности рассказа рыбака-кашуба, но до сих пор молчал, боясь всякого рода насмешек. Даже тебе не говорил ничего. Я много думал об этом, и мне теперь ясно, что инженер Тадеуш особыми электромагнитными токами

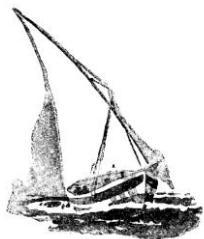

сверхмощного напряжения уничтожал притяжение земли, то есть уничтожал тяжесть.

— Хорошо, — возразил я, — но если уничтожить тяжесть на каком-либо участке земного шара, то ведь улетит и воздух?

— Что же, — ответил Рихард, — оно так и было. Столб воздуха на известной площади терял вес. Соседние слои воздуха, стремясь установить равновесие, вытесняли невесомый воздух, отчего вначале получалось «веянье», а потом дули ветры. Так как пан Тадеуш прерывал тяготение к центру земли на ничтожном сравнительно пространстве всего на несколько минут, то никаких стихийных катастроф не происходило. Погибли только остатки полка, приблизительно при таких же условиях, как это бывает во время ужасных ураганов в Америке. Только здесь, вместо силы ветра, играла огромную роль утрата тяжести.

Рихард вскоре ушел, но я все еще думал о его странном рассказе. Действительно, если бы найден был способ нейтрализовать силу тяжести, то могло ли бы произойти нечто подобное тому, что рассказано? А, может быть, именно это и произошло, как утверждает никому не известный кашуб и мой приятель Рихард...

ЛЕВ КАССИЛЬ

ТРЕХГЛАВАЯ СУДЬБА

Фантастическая повесть

«Morituri te salutant»
„Идущие к смерти приветствуют тебя“.
(Приветственный клич гладиатора).

„Постулатом называется положение, принимаемое за истину и необходимое для построения.
(Из математического учебника).

„Кто подымет, тот и выйдет“.
(Из детской считалки).

Глава I

ВЕЛИКАЯ ПОЛУНДРА

Это — падало!!!

Теперь уже не оставалось никаких сомнений. Вчера еще догадка — сегодня это превратилось в чудовищную истину. Все вычисления, промеры, все наблюдения последних четырех суток подтвердились. Смертоносное направление замеченной подвижки было определено. Это падало!..

Уже пятую ночь не спускал Денисов глаз с новой, не занесенной в звездные реестры точки. Уже пятую ночь просиживал он в холодной башне большого рефрактора, не сводя объектива с возникшей в небе угрозы. Телескоп был сильнейшим в мире, далеко превосходя все самые совершенные трубы других обсерваторий. И Денисов знал, что он первый и единственный человек на всем земном шаре, который видит это грозное приближение, видит скончание веков... Никто не знал этого. Никто не видел этого, никто не мог видеть. Он один, Жорка Денисов, комсомолец и ассистент первой высокогорной сверхмощной обсерватории на Памире, знал об этом. Один на всей земле.

Еще несколько лет назад Денисов считал самой большой своей драгоценностью восьмирублевую кустарную «подзорку» — самодельную подзорную трубу, сделанную из картонного патрона старой ракеты и линз от волшебного фонаря, купленных на базаре по случаю. А теперь в его распоряжении был величайший рефрактор и его работа о параллаксе беты Центавра...

Впрочем, не прошедшее и не настоящее, а будущее беспокоило Денисова. Это — падало, падало, падало!..

И не было силы, которая бы могла остановить никому не ведомое, никому не видимое это падение. У Денисова тряслись руки, когда он задвигал заслонку люка в куполе башни. Он накрыл заиндевшими, искрящимися чехлами спектрограф, хронографы, окуляр рефрактора. Холодные задвижки не повиновались ему не то от того, что было очень морозно в ту ночь, не то от того, что руки Денисова не справлялись сегодня с самыми знакомыми предметами.

Это падало!.. Довольно! Он не мог больше один вмещать в себе знание, от которого затрясся бы, сбился бы со вселенской панталыки и полетел бы вверх тормашками весь мир.

Вниз, в жилые помещения обсерватории, вела из башни узкая винтовая лестница, похожая на древние турбины Архимеда. Денисов нырнул в ее спираль. От быстрого бега по штопору у него закружилась голова.

Витки лестницы взяли его в работу, его завинчивало вниз, ему казалось, что он лишь перебирает ногами на месте, а лестница, вращаясь, идет вверх. Последний виток выбросил его в коридор.

Профессор не спал. Щель в его двери слабо светилась. В комнате Лины Васильевны было темно. Денисов остановился и прислушался. Да... И Лины не будет. Ничего на свете не будет. Ничего. И Лины тоже не будет. В комнате напротив спал бесчувственный Яшка Буткин — технический работник обсерватории. Этого не добудишься. Когда он спит, ему хоть светопреставление!

Денисов осторожно постучал в дверь профессора и, услышав голос Покатилова, вошел.

— Ростислав Петрович, это падает! — сказал Денисов.

— Учитесь мыслить научно, — сказал Покатилов. Он был педант. Ученики его острили, что у профессора даже лицо математическое: круто надломленная бровь с морщиной на переносице образует алгебраический знак радикал, рот взят в скобки. — Учитесь мыслить, — сказал профессор. — Падают яблоки с дерева, а не небесные тела.. . Пора знать, Денисов, что в астрономии, как и в физике, нет просто понятий: «падает вниз», «подымается вверх». Вверх — это значит от центра земли по радиусу. Вниз — к центру. Вы хотите сказать, что это движется по направлению, радиальному к земле. Учитесь мыслить научно, — повторил профессор.

— Ростислав Петрович, бросьте вы, ей-Богу... отлично я все это знаю, но ведь тут...

— Ну, идемте, идемте, — сказал Покатилов, вставая и потягиваясь. — Покажите, что у вас там такое падает.

Он отложил книгу, застегнул меховую шубу. Они поднялись вдвоем по винтовой лестнице в башню большого рефрактора.

— Да, молодец, — сказал Покатилов, отрываясь от окуляров телескопа, — координаты взяли? Репсольдом сняли? Фотометрия как?.. Молодец, хороший у вас глаз. У астрономов и у лоцманов должно быть безукоризненное зрение.

— Ну, лоцманом я никогда не был, — сказал Денисов.

— И астрономом не будете, — сказал Покатилов. — А жаль, из вас вышел бы толк. Да, времени уже нет, не успеете.

— Я не понимаю, Ростислав Петрович, как вы можете так. Ведь это же космическая катастрофа, — не выдержал Денисов.

— Ну, как вам сказать, — ответил Покатилов. — Особенно серьезных изменений в системе это не вызовет. Осколки тел дадут новые образования. Но, конечно, всему живому-то на планете — крышка.

— Значит, и мы...

— Ну, следовательно, и мы с вами. Вот вы логику не проходили. Простейший силлогизм. Все живое погибнет. Я — живой. Следовательно, погибну.

— Ну, нет, это уж извините, шиш, положим,— сказал Денисов.

— Денисов, Денисов, учитесь выражаться грамотно, — сказал профессор.

— Тут, знаете, уж не до этого. Я удивляюсь, как вы можете так спокойно...

— Я могу, если угодно, относиться и с волнением, — сказал профессор — но вряд ли это что изменит.

— Но надо хоть проверить мои выкладки. Может, я ошибся.

— Нет, вы провели работу добросовестно,— сказал профессор.

Он подошел к стенному шкафчику, открыл его и вынул таблицы, чертежи, бумаги.

— Сколько вам лет, Денисов? — спросил профессор.

— При чем тут «лет»? — возмутился Денисов.

— Я спрашиваю — сколько вам лет?

— Через пять месяцев будет двадцать шесть, — сказал Денисов.

— Ровно через пять?

— День в день, — сказал Денисов.

— Значит, всего двух недель не доживете, — сказал профессор. — Обидно, а я собирался вам подарить ко дню рождения отличный мундштук.

— Я ж не курю...

— Ах, да, в самом деле, жаль... — сказал профессор.

Денисов смотрел профессорские выкладки. И на всех он видел пересечения двух жирных кривых. У точки пересечения стояла дата — 21 апреля. Все было подсчитано, все вычерчено, определено место на орбите, день в году и час в сутках.

— Значит, вы знали?...— спросил Денисов.

— Как видите, — ответил профессор. — Пять дней назад я уже закончил эту работу.

— Пять дней! — закричал Денисов. — Пять дней... Знаете, профессор, вы большая...

— Я был уверен, что узнай лишь люди о таком конце, и первое, что погибнет на земле, — это вежливость, — сказал профессор.

— Что же, так и будем молчать?

— Нет, можете кричать, если вам от этого легче, — сказал Покатилов, — но вряд ли вас отсюда услышат... Ну, пошли.

— Но как же вы молчали?.. — не унимался Денисов.

— Нет, я вижу, из вас бы все равно не вышел астроном, — сказал Покатилов. — Астроном должен уважать молчание.

Денисов замолчал. В черном прорезе купола недвижно вращалось мироздание. Верещал ветер. Сотни километров нежити, смертного молчания, дали снежных пустынь были вокруг. Все живое было чудовищно далеко, недостижимо далеко. Обсерватория — чудо астрономической техники — стояла на плато на высоте 4250 метров. Это была крыша мира, сторожевая вышка планеты во вселенной. Предельной

натугой человеческих сил была воздвигнута здесь, на такой высоте, лучшая в мире обсерватория. Только летом, после таяния снегов, можно было пробраться в мир через узкий проход в горной цепи, но в этом году обвал закрыл наглухо эту лазейку.

Уже второй год зимовали здесь астрономы. Иссякала пища, кончалось топливо.

Уже исчерпана была энергия в аккумуляторах и прервалась последняя связь с живущими — радио. Долгие месяцы жили четверо в этом отсеченном от мира уголке.

— Ростислав Петрович, — тихо спросил Денисов, — а мог кто-нибудь еще заметить это?

— Нет, — ответил Покатилов, — нигде нет таких условий видимости, и труб таких нет. У нас лучше. Заметят недели за три до дня вашего рождения. Тогда уж поздно, да и бесполезно, — что можно сделать?

— Что-нибудь да можно, я уверен, — сказал Денисов. — Вы меня извините, Ростислав Петрович, но ну вас к чорту! Я не понимаю вас.

— Послушайте, Денисов, — сказал профессор с неожиданной теплотой и положил руку на сжатый кулак ассистента. — Послушайте, Денисов, я просто очень уж устал бояться. Вы думаете, легко было знать это одному? Это у Чехова, кажется в «Драме на охоте», сказано: нельзя безнаказанно таить в себе то, что никому еще не известно...

— Сказали бы мне.

— Вы никогда не читали священного писания или Апокалипсиса, Денисов? — спросил профессор.

— Этого не хватало, — сказал Денисов.

— И придет с небес знамение звездным, — процитировал Покатилов, закрывая глаза, — придет весть о скончании веков, и будет весть сия смерти подобна для каждого, кто, прослышав о ней тайно, захочет сделать ее явной в человеках и поведать ее ближнему и дальнему. И смерть скорую и злую примет всяк, тайну однажды узнавший и поправший...

— Одним словом, кто подымет, тот и выйдет, — засмеялся Денисов, — как в считалке — чепуха.

— Но я вас прошу, жене не надо говорить... ничего не надо говорить Лине Васильевне, слышите? Астрономом не успели стать, попробуйте хоть остаться джентльменом.

— Ладно, — сказал Денисов.

— А мундштук я вам подарю сегодня же, — сказал профессор.

— Да не курю же я.

— Ах, история, опять забыл.

Достучаться до Яши Буткина было нелегко. Яша притомился за день. Работы на сегодня было предостаточно: то лед скалывать с дверей в башню, то снег отгребать от занесенных окон обсерватории. Теперь он спал под тремя шубами, и никакая сила не в состоянии была бы вывести его из состояния этого мирно урчащего блаженства. Денисов яростно забил кулаком в его дверь, но в ответ послышалось лишь невнятное бормотание и чмокание.

— Яша, это я, — сказал Денисов.

— Ну? — раздался за дверью голос Яши.

— Отвори, — сказал Денисов, — жуткая новость...

— Ааа, — сказал Яша и заснул.

— Яша, я прошу тебя открыть.

— Иди к чорту!..

— Яша, ты не представляешь себе, что случилось.

— К чорту, к чорту!

— Яша, Ты вступишь меня или нет?

— Иди ты, знаешь, куда?

— Знаю.

— Ну и иди. Вот пристал!

— Яша, это падает!..

— Ну и пусть! До утра, чай, не упадет.

— Да ты знаешь, что падает?

— И звать не желаю.

— Яша, Яшка же... пойми, что все на свете к шуту полетит...

— Да? — спросил Яша заинтересованно и опять заснул.

— Что да? Ты понимаешь, что я

говорю?

— Да что ты пристал? Разбудил на самом интересном месте... Она уже совсем соглашалась.

— Кто соглашался?

— Да тут приснилась одна.

— Кто приснилась?

— Да не та, не та, успокойся. Меня профессорские жены не трогают ни во сне, ни наяву... Ну, чего у тебя там падает?

— Яша, ты хочешь жить?

— Я хочу спать, — ответил Яша.

— Так имей в виду, что нам всем скоро конец.

— Меня интересует — будет ли когда-нибудь конец этому разговору! — закричал Яша. — Ты не можешь дать человеку выспаться. Ну, входи.

Минут через пятнадцать Денисов с Яшей взбежали в башню. Упрямый Буткин хотел непременно самолично взглянуть на то, что помешало ему спокойно доспать до утра, не давало дожить Денисову до двадцати шести лет, не давало земле спокойно завершить свой очередной круг. Он прильнул глазом к окуляру. Невежественный глаз его погрузился в бездонность вселенной. Черно и звездно было там. Курились туманности. Мерцали миры. Вечность глянула на Яшу с того конца трубы. Яша ничего не увидел, ничего не понял, но ему стало жутко и тоскливо. Его продрал озноб. — Веселое дело, — сказал он.

— Да, дело веселое, — отозвался Денисов.

— Вот это так полундра ¹⁾, — сказал Яша. — Пустяки полундра. Как ахнет... а главное — бежать некуда.

— Куда же тут бежать?

— Вот дрянь, — сказал Яша, — надо же... вот угораздилось. Мало места на небе... Я вот помню, когда прыгал с парашютом, так все вот тогда боялся столкновения собственного тела с нашей солидной планетой.

— Ну, это ты, положим, вычитал в книжке, — сказал Денисов.

---

1) Полундра — предостерегающее восклицание, употребляемое моряками, пожарными при падении с высоты какого-нибудь предмета.

— Да, верно. Это есть где-то в книжке,— согласился Яша.

— И главное, никто в мире даже не подозревает,— сказал Денисов.

— Неужели никто? — изумился Яша.

В эту же ночь состоялось экстренное заседание треугольника обсерватории. В треугольник входило все мужское население обсерватории: профессор, Денисов, Яша. Ничего не подозревающая Лина спала в своей комнате, а в это время наверху, в большой круглой комнате, которую называли шутя кают-компанией, бессонничали мужчины, обеспокоенные судьбой мира.

— Дайте закурить, — попросил Денисов.

— Вы же не курите, — сказал Покатилов.

— К чорту я не курю! — сказал Денисов. — Давайте.

И он задымил.

— Конечно, профессор Валенкорф со своими ракетами мог бы кое-что сделать, — сказал Покатилов, — но сообщить ему невозможно, да и не даст он никому своего открытия. Он уже несколько лет скрывается.

— От нас, положим, не скроется, — сказал Яша.

— Все это бесполезно, — сказал Покатилов. — Надо иметь мужество и сказать себе твердо — все бесполезно.

— К маме такое мужество, — сказал Яша.

— Будьте мужчинами, — сказал профессор. — Мы здесь бессильны.

— Разве бессилие признак мужчины? — сказал Денисов. — Пожалуйста, можете идти спать.

— А мы уж с Жорой тут как-нибудь позаботимся, чтоб земной шарик не закатился к дьяволу — добавил Яша.

— Желаю успеха, — сказал профессор.

Вдруг чьи-то каблуки проиграли хроматическую гамму по лестнице. Дверь открылась, и Лина, войдя, остановилась. У нее сонно припухли веки. Но это не смогло скрасть прозрачной, испуганной глубины ее глаз. Подколотый шпильками тяжелый пучок волос разваливался на затылке...

Она зябко куталась в оленью шубку, накинутую поверх халата.

Спасители мира разом замолчали.

— Это что за ночной мальчишник? — спросила Лина.

Мужчины молчали. Лина обвела их взглядом.

— Что случилось? — спросила Лина, теряя шпильку. — Ростислав, что случилось?

— Ничего особенного, — нашелся Яша. — Я просадили в дым, хочу отыграться.

И вот в руках у него уже была колода. Он дал Денисову сыграть, стасовал, роздал карты.

— Хожу на все! — закричал Яша. — Кому вершки, кому корешки, четыре с боку — ваших нет. Была не была, моя тянула. Семь и восемь еще спросим. Перебор!

Он был необычайно речист, расторопен. Он ерзал, подмигивал, снимал и гнул карты, подпрыгивал. Партнеры молчали.

— Что случилось? — спросила Лина.

— Ничего особенного, перебор.

— Что случилось? Я сейчас кричать буду.

— Это падает, — сказал угрюмо Денисов. — Ну, словом, по направлению, радиальному к земле...

Бросив карты на стол, Покатилов шумно вышел. Лина выслушала все.

— Значит, ничего не станет? — спросила она тихо.

— Ничего.

— Горы не будет, елок не будет, обсерватории, нас... Бедная мамочка, когда она узнает...

— Мамы тоже не будет, — сказал Яша.

— Ой, что я говорю, — сказала Лина, — я просто еще не соображу никак... очень уж странно представить...

И затем они сели тесным кружком, трое очень молодых людей, и до утра все обсуждали, как можно спасти большую круглую старую планету. И было решено собрать крохи энергии в имеющихся батареях, попытаться дать радиосигналы о неслыханном бедствии, несущемся на мир, поста-

ратся хотя бы на детектор принять ответ из обитаемых пространств земного шара и подготовиться совершить невозможное — зимой в декабре пробраться через перевал в долины, чтобы самим прокричать полундру всему свету...

Они вспомнили челюскинцев. Там полмира спасали отринутых от жизни людей, а здесь трое взялись спасти весь мир.

Так было вынесено решение о создании П. Ч. Э. С. З. Ш. — первой чрезвычайной экспедиции по спасению земного шара. Название придумал Яшка. Когда они сообщили об этом профессору, тот отложил в сторону Экклезиаста, которого он читал, почесал ногтем переносицу и уныло заявил, что надежды на радио нет, а идти сейчас через перевал — это значит идти на верную смерть.

Несколько дней все возились с давно уже замолчавшей радиостанцией. Кое-как были добыты крохи энергии. Динамо вертели вручную, и в мир были брошены страшные слова предупреждения. Но ответа уже принять было не на что. С детектором ничего не вышло, а энергия иссякла.

И тогда началась подготовка к походу. Решено было, что пойдут двое. Лина и один из мужчин останутся на вершине в обсерватории сторожить ценнейшие научные записи и приборы, останутся здесь одни на своем посту до лета или до близкого окончания веков... Вечером опять собрались в кают-компаний, чтобы тянуть жребий, и Лина, выстроив всех в кружок, по очереди торжественно, тыча пальцем в стоявших, начала считать:

*Катился яблык
Мимо сада,
Мимо сада-винограда.
Кто подымет,
Тот и выйдет.*

И остался профессор.

В этом никто и заранее не сомневался. Ведь считала Лина. А она знала, как следует считать, чтоб оставить кого хо-

чешь. А утром Лина решительно заявила, что она, во что бы то ни стало, будет сама участвовать в походе... Профессор не хотел и слышать об этом. Яша выслушал это снисходительно, как блажь, только Денисов готов был слушать все доводы Лины. И имел все основания принять их. В конце концов, она была отличная альпинистка!..

...Они уходили через день рано утром задолго до рассвета. Еще в морозной тьме глохли горы. Профессор помог одеться Лине.

— Это преступление, — сказал он, — преступление перед мною, перед самой собой...

— Преступлением было бы оставаться нам здесь, — сказала Лина.

— Лина, — сказал профессор, — мне здесь одному без тебя... так страшно.

— Мне тут с тобой было бы еще страшнее, — сказала Лина.

Денисов и Буткин молча попрощались с профессором. Профессор хотел поцеловать своего ассистента, потянулся было к нему, потом вдруг нахмурился, раздумал, помялся неловко и предложил на дорогу табак.

— Да я ж не курю, — сказал Денисов.

— Ах, да, — сказал профессор.

— Бери, мне сгодится, — шепнул Яша. — Да, товарищ профессор, кстати... я книжку начал читать, так и не успел до конца... «Робинзон Крузо» называется. Как она кончается, интересно бы узнать. А то так и померещь, не узнаешь.

— Его увозят на корабле с необитаемого острова, — сказал профессор.

- Я так и предчувствовал, — сказал Яша.
— Ну, пошли.
— Лина... — сказал профессор.
— Белые в левом ящике, внизу, — быстро сказала Лина...

Они пошли. Впереди шел Яша Буткин. Он был тяжело нагружен припасами, веревками и всеми доспехами альпиниста. За ним шла Лина. В арьергарде экспедиции двигался Жора Денисов.

Буткин болтал впереди без умолку.

— Ты хоть помолчи часик, — крикнул ему Денисов.

— Молчать еще нам придется вовеки веков, аминь, — отвечал Яша. — А пока я говорю, значит существую. Верно я говорю?.

На третий день он захромал. Он ни за что не хотел хромать. Вы слышите? Ни за что! Он старался не думать об этом, но цепкая боль как собака хватала его за ногу. Подавляя мучительную гримасу, шел он вперед. Но левая нога с каждым часом становилась все тяжелее и тяжелее. Она уже не ступала сама; надо было при каждом шаге ду-

мать, что ее следует поднимать, двигать и ставить на лед. День для Яши превратился во вместилище сплошной боли. Ею начиналось пробуждение утром; и последнее, что ощущал Яша, засыпая ночью, тоже была боль. Ночи они проводили в спальных мешках. Двое спали, третий дежурил, время от времени проверяя, не замерзли ли спутники.

На четвертый день подул резкий встречный ветер. Это был ветер-дикобраз. Тысячью ледяных иголок неся он навстречу маленькой экспедиции. Казалось, глаза будут выколоты или остекленеют, обледенеют от этой стужи. Смер-

зались ноздри, и казалось, что ледяная корочка покрывает все внутри, даже сердце, которое с каждым часом ныло все сильнее, все глубже... Четвертый день уже двигалась чрезвычайная экспедиция по спасению земного шара, неся в мир грозную весть. По расчетам, уже на третий день экспедиция должна была оказаться на перевале, но вот прошел четвертый, а перевала все еще не было.

Теперь шли молча все трое. Лишь иногда хромающий, сдерживающий болезненное «сссс!» Яшка возвращался к старой своей привычке и пытался шутить.

— А ведь, пожалуй, ордена заработаем, — кричал сквозь выюгу Буткин. Он шел теперь сзади. — У меня уже прямо зуд в петличке, честное слово.

— Ну, каждый бы так на нашем месте поступил, — говорила Лина.

— Действительно, сидеть и ждать, — соглашался Жора.

— Да ты герой, я посмотрю, — кричал Яша.

— А что, чувствуется?

— Еще как... даже со спины...

И они шли все вперед, карабкаясь через ледяные гряды, оступаясь, вновь вставая, обмороженные, ознобленные, упрямые.

— Дойдем, рассчитываешь? — спросил как-то шепотом Денисов у Яши.

— Но, но, шептунов и нытиков на мороз! — закричал Яша.

На пятые сутки днем он вдруг неожиданно прилег на снегу.

— В чем дело?

— Что я, прилечь не имею права? — угрюмо спросил он у подбежавших.

— Что с тобой, Яша?

— Вы, может быть, думаете, что я уже... Врешь...

— Как у тебя нога, Яша? — спросил Денисов.

— Была бы музыка, я бы тебе показал коленца, — сказал Яша. — Нога в порядке, хоть на край света. Сейчас отдохну, и двинем дальше.

Яша вздрогнул и зажмурился. Открыв глаза, он увидел, что Денисов сквозь толстый чулок вводит ему в ногу длинную иглу. Он не почувствовал укола. Он не слышал, как входила игла в мышцу. Он увидел это и понял, что нога вконец отморожена, И он замолчал.

— Эх, досадно, как получилось, — сказал он. — Тьфу, безобразие, и настроение вам теперь все изгажу.

Он попробовал встать, но свалился снова.

— Вот так номер, — растерянно сказал он, и губы его перекошились. — Ну, чего уставились? — закричал он. — Оставьте мне довольствие на сутки. Больше не потребуется. И дуйте сами дальше. В чем дело?

— Я тебя не брошу, Яша, — сказал Денисов.

— Мы тебя не бросим, — повторила Лина.

— Что такое? — сказал Яша. — А так вот не хотите?

Он с трудом снял перчатку и сложил красные, ознобленные пальцы в кукиш.

— Как миленькие у меня пойдете. И пожалуйста, не расстраивайте вы меня... Уходите скорее. И мм... чорт, до чего ж мне зверски жить охота! Ты, Жорка, думаешь, я это красуюсь?.. Думаешь, меня жить не тянет? Это все-таки очень славное занятие.

— Я думаю, приятное, — сказала Лина, отворачиваясь и всхлипывая.

— А ты как? — спросил Буткин у Денисова.

— Вопрос, — сказал Жора.

— Жорка,— попросил Яша,— ты мне расскажи что-нибудь напоследок, а то в голову знаешь, лезет такая мура. Только ты покороче, чтобы успеть до конца досказать, не задерживаться. А то я всю жизнь до конца ни одной книжки не успел дочитать: или книжку сопрут, или в командировку меня угонят.

— Ну, что я тебе расскажу? — сказал Жора.

— Самое короткое, какое знаешь, — попросил Яша.

— Ну, ладно, я тебе расскажу о чревоугоднике. Вот... Жил-был обжора-чревоугодник. Он едал самые изысканные

блюда и ездил по белу свету, чтобы отыскать что-нибудь такое, чего он еще не пробовал. Ему сказали, что самый оригинальный стол можно найти у вождя африканского племени бумба-джумба. И действительно, наш обжора попал там на замечательный обед. На первое подали суп из бегемотовых ушей, на второе — жареных колибри в крокодиловом соусе, а на третье... третье наш обжора не смог попробовать.

— Почему? — спросил Яша.

— Потому что на третье его съели самого. Вот и вся история о чревоугоднике.

— Умора, — сказал Яша. — Просто можно умереть со смеху...

Все помолчали. Снежная пустыня кружилась вокруг них, свистела в утесах и звенела по насту.

— Может быть, Ростислав был прав, — сказала вдруг Лина.

— Неужели все зря? — спросил Яша.

— Что зря?

— И на Перекопе были задаром? — спросил Яша.

— Выходит.

— И голодали зря?

— Получается.

— Нет, врешь, не зря! Если бы этого не было, я бы не пошел... Чихал бы я на все... Ну, а теперь — кругом марш.

— Мы не пойдем, Яша, — сказал Денисов.

— Что такое? — закричал высоким голосом Яшка, задер-

гавшись, как в припадке. — Что такое? К чорту, к дьяволу! Вы пойдете у меня. А ну!?

Он вытащил наган, весь скорчившись, с усилием взвел курок и направил на Денисова.

— А ну пошел веселее! — сказал он.

— Ну и стреляй, — сказал Денисов, — стреляй, на!

— Действительно, нашел, чем нас пугнуть, — сказала Лина.

— Верно, — глухо сказал Яшка. — Ошибся прицелом.

И прижал дуло к своему виску.

— Ей богу, ребята, дайте мне еще хоть часик пожить. Уходите, а то я выстрелю... Уходите. Счастливо вам. Если устоит все, присмотри, Жорка, чтоб фамилие мое правильно было напечатано. Ладно?

И они ушли. Слезы примерзли к их ресницам. Они ушли, шатаясь, и быстро исчезли в снежной мути, словно ничком бросились во вьюгу.

Яшка остался лежать.

— Кто подымет, тот и выйдет, — сказал он вслух. Непроглядная, огромная тоска, как лавина пала на него. Она навалилась холодной тяжестью на все его тело. Он закричал, заругался, замотал головой. Ему вдруг стало обидно, что его бросили тут одного, совсем одного, помирать здесь, на краю света. У него не было никого на всей земле, кроме этих двух, ушедших.

И те оставили его... Жалостная песенка, которую распевал Яшка беспризорником в вагонах, пришла на ум.

«Позабыт, позаброшен с младых ранних лет...»

Потом вспомнились фронты, детдома, эвакупункты, люди, которые делили с ним хлеб, тифозную койку, и веру в какую-то, идущую навстречу, необыкновенную жизнь. Нет, брат, есть за кого погибать на этом свете, факт есть... Он опять приставил наган к голове, но в ослабевших пальцах не нашлось силы, чтобы нажать тугой курок. Чтобы заглушить тоску, он стал считать, как считают, когда хотят уснуть. Опять детская считалка стала скакать перед ним на одной

ноге, закружилась вокруг него деревянным желтым обручем.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, — считал Яша. — Вот выходит ясный месяц, А за месяцем луна, Мальчик девочке слуга. Ты, слуга, подай карету, Я в ней сяду и поеду, — Я поеду в Ленинград, Посмотреть, какой наряд. Черная юбка, красный флаг. Остаться ты дурак.

— Вот и остался, — сказал Яша.

И вдруг ему показалось, что сам он уже умер, но продолжает думать. И он испугался этого еще больше, чем смерти. Он ощущал страшный холод своего тела, его бессилие, и он не чувствовал уже совсем своих ног. Их не было. Они умерли. Потом он очнулся и взглянул на часы. «Интересно, сколько времени я еще протяну, — подумал он. — А я, кажется, не заводил их вчера».

Он начал заводить часы на руке. Но пальцы не слушались. Он посмотрел на циферблат. Была половина пятого. «День или утро?» подумал он. И вдруг ему стало очень хорошо и нестрашно. Легкий звон, перейдя в мелодичный гул, ввалился ему в голову. На сердце стало очень сладко и легко, так легко, как будто сердце исчезло из него совсем...

— Полундра, ребята! — крикнул он весело и уже не слышал своего голоса. В часах на его руке завода хватило до четверти двенадцатого. Потом и часы стали.

Двое шли еще день. К ночи Лина стала падать. Полузамерзшая, движимая одной лишь силой отчаяния, она вставала и брела дальше. Жора поддерживал ее. Маленькая, похудевшая, она ковыляла рядом, стараясь не отставать. Денисову было нестерпимо жалко ее. Он крепился, подбадривал ее. Он боялся зареветь. Он растирал ей руки, дышал ей в рукава. Ничто не помогало, она слабела. К ночи она уже не могла двигаться дальше.

— Жора, — сказала Она, — я прилягу на полчаса. А потом мы опять пойдем. Ведь мы уже на перевале, да?

Денисов понял. Он опустился рядом с нею. Лина приподнялась, села, приблизила обеими руками его лицо к своему и поцеловала Денисова прямо и медленно, как дышат на зеркало. Потом она откинулась навзничь.

— Тебе не надо было идти,— сказал Денисов.

— Ой, Жорка, ты дурак,— сказала она. — Что ты смылишь! Ох, какой ты дурак, Жора.

— Ты должна была остаться там,— сказал Денисов.

— Ну, знаешь, лучше уж умереть с тобой, чем жить с ним,— сказала Лина.— Знаешь, Жора, я сейчас сосну, а потом мы встанем и опять пойдем.

— Конечно,— сказал Денисов.

— Опять пойдем ведь, да? — спросила Лина.

— Да,— сказал Денисов.

— Как будто я не знаю, что не имею права умереть,— сказала Лина.— И нечего тебе беспокоиться за меня... пожалуйста... Спи! Что я, одного тебя брошу, что ли?

Они завернулись в спальные мешки. Всю ночь Денисов старался согреть ее, старался надышать побольше тепла ей в спальный мешок, но от частого и глубокого дыхания у него самого зашлось сердце. Он сам ослабел и не помнил, как заснул. Ощущение чего-то непоправимого в его жизни вырвало его утром из сна. Он с трудом продрал смерзшиеся ресницы

Утро вылезало из-за перевала. Снеговые вершины тлели. Длинные острые тени, черные, как головни пожарища, исполосовали склон. И вдруг Денисов почувствовал, что он один. Мысли, слежавшиеся во сне, еще не совсем пришли в порядок. Денисову показалось, что катастрофа уже произошла, ничего уже не существует, все жившее сгинуло, все кончилось, он — последний человек — один-одинешенек остался жить в мире. Он рванулся, привстал. Чудовищный мороз вошел в раскрытый спальный мешок, и Денисов увидел, что на лице у лежащей рядом Лины лежит нетающий снег.

— Лина, погоди, Линочка!.. постой, Лина! — закричал он. Он схватил ее за плечи, встряхнул. Но она была уже не-

сгибаема, и снег завизжал, заскрипел под нею. Он просунул руку в ее спальный мешок. Холод был внутри, и вся она была жесткая, ломкая, уже промерзшая. Он прижался ртом к ее ледяным губам. И вдруг ему показалось, что она укусила его. Он рванулся, откинулся и почувствовал кровь во рту. Его губа, примерзшая во время прощального поцелуя, была содрана.

Он шел еще день. Он шел все вперед и вперед, натываясь на скалы, падая, карабкаясь, ломаясь сквозь стену ветра, пробиваясь сквозь снеговое сеево, он брел, — упрямый, осатаневший, с остановившимся взглядом. Это уже был почти не человек, это была лишь сведенная судорогой воля, она жила где-то у переноса, она двигала пустыми, казалось, рукавами меховой куртки и шекельтонами, в которых переступали ставшие чужими ноги, она волочила за собой тело, подтаскивала окоченевшие ноги, подставляя их под туловище. Так Денисов двигался. Он миновал перевал и спускался в долину, и на вторые сутки к ночи увидел, наконец, огни внизу. Два дня ходьбы отделяли его от них. Там, внизу, было жилье, дым, тепло и человеческое ухо, в которое можно было, хотя бы умирая, шепнуть вот то, что двигало его к людям...

Но жизни в Денисове было меньше, чем на два дня. Он уже не мог идти, он полз. На следующую ночь опять он увидел огни. Они как будто приблизились, но Денисов понял, что этой ночи ему уже не пережить. Чудовищный, пудовый холод висел на каждой его ноге. Он уже не мог ползти. Ему показалось, что он спускается опять по бесконечной винтовой лестнице, душной, узкой. Склизкая, размягченная спираль душила его, витки лестницы охватили шею, грудь, ноги... У него уже не было сил, чтоб зажечь сигнальный заготовленный факел... Напрасно он хватал одну за другой спички. Они падали из ничего не чувствующих пальцев. Все-таки он сумел чиркнуть одной. Она вспыхнула, но ветер мигом задул крохотный огонек.

Он все чиркал и чиркал. Оставалась одна последняя спичка. Она слабенько загорелась, Денисов всем задрогшим

телом заслонял от ветра и тьмы этот мизерный последний светик. Но и он потух. Где-то внизу горели, мерцая, огоньки, и распростертый на склоне, голодный, замерзший, агонизирующий Денисов крикнул сквозь ночь:

— Товарищи, это падает!..

Вьюги не было в этот вечер. Небо было ясное. Звезды выходили одна за другой из-за горы по распорядку знакомых таблиц. Все было мирно в небе, и никто на свете, кроме его, Денисова, да оставшегося далеко позади в пустой обсерватории Покатилова, никто не знал, чем грозит это мирное звездное небо. И от бессилия, от страшной жалости к миру, к своим городам и людям, к своей и чужим жизням, от невыносимой беспомощности Денисов заплакал. Потом он опять стал кричать в небо, в пространство.

— Как сделать, чтобы узнали? — кричал Денисов.— Хоть бы Бог помог!

Он взглянул еще раз на огни, но огней не было.

— Врешь,— сказал тогда с тихой ненавистью Денисов.— Врешь, огни-то есть. Это мне только так...

И закрыл глаза, которые уже все равно ничего не видели.

Глава II

«МЕНЕ-ТЕКЭЛ-ФАРЕС»¹⁾

МИККИ Педж слыл в эфире за болтуна. Микки Педж работал радистом на новенькой, роскошной яхте миллиардера Томаса Бэлтеймора. В честь прекрасной содержанки миллиардера яхта называлась «Крошка Лаура». Корабельные радисты не ценят красноречия, но зато женщины охотно прощают многословие, и Лаура питала нежную слабость к веселому, болтливому радисту.

Яхта уже пять дней находилась в увеселительном плаваньи, которое предпринял Бэлтеймор вместе со своими друзьями и их высокооплачиваемыми, еще не успевшими надоесть подругами. Треск рушившихся предприятий, подсеченных кризисом, панические звонки с биржи, стук арифмометров навязли в ушах Бэлтеймора, и он время от времени предпринимал подобные поездки, пускаясь в плавание по замысловатому, одному ему известному курсу. На берегу ходило много легенд об этих плаваниях Бэлтеймора.

В этот рейс «Крошка Лаура» вышла с новой командой. Прежние матросы ее решили поддержать забастовку моряков в порту. Бэлтеймор уволил их всех до одного. Шайка портовых штрейкбрехеров заменила прежнюю команду «Крошки Лауры».

В лакированном салоне «Крошки Лауры», отделанном слоновой костью, мрамором, шелком и бронзой, элегантные воротилы биржи лечились от морской изжоги виски и лимонами. Подруги их, еще не отошедшие после ночной попойки, возлежали в своих каютах и перелистывали глянцевиные хрустящие страницы мэгезинов, интересуясь осо-

---

¹⁾ «Мене, мене-текэл-фарес» — слова из известной легенды о вавилонском царе Вальтасаре, гласящей, что во время пиришества и поругания над священными сосудами на стене появились эти грозные слова, смысл которых был таков: «ты исчислен и взвешен, и в тебе недостает того, за что можно продлить твое существование».

бенно последними страницами, где сообщалось о различных человеческих бедствиях: о столкновении экспрессов и бракосочетаниях. Сам Томас Бэлтеймор, опухший, лежал в лонгшезе на палубе и дремал, будучи не совсем в себе. Воспользовавшись этим, Лаура пробралась в радиорубку. Болтун Микки трепался на весь эфир. Он сидел с наушниками на голове. Правая рука у него была на ключе, левая меняла катушки в шкафчике, вращала рукоятки. Журнал и неотправленные радиogramмы лежали перед ним. Лауру всегда очень занимала эта фамильярность всесветной болтовни Микки.

— Ишь, чортова трещотка,— говорил радист, вслушиваясь в только ему одному ведомую неразбериху над-океанского эфира.— Вот, пожалуйста, впутался, не дает дослушать. Это Хью Ретчер на «Святой Луизе». Вот старая стучалка. Узнаю его руку. Ну, здравствуйте. Это еще что такое? А, это Теодор с острова Святого Евграфа. Вот путанник. Сейчас я тебя попотчую...

Он переменил катушку и застучал ключом.

— Алло, Тэдди, заткнись на минутку. Слышишь, помолчи немножко. Ты не даешь мне принять последнего известия с королевского стадиона. Твой пищик мешает мне узнать счет вчерашнего матча. Помолчи, Тэдди. Та-та-та-та... ти-ти-ти-ти-та... Это я посылаю его к чертовой матери, — вежливо пояснил Лауре Микки Педж.

— Вы болтун, Микки,— с обожанием сказала Лаура.

— Француженки умеют оценить красноречие,— отвечал галантный Микки.

— Если я вас поцелую, Микки, там нигде не будет слышно? — спросила Лаура.— Я ничего ровнешенько не смыслю в технике этого дела.

— Этого дела? — спросил Микки, целуя.

— Да нет, в радиотехнике...

И, целуя, Микки отсчитывал:

*Эн, де, труа,
Курон дан ле буа,*

*Катр, сенок, сиз,
Пур кейе ле сриз,
Сет, юит, неф,
Дан мон панье нев,
Диз, онз, дуз,
Киль сон дус¹⁾.*

— Киль сон дус,— повторила Лаура, пряча лицо у него на плече. Но Микки Педж вдруг оттолкнул ее в сторону, напряженно сморщившись, нагнулся над столом. Он рванул рукоятку.

— Тихо, ради Бога, тихо,— забормотал он.

Среди писка, треска, шорохов, заселяющих пространства, ухо Микки, острое, как глаз астронома, вдруг прослужало сигналы какого то грандиозного бедствия. Это не было обыкновенным SOS, сосом гибнущего корабля. Это был сигнал какого-то надвигающегося вселенского бедствия. Придвинув журнал, Микки лихорадочно записывал. Сигналы, то слабея, почти исчезали в фединге, то снова цепляли мембрану наушников. Они повторялись настойчиво несколько минут кряду. Микки ушел записать позывные рации, фамилии Покатилова, Денисова, Буткина, прослышал имя давно исчезнувшего профессора Валенкорфа и записал дату ожидающейся всепланетной аварии — ночь на 21 апреля. Потом, все слабея и слабея, сигналы затухли.

Это не могло быть шуткой. Микки схватил с полки справочник. Действительно, на Памире была такая советская высокогорная обсерватория. И пометка на полях сообщала, что международные правила радистов требовали немедленно принимать и передавать все сигналы с этой обсерватории. Микки дал максимальное усиление, попробовал выяснить направление сигналов, спеленгировать. Взглянул на карту, все совпадало. Но теперь не помогало уже и усиление. Сигналы прекратились. Микки начал вызывать берег...

---

¹⁾ *Раз, два, три, - мы побежим в лесок. Четыре пять, шесть, - чтоб нарвать вишен; семь, восемь, девять, - в мою новую корзину; десять, одиннадцать, двенадцать, - как они сладки!*

Резко открылась дверь радиорубки, и вошел Бэлтеймор. Лицо у него было оплывшее, как свеча. Он медленно моргал мутными глазами.

— Лаура, ты опять здесь?

— Боже мой, — сказала Лаура, — я уже не могу послать приветствия маме.

— Я передавал привет мистрис Монтейлер, — сказал Микки, — это моя обязанность... А сейчас я...

— Когда я ухожу в плавание, я не желаю иметь ничего общего с землей, — зарычал Бэлтеймор. — Я не желаю слышать о ней. Сто раз вам твердить, это, болван. Слышите вы это? Я не желаю, чтобы что-нибудь нарушало мое морское уединение. Мне надоело это. Я сейчас прикажу сорвать антенну и разбить эти ваши паршивые лампы.

Он уже успел, по-видимому, с утра накачаться.

— Я вам покажу привет маме, — сказал Бэлтеймор, и, схватив табуретку, он стал громить радиорубку.

— Позвольте, сэр, — пытался остановить его Микки.

— Я вам покажу привет маме! — кричал Бэлтеймор, разбивая стекла, кроша лампы.

Тогда Микки подсунул под самый его свирепый нос свежую запись в радиожурнале.

— Вздор, — сказал Бэлтеймор, — чья-то рождественская шутка. Расскажите вашей маме...

— Это не шутка, сэр. Вы разбили приемную установку, усовершенствованную по моему принципу: известная схема Микки. Это ваше частное дело. Но вы разбили и передаточную станцию. А по закону я должен немедленно передавать всем сигнал, услышанный с этой обсерватории. Связь с нею

потеряна уже больше года. Радиостанция «Крошки Лауры» стала бы известна уже завтра на весь мир.

— Что такое, что? — сказал струсивший Бэлтеймор, тщетно силясь придти в себя.— Вздор. Земля оплачена, застрахована. Во всяком случае, Микки, об этом пока ни слова. Вы, в общем, славный малый... Вы знаете, что будет, если об этом узнают мои пираты?.. Пока что надо потребовать уплаты всех долгов фирме. А потом с них ни копейки не получишь. Все это биржевые фокусы. Знаем. Ну, я-то свои деньги и на Луне сдеру... Алло, сколько нам там осталось жить на земле? Около трех месяцев?

— Вам даже значительно меньше, — проговорил Микки.

— Что вы этим хотели сказать? — насторожился Бэлтеймор.

— Я ничего не хотел говорить, это так у меня вышло.

— Смотрите, — пригрозил Бэлтеймор. — За три месяца вы у меня сможете тридцать три раза проклясть свое существование.

— Ничего, — беспечно ответил Микки. — Лучше уж тридцать три раза проклясть существование, чем один раз прекратить его.

— Пошли его к чорту,— сказала Лаура.

— Мадемуазель просит отправить вас к чорту,— сказал вежливо Микки, — и я боюсь, что пойму это буквально...

Круто повернувшись на месте, Бэлтеймор сбежал вниз. Через несколько минут элегантные друзья его заперлись в салоне. Это было сделано вовремя, так как Микки уже успел сообщить всей команде о грядущем скончании веков...

Он сделал это, не подумавши. Просто он был слишком зол на Бэлтеймора и за разбитую рацию и за Лауру. Опомнившись, он поспешил к растерянной Лауре и увел ее в свою каюту: от этой рваной портовой сволочи добра нечего было ждать. Он запер дверь и забаррикадировал ее.

—Лаура,— сказал он, — Лаура... теперь уж все равно... а планета еще вертится и во вселенной пока еще есть место для двоих.

Она не сопротивлялась. (Речистый Микки мог бы рассчитывать на успех и без светопреставления.) Она подняла руки, чтоб удобнее было стащить рукава. Ее ладони, как ладони утопающей, погружались, уходили в шелк, и вот исчезли... И Микки спас ее из захлестнувших их обоих с головой волн тюля и шелка. И тут, собственно, мир мог хоть тотчас же погибнуть. Все равно для них он уже перестал существовать.

Хмурые молодцы из новой команды сочли первым долгом своим грабеж винного погреба «Крошки Лауры». Через два часа по всему пароходу раздавалось хлопанье пробок. Хорошо закупоренные бутылки со старым шампанским палили так оглушительно, что трудно было различить несколько револьверных выстрелов, раздавшихся у сорванных дверей салона.

— Я уже предсказал, сэр, что жить вам осталось гораздо меньше трех месяцев, — крикнул в иллюминатор Микки, вконец пьяный и совершенно счастливый, когда Томас Бэлтеймор через пять минут после штурма салона был отправлен вслед за своими друзьями за борт «Крошки Лауры».

Капитан с помощниками лежали связанными в трюме. По всем каютам слышался визг дам, не очень, впрочем, искренний. Батистовое белье было перепачкано угольной грязью — следы кочегарских объятий, а внизу, единственно остававшийся на своем посту, старый масленщик Биль, схватив первую попавшуюся под руку тряпку, чтобы протереть выплеснувшуюся смазку, увидел, что он надраивает шатун шелковыми дамскими панталонами. И сама яхта, казалось, надралась до положения риз, качаясь с боку на бок, треща всеми своими суставами. Шторм разыгрался не на шутку, но всем было не до него. Что тут шторм, когда все равно на днях всем помирать. Что там может сделать какой-то старый хрыч с немецкой фамилией, который, верно, давно уже сам помер. Бей, круши, люби и пей.

К ночи пьяная орава кочегаров и матросов подобралась к дверям каюты, где, забыв о судьбах земного шара, уединились радист и Лаура.

— Алло, Микки,— не хватит ли с тебя? — закричал долговязый кочегар Майкл. — Пора подумать о товарищах.

— Чур я первый,— заявил кто-то сзади.

— Нет, уж давайте по жребию, — сказал Майкл — кому водить... И, тыча пьяным пальцем в стоявших вокруг него матросов, Майкл стал считать:

*Хитен, питен, Пени пай,
Поп э лори, Джинки-джай.*

— Я вышел. Открывай, Микки!..

Ответа не последовало, и тогда приятели решили взломать двери. Чудовищный треск и визг железа раздался вдруг под ними. Сразу потух свет в коридорах и каютах. Судно завалилось набок. Люди и вещи попадали. Люди ползли по стенке коридора, ставшей теперь почти горизонтальной. Шум льющейся воды, грохот ее и бульканье заглушили вопль...

...Как только пьяная вахта рассадил «Крошку Лауру» о подводные камни мыса Рике-рок, Микки вылетел в коридор и взбежал вверх. Он по привычке кинулся в свою радиорубку, но тут вспомнил, что его установка разгромлена взбесившимся миллиардером, что нет никакой надежды снестись с миром. Микки разом протрезвел. В нем проснулся стыд заглушил на минуту даже томительный страх смерти. Он забыл на минуту о Лауре. Он вырвал из радиожурнала страницу с радиограммой обсерватории, схватил одну из бутылок, валявшихся на палубе, сунул в нее листок, заткнул пробкой, нашел в кают-компании сургуч, залил им головку и бросил бутылку в море. Потом он побежал к шлюпкам, которые уже готовы были к спуску с опрокидывающегося судна.

— Ты знаешь, — сказал через день Хью Ретчер, радист шхуны «Святая Луиза», своему приятелю. — Знаешь, Тэдди, «Крошка Лаура», сообщают, нарвалась на камни у Рике-рока.

— Кто-нибудь выплыл? — спросил Тэдди

— Ни один человек, — сказал радист.— Видно, крепко наехали.

— У меня был приятель на «Крошке Лауре», — сказал Тэдди, — радист Микки. Микки Педж.

— А, болтун,— сказал радист,— знаю, он был слишком болтлив для радиста. Под конец жизни он совершенно свихнулся. В последний раз я слышал его, когда он начал передавать какой-то вздор о гибели мира.

— Он выпивал,— заметил Тэдди.

— Вообще не солидный был человек, — сказал радист.

— Фантазер,— согласился Тэдди.

Глава III

СМЕРТНИКИ ДАРУЮТ ВАМ ЖИЗНЬ

Узнав, что Вилли Рутер приговорен к смерти, Эмма Рейхле решила, что жить ей больше незачем. Она добивалась лишь прощального свиданья с Вилли. После свиданья Эмма (она твердо решила это) должна была умереть. Накануне свиданья братишка Кукки, бегавший на отмели искать ракушки, притащил бутылку из-под коньяка с головкой, залитой сургучом. Рыбак из тысячи и одной ночи, нашедший кувшин с сидящим в нем ифритом, лорд Гленарван из «Детей капитана Гранта» — ни один из сочиненных либо существовавших когда-нибудь героев не волновался так, открывая найденную в море бутылку. Сургуч был срезан, и посмертное сообщение радиста «Крошки Лауры» Микки вместе с радиограммой обсерватории было прочитано в уютной комнатке Эммы Рейхле.

Весть о предстоящей гибели планеты необычайно воодушевила Эмму. Теперь ей не надо было самой убирать себя из жизни. Три месяца она может потерпеть, а потом? А потом всемирная катастрофа выбьет из-под нее планету, как выбивают из-под ног повешенного скамейку. Проклятый мусорный мир! Мир убийц и доносчиков! Так ему и надо. Если такие люди, как Вилли, могут присуждаться в этом мире к смерти, так пусть весь гнусный, паршивый мир провалится в тартарары, пусть никто не живет. Если наберется сотня, другая праведников, то им все равно стыдно жить, если такие люди, как Вилли, умирают. И Вилли будет не страшно теперь умирать. Хоть Вилли не боится смерти, все-таки очень страшно умереть, когда другие остаются жить. Это все равно, что выйти ночью из теплого, светлого вагона, выйти ночью, на незнакомом маленьком полустанке, выйти в холод и мрак, а поезд уходит без тебя, сверкающий, шумный. И только ты один остаешься в ночи. А теперь все умрут, и теперь уже не страшно. Поезд дальше не пойдет, выезайте, господа!.. Завтра она сообщит об этом Вилли. Ему будет веселее умирать.

— Только молчи, Кукки,— сказала Эмма,— только молчи. Никто об этом не должен знать. Раз уж нам попало это в руки... А то они еще что-нибудь сделают, чтобы спастись.

Кукки был разочарован. Он ничего не понял из странных восклицаний сестры. Он надеялся, что в бутылке окажется сообщение о каком-нибудь кораблекрушении. Надо будет кого-то спасать, а тут — молчи!..

Эмма шла на разрешенное свиданье с Вилли повеселевшая, почти радостная. Она попудрилась, завилась, одела свою лучшую шляпку, надушилась. Никто бы не заподозрил в этой изящной фрейлен грозную вестницу из нового апокалипсиса... Она увидела Вилли — похудевшего, изможденного, но с теми же внимательными ясными глазами, какие у него были на воле. Сзади ходил грузный полисмен. И когда он приближался, Эмма и Вилли тотчас принимались разговаривать о разных пустяках. Все-таки Эмма успела сообщить ему радостной скороговоркой весть о гибели мира.

— Вилли, я так рада,— шептала она.— Ведь это же замечательно. Ты теперь не бойся, скоро все эти убийцы тоже умрут. Никто не будет жить. Подумай только, ты можешь идти спокойно... Тетя Минна вышла замуж за Карла Шмука, который держит в Виртдорфе колбасную, а племянник его, рыжий Фриц, который служил на струнной фабрике, приходится, значит, тебе троюродным братом...

— Нет, мне кажется, что Фриц приходится мне четвероюродным братом,— говорил Вилли,— потому что тетя Минна приходится внучатной племянницей дяде Людвигу с папиной стороны... Эмма, ты не обманываешь меня, это правда? Вся эта история со столкновением...

— Боже мой, стану я тебя обманывать!

— И ты говоришь после этого, что я могу спокойно умереть! — чуть не закричал Вилли.— Ты соображаешь что-нибудь, Эмма?.. Тихо, он идет.

— Нет, я считаю, что все-таки он приходится тебе не четвероюродным, а троюродным братом,— отвечала Эмма.— Дедушка Ганс с маминой стороны уверяет, что Карл Шмук из Виртдорфа, отец Фрица, приходится... Я не пони-

маю тебя, Вилли. Я думала этим успокоить тебя. Милый, я ведь представляю, как это ужасно, когда все живут, а ты должен... От мертвых легче. А ведь все скоро будут мертвыми.

— Легче? — свирепым шепотом сказал Вилли. — А для чего ж спрашивается, я терпел все, что я вынес в эти месяцы? На чорта мне тогда это было, ты думаешь, приятно, когда тебя бьют резиновыми жгутами, когда тебе отрывают ногти...

— Вилли, не надо, прошу тебя.

— Хорошенькое дело! Она думает, что я все это зря терпел? Просто так? А не для тех, кто останется жить? А теперь мне просто так сдохнуть, зная, что все зря, все кончится... И мы дрались зря... И русские боролись зря... Ты в своем уме, Эмма? Надо немедленно, где угодно, найти профессора Валенкорфа. Я хорошо знаю его. Но все это — абсолютно никому, слышишь? Здесь это будет только паника, гибель, как на «Крошке Лауре». Слышишь? И не могу я теперь умереть. Я положу голову под топор спокойно лишь тогда, когда узнаю, что все останется жить, существовать, драться... понимаешь, ты, троюродная сестра четвероюродного Фрица?!

— Вилли, какое тебе до всего дело, когда тебя уже не будет, какое мне дело до этого? Пускай все переколют...

— Хорошо,— сказал Вилли.— Довольно. Тогда я сегодня же начну выдавать адреса и явки членов комитета, чтобы мне продлили срок, если ты не желаешь помочь мне. Тебе хочется, чтобы я умер оплеванным предателем? Да?

— Хорошо, Вилли,— сказала Эмма,— ты прав. Я тоже думаю, что сын Карла Шмука — Фриц — приходится тебе четвероюродным братом.

— Ну, разумеется, а говорила, что троюродным,— весело закричал Вилли.

— Ну, может быть, пора уже выяснить, кем он вам приходится,— сказал подошедший полисмен,— разобрались? И, в конце концов, для Фрица иметь висельника троюродным или двоюродным братом — это почти одно и то же.

Повинуясь обещанию, Эмма принялась за розыски. Через четыре дня люди, имена которых сообщил Вилли, узнали, что бесследно исчезнувший два года назад знаменитый старый профессор Валенкорф тайно заточен в тюрьму. Было установлено, что он сидит в одиночной камере в той же самой тюрьме, в том же самом корпусе, где сидит приговоренный к смерти Вилли. Эмме удалось передать Вилли это сообщение, и Вилли приступил к делу. Рядом с камерой Вилли сидели двое его товарищей-коммунистов, также ожидавших смертного приговора. С этими-то все было в порядке. Вилли перестучался с ними. Это были ребята надежные. Им можно было сообщить все начистоту. Но далее стена в стену находилась камера, где сидели два уголовника, два приговоренных к смерти бандита — Эди Прейс по прозвищу Фистула и его подручный Тонио Профундо. Как быть с ними? За камерой уголовников находилась камера профессора. Профессор был посажен за то, что, несмотря на все домогательства, он решительно отказался представить военщине свое изобретение. «Сообщи я миру мой секрет, мир бы разлетелся в клочья», заявил профессор. Однако

Вилли надеялся, теперь-то ведь гибель земли все равно была несомненной. Профессор должен согласиться передать в СССР чудовищное открытие. Может быть, еще можно спасти человечество? Он — там за стеной, в прокисшей камере, зачеркнутый в списках живущих, вытравленный из их памяти, но он еще жив! Подумать только!.. Весть, долетевшая из другого полушария, весть, прошедшая тысячи километров, должна была столкнуться с толстой бетонной стеной тюремного корпуса. Всего лишь несколько метров отделяли Вилли от человека, который бы мог предотвратить катастрофу. И соседи Вилли стали обрабатывать уголовников...

— Я никогда не являлся с коммунистами,— сказал Эди Фистула.

— Да, это народ,— отвечал Тонио Профундо.— Погляди, что они сделали с нашими в России.

— Нет, если бы анархисты, это еще куда ни шло,— сказал Фистула.

Оба наотрез отказались передавать сообщения в соседнюю камеру. Но Вилли стучал, настойчиво стучали его соседи. Пришлось, взяв с Тонио честное воровское слово, при клятвенных заверениях с его стороны о молчании, рассказать уголовникам, что именно собираются сообщить профессору.

— Послушай, Эди, — сказал Профундо,— этот парень стучит, что без нас с тобой мир погибнет.

— Я так всегда полагал,— сказал Эди.

— Он стучит, что от нас зависит сейчас, будет существовать земной шар или нет.

— Если это зависит от нас, то успокой его, что он существовать не будет,— сказал Эди.

— Погоди, Эди — сказал Профундо, осененный вдруг какой-то внезапной мыслью.— Это значит, что рыжий Луиджио умрет, как все.

— Почему, как все?

— А потому, что эту рыжую собаку должны были прирезать, когда он вернется из Америки, а он вернется лишь через пять месяцев.

— А когда назначено светопреставление?— спросил Эди.

— После дождика в четверг, двадцать первого апреля,— сказал Профундо.

Эди подсчитал.

— Да,— сказал он,— не успеют его отблагодарить.

— Эх, дьявольщина, жаль!

— Неужели мы допустим, чтобы он умер, как все, эта собака? — спросил Профундо.

— Нет, этого нельзя допустить, — сказал Эди.

— Скажи на милость. Придется из-за этой собаки дать всем отсрочку до следующего светопреставления.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Профундо.

— Ну, стукни профессору,— сказал Эди.— Но слушай, ты, если ты хочешь на этом спасти свою шкуру и назвонить что-нибудь об этом деле, смотри, мне плевать на коммунистов, но раз нам доверили, значит... понял? Смотри. Если пикнешь, я тебя возьму вот так, и хоть ты зовешься Профундо, но разом пустишь с обоих концов такого петушка...

— Фу, грубо как,— сказал Тонио Профундо.

Профессор Валенкорф был упрямым и непреклонным стариком. Он и на воле был нелюдим. Он жил холостяком и анахоретом. Близких у него не было. Таинственное исчезновение его вызвало в свое время много толков, волнений, запросов, но потом об этом забыли. Ученики профессора либо бежали с родины, либо стакнулись с теми, по чьей милости был запрятан их учитель в самый мрачный из тюремных замков. Так, в ожесточенном одиночестве, ничем уже в мире не интересуясь, жил второй год полумертвый иссохший профессор Валенкорф. Слабый стук в стену удивил его, но узнав, что от него хотят соседи, профессор прежде всего заподозрил провокацию. Вилли был готов к этому. Несколько лет назад он тайно встречался с профессором и разговаривал с ним об его изобретении. Профессор оказался упрямым, фанатичным пацифистом. Он и слышать не хотел, чтобы люди могли использовать силу нового его состава. «Дай вам его, так вы разом друг друга взорвете на

воздух», говорил профессор. Но вообще они поговорили тогда очень мирно, дружески, и так как оба готовились оказаться за решеткой, то обменялись друг с другом паролем, по которому каждый бы мог, если понадобится, установить подлинность другого. Это была начальная фраза детской считалки:

Эйне, клейне

Вейсе боне... (Маленькая белая фасолина...)

Вилли когда-то слышал ее у Кукки, и запомнил. Они играли тогда в пятнашки, и Кукки никак не мог догнать длинного Вилли...

Услышав через стенку выстуканные Эди слова считалки, профессор поверил и согласился послушать.

Вилли просил сообщить его формулу, состав или хотя бы место, где можно было бы получить чертежи и сведения. Он слышал, что профессор где-то так запрятал свои труды, что найти их было невозможно, несмотря на полугодовые розыски агентов внутренней разведки. Но профессор категорически отказался сообщить место.

— Я пацифист,— стучал профессор.— Если я дам в руки человечеству это средство, оно, может быть, и спасет планету, но истребит на планете самого себя. А без человечества планета никому не нужна.

— Это свинство, папаша,— простучал ему в ответ Эди Фистула,— просто свинство. Если вас лично ничто уже не интересует в жизни, то у нас есть еще кое-какие счета на Божьем свете. Мы вас просим пролонгировать хоть немножко вексель старушки.

— А вы что за посредники? — простучал профессор.— Коммунистические агитаторы?

— Упаси боже, — отвечал Эди, — как вам не стыдно! Мы честные бандиты. С вами говорит Эди Фистула. Меня на той неделе кончат. Обратите внимание. Я забочусь не о себе, папаша. Меня интересуют некоторые из остающихся квартировать на планете.

Далее Вилли перестучал через три стены профессору, что он гарантирует передачу его секрета через советскую границу, а там-то, заявил Вилли, его средство будет использовано лишь для спасения, а не для истребления. Нет никакого сомнения...

— Если мир погибнет,— пробарабанил уже от себя Эди в стенку,— вам никто этого не простит. Вам это припомнят.

— Меня уже сейчас забыли,— последовал ответ,— кто же припомнит, если все погибнут?

— Фу, как грубо, папаша,— сказал Профундо.

— Я — Эди Фистула, — простучал Прейс, — у меня двенадцать мокрых дел на текущем счете. Но я чувствую себя невинным младенцем перед старичком, который спокойно отправляет на тот свет полтора миллиарда душ наличными.

— Я — пацифист,— упрямо стучал профессор.

— Вы эгоист. Нельзя думать только о себе, папаша,— ответил Эди.

— Имейте сожаление,— добавил Профундо,— человечество — это не кот чихнул. Это же все-таки люди, хоть и сволочи. Они привыкли существовать в природе.

— Все равно они истребят моим составом друг друга.

— Тогда плюньте на человечество,— отстучал Эди.— Была бы земля, а люди найдутся.

И они стучали ему всю ночь, стучали по очереди. У них уже болели костяшки пальцев.

Это сам мир грешными перстами стучался за помощью в камеру Валенкорфа. Но профессор был неумолим, да и приятели, стуча, меньше всего думали о человечестве, признаться...

Ночью их стук услышал проходивший сторож. Щелкнул глазок в дверь. Надзирательское око вперилось в приятелей.

— Что за стук? — спросил надзиратель.

— Легко на помине,— отвечал Эди Фистула.— Мы как раз говорили о твоей сообразительности.

И Эди постучал себя по лбу, указал пальцем на надзирателя и постучал в стенку.

— Покойной ночи, герр Фридрих.

Глазок захлопнулся. Приятели оказались очень настойчивыми. Они не дали в эту ночь профессору соснуть ни минуты. Они стучали и стучали. Сменяли друг друга и барабанили.

Это невинное занятие очень развлекало их. Приятели вошли в роль и искренно горячились.

— Эгоист,— стучал Эди.— Берите пример с нас. Нас кончат на той неделе, а мы заботимся обо всем человечестве.

— Особенно о некоторых экземплярах,— соткровенничал Профундо.

— Ну, ну,— сказал Эди и показал Профундо кулак.

— Грубо,— сказал Профундо.— Жил грубо и умрешь грубияном.

К утру профессор перестал отвечать на стук.

— Думает,— предположил Профундо.

— Папаша, вы там, боже упаси, не престаивались срочно? — осторожно осведомился через стенку Эди.— По-времените, папаша

Профессор не отвечал три с половиной часа. Приятели прислушивались. Слышно было лишь, как ходит за стеной туда и назад сосед. Через три с половиной часа раздался стук. Профессор согласился. И вот, ночью, из камеры в камеру, шла через стены эстафета смертников. В темноте и тишине перестукивались люди, которым существование мира ровно ничего уже не могло прибавить. Профессор передал адрес, где спрятаны были его тетрадки с формулами и чертежами. Он передал его цифровым шифром. Первая цифра указывала строку считалки Вилли, вторая — порядковый номер буквы.

В тот же день, в небольшой специальной капсулке, адрес, написанный Вилли на папиросной бумаге, был переправлен куда следует и подобран явившейся по сигналу Эммой.

Запыхавшись, прибежала Эмма домой.

— Кукки,— сказала она,— Кукки, вот смотри!

За нею хлопнула тяжелая дверь. Незнакомые шаги проскрипели в коридоре. В дверях заблестели форменные пуговицы. Кто-то грубо откашлялся.

— Обыск,— сказал Кукки, схватил капсюльку и, не думая, проглотил.

Когда Эмму после обыска увели, Кукки бережно погладил живот. Он знал уже все. Эмма вчера рассказала ему о том, что было найдено в бутылке, принесенной с моря. Вот теперь у него здесь, нет, пониже, вот тут, слева, в желудке, хранился секрет спасения всего мира. Кукки расстегнул рубашку, заглянул под нее. Живот, как живот, самый нормальный мальчишеский живот с пупком, родинкой, царапиной, которую заполучил, купаясь, Кукки. Самый обыкновенный живот, а какая тайна внутри! Кукки застегнулся. Хорошо бы кому-нибудь рассказать, но Эмма сказала, что это тайна, а он не девчонка, чтобы болтать. Теперь надо следить за собой и съесть побольше яблок, чтобы скорее капсюлька снова появилась на свет Божий. Но на другой день капсюлька с тайной все еще продолжала быть в Кукки. Вот так «ейне, клейне, вейсе боне»...

Прошел еще день. Как назло, у Кукки продолжался запор. Он не знал, что делать. Вдруг она навсегда останется в нем? Вдруг он умрет? Или нет, вдруг у него заболит страшно живот? Его положат в больницу, станут резать, найдут в желудке это, и фашисты узнают тайну. Как же быть?

Кукки не спал всю ночь. Утром он отправился в аптеку.

Там, отражаясь в стеклянных шарах, в красном, синем и желтом жил шарообразный, но бесцветный аптекарь. В нем уже ничего не отражалось.

— Дайте мне касторки, господин доктор,— сказал Кукки.

— Зачем тебе касторки? — спросил аптекарь.

— Пожалуйста, дайте мне побольше касторки,— повторил Кукки.

— Ты что, болен? Съел что-нибудь?

— Нет, нет,— заторопился Кукки.— Просто мне хочется касторки.

— В первый раз вижу мальчика, который бы так жаждал касторки,— сказал аптекарь. — В мое время ее вливали в нас насильно. Да, времена меняются,— сказал аптекарь, любивший пофилософствовать.

И он покачал лысой головой. И Кукки показалось, что все шары, и синий, и красный, и желтый, тоже закачались и сказали аптекарским голосом: — Времена меняются...

Кукки стойко выпил двойную порцию касторки, все, что было в бутылочке, которую дал ему аптекарь на два раза. И вот капсюлька снова появилась на свет божий. Кукки раскрыл ее, омытую под краном, нашел адрес и решил немедленно отправиться в указанное место. Но касторка не унималась. Она гоняла то и дело бедного Кукки в конец коридора, и Кукки никак не мог решиться отправиться в дальнейшее странствие. Пришлось опять обратиться в аптеку.

— У вас нет закрепительного? — спросил аптекаря Кукки.

— Я же вам дал только вчера очистительное,— сказал аптекарь.

— Времена меняются,— ответил Кукки.

...На старой заброшенной даче за городом в сарайчике под ржавой чугунной плитой нашел Кукки пухлую тетрадь, всю исписанную формулами, всю исчерченную линиями, всю испещренную точками, кривыми, углами. Тетрадь Кукки припрятал на знакомом дворе.

И хорошо сделал, так как у самого дома его остановил шпик.

— Бедный мальчик,— сказал он,— где же твоя сестра? Где милая Эмма?

— Ее забрали в тюрьму,— отвечал Кукки.

— Ай-ай-ай, уж эти фашисты,— сказал шпик,— от них жди.

Но Кукки не был расположен к длинным разговорам. Он исчез в ворота соседнего дома, и шпик остался с носом. Он

вообще был носатым неудачником, этот шпик: через несколько минут маленькая девочка подошла к усатому шпику и подала ему какую-то бутылочку.

— Это от Кукки,— сказала девочка.

Шпик взял бутылку из-под касторки. Какая-то слизь с пеной была на дне ее, и на длинном рецепте рукой Кукки было начертано: «Сюда я плюнул на тебя».

Теперь надо было переслать тетрадь в ту страну, где из формул и чертежей, заключенных в тетради, вышел бы толк. Но в СССР Кукки знал лишь один адрес. Это был адрес московского пионера Васи Лаушкина, с которым Кукки год назад вел интернациональную переписку от имени своего класса. Переписка эта потом как-то оборвалась, но адрес Кукки запомнил. Он считал советского пионера вполне достойным передатчиком великого секрета в надежные руки. Боясь, что письмо вскроют на почте, он отправился на вокзал, и там, увидев людей, похожих на русских, говоривших по-русски и уезжающих к себе домой, он подошел к одному из них и передал большой запечатанный конверт.

— Вы ведь совет рус? — спросил Кукки.

— Да,— отвечал тот,— и, поправляя шляпу, крепко рванул ее спереди за поля, обнаружив привычку натягивать так, за козырек, кепку.

— Пожалуйста, перешлите пакет в Москве Васе Лаушкину. Вот его адрес. Это — альбом марок. Я не хотел, чтобы его видели наши, ну, то есть не наши,— спешно поправился Кукки,— а здешние.

...Дело о передаче военной тайны и государственной измене профессора Валенкорфа, бывшего коммунистического лидера Вилли Рутера и его невесты Эммы Рейхле слушалось при закрытых дверях в особом присутствии. Все трое упорствовали. От них ничего нельзя было добиться. Все трое твердили лишь одно: они спасали мир, человечество.

Но суд не место для коммунистической агитации, и все трое были приговорены к смертной казни. Впрочем, для Вилли это было только подтверждением его прежней судьбы, получившей теперь лишь отсрочку.

По жестокому совпадению, казнь была назначена на ночь 21 апреля.

О том, как Вася Лаушкин узнал о тайне, рассказывалось впоследствии в сказках и легендах. Вася Лаушкин получил по почте большой пакет. Дома никого не было. Он только что вернулся из школы и собирался идти на каток, чтобы воспользоваться красными деньками хорошей зимы. Вася Лаушкин немного понимал по-немецки, и недаром он был выбран в классе и звене вести интернациональную переписку. Вспотевши от усердия, он кое-как прочел письмо Кукки.

«Я и ты, мы двое,— переводил он вслух,— только на всем свете люди, которым эта великая тайна известна... Это очень важная для всех человек, которые на земном шаре живут». Многого Вася Лаушкин не разобрал но он понял лишь одно: какая-то огромная тайна была спрятана в этом пакете, в этой тетради с непонятными чертежами и формулами. Эта тайна могла спасти всех — его школу, маму, папу, Кукки, материк, Европу, Азию, всю улицу. И надо было немедленно идти к человеку, имя которого сразу пришло Васе на ум, как только он подумал о том, что надо защищать улицу, дом, страну, мир от гибели.

И он поехал. Он страшно торопился. Надо было успеть вернуться домой до прихода с работы родителей. Ведь это же была боевая тайна. Как назло, трамвай плелся необычайно медленно, а на перекрестке совсем остановился. Бесконечный обоз шел из-за угла. Трамвай стоял, обоз плелся. Милиционера на углу не было. Не было и светофора. И тут, как впоследствии рассказывала об этом легенда, Вася увидел, что на углу стоит девочка с воздушными шарами. И, если верить легенде, Вася выбежал из трамвая, вырвал у растерявшейся девчонки красный шарик и пустил его над перекрестком. Шарик запутался в проводах и повис над улицей, красный, прозрачный. Возчики, увидев красный свет и приняв шар за светофор, остановились. Трамвай прошел, и тогда с задней площадки Вася пустил зеленый шар.

Зеленый прозрачный шар повис над перекрестком, и обоз тронулся дальше.

Так рассказывает легенда.

Дальше было вот что. В большом доме, где стояли часовые и куда Васю Лаушкина долго не пускали, его наконец проводили в просторную комнату с диванами. Это была приемная. Военные с ромбами и звездами на рукавах и воротничке ходили мимо Васи и на ходу говорили с красивым молодым человеком, который привел сюда Васю. Здесь все говорили очень коротко, торопясь.

— Здесь? — спрашивал вошедший.

— Да, — отвечал молодой человек.

— Но? — продолжая вошедший.

— Занят, — отвечал молодой человек.

— И? — начинал вошедший.

— Просит обождать, — кончал молодой человек. Потом Васю проводили в большой кабинет. За столом сидел маршал. Вася отлично знал его по портретам. Седой и румяный, маршал улыбался Васе.

— Ну, садись, Вася Лаушкин, — сказал маршал. — Кто же это тебе прислал?

— Это Кукки прислал по почте. Его фамилия Рейхле. Он заграничный пионер.

— А ты уж, небось, и испугался, — сказал маршал. — Поверил всему. Здорово он тебя разыграл.

— А это разве неправда?

— Ерунда, — сказал маршал. — Ну, посуди сам... какая такая тайна? Просто пошутили над тобой. Эх ты, испугался!

— Я думал... — начал Вася.

— Нет, что нам сюда принес — это правильно, — сказал маршал, — но вообще это вздор чистейший, подшутили над тобой, Лаушкин Василий. Ну, как отметки у тебя?

— По математике отлично, родной язык — хорошо, физкультура — тоже отлично, география — посредственно...

— Что ж это география тебя подкузьмила? — спросил маршал. — А девчонок не обижаешь? — Девочек, то есть.

— Ну, да!.. что вы!.. А чего они сами лезут?

— Ну, ладно, Лаушкин Вася. Это тут можешь оставить, а сам поезжай домой, и не советую тебе говорить об этом кому-нибудь — засмеют.

Маршал позвонил:

— Пожалуйста, Петрунин, вызовите ему машину, ответите домой,— сказал маршал, улыбнувшись.— А по географии советую подтянуться...

Но едва дверь закрылась за Васей, как маршал встал, выпрямился и тихо сказал:

— Вызовите ко мне немедленно всех членов Верховного совета. Соедините меня с главной обсерваторией.

Проходя через приемную, Вася слышал, как очередной вошедший спросил:

— Прием?

— Был, — ответил секретарь.

— Но? — спросил вошедший.

— Прекращен, — сказал секретарь.

— И будет? — поинтересовался вошедший.

— Когда — неизвестно, — отвечал секретарь.

— Если? — спросил вошедший.

— Не будет особых распоряжений, — ответил секретарь.

И вот пришла она, ночь на 21 апреля.

По сообщениям, которые дала в первый раз обсерватория, катастрофа должна была произойти в три часа пятнадцать минут ночи. Казнь была назначена на три часа. Умереть за пятнадцать минут до момента, когда решается судьба мира, умереть и не знать, сделано ли что-нибудь, будет ли существовать планета, человечество, все лучшее, что есть на земном шаре, — умереть и не знать этого — нет! Это уже слишком. Одна мысль об этом казалась Вилли еще более страшной, чем самый факт смерти. Он твердо решил, во что бы то ни стало, какими угодно средствами оттянуть на четверть часа казнь.

Была уже весна, весна происходила за окнами. Весна манифестировала о своем вступлении, цветение занималось

на деревьях, и зябнувшие парочки сидели в парке, расположенном недалеко от тюрьмы. Уютно прижавшись друг к другу, так приятно и жутко думать о страшном. И влюбленные, поглядывая на черные глухие стены корпуса смертников, испытывали особое, острое наслаждение оттого, что они живут, и утром тоже, конечно, будут жить.

— Они хотели взорвать всех нас,— говорил сутулый молодой человек своей подруге.

— За что же нас? — удивилась подруга.

— Разве они разбираются... коммунисты...

На соседней скамейке двое долго смотрели на черные решетчатые окна смертников.

— Она, верно, любила его? — спросила девушка.

— Еще бы,— сказал он.

— Когда любишь, не страшно. Я бы умерла с тобой.

— И я бы с тобой.

На третьей скамейке сидела франтоватая парочка.

— Это, верно, страшно — положить голову на плаху? — спросила она.

— Ничуть, я вот кладу,— отвечал он лихо и положил голову к ней на плечо.

С Эммой от предсмертной тоски и страха началась рвота. Она сдерживалась изо всех сил, скрипела зубами, но ужас разжимал челюсти, и изнурительная спазма выворачивала внутренности.

В два часа смертников вывели в коридор, расковали, связали руки за спину и повели во двор.

— Прощайте, товарищи, прощайте, Эди, прощай, Профундо! — крикнул Вилли.

Но ему никто не ответил. Эди Фистула и Тонио Профундо были казнены уже месяц назад.

Все было приготовлено. Мастер в черном клеенчатом переднике вынул из замшевого чехла топор. Лицо у мастера было смешное, расплоснутое какое-то, с белым придавленным носом и подбородком, словно он смотрел через стекло, прижавшись к нему. Корректный прокурор прочел приговор и отошел в сторону.

— Не бойтесь,— сказал мастер,— я не забрызжу. Мы работаем аккуратно. Ну, кто первый? — поинтересовался он.

— Который час? — спросил Вилли.

— Без четверти три, — сказал мастер.— Не беспокойтесь, отправитесь без опоздания, можете еще десять минут подышать свежим воздухом.

И он пошел готовить плаху.

Плаха была похожа на спортивную кобылу, на которой учатся прыжкам. Она была обтянута черной клеенкой. Посредине наверху было сделано углубление, чтобы класть шею.

— Подкладка меняется каждый раз,— любезно сказал мастер.— Гигиена — прежде всего.

Он был веселый малый и общительный человек, этот мастер, но излишняя уверенность в собственном остроумии портила его и осложняла служебное положение.

— Ну, кто первый? — опять спросил он.

— Который час? — снова спросил Вилли.

— Без пяти три,— ответил прокурор.— Слушайте, мастер, приступайте.

— Не могу, пока не будет три часа,— сказал мастер.— Закон — прежде всего.

— Я пойду первый,— сказал профессор Валенкорф.— Пустите меня.

— Тише,— зашептал Вилли.— Нам надо оттянуть время.

— Ну? — сказал прокурор.

— Кинем жребий, или нет, будем считать. Давай, Эмма.

И Эмма стала считать. Это была та самая считалка Куки, которая служила паролем и шифром у Вилли и профессора Валенкорфа.

*Эйне, клейне
Вейсе боне,
Рейсте зйнст,*

Нах Энгелянд.
Энгелянд вар абгешлосен.
Унд дер шлюсель
Абгеброхен...
Ейнс, цвей, дрей —
Ду бист фрей!¹⁾

Вышел Вилли..

— Ну, что же,— сказал он.— Прощай, моя Эмма... не бойся. Ну, ну, не надо... пожалуйста. Одно из двух — или через пятнадцать минут все мы погибнем со всеми, и нам не придется затруднять мастера, либо ты умрешь во имя такого дела, что... человечество... чорт!— выругался он.— Ужасно хочется перед смертью говорить красиво; ты меня, пожалуйста, одергивай, Эмма. Нечего тут заниматься изящной словесностью и метать бисер перед этими свиньями.

— Вилли,— сказала Эмма,— я ничего держалась на суде?

— Нет, ты молодец,— сказал Вилли.

— Правда, ничего?

— Ты молодец,— повторил Вилли.— Я просто влюбился в тебя еще больше. Честное слово.

И вдруг профессор, освободив руки, отскочил в сторону, размахнулся и худой рукой нанес оглушительную оплеуху прокурору.

Тюремщики накинулись на него. Один из них ударил его сапогом под живот, другой уперся коленом в спину, под которой ходили острые лопатки, и, до хруста выламывая руки, скрутил их веревкой.

— Ну, это напрасно, — сказал Вилли профессору,— К чему это?

— Я никого никогда не бил в жизни,— закричал профессор, выплевывая кровь из разбитого рта.— Никого в жизни я никогда не бил. Я уже целый год мечтал кого-нибудь ударить. Разве я нашел неподходящий объект?

---

1) Маленькая белая фасолина поехала однажды в Англию. Англия была заперта и ключ сломан... раз, два, три, ты свободен!

Мастер подошел к Вилли.

— Закурить не желаете? — спросил он у Вилли.— Некоторые просят.

— Спасибо, я не курю.

— Хорошо делаете,— сказал мастер.— Вы бы долго прожили. А вот я никак не отучусь.

Он вынул из-под клеенчатого фартука небольшую, аккуратно переплетенную тетрадку.

— Не откажите автограф. У меня все вписывают.

— Который час? — спросил Вилли.

— Девятнадцать минут четвертого,— сказал мастер.

— Готово! Вертится! — закричал Вилли. Он оттолкнул мастера, бросился к Эмме и крепко обнял ее.— Готово! Эмма!!! Милая! Молодцы русские!.. Я говорил, что не дадут. Ах, здорово, товарищи! Ну, теперь есть, кому вспомнить о нас, профессор, спасибо!.. Какие дураки, они думали, что мы будем просить их о помиловании! Они не подозревают, что мы их сами помиловали. Спасибо, мастер, что дали узнать,— продолжал он кричать ничего не понимающему палачу.— Скажите мне спасибо... Нам всем... Мы спасли вас всех... Да здравствует земля! И да живут на ней те, ради которых ей только и стоит вертеться; те, что скоро свернут вам всем шею, господин прокурор...

— Удивительно,— сказал ушибленный прокурор — агитационный бред... хватит.

Потом они простились.

— Вилли,— сказала Эмма,— вот так у нас и не смогло быть детей.

— Эмма,— сказал Вилли,— все дети, который родятся с трех часов пятнадцати минут сегодняшнего дня, родятся лишь благодаря нашей любви. Что же ты меня не остановишь, Эмма? Вот видишь, я опять пустился в изящную словесность.

Он взглянул вверх. В маленьком четырехугольнике неба над тюремным двором сверкала чистейшая звездная ночь. Все звезды были на месте. Небо было ясное, спокойное. Все было в порядке.

— Ну, мастер, займемся,— сказал Вилли, как говорил всегда в парикмахерской.

Профессор Ростислав Петрович Покатилов совершенно одичал за эти месяцы. Он не сомневался, он твердо уверился в гибели Лины вместе со всей этой сумасбродной экспедицией. Дура девчонка... Он ненавидел ее. Увязалась на свою погибель с мальчишками, а его бросила здесь одного. Он давно уже не переодевался, не брился. Отросла длинная седая борода, и космы волос выбивались из-под шапки, из-под воротника полуразодранного пальто. Уже давно были выпиты все запасы коньяка. Читать он больше не мог: каждая книга напоминала о жалкой тщете всей истории человечества. Одиноким, искромсанным ужасами последних ночей мира, жил он в своей обсерватории, отринутой от мира, заточенный здесь, готовясь к неминуемой и страшной гибели. Ежедневно отмечал он на карте приближение точки всепланетной аварии. По привычке он еще вел наблюдения, и часами с отчаянием и омерзением глядел на страшное, блеклое это приближение через большой свой рефрактор. Потом, запущенный механизм трубы стал заедать, и вскоре перестал действовать вовсе. Покатилов лишился возможности следить за небом. Но он знал день и ждал его, обреченный. Это наступало. Вот это наступило. Вероятно, теперь это уже было заметно и через другие сильнейшие телескопы земного шара. И это падало!!! Это падало!..

К ночи профессор вышел на плато. Дул ветер из ущелий, громко стучали в башне хронометры. Покатилов приготовился к смерти. Она должна была наступить через несколько минут. Хронометр отстукивал последние секунды мира. И вдруг смертельный ужас повалил Покатилова на землю. Он полз по земле, цепляясь ногтями за нее, за землю, почву планеты, которая через несколько минут разлетится в ничто, в мертвые осколки, осужденные на вечное блуждание во вселенной. Он не мог заставить себя посмотреть на небо. И вдруг услышал страшный звон, перешедший в воющий гул. Гул этот заполнил его всего и все кругом. Ослепительный

горячий свет словно выжег ему глаза. Кровь стала испаряться из его жил. Это был конец. Он знал: на планету пала смерть поголовная разовая, все человеческая. Покатилов попытался приподняться...

Чудовищной силы удар расколол мир, землю и череп...

Но это был всего-навсего лишь разрыв сердца у профессора Покатилова.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

В ночь на 3 апреля было предотвращено возможное 21 апреля столкновение планеты Земли с крупным небесным телом.

Столкновение это имело бы своим последствием гибель всего живущего на нашей планете. На основании сообщения, впервые данного профессором Покатиловым и работниками высокогорной сверхмощной советской обсерватории на Памире Денисовым, Буткиным и Покатиловой, и переданного в СССР благодаря героизму казенных вчера фашистским судом Вилли Рутера, Эммы Рейхле, известного ученого профессора Валенкорфа, пионерами Кукки Рейхле и Васей Лаушкиным, — советская наука, опираясь на социалистическую технику, смогла подготовиться заблаговременно к устранению возможности всемирной катастрофы. Столкновение было предотвращено силами советской ультразенитной сверхмощной реактивной артиллерии. Всего было выпущено 164 543 тяжелых ракеты системы Свешникова — Валенкорфа, двойной последовательной детонации, снабженных часовыми механизмами, позволившими дать на месте попадания в небесное тело, в установленный час, одновременный взрыв с направленной отдачей; благодаря этому, гигантский болид в силу отдачи получил изменение траектории своего полета и миновал Землю. Советская наука и техника еще раз...»

И т. д.

ЯНКА МАВР

**ПОВЕСТЬ
БУДУЩИХ ДНЕЙ**

Фантастическая повесть

(отрывок)

Перевод А.В. Левчика.

Рисунки И. Давидовича

Янка Мавр
АПОВЕСЦЬ БУДУЧЫХ ДЗЁН
Повесть, 1932 год
Дзержаўнае выдавецтва Беларусі "Юндзетсэктар", 1932 г.

ГОСТИ С НЕБА

Однажды под вечер, по имению пошли слухи, что в поле, у дороги, сел пассажирский самолет из тех, что летали в Советский Союз. В самолете, видимо, что-то сломалось, и он вынужден был спуститься.

Разумеется, все побежали посмотреть на непредвиденных, необычных гостей. А впереди всех — Юзик.

У дороги стоял большой самолет с двумя моторами и красными звездами на крыльях. К нему бежали со всех сторон местные жители, но раньше них примчалось на мотоциклетах, автомобилях и на лошадях все окрестное начальство, полиция, жандармы. Все они мигом окружили самолет и отделили от него публику.

В середине круга остались только пассажиры и команда самолета. Пассажиров было человек пятнадцать. По виду большинство из них были чужеземцы — немцы, англичане, французы. Они кружком стояли вокруг самолета и горячо, взволнованно, о чем-то беседовали. Пилот и механики суетились вокруг мотора, механизмов.

Так прошло с полчаса. За это время приехал еще один польский начальник, видимо, какой-то генерал. Пассажиры окружили его, начался резкий разговор, споры. Пассажиры

что-то доказывали, генерал кивал головой, потом что-то приказал своим — и на дорогу вылетел мотоциклист.

Пассажиры успокоились и начали чего-то ждать. Некоторые уселись на траву. Только механики с пилотом возились с машиной.

Охране тоже хватало работы. Народу собиралось все больше и больше, каждый стремился протиснуться вперед.

— Не налезать! Расходитесь! — кричали жандармы, направляя на людей своих коней; но каждому хотелось взглянуть на самолет и на гостей.

— Пся крэв! Я же тебе говорил! — раздался мощный голос, потом свист кнута, всплеск — и женский плач.

Генерал в это время разговаривал с каким-то важным англичанином в пестром пальто с ремнями и сумками через плечо. Англичанин удивленно посмотрел в ту сторону, где раздался плач.

Но генерал повернулся еще быстрее. Его глаза, губы и все лицо, сжатые кулаки — проявляли такую злобу, что даже Юзик испугался.

— Кто позволил себе такой поступок? — прогремел он.

— Да вот эта баба, проше пана! — сунулся войт услужливо.

Генерал покраснел, позеленел...

— Дурак! — буркнул он так, чтобы не слышали чужеземцы, а потом добавил громче: — Я спрашиваю, кто это позволил себе драться?

— Извините... Эта баба ... — начал было виновато жандарм.

— Сейчас же на неделю на гауптвахту. Марш! — Крикнул он, и старательного жандарма повели на отсидку.

Народ словно окаменел от такого чрезвычайно происшествия. Никогда они не слышали, чтобы жандармов за это наказывали!

И среди тишины из толпы послышался сдержанный голос:

— Эх, если бы чаще прилетали чужеземцы! Может, тогда чаще воздерживались бы жандармы...

— А ты думаешь, его действительно накажут? — Отозвался второй голос, — отведут немного и отпустят, даже похвалят. Все это для глаз Европы делается...

Генерал вздрогнул, но не подал виду, что слышал. А прислужники его смотрели яростными глазами, но тоже вынуждены были молчать. Выказали злобу только тем, что еще больше расширили круг, но уже «нежным способом».

Вот уже солнце скрылось за лесом. Зрители начали расходиться. На шоссе показались два автомобиля. Подъехали, остановились. В них начали размещаться пассажиры. Сел и генерал в свой автомобиль, и важнейшие чиновники, готовились к отъезду мотоциклисты. Около самолета остались пилот с помощником и два механика.

В самый последний момент пилот подбежал к генеральскому автомобилю, что-то начал говорить, и после этого к пассажирам присоединился один механик.

Автомобили тронулись и исчезли в пыли.

Около самолета остались три человека из команды и вокруг них человек двенадцать полицейских и жандармов. Совсем мало осталось и зрителей.

Среди них Юзик увидел и Максимку.

— Интересно посмотреть, что будет дальше, — сказал Юзик. — Куда они поехали, и что эти будут делать?

Максимка уже знал из разговоров, в чем дело.

— Пассажиры — сказал он — поехали на станцию и оттуда поедут по железной дороге. Ехать недалеко. А механик поехал за новой частью для машины. Эти будут ждать его, а потом починят и улетят. Подождем и посмотрим, как они полетят.

Совсем стемнело. Публики осталось совсем мало, в основном молодежь и дети. Жандармы все более решительно наседали на них.

— Чего вам? Насмотрелись. Хватит! Пора расходится!

Но тем очень не хотелось идти. Они отошли подальше и смотрели издали.

Время шло, а изменений никаких не было. Команда скрылась в своей каюте, охрана расположилась вокруг. Вот

уже и все зрители разошлись; остались только Юзик и Максимка.

— Пойдем, что ли? — промолвил Максимка. — Может, так вся ночь пройдет?

— Еще немного подождем.

Шагах в пятнадцати-двадцати от самолета росло несколько кустов. За ними и скрылись ребята. Ночь была теплая, но очень темная. В этой темноте неясно определялись смутные очертания огромной сказочной птицы. Ребята смотрели на нее, и им припоминались различные фантастические байки, что приходилось слышать.

Жандармы принесли с имения дров и развели костер. Заблестели металлические части самолета, но зато, те части, к которым не доходил свет, еще более скрылись в темноте.

Двери кабины-вагона остались открытыми. Черная дыра влекла к себе...

— Слушай! — дрожащим голосом прошептал Юзик. — Я попробую подползти и пробраться в эти двери.

— Куда ты? Следят!..

— Можем улучшить удобный момент. Команда в своем помещении, а вагон пуст.

Сердце забилося сильнее у парней. Рискованно, но возможно... Особенно, когда разожгли костер. Большинство стражи сидела у огня, и только время от времени обходила вокруг самолета. Некоторые даже начали дремать!

Ребята стали дрожать, словно от холода... Сон отлетел совсем. Возвращаться домой уже не думали. Удастся или нет, но теперь уже сидеть и ждать есть смысл.

— Если что, — прошептал Максимка, — так я в тот момент покажусь с противоположной стороны и обращаю их внимание на себя.

— Драться будут.

— Ради такого случая стоит и потерпеть. Привыкли.

И парням вспомнился допрос...

Юзику захотелось обнять и поцеловать Максимку. Но для мужчин это было неприлично.

Для обоих ребят было понятно, что попытку улететь должен сделать Юзик, а не Максимка. Ведь Юзик хочет увидеть своего деда и давно «собирается» туда, а Максимка-то чего?

В течение нескольких часов ребята были в напряженном состоянии. Несколько раз наступал момент, когда, казалось, можно уже попробовать, но каждый раз то одно, то другое мешало.

А, тем временем, приближался конец ночи. Было уже часа два после полуночи. Вот по шоссе затарахтел автомобиль. И охрана, и ребята вздрогнули.

— Ближе, ближе... Останавливается... Значит, сюда.

Услышала и команда, вылезла из каюты.

Внимание всех было сосредоточено на приезжих...

Момент настал!..

— Валяй! — шепнул Максимка.

Юзик выполз из куста.

Но не успел продвинуться и на пару шагов, как услышал крик:

— Кто здесь? Куда?

Юзик вскочил и бросился назад за куст. А в этот самый момент сорвался с места Максимка и побежал на глазах у всех мимо костра.

Жандарм, что заметил Юзика, бросился за Максимкой. Прочие же люди, конечно, не могли не посмотреть туда.

Мало нашлось бы людей, которые бы могли подумать, что это побежал второй парень...

Юзик сообразил, в чем дело, и снова ринулся вперед, уже не обращая внимания, видят ли его или нет.

Через минуту он лежал в кабине под лавкой и с ужасом ждал, что будет дальше. Никакого особого переполоха снаружи не было. Что же тут удивительного, если сунулся деревенский мальчишка, наверное, пастушок, что пас коней?

Прошла минута — другая, и Юзик убедился, что на этот раз его не заметили. А что дальше будет — другая вещь. Только вот сердце и виски так стучат, что люди могут

снаружи услышать. Юзик даже сжал руками грудь, чтобы удержать этот стук.

Затем в течение двух часов слышался ремонт, стук молотков. Потом ужасно загрохотал и затрясся весь самолет. Опять притих: видимо, испытывали. Потом затрещал автомобиль, и самолет зашевелился и пополз по земле, медленно, неуклюже: это тащили его на шоссе, откуда подняться легче.

Вот послышались голоса у дверей. Свет идет оттуда, по-видимому, уже рассвело. Дверь стукнула... Юзик затаил дыхание... Ничего! Дверь закрыли — и больше ничего.

Слышно, как команда садится в свою кабину.

— Запускай!

Снова загрохотал и затрясся самолет. Слышно, как поехал по шоссе. Быстрее, быстрее... Вместо грохота мотора слышен один только сплошной гул. Самолет подсакивает, легче, легче... Наконец чувствуется, что он не прикасается к земле...

...А на шоссе стоял Максимка и пристально следил за каждым движением самолета. Все выше и выше поднимается он, все меньшим и меньшим делается. Не верится, что эта маленькая красивая птица и есть та самая огромная неуклюжая махина, что стояла на поле.

Остатки тумана поднимаются с земли, цепляются за самолет, разрываются на куски. Вот загорелись, засветились они и начали таять под острыми лучами солнца. Заблестел и самолет, но солнце еще не видно. Только зарево и золотые стрелы над лесом определяют место, где находится оно. Наконец, зажглись верхушки деревьев, — и оттуда появилось солнце, огромное, растопленное.

И навстречу ему радостно полетела стальная птица...

Максимка повернулся и тихонько пошел обратно. С этой стороны небосклон был еще темный; чем ближе к земле, тем чернее было небо. Туман недовольно шевелился, словно потревоженный зверь в своем логове. Видимо, ему очень не хотелось покидать деревню, которую он охватил. Но мощный благотворный свет неуклонно вытеснял его оттуда.

Только панский дворец, казалось, заодно высовывался вверх, словно говоря: «А ну, попробуй!»

ЭМИГРАНТ

Как же хотелось Юзику посмотреть в окно, что там делается внизу! Он даже представить себе не мог, как выглядят земля, лес, деревни, реки с высоты.

Прошло несколько минут. Моторы гудели так, что никакого другого звука не слышали бы, даже если бы Юзик петь и прыгать начал. К тому же, он был один на весь вагон.

Понемногу привык, успокоился и высунул из-под скамьи нос, потом всю голову. Никакой опасности нет!

Наконец вылез, жадно прильнул к окну и забыл обо всем на свете.

Внизу проплывали разноцветные поля, словно сшитое из кусков одеяло. Чернели деревни, словно насыпанные кучки земли. Леса казались темной шерстью. Вот большая зеленая лощина, заливные луга; серебряной нитью вьется по ним ручей, накручивает петли; на холме белеет имение; кажется, его, как игрушку, можно было бы поместить на ладони.

Людей не было видно. А может, те две точки, что двигаются у реки, и есть люди? А может, животные? Кто его здесь разберет. А вон, сбоку, железная дорога, и по ней ползет маленький червячок. Дым идет из головы. Неужели это грозный мощный поезд?

И все пространство беспрерывно мелькает, шевелится, иногда и вовсе напоминает обои: это тени от облаков гуляют по земле.

Вот почему-то чаще забелели поместья. В разных местах, одновременно, стали видны в зелени группы белых строений. По окнам можно увидеть, что здания не маленькие, а в два, три и больше этажей. В некоторых местах таких зданий насчитывается сразу десять-пятнадцать. И везде торчит одна, а то и два фабричные трубы. А деревень совсем не видно.

Что это значит? На поселки не похоже, на имения — тоже, потому что в каждой группе по несколько одинаковых панских дворцов, а других домов вокруг нету. Неужели одни только фабрики? А где же деревни, крестьяне, обрабатывающие эту землю? Да и не видно совсем крестьянских полей, нет тех полос, а все огромные площади, или зеленого, или темного, или желтого цвета.

Юзик даже забыл, где он находится, что его ждет. И в этот момент он почувствовал, как кто-то положил на его плечо руку...

Словно ото сна очнулся парень, оглянулся: стоит перед ним механик и сурово что-то говорит, а что — не слышно за грохотом мотора.

— А ты как сюда попал? — услышал наконец Юзик, когда тот склонился к его уху.

Юзик только опустил голову.

Механик еще раз грозно взглянул на него и вышел через не замеченную Юзиком дверь в свое помещение. Юзик снова остался один. Он уже не смотрел в окно, а ждал, что вот снова откроется дверь, войдут люди и, может, выкинут его вниз...

Он даже не следил, как самолет опускался, да и, в целом, все путешествие заняло не более получаса.

* * *

— Ну, так что мы будем с ним делать? — сказал лётчик своему товарищу, входя в вагон к Юзику.

— Отведите его, куда положено, пусть там разбираются, — ответил второй.

Страх у Юзика, считай, совсем пропал: не выбросили, не бьют, а хуже не станет. А когда вылез, то и совсем забыл о своем положении. Он уставился на огромную площадь аэродрома, на низкие здания-ангары для самолетов, на какие-то странные мачты, приспособления, фонари. Интереснее всего было огромное строение с продолговатой округлой крышей и такими большими дверями, что в них вме-

стился бы весь дворец господина Загорского. В этом строении, под потолком, помещалось что-то длинное, круглое, вроде огромной сигары. Возле нее, словно муравьи, сутились люди.

— Цеппелин! — сообразил Юзик.

— Пойдем, братец! — услышал он возле себя голос и увидел нового, незнакомого человека, похожего на военного. Летчики-же возились возле своего самолета, и не обращали больше на Юзика никакого внимания.

Было часов шесть утра. Крашенные здания, мачты — блестели на утреннем солнышке. А когда Юзик повернулся идти, то чуть не вскрикнул от восторга.

Впереди, километрах в шести, поднимался город. Белые здания, одно другого лучше, вздымались вверх, словно наперегонки. Косые лучи солнца отражались в окнах, сверкали, пылали огнем. Некоторые здания, казалось, не имели никаких стен, а состояли из одних окон. Они уже полностью были охвачены лучистым пожаром. Только многочисленные фабричные трубы чернели в этом свете.

— Ну, пойдем! — повторил провожатый.

Они прошли площадь, и вышли на улицу. Тут подошел трамвай. Они сели в него и поехали по широкому зеленому асфальтовому проспекту. Юзик прижался к окну трамвая.

По бокам улицы, среди зелени, раскинулись красивые дома-дачи. Балконы, башни, огромные окна, порой распахнутые, огороженные крыши, на которых стояли стулья, столы, даже цветы в коробках росли. Вокруг домов — сады с дорожками, цветами, как в имении пана Загорского. Да и вообще, все эти дома напоминали панские хоромы. Особенно поражало Юзика то, что их так было много, и что за все время не попалось ни одной простой хаты.

«Вишь, сколько панов здесь живет! — думал Юзик. — Почему же это говорили, что господ здесь совсем нет?»

Из каждого дома, почему-то одновременно, выходили по несколько человек, мужчин и женщин. С веселым гомоном и смехом они или садились в трамвай, или направлялись в разные стороны.

Юзик с интересом присматривался к этим людям. Одеты они были, на взгляд Юзика, также, как все мужчины в их местности. Может, только сам господин Загорский и его дочь одевались лучше.

Но все поведение, все движения этих господ были какие-то непонятные. Юзик знал, что господа держат себя на людях серьезно, солидно, а эти шутили, толкались, как в своем доме.

— Ну, как твои исследования? — спросил один из них своего товарища.

— Все шло хорошо, но в последнюю минуту катализатор забастовал. Видно, отравился, чтобы его утки...

— А ты пробовал увеличить вольтаж?

— Поднял до ста тысяч.

— Ну, так увеличь до ста пятидесяти и больше! Чего смотреть?

— А я думаю, не сегодня, так завтра — будет взрыв, — слышался женский голос из другого угла вагона, — дифференциация общества и консолидация пролетарских сил достигли такой степени, что дальше некуда идти. Возьмите вы лейбористов: там, кроме социал-фашистов, собрались и все лорды, капиталисты и другие зубры, которые ранее составляли консервативную партию; а теперь, видите ли, они лейбористы. На другом фланге мы видим единую коммунистическую партию. Середины нет. Классы выкристаллизовались.

Эти ученые разговоры окончательно убедили Юзика, что с ним едут господа. Их даже здесь больше, чем в Польше. Километров на пять тянулась улица, и везде одни только панские дачи. Оттуда выходили люди и втискивались в трамвай. Скоро и сидеть было негде, хотя трамвайных вагонов было много, и все они ходили по два вместе. А рабочих, крестьян или вообще простых людей так и не видно вовсе. Наверное, дорого нужно платить, если они не едут. Паны же и денег не платили, а совали какие-то билеты.

«И почему же это говорили, что у большевиков нет господ?» — ломал голову Юзик.

Даже вагоном управляла молодая красивая барышня. Юзик видел сзади изящную маленькую фигуру молодой девушки с голой шеей и руками, и как-то странно было наблюдать, как эти маленькие нежные ручки смело и твердо управляют машиной, как она ревет, дергается, останавливается и слушает девушку, словно кроткий зверь.

Юзиков провожатый сидел напротив него и бессмысленно смотрел в окно. Но публика все чаще и чаще поглядывала на нашего парня. Босые ноги, длинные, широкие, латанные штаны, такая же рубашка, вислоухая шапка, подвижные глаза и напряженное лицо, — все это не соответствовало общему фону, и должно было обращало на себя внимание.

Наконец, кто-то не выдержал:

— Неужели у нас есть беспризорные?

Провожатый отвернулся от окна.

— Эмигрант, — промолвил он, улыбнувшись.

— Как? Что? Откуда? — заинтересовалась публика.

— С запада. Только что прибыл. Даже на самолете прилетел.

«Беспризорный» сразу стал героем. Посыпались вопросы — каким образом, почему, кто он такой, как там живет? Юзик чуть успевал отвечать. Сначала он краснел, путался, чувствовал себя как-то неудобно, сделавшись центром внимания со стороны всех этих господ. Потом увидел, что

все они такие нежные, сочувственные, простые, и быстро освоился.

— Как там ваши паны? — со смехом спросил один важный господин в очках. Юзик взглянул на него, на других господ, и остановился. Кто его знает, как лучше ответить? Если ответишь пренебрежительно, могут обидеться. Что ни говори, а все они одним маслом мазаны.

— Ничего себе! — ответил он наконец.

Раздался такой хохот, что на минуту заглушил гул трамвая. Юзик испуганно озирался: чего они? Наверное, не попал...

Но паны смотрели на него ласково...

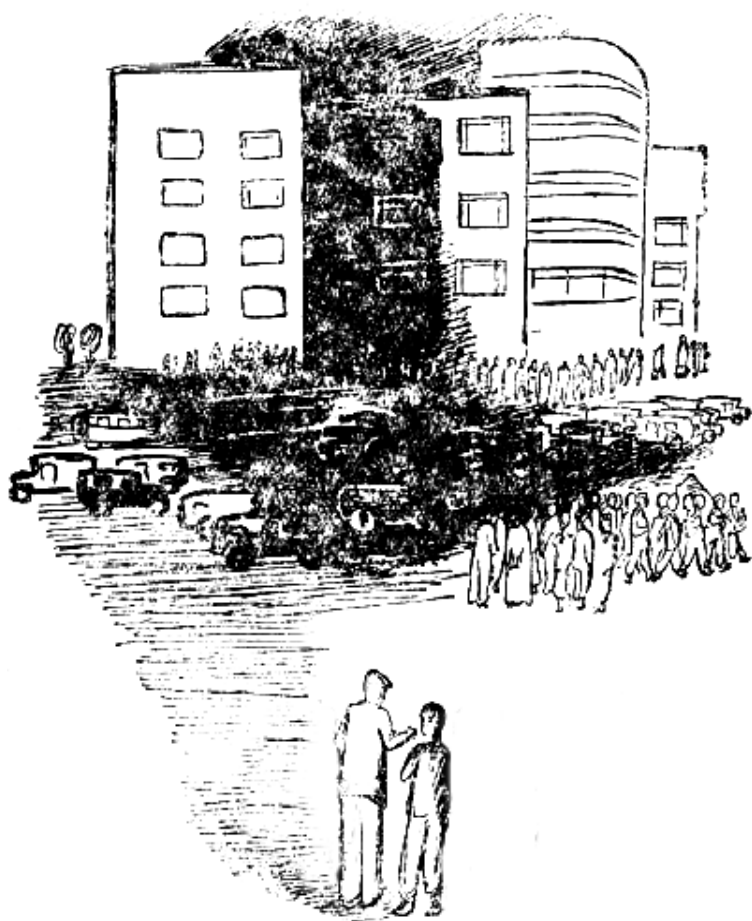
Публика менялась. Одни выходили, другие заходили. Вот уже и город. Здесь уже дома были разнообразнее. Рядом с огромными строениями попадались и небольшие, старые дома, из красного кирпича. Такие он видел даже в своей городке.

Пошли улицы асфальтовые, ровные, чистые. Ни одного камешка, щепки, ни одной бумажки, ни песка, ни пыли.

Вот человек держится за какое-то устройство, похожее на тачку на двух колесах. Он возит им по улице, а устройство стучит, рычит, из него течет вода, крутятся какие-то щетки, а в итоге — смывается с улицы грязь и стекает вместе с водой в сторону, в дырки с решетками.

А вот грандиозный многоэтажный серый дворец, по сравнению с которым даже дворец господина Загорского казался бы ничтожной хижинкой. Аж дух захватило у Юзика перед этой постройкой. Люди возле нее казались мухами. То ли двор, то ли площадь, гладкая и чистая, словно пол, врезалась в фасад дворца. Посреди площади статуя какого-то человека с поднятой рукой; казалось, он что-то горячо говорит и призывает куда-то людей. Два красных флага на башнях горели под солнцем, а посередине, под крышей, сверкали огромные золотые буквы «Дом Правительства БССР».

Юзику так бы хотелось остановиться и лучше рассмотреть этот дворец, но трамвай поехал дальше.

Еще одна-две остановки — и провожатый встал.

— Вылезаем, — сказал он Юзику.

У дверей дома, где они остановились, стоял военный с ружьем и шапкой с острым концом и красной звездой. Провожатый привел парня в комнату, что-то сказал сонному человеку, сидевшему за столом, и оставил парня.

— Здесь тебе придется подождать.

Юзик сел на скамью у стены и стал ждать. Человек за столом не обращал на него внимания. Посидел немного парень и растянулся на скамье. Через минуту он уже храпел, как у себя дома.

Прошло наверно, часа три, когда его разбудили. Не сразу понял Юзик, где он и что с ним происходит. Долго зевал и возился, пока совсем опомнился.

Повели его по лестницам, коридорам; наконец, завели в комнату к какому-то человеку, и оставили его там.

— Садись, — сказал этот человек Юзику, и указал на стул.

Юзик нерешительно присел на край. Хотя этот пожилой дядька и вежливо смотрел на него своими глубокими глазами, но Юзик чувствовал, что наступает самый решительный момент, что сейчас решится его судьба.

— Ну, расскажи, каким образом и почему ты оказался здесь? — промолвил дядька. — Говори все, не бойся.

От этих простых спокойных слов Юзик почему-то еще больше заволновался.

Мужчина заметил это и улыбнулся.

— Чего же ты боишься? Или ты не понимаешь, что мы должны знать, кто такой, откуда и почему к нам прилетел? Говори только всю правду, и ничего плохого тебе не будет.

Юзик начал рассказывать. Об отце, о деде, о жизни в имении, о радио, о допросе, о Мотэле и Максимке и, наконец, о том, как спрятался в самолете.

— А ты знал, что так самовольно нельзя поступать?

— Не думал об этом, — сконфуженно ответил Юзик. — Очень мне хотелось к деду, посмотреть, как здесь живут.

— А поручений каких-либо тебе никто не давал? — сказал дядька и взглянул на Юзика так, словно насквозь все видеть.

— Каких поручений? — не понял Юзик.

— Ну, с кем ты виделся перед отлетом, кому сказал об этом, может, кто просил тебя о чём-нибудь узнать, кому-то что-то передать.

— Нет! — честно ответил Юзик. — Никто об этом не знает, даже родители. Да и сам я не знал до последней минуты. Мне эта мысль пришла только в то время, когда мы следили за самолетом. Куда я делся, — знает только один Максимка.

— Ну, так придется тебя отправить домой.

Юзик заплакал.

— Паночку! Пустите меня к деду! Я не хочу обратно ехать! Я хотел бы, чтобы папка с мамкой сюда приехали.

— Ну, братец! — засмеялся мужчина. — Если каждый сам начнет так судить, то никакого порядка не будет. За произвол наказывать надо, а не потакать.

— Паночку! Я-ж ничего... Пустите меня к деду! — сквозь слезы бормотал Юзик, потом вскочил со стула, схватил руку мужчины и поцеловал ее.

Странная вещь: тот вскочил, словно его укусила змея.

— Что ты?! С ума сошел, что ли? — крикнул он.

Юзик испугался. Наверное, это такой большой пан, что такой мальчик, как Юзик, не имеет права целовать ему руки.

Наверное, только взрослые могут. А он Юзик, оскорбил его, думал, что такой же пан, как Загорский или эконом.

— Извините, сударь! — бормотал Юзик. — Я не знал... Больше не буду... Пустите меня к деду.

Мужчина успокоился и засмеялся.

— Слушай, парень! Пока ты здесь, забудь слово «господин» и ваши рабские привычки. У нас нет ни рабов, ни господ.

Хотя и не до того было нашему парню, но он не мог не обратить внимания на слова «у нас нет господ»: то же самое он и дома слышал; но на деле увидел, что господ здесь больше, чем в Польше. По крайней мере, до сих пор ни одного простого человека не видел, кроме солдата.

— Имеешь какие-либо документы, бумаги?

— Имею только письмо Мотэля.

— Покажи.

Дядька внимательно прочитал письмо и задумался. Потом опять расспросил подробно обо всей жизни Юзика и сказал:

— Мы посоветуемся, что с тобой делать, а пока погости у нас немного.

Снова повели мальчика по лестницам и коридорам, вывели двор, привели в другое здание. Юзик увидел помещение с котлами, машинами. Но все эти устройства обрабатывали продукты: картофель, морковь, мясо и др.

— Товарищ Шторм! — обратился провожатый к одному из работников, видимо, заведующему фабрикой. — Может, возьмете себе на неделю-две помощника?

— Давайте, понадобится, — ответил тот — как раз товарищ Зорин пошел в отпуск.

Дальше уже Шторм повел Юзика по коридорам и привел в маленькую, чистую и светлую комнатку с кроватью.

— Вот твоё помещение. Но сначала нужно придать тебе культурный вид, — улыбаясь, сказал дядька.

И началась «чистка». Юзика остригли, привели в комнату, где были ванны, краны с теплой и холодной водой, души. Пол, стены, ванны белые чистые, изразцовые. Дали чистое белье, короткие брюки и блузку-хаки, длинные чулки и ботинки.

Когда взглянул Юзик в зеркало, даже застеснялся: барин, да и только! Не хуже Зыгмуса Загорского.

— Поживешь у нас немного, будешь помогать по работе, — сказал дядя Шторм, — но выходить на улицу не должен.

— Почему? — удивился Юзик.

— Ты арестован, — засмеялся дядя.

Мальчик выпучил глаза.

— Не пугайся, — успокоил дядька. — Это временно. — Кто тебя знает, откуда ты и почему приехал? Может тебя кто подослал? Может, ты какой вредитель?

— Да я же ничего такого... — со слезами начал парень.

— Видно, тебе поверили, когда так приняли. Но в таком деле веры мало. Нужно убедиться, как следует. Наверное,

расспросят о тебе там, на месте. И если все, что ты говорил, правда, то и выпустят. Недели две пройдет, не более.

Юзик понял и успокоился.

С какой охотой взялся он за работу! Какая интересная она была! Сначала он только подносил и подавал продукты старшим и следил, как те пускают их в обработку. Вот высыпали несколько мешков картофеля в большой бак. Закружились в нем какие-то толкачи, полилась вода; через минуту грязная вода вытекла вниз, а в стороне остался чистый картофель. Открыли с боку окошко — и картофель оказался в какой-то машине, где вращаются ножи. Еще несколько минут — и оттуда посыпался белый порезанный картофель. Через каких-нибудь десять минут насыпалась такая куча, какую не сделала бы и сотня женщин.

— Каким же образом машина приспособливается к величине каждой картофелины? — удивлялся Юзик.

— Так картофель уже одинаковый, — ответили ему. — Когда его копают, то сразу же на месте сортируют, пропускают через решета и выпускают по номерам, соответственно величине.

— Но очень уж толстую кожицу срезает машина, — заметил Юзик, — портит много.

— А у вас не кормят картошкой животных? — спросил работник.

— Кормят.

— Ну так вот этими очистками и кормим. У нас ни одной крошки не пропадает зря.

Тоже было и с морковкой, и со свеклой, и со всеми другими продуктами. Там из машины идут равные лоскуты мяса, там идет мясо, порезанное на котлеты, там стоят мешки с сухими чистыми костями: их отправляют на фабрики, где мелят на муку для удобрения или делают клей.

Там сами толкачи бьют тесто на блины, а пекутся эти блины на плитах, где ни огня, ни дыма не видно. Казаны, в которых готовится еда, похожи на паровозы, с различными устройствами, блестящими ручками, циферблатами, и стоят эти котлы не на огне, а просто на земле, и никакой пар из

них не идет. Только, когда открывают их, чтобы кое-что добавить, — тогда только вырывается пар, тогда только можно узнать, что в них что-то готовится. Но открывают их редко, так как ухаживать не надо; пригореть не могут, потому что их касается не огонь, а горячий пар; следить не надо, так как точно известно, через сколько времени блюдо приготовится; не надо и помешивать, так как это тоже само делается.

А как интересно моются тарелки! Поставишь их в сетку, а они сами идут в воду, умываются, проходят через какие-то трубы, сушатся — и выходят совершенно чистыми.

Человек в белом халате и капюшоне тихо и спокойно ходит среди этих машин, взглянет туда, взглянет сюда. Ни гомона, ни суеты, только глухой шорох машин и шипение блюд. Помещение чистое, светлое; и воздух чистый, только легкие, вкусные запахи дразнят нос.

Через некоторое время и Юзику поручили работу на машине — резать хлеб. Он вставлял в машину буханки хлеба, а оттуда шли ровные тонкие куски.

Свободного времени у Юзика было больше, чем ему было нужно. Но это свободное время было для него мучительно. Болтаться и ничего не делать — неприятно для каждого человека. Поэтому Юзик постоянно крутился на кухне, помогая и первой и второй смене работников.

Зато он хорошо ознакомился с работой на кухне, с машинами и устройствами. Знал показания манометра в котлах, сколько времени готовится каждое блюдо, как остановить и пустить машину, как идет процесс приготовления. Все чаще и чаще ему поручали более самостоятельную и ответственную работу.

Эта неожиданная учеба значительно сократило ему время «ареста». Но об окружающей жизни, вне стен помещения, он мало чего узнал. Для работников жизнь эта была такой обычной, простой, что и объяснять, казалось, нечего было. Им казалось, что каждый это знает. Характерно еще было то, что работники эти, кажется, мало интересовались личностью мальчика; вообще не удивлялись, как он здесь

оказался, и не очень расспрашивали. Казалось, будто все это для них является обычным делом, что они уже привыкли к подобным вещам.

Через несколько дней дядя Шторм даже запретил ему много работать.

— Нельзя у нас так работать. Узнают — попадет нам.

— Я же ничего плохого не делаю, — оправдывался Юзик.

— У нас пятичасовой рабочий день, а для детей — трех-часовой.

— А если кто добровольно хочет работать?

— Все равно, нельзя, — ответил дядя.

Юзик недоверчиво улыбнулся; шутит дядя! Где ж это видано, чтобы запрещали работать даже тогда, когда человек сам хочет? Дядя Шторм заметил это.

— Чего удивляешься? Это тебе не Польша, где рабочие работают по пятнадцать часов. У нас все работают, поэтому на каждого приходится работы меньше. Ты лучше займись чтением; я тебе дам газет и журналов.

Жадно набросился Юзик на газеты и журналы. Хотя он и мало видел газет в своей жизни, но все же и дома ему не раз удавалось пересматривать их. Он приблизительно знал, о чем обычно пишут в газетах: о том, что у министра был бал, и в каком одежде были гости, о том, что у графини украли ожерелье, как искали вора, как его нашли, как происходила кража, даже портрет вора помещался, — одним словом, в газетах пишется о различных интересных происшествиях.

А в тех газетах, что дали Юзику, ничего такого не было. Здесь писалось про какие-то задачи, планы, постройки с интересными рисунками, «Соевый комбинат», «Электрификация Камчатки», «Рыбный фронт», «Посевная кампания», «Социалистический город в тайге» и много подобных незнакомых вещей. Вместо министров и воров здесь были портреты рабочих, которые лучше выполнили свою работу. Статьи такие громкие, бодрые, к чему-то призывают. Больше половины материалов Юзик не понимал, но и остатков

хватило для того, чтобы закружилась голова. У Юзика сложилось такое впечатление, словно за стеной движутся миллионы людей и машин, что они что-то крошат, строят, куда-то несутся, что вся страна кипит, и среди всего этого движения даже трудно заметить отдельного человека, отдельное происшествие, хотя об этом тоже писалось.

Иногда Юзик спрашивал дядю Шторма:

— О какой это посевной кампании пишут в газетах?

— А это, чтобы сеялись.

— А разве без этого у вас не сеют? Да и рано еще.

— Надо, чтобы вовремя, и чтобы выполнить план.

Но такое объяснение ничего Юзику не объясняло. А дядьке Шторму казалось, что он объяснил.

Оставалось только ждать, когда выпустят отсюда, когда можно будет поехать к деду. Тогда он обо всем узнает, все увидит...

И время это пришло через двадцать дней.

Юзику дали бумажку, «заработанных» денег на дорогу, объяснили, куда и как ехать, и выпустили на волю.

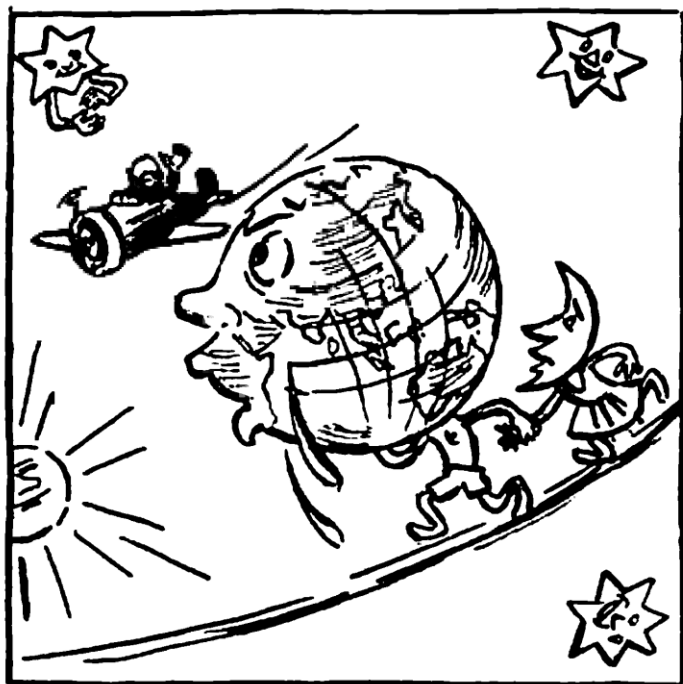
С большим волнением переступил он порог и вышел на улицу незнакомого города незнакомой страны.

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ...

Рисунки Б. Анфилова

Текст К. Верина

**Летит в невиданный полет
Наш межпланетный самолет,
А шар земной, свой темп кляня,
Взмолился: «Подожди меня!»**

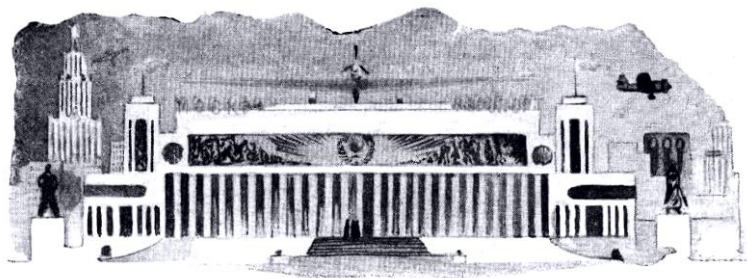
АЛЕКСАНДР ШАРОВ

ТРАНСАРКТИКА

Фантастический очерк

Рисунки П. Клеттенберг

ТрансАрктика

СТАРШИЙ СИНОПТИК

...Стрелка спидометра показывала 100 километров. Машина мчалась по широким — пустынным в этот ранний час — магистралям города. Старший синоптик отдернул шторку, закрывавшую боковое окно. Был серый, ненастный день. Облака низко склонились над городом. Туман поднимался между высокими рядами домов. Машина находилась теперь на площади Дворца советов. Облака почти наполовину закрывали прекрасное, устремленное ввысь здание.

— Облачность 100, нет, 80 метров высоты, — пробормотал синоптик. — Видимость?

Видимости никакой! Прогноз? Самый паршивый прогноз... И все-таки они полетят.

Разве эти люди понимают доводы разума?!

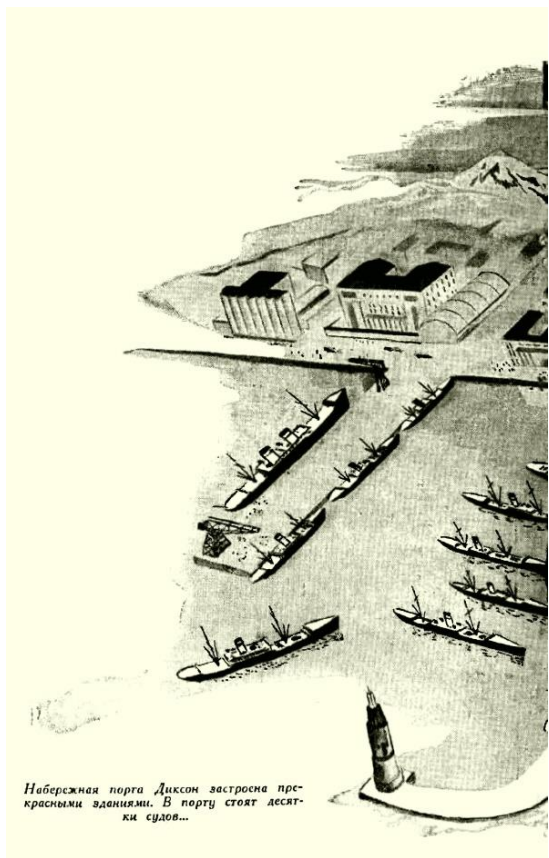
Шофер вел машину, не прислушиваясь к бормотанию своего спутника. Надо было глядеть в оба. Даже дома еле виднелись в тумане. Синие, красные, зеленые неоновые нити реклам и вывесок неясным фантастическим узором проглядывали сквозь серую неразбериху. Ярко горели белые

накаленные шары ультрафонарей. Автомобиль мчался теперь по мосту. Внизу, за железными фермами, плыл пароход. Размеры его угадывались по огням. Огни горели на носу и корме океанского великана, плывшего из свободной Испании по морям, рекам и великой системе каналов в Ленинград...

Мягко шуршали шины. Скорость почти не ощущалась, а спидометр показывал 140—150 километров. Ряды домов кончились, магистраль прорезала теперь зеленую зону Москвы — легкие великого города.

Пахло влажной листвой, травой, дождем... Синоптик на минуту прикрыл глаза. Как всегда, уже за 10—15 минут перед тем, как должно было показаться замечательное (ему оно казалось самым прекрасным в мире) здание ДТС — Дворца трансарктических сообщений, — старик испытывал особое, непреодолимое волнение. Все, что было связано с ДТС, до сих пор казалось ему фантастическим, нереальным.

«Чорт возьми, — думал синоптик, — для нынешнего поколения эпопея завоевания полюса — что-то далекое и легендарное... А ведь это произошло совсем недавно. На моих глазах осуществилась прекрасная мечта человечества.

Набережная порта Диксон застроена прекрасными зданиями. В порту стоят десятки судов...

Станция «Северный полюс».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

...Люди сидели в штабе. Круглые сутки ежеминутно звонили телефоны. Стоман, Чекалов уже несколько суток, по всем видимостям, вообще не спали. Карты лежали на столе. Синоптики разбирались в метеосводках, приходивших из Норвегии, Америки и всего Советского союза — от полюса до Батуми. Надо было разобраться в сложном переплетении воздушных течений, найти безопасную дорогу. Дули встречные ветры, воздух стремительно стекал, обрушивался в зоны низких давлений, фронт непогоды расширялся. В штабе звонки учащались, как пульс взволнованного человека. Радостно, учащенно билось сердце великого города...

Чкалов попадал в сплошную облачность, пробивался вверх, пытаясь выйти из циклона. «Движение птицы всегда должно быть над облаками, дабы крыло не намокало и дабы имелась возможность открыть больше стран», — писал когда-то Леонардо да Винчи... Но птице нужно дышать. Там, в разреженных слоях атмосферы, для жизни необходим кислород. А запасы его были крайне ограничены. Шли слепым полетом. Самолет обледеневал. Антиобледенитель защищал винт ото льда...

Город не спал. В редакциях до утра не расходились люди. Настойчиво трещали телефоны. Кто только ни спрашивался о судьбе героев! Как будто весь город, весь Советский союз были населены только родственниками Чкалова, Байдукова, Белякова!

...А потом, когда «АНТ-25» сел в Портланде, у каждого был такой гордый, сияющий вид, точно не Чкалов (которого большинство знало только по портретам), а именно он одержал эту победу. Незнакомые в трамвае делились впечатлениями. Книга Ассена Джорданова «Ваши крылья» читалась людьми всех профессий. Люди всех возрастов чувствовали себя пилотами. Крылатое поколение... Даже у тех, кто не умел летать, были окрылены души...

..И все это в удесятеренной степени повторилось через несколько дней при перелете Громова. Какую бурю гордых чувств вызвал этот атлетически сложенный, спокойный человек, отвоевавший для своей страны мировой рекорд дальности, который с 1933 года держали Кодос и Росси!

В газетах писали о новой, советской эре истории мировой культуры.

Авиация выросла во Франции, возмужала в Америке — теперь Страна советов по праву отвоевывала ее знамена. Громовский перелет показывал, что совершит освобожденное человечество, когда не война с людьми, а война с природой станет основным содержанием жизни...

ДВОРЕЦ ТРАНСАРКТИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ

Буквы ДТС горели ярким, накалившимся светом. Пониже возникала и гасла электрическая надпись: «Самолеты линии Москва — Полюс — Сан-Франциско отходят ежедневно в шесть часов утра».

Машина мягко затормозила. Синоптик вышел из автомобиля и заторопился к освещенному подъезду вокзала. Внутри было еще пусто. Старик поднимался по широкой мраморной лестнице, в сотый раз рассматривая картины, украшавшие стены. Для него это были странички дневника...

Искусно скрытое освещение делало фон глубоким, прозрачным, точно воздух. Из полумрака, распластав крылья, стремительно мчался легендарный советский корабль — самолет «АНТ-25». Всегда, когда он смотрел на него, в память приходили слова великого художника прошлого о птице, которая пролетит над всем миром, неся на крыльях славу своего народа...

Нарисованные лучшими живописцами мира картины следовали одна за другой. Портреты Сталина, по мысли, по воле которого идут великие созидательные работы, портреты Шмидта, Водопьянова, Громова, Чкалова и героев второго поколения. На одной из композиций художник воссоздал

момент, когда во время перелета водопьяновского корабля на полюс потоки радиатор мотора, жестокий мороз, на бешеном ветру люди окутывали тряпками рамы мотора, чтобы собрать вытекающую жидкость и вылить ее обратно в охлаждающую систему мотора. У механиков немели от холода руки. Опасность увеличивалась с каждой минутой. Чтобы не волновать штурмана, Водопьянов скрывал от него тяжелое положение. А потом оказалось, что Спирин также все знал и хранил тайну, чтобы не нарушать спокойствие командира.

...А рядом художник воспроизвел кабину самолета. Под крылом — горы (или, может быть, это высокие торосы). Крылья сверкают холодным, опасным блеском от пленки льда, покрывшей их. Громов сидит у штурвала. У него нахмуренное, сосредоточенное лицо. Положение серьезное. Данилин выстукивает радиограмму. Текст депеши приведен тут же, внизу. Цифры — международный код, понятный радистам всего мира. И последняя цифра — 38.

38 означает «Все в порядке». Пилоты вели корабль через циклон с одного материка на другой по великой сталинской прямой. Самолет обледеневал, тянулись тревожные, опасные минуты. Но экипаж не хотел зря волновать людей своей родины — 180 миллионов человек, которые, затаив дыхание, ждали каждую радиограмму. И, уверенный в том, что трудность будет обойдена, тов. Данилин передавал цифру 38. В песне, которая пелась тогда и поется еще сейчас, есть слова о родине, которую мы любим, как невесту, бережем, как ласковую мать...

..Старший синоптик проходит по галерее, точно через самые значительные годы своей жизни. Воспоминания одно за другим возникают в сознании. Воспоминания заставляют часто, взволнованно биться сердце...

ГОД ВЕЛИКОЙ ЗАСУХИ

...Знойное, словно выцветшее от жары бледно-голубое южное небо. Пшеничные поля расстилаются до самого горизонта. Тяжелые, налитые колосья. Синоптик улыбается.

На картине изображен вид украинского поля в 19... году, который вошел в историю под именем года великой засухи. Это был один из самых жестоких боев человека с природой. Он мог дорого обойтись стране, если бы не помогли метеорологи...

Рассказывают, что когда-то некий китайский властелин призвал лучшего врача и потребовал у него лекарства от старости.

— У меня есть такой состав, — ответил врач, — но он действует только... через сто лет...

Так же работали метеорологи 20—30 лет назад. Чтобы предсказать завтрашнюю погоду, им надобен был... месяц. Долгосрочные прогнозы не всегда сбывались. Но вот по побережью полярных морей раскинулась цепь научных станций, зимовки проникли в самый центр арктического бассейна. Говорят, что Арктика — лаборатория, кухня погоды. Люди забрались в мозг в святая святых этой лаборатории.

Арктика — копилка холода. Гольфштрем барьером защищает мир от нашествия морозов. Но изменились течения, состояние льдов, понизилась температура великого теплого течения, и холод, прорвавшись через эту плотину, катится вниз, через тундру, тайгу, на леса, поля, степи.

Внезапно?

Нет, конечно, не внезапно!

И холода, и засухи, и бешеные ветры подчиняются своим законам. Научные станции в сердце Арктики ценой долгого мужественного научного труда разгадали эти закономерности, управляющие климатом.

Труд физиков, метеорологов, математиков, биологов дал чудесные результаты: люди научились «видеть» погоду на много месяцев вперед, давать долгосрочные прогнозы, которые блестяще оправдывались.

Так, зимой 19... года была предсказана суровая, еще не виданная в истории засуха.

Агрономы, ботаники, руководители колхозов — весь народ приготовился встретить врага.

Институт высоких урожаев выбрал из огромных семенных запасов страны нетребовательные, засухоустойчивые сорта. Запасы влаги были взяты на учет, скудный покров снега весь остался на полях, большие оросительные работы спасли тысячи гектаров.

Так была одержана победа. Полновесным золотом зерна была награждена страна за героический труд по овладению далеким Севером.

...Синело небо. Далеко простирались обильные — золотые пшеничные поля.

Синоптик почувствовал гордость за свою страну, за свою науку. Иной, молодой походкой он прошел дальше.

САМОЛЕТ ГОТОВИТСЯ К ОТЛЕТУ

...Время шло.

Теперь потоки света заливали все помещения вокзала. Синоптик убыстрил шаги. Он прошел в свой кабинет.

Метеосводки, передаваемые со всех концов мира, автоматически отмечались на карте. Синоптик углубился в рассмотрение материалов, определяя высоты, наиболее благоприятные по облачности, силе и направлению ветров.

На аэродроме жизнь шла своим чередом.

Огромная шестимоторная 72-местная машина «Трансарктика-23» стояла на бетонной стартовой дорожке.

Баки уже были залиты горючим. Бортинженер, осмотрев все сложное самолетное хозяйство, вместе со штурманом направился в помещение лётного состава.

До отлета оставалось 30 минут.

В вокзальном ресторане было шумно и оживленно. Слышалась русская, французская, английская речь.

Начальник порта метеором носился по своим владениям. Сегодня один за другим — с интервалом в 45 минут — от-

правлялись два самолета: рейсовый Москва—Архангельск—Диксон—Полюс—Земля Бэнкса—Сан-Франциско и экспресс Москва — Полюс—Лос-Анжелес. Кроме того, вылетали несколько транспортных дирижаблей — воздушных черепах, как их звали на линии — и целая стая арктических почтовых самолетов, направляющихся на Чукотские золотые прииски, промысла Нордвикнефти, разработки острова Врангеля, в порты Диксон и Тикси.

День был трудный, хлопотливый. Дирижабли нагружались горючим для промежуточных баз.

В транспортном зале, у клеток с цыплятами, отправлявшимися на остров Рудольфа, ходил бледный, взволнованный человек и повторял одни и то же фразы:

— Ради бога, будьте осторожнее! Это особенные цыплята! Будьте осторожнее!

— Внимание! — грохотал громкоговоритель. — Граждане пассажиры, начинается посадка на самолет «Трансарктика-23». Посадка производится на третьей стартовой дорожке. Соблюдайте порядок!

До отлета оставалось 10 минут. Ревели моторы, бешено вращались винты, разбрасывая клочья тумана. К подъезду вокзала подкатывали машины с последними, запоздавшими пассажирами.

72 человека заняли свои места в пассажирской кабине (ее можно было бы назвать залом). Пилот, штурман, радист, старший буфетчик находились уже в самолете.

Штурман нажал «сигнал люков» — и самолет оказался изолированным от внешнего мира. Шум мотора не доносился сюда. Еще несколько секунд... Самолет двинулся с места. Скорее, скорее! Вдоль стартовой дорожки горели, уходя вдаль, две яркие электрические полосы. Самолет мчался между ними.

Вот он на мгновение оторвался, потом еще раз мягко коснулся дорожки, точно прощался с московской землей, и начал уверенно набирать высоту.

— Граждане пассажиры, — объявлял между тем на вокзале громкоговоритель. — Сейчас с третьей стартовой до-

рожки поднялся самолет «Трансарктика-23». Через 20 минут начнется посадка на самолет экспресс «Трансарктика-2».

Самолет «Трансарктика-23» развернулся и лег на курс.

ЗАМЕТКИ В БЛОКНОТЕ

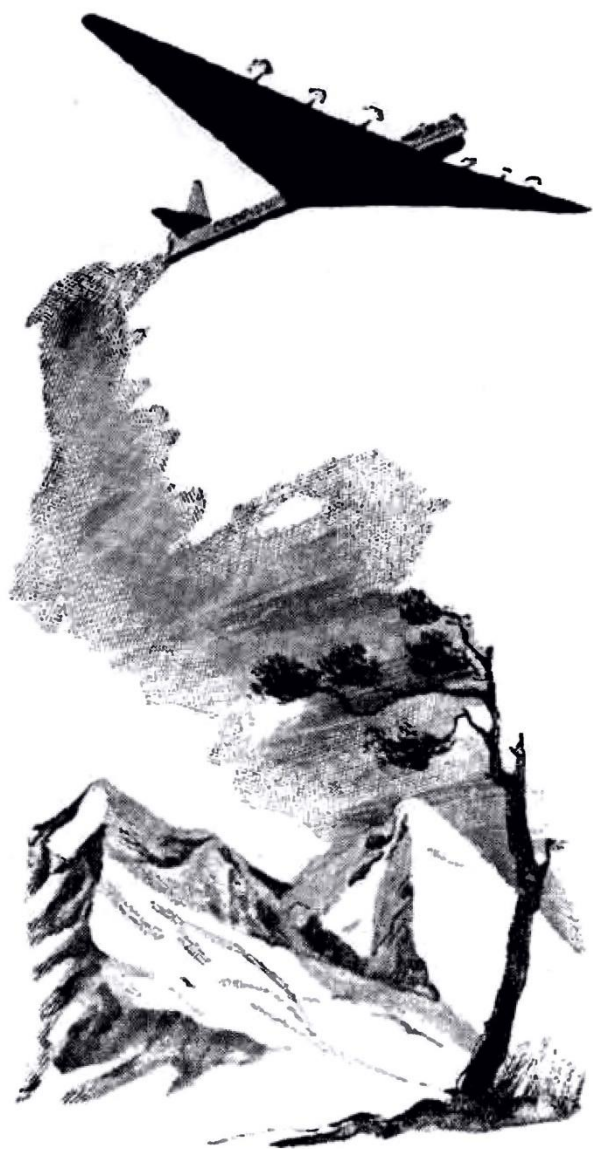
Самолет шел по радиомаяку. Видимость была настолько плоха, что пилот и штурман задернули занавески на окнах. Летели вслепую. Радиомаяк Архангельска посылал в мир два луча, два сигнала: «точка тире» и «тире точка». Если сигналы слышались одинаково, значит, самолет шел между лучами на мачты архангельского радиомаяка. Когда один из них доносился громче, заглушая второй, следовало выправить курс.

Набирали высоту 1000, 2000, 3500, 4000, 5000 метров. Из специальных баллонов, наполненных жидким кислородом, этот газ все время поступал в герметически изолированные от внешнего мира помещения самолета. Углекислота, образующаяся от дыхания, поглощалась специальными фильтрами. Кабина отапливалась теплым воздухом. Кроме того, в сумке, пристегнутой к креслу каждого пассажира, лежал комбинезон со штепселем. Надев его и включив ток при помощи специального регулятора, можно было создавать вокруг тела любую температуру — от приятной прохлады и до жгучего жара.

Пассажиры углубились в чтение, текли бесконечные самолетные разговоры.

Человек, сидевший в глубине пассажирского зала, внимательно оглядывал своих товарищей по путешествию, то и дело поднимался, ходил по самолету, а потом, усевшись, что-то торопливо заносил в блокнот. Это был журналист, готовивший корреспонденцию к юбилею трансарктических сообщений. Мы приводим часть этих записок, опубликованных в номере газеты от 3 июля 19... года.

Самолет летел над Скалистыми горами.

ЗАМЕТКА ПЕРВАЯ

«Туман. Ничего не видно. Все-таки две девушки (студентки Диксоновского полярного института, возвращающиеся домой после каникул) неотрывно смотрят в окна.

Какая разнообразная публика летит в самолете!

Впереди у окошка, полюсный врач К. Странная судьба у этого человека. 10 лет назад он работал на мысе Челюскин и заболел общим заражением крови. Ближайший врач находился тогда на Диксоне. Человек был уверен, что погибнет. Самолеты не могли еще садиться в туман, трасса не была оборудована для слепых полетов.

Но вопрос стал о человеческой жизни, и в отвратительную весеннюю непогоду с Диксона вылетел самолет, пилотируемый летчиком Фарихом.

Экипаж выполнил задание: врача К. вывезли и спасли от смерти. Теперь он едет снова на Север...

Рядом с доктором К. маленький человек в огромных роговых очках — инженер Т. Строитель Ветроцентрали. В этом году ветроэнергетические станции Арктики соединяются единым высоковольтным кольцом. Бешеные северные ветры прочно, навсегда подчинены человеку. Т. беседует с бледным человеком; это тоже знаменитость — птицевод.

Несколько лет назад на Диксоне появился первый петух. Тянулся вечный день. Когда петух проснулся, солнце стояло высоко. Первый раз в жизни он проспал рассвет. Петух залился взволнованным, недоумевающим кукареку. Он зорко дежурил, поджидая заката, но проходил час за часом, а солнце не исчезало. Тогда петух начал непрерывно кричать.

Точный как хронометр, самый точный петух во всем птицесовхозе, он сам теперь терял к себе уважение. Но прошло несколько дней, он свыкся с обстоятельствами, стал кукарекать точно, не обращая внимания на поведение солнца.

От этого петуха повелась целая раса диксоновских кур, петухов, цыплят. Птицеводство прочно вошло в быт...»

В УРАГАНЕ

Едва журналист дописал последние слова, самолет начало немилосердно качать. Ураганный ветер бросал воздушный корабль как щепку.

— Спокойствие! — предупредил громкоговоритель. — Попали в циклон. Будем обходить полосу непогоды.

Успокоив пассажиров, штурман продолжал работу.

Циклон налетел неожиданно. Самолет набирал высоту. Но ураганный ветер не оставлял корабль. Самолет вышел из зоны радиомаяка, и теперь сигналы маяка не были слышны. Внизу тянулось ровное пространство облаков, похожих на снежное поле.

Поднимались все выше ни выше. Теперь стало тихо. Но самолет сбился с курса. Надо было искать дорогу. Штурман вращал рамочную антенну. Он вращал ее, пока не стали абсолютно не слышны сигналы рации Диксона. Это означало, что рамочная антенна расположена перпендикулярно к направлению рации Диксона. Так же штурман определил направление рации Мурманска. Он прочертил обе эти линии — на пересечении находился самолет.

Шли к Диксону, нагоняя потраченное на борьбу с ураганом время.

В помещениях пассажиров вновь было тихо и спокойно. Журналист снова принялся за свои записки,

ЗАМЕТКА ВТОРАЯ

«Первые пять минут каждого часа самолет связан радиотелефоном с Москвой, вторые пять минут — с телефонной сетью Соединенных штатов. В Москве через радиоузел ДТС можно вызвать любого абонента.

Все-таки огромное удобство.

В самолете обеденный час. Буфетчик разносит яичницы, аппетитно подрумянившиеся на электрической печке, битки, шницели, салаты, кур, кофе, чай, коктейли, — словом, все, что угодно.

Старомодного вида парочка смущенно кладет под кресла газетные свертки (это они, видимо, взяли с собой завтраки). Теперь прояснело — видно море. Мы приближаемся к Диксону. Но самый остров закрыт густым туманом...»

ПОСАДКА В ТУМАНЕ

Аэродром был закрыт. С земли самолету сообщили: видимость 10 шагов.

Пилот проверил приборы для слепой посадки. Спустили трос лота-высотомера. Перед летчиком скользила специальная пленка. На нее снималась земля.

Пленка воспринимала лучи, которые свободно проходят через туман, но не видимы глазом. Мгновенно проявленная, пленка сообщала пилоту о местах, над которыми корабль пролетел две секунды назад. Так был найден аэродром. Самолет снизился.

Лот-высотомер коснулся земли, и в то же мгновение загорелись две лампочки — одна контрольная, рубиново-красная, другая бледно-розовая.

Цвет второй лампочки становился ярче, насыщеннее с каждой секундой. Значит, самолет приближался к земле. Пилот, смотря на световые сигналы, точно ощущал приближение к аэродрому. Наконец, машина мягко, впритирку», коснулась земли. Два сигнала горели одинаковым, ровным рубиновым пламенем, а кругом был туман, скрывавший от глаз даже плоскости самолета,

— Порт Диксон, — сообщил громкоговоритель. — Опоздание 30 секунд. Остановка 1 час. Граждан пассажиров просят в помещение аэровокзала порта. Через 1 час самолет отходит на полнос и дальше по маршруту.

ПОРТ ДИКСОН

Сели в абсолютном тумане, а через 30 минут прояснело. Туман умчался дальше, в глубь материка. Пассажиры вышли погулять по Диксону. Замечательная картина рас-

стиралась перед глазами. В порту стояли десятки кораблей. Грузовые танкеры, лесовозы, белоснежные рефрижераторы, только что взявшие груз свежей красной рыбы с промыслов в устье реки Таймыр. Старый каюр Журавлев, проезжавший в абсолютно безлюдных тогда местах еще в 1937 году, пожалуй, первым предсказал реке прекрасное промысловое будущее.

Большой океанский пароход уходил в море. Он вез для Нордвик-нефти в порт «Бухта героизма» крекинг-установку. Лет 10—11 назад в бухте высадились первая группа людей. Пароходы, которые везли оборудование и дома, не сумели пробиться сквозь льды. Надо было обойтись своими силами. В нескольких десятках километров нашли лес, — значит, строительные материалы есть. Запасы продуктов питания увеличили мясом оленей.

На побережье возник поселок. Характерно, что в одном из первых домиков оборудовали ясли. Поселок рос. Только теперь люди вспомнили, что второпях ему забыли дать название. А это был уже настоящий городок. Арктика знает названия «Кресты», «Могила де Лонга» — мрачные, могильные, грустные. Этому городку дали прекрасное, светлое имя. Вырос порт. Подходили корабли и, напивавшись нефтью, плыли на Дальний Восток...

...В порту развевались флаги. Набережная была застрое- на прекрасными трехэтажными зданиями. Аэровокзал, пол-ярный университет, управление порта, дом связи и, нако- нец, театр. Хотелось побыть тут побольше. Но самолет го- товился к отлету, ин надо было занимать свои места.

СТАНЦИЯ „СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС“

Опустились на станции «Северный полюс». На большой льдине высились отель, сделанный из металлических кон- структур, домики научных лабораторий, высокий ветряк и мачты радиомаяка. Жители полюса бежали по аэродрому, встречая самолет. Это была уже десятая зимовка, высажен- ная на полюсе. Остальные 9 льдин отдрейфовали далеко.

На 3 из них жили люди (их доставили самолетами). Некоторые — первый год, другие — второй и третий годы. Кроме того, имелись зимовки на полюсе неприступности.

Всего в центральном арктическом бассейне жило 98 человек: метеорологи, гидрологи, биологи, радисты. Связь между зимовками поддерживали танки-амфибии — замечательные машины, плывущие по воде и легко перебирающиеся через торосы. Газеты сюда доставлялись в день выхода, а зимовщики полюса неприступности получали их на вторые — третьи сутки. На «полюсе № 10» имелся парник (свои огурцы, помидоры), который обогревался электричеством (энергию давал ветряк).

Особо богатое хозяйство завел «полюс № 7». Тут на льдине находилась даже оранжерея,

Захватив 3 новых пассажиров, самолет снова поднялся в воздух.

Через два часа показалось побережье Канады. Летели над границей Британской Колумбии и степной Альбертой, пересекли Скалистые горы.

Под крылом проносились леса, сады, пространства тщательно возделанной земли. Штаты Вашингтон, Орегон, Калифорния. Ровно через 24 часа после вылета опустились на аэродроме Сан-Франциско. В этот момент с аэродрома Москвы поднимался очередной самолет « Трансарктика-25»...

ОТ РЕДАКЦИИ

Очерк должен был быть напечатан в июльском номере «Смены» за 1947 год к десятилетию героических перелетов Чкалова и Громова.

Печатая его *раньше на десять лет*, мы заранее просим простить автора за могущие вкратце ошибки и неточности. Они будут исправлены своевременно.

ЯН ЛАРРИ

ЗАГАДКА ПРОСТОЙ ВОДЫ

Научно-фантастический рассказ

Рисунки Г. Балашова

*Ян Ларри. Загадка простой воды: Научно-фантастический
рассказ /рис. Г. Балашова// Пионерская правда, 1939,
24 июня -16 июля (№№85-96)*

Научно-фантастический рассказ Яна Ларри

ОТ АВТОРА. Все, о чем здесь рассказано, произошло в США в 1926 году. Специальная комиссия Морского штаба военно-морских сил США расследовала в свое время этот совершенно исключительный, более всего похожий на сказку случай и вынесла следующее решение: «Отказываясь объяснить сущность и принцип действия поразившего всех изобретения, комиссия удостоверяет правильность почти всех сообщений американской печати об этом величайшем открытии XX века. Опыты были поставлены в присутствии авторитетных представителей—офицеров Морского штаба—и дали совершенно поразительные результаты, однако странное по-

ведение изобретателя заставило Морской штаб отнестись к нему с некоторой долей осторожности. Когда же было вынесено решение приобрести патент и когда чек на два миллиона долларов был уже подписан, изобретатель неожиданно исчез. Все поиски его оказались безрезультатными».

Итак, основа рассказа — истинное происшествие, но имена действующих лиц я заменил вымышленными именами. Честно признаюсь также и в том, что конец этой таинственной истории является только моей собственной догадкой, которая мне кажется единственно возможной и вполне естественной в условиях «жизни» капиталистического мира.

1

— Но это же абсурд!

— Простите, сир, вы, очевидно, не поняли меня: я хотел бы...

— Будем откровенны: вы считаете меня идиотом?

— Странно, сэр. Я, кажется...

— Довольно, мистер... мистер...

— Григсон, сэр. Но я...

— Сознайтесь, мистер Григсон, вы явились ко мне прямо из ресторана?

— Сэр, я не употребляю спиртных напитков.

— Не обижайтесь, пожалуйста, но у вас такой возбужденный вид... Может быть, завтра? Что-о? Вы не могли бы зайти ко мне в это же время завтра?

— Сэр, вы считаете меня пьяным или сумасшедшим. Это очень обидно. Однако, смею вас уверить, я совершенно трезв. Что же касается моих умственных способностей, то вам никто не мешает вызвать психиатра и освидетельствовать меня. Меня это не обидит.

— Но почему бы нам не возобновить этот разговор завтра, мистер Гринблат?

— Гринсон, сэр.

— Хорошо, мистер Гринсон. Так что вы скажете о нашей беседе завтра?

— Нет, сэр. Это невозможно. Завтра я буду вынужден передать свое изобретение, ну... допустим, Японии. Вам было бы приятно увидеть мое изобретение в руках японцев? Я хочу продемонстрировать свое открытие сегодня. Сейчас же. Не позже как через два-три часа. Во всяком случае, до наступления темноты.

— Скажу откровенно, мистер Гринфельд...

— Гринсон, сэр.

— Мистер Гринсон, что ваша настойчивость производит на меня... э... э... некоторое... э... э... впечатление.

— Неблагоприятное? Не стесняйтесь, сэр.

— Да... Все это очень... очень...

— Подозрительно? Не правда ли?

— Ну-у...

— Сэр, вы рискуете пятью долларами, и только...

Рис. Г. ВАЛАШОВА

Седой генерал внимательно осмотрел мистера Григсона с ног до головы. Это был бледный юноша, ничем не примечательный, похожий на миллионы американских юнцов. Скромный синий костюм плотно обтягивал его худощавую фигуру. Черный галстук оттенял ослепительную белизну слегка накрахмаленного белья. Юноша сидел в кожаном кресле, сжимая длинными, худыми пальцами фетровую шляпу. У ног его стоял небольшой черный чемоданчик.

Генерал с досадой взглянул на ручные часы и порывисто встал.

Григсон схватил чемодан. Никелированные застежки сверкнули на солнце.

— Вы торопитесь, сэр, — спросил он, поднимаясь.

— Да...

— Вы больше ничего не скажете мне?

Генерал нахмурился. Рука его потянулась к эмалированной груше, подвешенной к настольной лампе. Где-то за стеной приглушенно задребезжал звонок. Генерал забарабанил пальцами по столу, наблюдая исподлобья за юношей.

— До свиданья, — сказал Григсон, бледнея.

Тяжело вздохнув, он нахлобучил шляпу и решительно шагнул к дверям.

— Постойте!

Григсон оглянулся.

— Хорошо, — сказал генерал, вытаскивая из кармана бумажник. Вот вам пять долларов. Через два часа мы ждем вас в лаборатории верфи.

— Меня пропустят?

— Вы скажете свою фамилию. Вас проводят.

— Прекрасно, сэр... — весело сказал Григсон, — я не заставляю ожидать себя. О, вы не раскаетесь.

Юноша вышел.

Лишь только за ним захлопнулась дверь, как в кабинет бесшумно вошел коренастый человек в форме морского офицера.

— Вот что,— быстро сказал генерал, — я хочу знать, куда пойдет этот молодчик, который только что вышел от меня, что он будет делать и... Вы поняли меня? Через два часа я буду в лаборатории верфи. Надеюсь, к этому времени вы справитесь с моим поручением?

Морской офицер молча поклонился.

— Все! — сказал генерал.

2

Огромные окна военной испытательной лаборатории открыты настежь. Из окон видны приземистые серые здания, около которых неподвижно стоят часовые. Весь двор залит солнечным светом. Веселые зайчики прыгают на стеклах окон, спят глаза. Часовые переступают с ноги на ногу, и тогда ножи, примкнутые к винтовкам, вспыхивают, как молния.

Асфальтированная, безукоризненно чистая площадка спускается широкими уступами к темной воде канала. Серые гранитные стены отбрасывают холодные тени на воду. Она покрыта жирными пятнами мазута, густо усеяна окурками папирос, оранжевыми апельсиновыми корками, желтыми гнилыми бананами. Пустые консервные жестянки с рваными краями трутся с тихим скрежетом о борта военных катеров, выкрашенных в бледно-сиреневый цвет. За каналом, точно голый фантастический лес, поднимаются, загромождавая небо, высокие стапеля и подъемные краны.

Глухой, немолчный шум города входит в открытые окна лаборатории, как ровный гул морского прибоя.

Стрелки часов лаборатория сходятся на цифре двенадцать. Хлопает дверь. Один за другим появляются офицеры, они с шумом рассаживаются у столов, около окон, на подоконниках.

Загадка простой воды

Научно-фантастический рассказ Яна Ларри

Синий дым сигар поднимается, как туман. С приходом долговязого капитана Пакстона все оживают. О, этот Пакстон не даст скучать!

— Что слышно, капитан? Не знаете ли вы, почему генерал приказал нам собраться?

— Что-о? Генерал?

Пакстон трет лоб и густым, оглушающим басом рычит:

— Я кое-что слышал, правда, но это очень длинная история.

— О!

— Внимание! Виимание!

— Дайте же говорить Пакстону!

Никто, разумеется, и не думает принимать всерьез «истории» Пакстона, но капитан так забавно и так занятно врет, что послушать его, конечно, стоит. Пакстон усаживается в кресло. Он сгибает, точно гигантские треугольники, длинные ноги, нюхает для чего-то своим утиных носом колени и, сняв с брюк пушинку, гудит оглушающе:

— Это, надо вам сказать, произошло на Борнео. Я плавал тогда юнгой. Наш генерал был в то время капитаном корабля, моим хозяином. Ночью приходят туземцы. Болтают что-то. Переводчик объясняет: найдена пещера, в которой стоят какие-то невиданные машины. Судя по всему, пещера оставлена людьми несколько тысяч лет назад. Генерал дает мне приказание: перенести машины на корабль. Иду. Лес. Тропические джунгли. Туземны нервничают. Я вливаю них по стакану виски. Храбрость. Идут дальше. Вдруг один, плешивый, как глобус, говорит мне: «Здесь, сэр». Я смотрю. Вход в подземелье. Что за чорт? Иду. Пинком ноги открываю дверь. Скрип. Выпиваю стакан виски. За мной, ребята! Темь. Темно, как в погребке. Входим. Пыль. Тлен. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Туземцы

дрожат. Еще виски. Вторая дверь. Открываю вторую. Вижу — подземная пещера. Зажигаю факел. И что бы вы думали? Вижу — стоят всюду какие-то странные машины. Чорт возьми, за всю свою жизнь я не мало видел машин, но таких скажу откровенно — не встречал еще ни разу, да и не встречу теперь. В этом я уверен. Представьте себе... Впрочем, это трудно представить... Подхожу. Трогаю. И вдруг машины рассыпаются, как пыль. Металл, превращенный временем в металлическую пыль, как вам это нравится?! Сколько же, думаю, тысячелетий стоят тут машины? Еще — виски. Вперед, Пакстон, и покажи, что ты не дурак! Эти машины — величайший памятник, из когда-либо открытых. Осторожней, старина, не дыши и не трогай древностей, но постарайся снять чертежи и разобраться как следует, что за машины, для чего они. Замечаю надпись на одной машине. Читаю: «Non omnia possumus omnes» ¹⁾. Латынь? Чувствую нервную лихорадку, и вдруг...

— Генерал! — крикнул, вбегая в лабораторию, лейтенант Броуди.

Офицеры вскочили, как школьники. Одергивая мундиры, они торопливо тушили сигары, поправляли прически. Усатый Пакстон закрутил под носом два пушистых кольца. Директор лаборатории Ламсдэн провел щеткой, оправленной в слоновую кость и серебро, по седой бороде, похожей на опрокинутую пирамиду.

Послышались шаги.

Бам-бам! — Бам-бам! — долетало до слуха. Генерал шагал грузно, но четко.

Дверь широко распахнулась. В темном квадрате появился сияющий генерал.

На мгновение он остановился, оглядел всех, затем, кивнув головой, зашагал по лаборатории, держа высоко голову, выпячивая молодецкато грудь.

— Ну? — весело крикнул генерал, стягивая перчатки.

— Все в порядке, сэр! — почтительно ответил за всех лейтенант Броуди.

---

1) «Не все возможно для всякого» (лат.)

— Чудесно!

Генерал подошел к окну. Не глядя на стол, он бросил на его палисандровую поверхность скомканные перчатки. Они скользнули по льдистому, отполированному столу и застыли, точно нелепые снежные комочки.

— Ну — сказал генерал, не оборачиваясь, — как вы думаете, бывают у мошенников честные глаза? Что-о?

— Несомненно! — поспешил ответить капитан Пакстон. — В бытность мою на островах Фиджи я...

— Благодарю вас, капитан, но я это уже слышал, кажется, в прошлом году.

Генерал повернулся, насмешливо посмотрел на Пакстона и плюхнулся в кресло.

— Садитесь — сказал генерал.

Офицеры с шумом задвигали стульями. Когда все сели, генерал лукаво прищурился и хлопнул со всего размаха руками по коленям:

— Исключительный мошенник, но гениальная выдумка, чорт возьми!

— Что-нибудь случилось, сэр? — с тревогой спросил Броуди.

— Случилось? — засмеялся генерал. — Вот именно. Поразительный случай.

Все переглянулись. О, как видно, генерал недаром собрал офицеров в это неурочное время.

— Вот именно! — продолжал генерал с возрастающим весельем. — Мальчишка! Молокосос! Он решил провести нас всех за нос. Начал он с того, что попросил у меня два миллиона долларов. За эту сумму предложил приобре-

сти у него необыкновенное, совершенно потрясающее открытие. На предварительные же расходы он взял у меня пять долларов. Что-о?

— И вы своими руками отдали ему пять долларов?— хихикнул Ламсдэн.

— Ну да, — захохотал генерал, — но разве это не оригинально? Попросить два миллиона и ограничиться пятью долларами? Но это еще не все.

Генерал взглянул на часы.

— Через несколько минут он сам явится сюда. Словом, обещаю вам блестящее представление. Будет поставлена оригинальная комедия: «Начинающий мошенник играет с младенцами морского штаба». Участвуют в спектакле все желающие. Общими усилиями мы разоблачим мошенничество и отправляем героя как опытного афериста в отель для гастролирующих авантюристов. Но как он лгал? Какими честными глазами он смотрел на меня! Артист! Монти Бенкс и Дуглас Фербенкс не годятся ему вместе с Чарли Чаплиным в подметки! Что-о? Каков молодчик?

— Какое же изобретение?

— Чушь! — отмахнулся генерал.— Фантазия зеленого слона! Впрочем, все это услышите сами через несколько минут.

В дверях показался морской офицер.

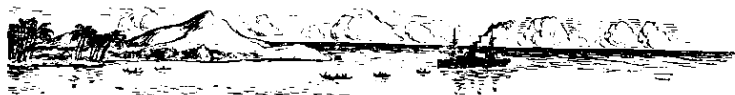
— Чудесно, — сказал генерал,— надеюсь, Фойль, вы что-нибудь узнали о судьбе моих пяти долларов?

— Сэр,— сказал офицер глухим голосом, — человек, за которым вы поручили мне проследить, отправился прямо в ресторан. Здесь он съел два обеда, выпил три бутылки кока-кола, а затем...

— А затем?

— Он исчез, сэр.

— Ну вот, — засмеялся генерал,— я так и знал. Однако очень жаль. Я полагал, что это был более крупный мошенник. Жаль, жаль. Значит, нам не придется провести сегодня время весело. Он удрал? Какая досада. Мне так хотелось проучить этого молодчика.

— Сэр, — сказал офицер, — когда я подъезжал к верфи, мне показалось, что он бродит около ворот.

— Да? Вы уверены, что это он? — с внезапным оживлением спросил генерал.

Он вскочил, подбежал к окну.

Офицеры весело переглянулись. Пакстон наклонился к Ламсдэну и что-то зашептал ему прямо в ухо. Ламсдэн захихикал.

Наступила тишина. В стекло ударилась с жужжаньем муха. Генерал брезгливо махнул платком. К всеобщему удовольствию муха взлетела и опустилась прямо на кончик генеральского носа.

Генерал вздрогнул и весь так сморщился, будто проглотил стакан керосина.

— Фу! Фу! — пробормотал генерал и вдруг, просияв, крикнул весело: — Он! Да, да! Этот субъект идет сюда. Какая наглость, однако! Что-о?

Офицеры бросились к окну.

По асфальтовому двору шагал мистер Григсон в сопровождении дежурного. Они о чем-то разговаривали. Мистер Григсон держал в одной руке черный чемоданчик, в другой — жестяной бидон вместимостью в несколько галлонов. Дежурный притянул руку в сторону лаборатории. Мистер Григсон поднял голову, взглянул с любопытством на окна и что-то спросил. Дежурный пожал плечами.

— Внимание! — сказал генерал. Прошу занять место. Представление начинается. Предлагаю выслушать его внимательно. Запомните: мы должны отучить таких субъектов раз и навсегда являться к нам с подозрительными проектами. Они должны понять, что Морской штаб — слишком опасная игрушка. Наша святая обязанность — закрыть сюда

двери так крепко, чтобы ни один мошенник даже не мечтал о наживе от нас. Запомните: ваши вопросы, очевидно, появятся в печати. Надеюсь, это будут остроумные вопросы. Прошу занять места.

С веселым шумом офицеры отошли от окна. Пакстон загудел в углу:

— Будь я проклят, если не поймаю мальчишку через две минуты!

В дверь постучали.

— Да! — сказал генерал.

Вошел дежурный. Щелкнув каблуками, он молодецкато козырнул:

— Сэр, тот человек, которого вы приказали привести к вам, здесь.

— Пусть войдет, — кивнул головой генерал.

Дежурный широко распахнул дверь.

— Войдите, — сказал он, прижимаясь к стене.

3

В лабораторию вошел мистер Григсон. Он растерянно оглядел всех, неловко поклонился направо и палево и, не выпуская из рук бидона и чемоданчика, сделал несколько шагов. Пакстон свирепо закрутил пышные кольца усов.

— Вы можете идти, — сказал генерал дежурному.

Дежурный молча исчез за дверью.

Генерал встал. Он стоял перед Григсоном, как воплощенная любезность.

— Комиссия вас слушает, мистер Гринфельд.

— Григсон, сэр.

— Не возражаю. Вы, конечно, больше это знаете. Итак, в вашем распоряжении два часа. Доложите комиссии существование вашего открытия. Мы вас слушаем, — сказал генерал, опускаясь в кресло.

Григсон осторожно поставил на пол бидон и чемодан.

— Два часа — это слишком много, сэр. Я задержу внимание комиссия не более как на пять минут

— Тем лучше.

Григсон снял шляпу, положил ее за бидон и провел рукой по голове.

— Я буду краток, — сказал он тихо. Я открыл способ превращения обыкновенной воды в горючее.

— Что та-акое? — вскочил долговязый Пакстон.

Офицеры зашептались. Лейтенант Броуди фыркнул. Генерал недовольно взглянул на Броуди и свирепо нахмурился. Бедный лейтенант покраснел, как мальчишка.

— Я — продолжал Григсон, не удостоив даже взглядом долговязого капитана, — предлагаю заменить нефть, мазут, бензин, керосин и лигроин речной или морской водой. Я понимаю, конечно, ваше удивление и ваше недоверие. Это естественно. Вполне законно. Однако разве менее удивительны авиация, радио, современная химия, кино или телевидение? Лет сто назад все это считалось бы невозможным, в сейчас мы просто не мыслим человеческое существование без радио, без авиации, без кино и так далее.

— Насколько я вас понял, — загудел Пакстон, — вода может гореть?

— Почему бы нет? — вежливо ответил Григсон.

— Но до сего времени пожарные употребляют воду для тушения огня, — сказал Пакстон и оглядел всех торжествующим взглядом.

— Вы правы, — невозмутимо ответил Григсон, — но вы не должны забывать, что вода — это смесь известных веществ: кислорода и водорода. Одни из этих составных частей — компонентов воды — водород — горит прекрасно, превосходно горит! Другой — кислород — прекрасно помогает горению. Значит — только надо умеючи и дешево разложить воду.

— Вы, конечно, владеете этим искусством в совершенстве?! — крикнул лейтенант Броуди.

Григсон поклонился.

— Я, — сказал он спокойно, — пришел к вам только для того, чтобы убедить вас в том на практике.

— Что вам нужно для организации опыта?

— Вода и что-нибудь вроде дредноута, мотоцикла, автомобиля.

— Катер?

— Безразлично.

— Bravo! — хлопнул в ладоши Ламсдэн. — Но скажите, пожалуйста, ваши водяные двигатели уже сконструированы? Как работают они? На каком заводе вы их изготовили? У вас, конечно, есть чертежи этих машин?

— Двигатель остается без изменений! Вода приводит в движение любой двигатель внутреннего сгорания.

— Я полагаю, — сказал генерал, поднимаясь, — что всем будет очень интересно посмотреть, какую скорость покажет катер при помощи воды мистера Грингауз.

— Григсон, сэр!

— Великолепно. Броуди!

— Слушаю, сэр!

— Освободить баки от горючего на катере А-17-39!

4

Спустя несколько минут все уже стояли в машинном отделении катера. Среди офицеров царило веселое возбуждение.

Долговязый Пакстон, вытягивая шею, суеился больше всех. Можно было подумать, что он решил, во что бы то ни стало, разоблачить мошенника.

Григсон следил за каждым движением капитана с насмешливым любопытством. Пакстон определенно нравился ему.

— Боюсь, — гудел капитан, — что на дне баков еще осталось горючее.

— О! — с комическим испугом покачал головой Григсон, — Это мне не нравится. Я попрошу вытереть стенки баков насухо тряпкой.

Генерал кивнул головой матросу.

— Вытереть баки насухо! — закричал Пакстон.

Не говоря ни слова, матрос принялся за работу, и через минуту вытянулся, держа в руках мокрую тряпку.

— Баки вытерты насухо, сэр.

— Идите.

Матрос вышел.

Теперь было уже все готово для опытов. Офицеры с любопытством разглядывали Григсона.

Юноша улыбнулся, но, не встретив ни у кого на лицах ответной, сочувственной улыбки, он слегка дотронулся до шляпы и спросил:

— Разрешите приступить, сэр?

— Да, да, пожалуйста, — нетерпеливо сказал генерал.

Григсон нагнулся, поднял с пола бидон. Капитан, не спускавший глаз с Григсона, рванулся вперед. Григсон в замешательстве взглянул на него. «Что еще нужно капитану? Может быть, он хочет спросить что-нибудь?»

— Позвольте, — забасил Пакстон, — вы хотите налить в баки из этой штуки? — Он дотронулся до бидона.

— Да.

— Но... Вы не разрешите понюхать вашу воду? Любопытно все-таки, чем она пахнет. И вообще вы можете располагать мной. Я охотно помогу вам.

— Хорошо, — просто сказал Григсон. Он протянул бидон Пакстону.

— Если вам нетрудно, наполните, пожалуйста, бидон водой. Воду можно взять в канале.

Капитан открыл бидон, сунул в широкое горло нос и

смущенно постукал согнутым пальцем по замасленному боку. Бидон глухо загудел.

— Он пустой, — улыбнулся Григсон.

— Вижу! — буркнул капитан. Подмигнув всем с видом заговорщика, он быстро вышел. Генерал закурил сигару. Бродди сосредоточенно разглядывал ногти. Все молчали.

Вошел капитан. Тяжело дыша, он тащил бидон двумя руками. Вода плескалась через широкое горло бидона. Брюки Пакстона были мокрые.

— Я прополоскал вашу жестянку, — сказал капитан, весело подмигивая глазом.

— Ваша заботливость просто смущает меня, — улыбнулся Григсон, — надеюсь, вы принесли воду?

— О, да, — пробормотал Пакстон, — будь я проклят, если это не настоящая вода.

— Благодарю вас! — поклонился Григсон, — А теперь, сэр, я хотел бы остаться здесь один. О, ненадолго: на две, на три минуты!

Пакстон вздрогнул, точно его ужалила оса.

— Вы что-то хотите сказать, капитан? — спросил генерал.

— Ого! — закричал Пакстон. — Три минуты. Хорошенькое время, будь я проклят. Да ведь за три минуты можно вылить воду из бидона за борт и наполнить жестянку бензином. Когда у нас был сухой закон, — тьфу, будь он проклят, — я знал одного молодца, который перевозил виски в резиновых подушках; они обтягивали его, как согревающие компрессы.

Григсон смутился. Его смущение не осталось незамеченным. Офицеры зашептались. Генерал усмехнулся. «Уж не принимает ли этот мальчишка офицеров штаба за пингвинов? Надо думать, что игра подходит к концу. Но как он держится! Какое самообладание! Интересно, удастся ли ему вывернуться из неприятного положения».

— Ну-с, мистер... мистер...

— Григсон, сэр.

— Пусть будет так. Вы настаиваете на том, чтобы мы все вышли?

Григсон задумался. По лицу его скользнули еле уловимые тени. Было видно, что он колеблется.

— Итак?! — сказал генерал.

Григсон с растерянным видом переступал с ноги на ногу.

— Что вас смущает?

— Хорошо! — сказал решительно Григсон. — Вы можете остаться.

Он сунул руку в карман, быстро выдернул склянку с притертой пробкой и, встряхнув склянку, поднес ее к глазам. Фиолетовая жидкость запенилась в банке, серебристые нити пронизали ее, как молнии. Григсон вытащил пробку, отвернув в сторону лицо. Он вылил жидкость в бидон.

Вода вздулась пузырем, забурлила, заклокотала, точно ее подогревали. Клубы синего пара с едким запахом взлетели к потолку.

— Черт возьми,
— взревел капитан, — запах удивительно знакомый! Позвольте, позвольте, а, ведь, это... это... это же... Стойте, стойте...

Капитан шумно втягивал воздух ноздрями.

Григсон побледнел. Широко открыв глаза, он с испугом следил за носом Пакстона, «А что, если этот проклятый капитан узнает по запаху со-

став жидкости?» Но опасения его были напрасны. Покрутив носом, капитан Пакстон развел руками и, как бы извиняясь, пробормотал:

— Не понимаю. Что-то знакомое, но что — хоть убей, не пойму..

Григсон вздохнул с облегчением. Чтобы скрыть радость, он наклонился над бидоном.

— Ну, как? — нетерпеливо спросил генерал.

— Все в порядке, сэр.

Вода в бидоне тем временем приобрела молочный цвет, и затем быстро, быстро стала светлеть.

— Скажите, — обратился к Григсону директор лаборатории Ламсдэн, — вы не можете сказать, из каких компонентов состоит вот эта фиолетовая жидкость, которую вы плеснули в бидон? — Кстати, сэр, я вас не перебил, когда вы сказали, что вода является смесью водорода и кислорода... Это противоречит основным понятиям химии. Нас учили, да в этом я и сам уверен, что вода является химическим соединением, повторяю, сэр, химическим соединением двух атомов водорода и атома кислорода!

— Да, сэр. Я это превосходно помню. Но сознательно определяю воду как смесь и доказываю это моими опытами, — чуть усмехнувшись, ответил Григсон.

— Но в таком случае, — быстро перебил его директор лаборатории, — как понимать ваши слова о том, что надо воду умеючи и дешево раз-ла-гать.

— Это я по старой химической привычке оговорился, — отпарировал Григсон и продолжал:

— А что касается ответа на ваш вопрос, из каких компонентов состоит эта фиолетовая жидкость, то ведь я и пришел с намерением раскрыть секрет моего изобретения.

— Вот как? Так, значит, она составлена из...

— Вы получите рецепт растворителя в десяти экземплярах, но, конечно, не раньше, чем я получу два миллиона долларов.

Ламсдэн смущенно кашлянул. Выудив из кармана щетку, он растерянно посмотрел на всех и не спеша принялся

расчесывать свою бороду. Григсон насмешливо взглянул на директора лаборатории, затем повернулся к генералу и спокойно спросил:

— Кто поведет катер, сэр?

— Лейтенант Броуди, — отрывисто оказал генерал.

— Прекрасно! В таком случае, я заправлю баки.

Григсон подошел к бакам, разлил свое странное горючее равными порциями.

— Машина готова! — сказал он, вытирая руки платком.

Броуди подошел к генералу.

— Сэр, я жду ваших приказаний!

Генерал усмехнулся:

— До маяка и обратно.

— Есть, сэр.

Броуди круто повернулся, подбежал к штурвалу.

— А вы, капитан, — сказал генерал, обращаясь к Пакстону, — кажется, хотели заняться мотором?

— Есть заняться мотором, сэр.

Пакстон встал на место моториста.

— Можно ехать, — сказал генерал.

Стало так тихо, что все слышали размеренное тиканье карманных часов. Офицеры с напряженным вниманием прислушивались к возне Пакстона. Щетка в руке Ламсдэна повисла в воздухе. И только один генерал стоял, ничем не выдавая своего волнения. Сунув руку в карман, он незаметно наблюдал за лицом Григсона. Однако Григсон выглядел, пожалуй, неплохо. Он стоял спокойный, невозмутимый, легкая, чуть заметная улыбка бродила у него на губах; казалось, что он думает сейчас о чем-то, совсем не имеющем никакого отношения к тому, что происходит на катере.

Генерал отвернулся.

— Будь я проклят, — гудел капитан Пакстон. — хотел бы я посмотреть, что выйдет из всего этого.

Такое же желание было написано на лицах всех офицеров. Теперь они уже не посмеивались. О, нет. Они были серьезные и взволнованные. «Пойдет катер или нет? Неужели пойдет?»

За каждым движением Пакстона следили десятки внимательных глаз. Прошло несколько томительных минут ожидая. И вдруг под ногами загудел, забился мотор.

— О-о!

— А-а!

Офицеры невольно вскрикнули и, точно по команде, бросились к мотору.

Капитан Пакстон сконфуженно развел руками, точно хотел сказать: «Будь я проклят, если я что-нибудь сплутовал тут».

— Полный вперед! — заорал ошалело Броуди.

Он быстро повернулся, отыскал взглядом в толпе офицеров Григсона и, помахав рукой, крикнул ему что-то взволнованным мальчишеским голосом.

Григсон не расслышал слов лейтенанта.

С бешеным ревом катер рванулся вперед.

Под носом забурила вода. Справа и слева, точно гигантские водяные усы, вздулись пенистые валы. В гранитные стенки канала с шумом ударились волны. По воде запрыгали консервные жестянки, качнулись лениво шлюпки.

В брызгах и пене катер вылетел на синюю гладь залива и помчался, набирая скорость, к далекому горизонту, где смутно темнел маяк.

В ушах завыл, засвистел встречный ветер.

— Алло, Григсон! — закричал сияющий Броуди — Можно вас на одну минутку?

Григсон отделился от группы офицеров, которые стояли явно подавленные, разговаривая между собой вполголоса. Ламсдэн с ожесточением расчесывал щеткой седеющую бороду. Генерал вытирал носовым платком красную шею.

Капитан Каннингам, коротконогий толстый офицер, смотрел на всех выпученными глазами, открывая то и дело рот, как будто он задыхался.

— Н-да! — услышал Григсон за спиной.

Он подошел к Броуди.

— Алло, Григсон, — весело крикнул лейтенант, не выпуская из рук штурвала. — Мы собрались для того, чтобы

уничтожить вас, а вы нам дали хороший урок! Вы настоящий парень, Григсон! Нет, вы только посмотрите на генерала!

Броуди захохотал.

— Вы славный парень, Броуди, — сказал просто Григсон.

— Еще бы, — мотнул головой лейтенант, — но если бы я имел такую башку, как ваша, это не повредило бы мне. Ничуть!

— Вы меня смущаете, Броуди.

— Без кокетства, Григсон. И что вы скажете, если мы сегодня пообедаем вместе? Конечно, плачу я сам. Идет? Ну?

— Будет ли это удобно?

— Ну, конечно.

Тем временем Ламсдэн привел в порядок свою бороду. Поглаживая ее тонкими пальцами, он стоял перед генералом, внимательно рассматривая свои ослепительно сверкающие ботинки.

— Что вы скажете, Ламсдэн? — сказал, наконец, генерал.

— Что я скажу? — переспросил директор лаборатории. Он скомкал бороду и задумчиво произнес:

— Я просто ошеломлен!

— Но что это? — настаивал генерал. — Фокус? Ловкость рук? Кто он? Гений или мошенник?

Ламсдэн пожал плечами.

— Я думаю, — вмешался в разговор капитан Канингэм, — голова этого парня крепко привинчена к плечам,

— Благодарю вас, — насмешливо поклонился генерал, — это как раз то, что нас интересует в данный момент больше всего.

Капитан покраснел.

— Поговорим о деле, — сухо сказал генерал. — Можно уплатить этому молодчику два миллиона за его... э... изображение?

— Вас что-нибудь смущает, сэр? — осторожно спросил Ламсдэн.

— Смущает? Конечно. Ну, а разве у вас нет никаких сомнений?

— Тут, сэр, возможны, конечно, варианты недобросовестности, — медленно, как бы обдумывая каждое слово, сказал Ламсдэн.

— Именно?

— Может случиться так, что, получив два миллиона, Григсон откроет нам такой секрет, которым мы не в состоянии будем воспользоваться. Возможно также, что стоимость вашего реактива, будет выше стоимости горючего. Наконец, в состав жидкости могут входить такие редкие вещества, что при всем желании мы не сумеем готовить его в больших количествах. И в том, и в другом случае мы останемся в дураках.

— Вот именно, — кивнул головой генерал, — я как раз об этом и думаю. Но есть у меня и другие сомнения.

— Во всяком случае, сэр, было бы очень печально, если бы Морской штаб остался в дураках.

— Я думаю! — выпятил грудь генерал.

— Может быть, Григсон рассеет наши сомнения, сэр?

— Чорт возьми, — сказал генерал, — из этого парня надо вытягивать клещами каждое слово. Он смотрит на нас, как на мошенников, которые только и хотят, что обмануть его.

— Но ведь и мы, сэр...

— Замолчите, пожалуйста! Алло! Мистер Григсон! Пожалуйста сюда.

Григсон подошел к генералу.

— Как видите, сэр, я не обманул вас, — сказал Григсон.

— Пока мы еще ничего не видим. Видеть — это значит понять. А то, что для меня непонятно, то...

— Позвольте, сэр...

— Не будем терять напрасно время, мистер Григсон. Выслушайте наши условия. Мы готовы приобрести ваше изобретение. Вы хотите два миллиона долларов? Отлично. Мы не лавочники. Торговаться не будем. Но вы должны понять, что мы не можем покупать kota в мешке. Переходим к

делу. Вы обучает пять офицеров готовить секретную жидкость, — мы платим вам два миллиона. У вас есть какие-нибудь возражения?

— Несколько возражений, сэр.

— Говорите.

— Когда мой секрет станет известным пяти офицерам, он будет уже не моим секретом, а секретом военного флота США. Какой же смысл платить мне тогда деньги?

— О-о! — с возмущением сказал генерал. — Уж не думаете ли вы, что вам придется иметь дело с мошенниками?

— Простите, сэр, но у меня есть все основания не доверять людям.

— Что вас еще смущает?

— Боюсь, что, узнав состав реактива, вы найдете слишком высокой плату за мое изобретение.

— Они слишком дороги, составные части вашего растворителя?

— О, нет!

— Их трудно достать?

— Наоборот. Растворитель можно приготовить в любой точке земного шара. Я думаю, что все необходимое для приготовления его можно приобрести даже в самой захудалой аптеке.

— Гм... гм...

— Мои условия, сэр, таковы: я прихожу к вам с адвокатом и журналистами, получаю наличными два миллиона долларов и передаю вам рецепт. По этому рецепту вы готовите реактив, обращаете воду в горючее, затем испытываете это горючее. Если оно не будет действовать, вы заявляете об этом мне в присутствии свидетелей, и я возвращаю деньги.

— Но это... как-то... несерьезно.

— Вы можете отказаться, сэр.

Генерал передернул плечами. Лицо его покраснело. Хмуря брови, он процедил сквозь зубы:

— Отлично! Я доложу о ваших условиях.

— Сегодня?

— Что-о?

— Я хочу сказать, сэр, что у меня нет ни одного пенса! Я не могу долго ждать.

Генерал задумался.

— Десять дней. Вы можете подождать десять дней?

Лицо Григсона вытянулось.

— Но вы понимаете, — поспешно добавил генерал, — два миллиона никто не сумеет уплатить вам в течение суток. Эти деньги надо взять в банке, сосчитать, чорт возьми. Нужно, наконец, оформить документами, провести по книгам, получить разрешение. Вы думаете, я ношу в кармане миллионы?

— Но как же я проживу эти десять дней?

— Позвольте, мистер Григсон, если не ошибаюсь, вы уже великолепно прожили несколько лет, так что такое для вас десять дней? Пустяки!

— Я, сэр, вложил в изобретение уже все, что у меня было! — печально сказал Григсон.

— Ну, хорошо. Пусть семь дней. Семь-то дней вы проживете, надеюсь?

Григсон задумался. Опустив голову, он стоял, теребя пальцами пуговицу пиджака, и вдруг лицо его просияло.

— Хорошо, сэр — сказал он, — кажется, я сумею прожить эти десять дней. Да, да, это будет отлично.

5

— К сожалению, мистер Мэлоун, мы вынуждены отказаться от ваших услуг. — Заведующий отделом хроники газеты «Последние Известия» задумчиво почесал пушистые остатки рыжеватых волос на макушке лысой головы и, взглянув на своего собеседника — широкоплечего репортера Мэлоуна, — вздохнул, как бы испытывая сильнейшее огорчение. — Вы так молоды. У вас такая энергия... Мне просто жаль вас. Ведь вы могли бы занять у нас хорошее положение, но, к сожалению, вы упорно не хотите понять запросов публики. Ну кому — подумайте только, — кому

нужен ваш рабочий вопрос? Кому? Правда, все это есть. Я не отрицаю. Тут кое-что, конечно, не совсем благополучно, но зачем писать о печальных фактах? Может быть, вы надеетесь изменить своим пером наше общество?.. А если вы не так самонадеянны, так какой же тогда смысл имеет вся ваша деятельность? Запомните, читатель требует сенсаций, крови, ему нужны интересные убийства, он хочет, чтобы его немножечко щекотали, он желает читать о необыкновенных событиях. Жизнь, мистер Мэлоун, не так уж красочна, и мы, журналисты, должны, обязаны, чорт возьми, скрашивать существование читателей.

Мы не жалеем денег, но будьте же и вы изобретательны. Не понимать запросов эпохи?.. Куда это годится? Словом, вы уволены, мистер Мэлоун. До свидания! — Заведущий уткнулся носом в рукопись — Впрочем! — сказал он, не поднимая головы — я мог бы дать вам отличный совет.

— Совет? — рассеянно спросил Мэлоун. — Нет, благодарю вас. — Кивнув головой, Мэлоун не спеша вышел из кабинета.

«Старый скунс. Крыса! — с раздражением думал Мэлоун, спускаясь с лестницы. — Выгнать в такое время, когда через несколько недель я сам мог бы оставить эту собачью упряжку. Старая ханжа. Ехидна лысая. Однако, что же все-таки делать? Чем заняться? Где достать деньги, чтобы прожить хотя бы два месяца? Чорт! Как не везет за последние дни!»

Мэлоун побежал вниз, прыгая сразу через несколько ступенек. На площадке он налетел с разбегу и чуть не сшиб с ног высокого юношу.

— Извините, — пробормотал, тяжело дыша, Мэлоун.

— Пожалуйста, — улыбнулся тот. — Надеюсь, вы не пострадали?

— Как будто цел — пошутил Мэлоун, приводя в порядок костюм.

— Один вопрос — дотронулся юноша до руки Мэлоуна — редакция «Последних Известий»...

— Четвертый этаж, — нехотя ответил Мэлоун.

— Да? Кстати, вы случайно не сотрудник редакции?

— Ровно две минуты назад я был сотрудником этого заведения, — грустно ответил Мэлоун.

Но юноша не обратил внимания на тон, которым были сказаны эти слова.

— Право, мне везет, — улыбнулся он, — я Григсон. У меня есть ин-

тересное предложение. Что мне нужно? Автомобиль — это раз. Сотрудник редакции — это два. Вдвоем мы сделали бы небольшое турнэ. Исключительное турнэ. Ручаюсь, что это позабавит публику... Вся поездка отнимет ровно десять дней. Что я хочу? Очень немного. Редакция должна оплатить все дорожные расходы. Понимаете? Завтраки, обеды, ужины, отель — все это оплачивает редакция. И только. Я скромн, не правда ли?

— Гм... Куда же вы собираетесь ехать?

— Куда? Это безразлично.

— Я немного не понимаю вас.

— Не спрашивайте, куда мы поедем, спросите лучше, как мы поедем. Но где я мог бы поговорить с вами? На лестнице не очень-то удобно разговаривать.

Открытое лицо Григсона внушало доверие. После минутного колебания Мэлоун сказал:

— Идемте.

6

Через полчаса после встречи с Григсоном, мистер Мэлоун вошел с независимым видом в кабинет заведующего хроникой.

— Мистер Фельпс — сказал Мэлоун, опускаясь в кресло — мне нужна тысяча долларов.

— Тысяча? — без всякого удивления спросил заведующий, чиркая рукопись — Почему так мало? Почему не миллион? Я лично не отказался бы даже от 10 миллионов долларов.

— Я не шучу.

— А вы думаете, у меня есть время для шуток?

— Тем лучше. Итак, вы идете к редактору и возвращаетесь через пять минут с чеком на тысячу долларов, или же я обращаюсь с такой же просьбой в другую реакцию.

Фельпс приподнял голову от рукописи. Втянув голову в плечи, он настороженно прислушивался к словам Мэлоуна. Хмурые глаза Фельпса так и впились в репортера.

— У вас... есть что-нибудь... интересное?

— Интересное? Пфуй,— сморщился Мэлоун,— у меня есть то, что никому из вас никогда не снилось даже, да и не приснится.

— О-о! Вы, кажется, и в самом деле... — Фельпс лизнул языком по губам.

— Значит, вы намерены выслушать меня?

— Ну, конечно, конечно, — торопливо сказал мистер Фельпс.

— И я получу тысячу долларов?

— Это также не исключено, — осторожно ответил Фельпс.

— Тогда слушайте.

— Я весь внимание.— Фельпс поспешно положил перо на стол, откинулся на спинку кресла и чуть-чуть склонил голову набок.

— Что вы скажете,— начал Мэлоун— если я организую небольшой автомобильный пробег, заправив машину водопроводной водой?

— Какой водой? Почему водопроводной водой именно?

— Ну... Очень просто. Вместо бензина я напую карбюратор водой и отправлюсь путешествовать.

— Что?! — подскочил Фельпс.

— Это обойдется редакции в тысячу долларов. Согласны вы уплатить такую сумму? Очерки, статьи и фельетоны вы, разумеется, оплатите особо. Писать я буду сам...

— Тысячу?.. За воду. Ну, конечно, дорогой мой. Конечно. Но как вы сумеете обмануть всех? Особое устройство автомобиля? Да? Фальшивые баки?

— Никого обманывать я не собираюсь.

Фельпс вытаращил глаза.

— Да, не собираюсь. Игра будет проведена честно.

— Тогда я ничего не понимаю — развел руками Фельпс, — тогда простите, но я не могу рисковать. Меня не поддержит редакция. Я не могу рисковать. Это уже пахнет мошенничеством. Боюсь, редактор не согласится на такой расход.

Мэлоун презрительно усмехнулся.

— Слушайте меня внимательно, Фельпс, лицемер старый. Мне нужны деньги. Мне и еще одному человеку.

— Я так и знал.

— Помолчите-ка лучше... Так вот, этот человек демонстрировал вчера свое изобретение. У него на руках есть удостоверение Морского штаба. Я читал эту бумагу. Штаб свидетельствует, что катер, заправленный вместо горючего водой из канала, прошел со скоростью 20 узлов в час ровно четыре мили. Достаточно этого для вас?

— Но, боже мой!.. А вдруг этот человек — мошенник?

— Поверьте, Фельпс, я понимаю кое-что в людях. Во всяком случае, вас-то уж я никогда бы не спутал с порядочным человеком!

— Вы не джентльмен, Мэлоун, — жалобно сказал мистер Фельпс.

— И слава богу.

— Но я хотел бы видеть этого человека.

— Нет.

— Но почему?

— По той простой причине, которая удерживает фермера знакомить своих кур с лисицей.

— А если вы обманете нас?

— Вы что же, считаете меня мошенником?

— Нет. Избави бог. Конечно, нет, в нашей замечательной стране все-таки никогда не мешает немножко сомневаться.

— Я не обижу вас.

— Могу я поставить только одно условие?

— Говорите.

— Вы ничего не имеете против, если я сам, своими руками, налью воду в поплавковую камеру?

— Абсолютно.

— Пробег вы начинаете от редакции?

— Хорошо.

— Заправляю машину я сам, в присутствии наших читателей.

— Прекрасно.

— Машину для пробега я выбираю сам.

— Чудесно.

— Но почему тысяча? Почему, скажем, не пятьсот? А?

— Будете торговаться, уплатите две тысячи.

— Нет, нет. Будем джентльменами. Тысяча — так тысяча. Подождите пять минут. Не исключена возможность, что редактор пожелает побеседовать с вами. Приведите себя в порядок... Гм... Тысяча долларов? Но почему бы и нет?

7

Вот уже пятый день мчится автомобиль редакции «Последние Известия» по чудесным дорогам Северной Америки. Ветер и солнце поработали изрядно над лицом Григсона. Он загорел, возмужал, щеки его покрылись здоровым румянцем. Отлично питаюсь, Григсон пополнел, и теперь уж навряд ли кто узнал бы в нем того юношу, который несколько дней назад явился в лабораторию военной верфи.

Прекрасно выглядел за рулем и Мэлоун.

Молодые люди подружились с первых же дней.

Разъезжая по дорогам Америки из одного города в другой, они давно уже успели рассказать все о своей жизни и поделиться планами о будущем, а не далее как вчера пришли к убеждению, что им вообще не следует расставаться после этой поездки.

— Мне только одно не нравится в тебе, Джек,— начал сегодня разговор Мэлоун,— это твоя ограниченность. Ты не обидчивый, надеюсь?

— Конечно, нет. Хотя у тебя, Перси, довольно странная манера разговаривать.

— Важны дела человека, Джек, а как разговаривает он, — это уж совсем неважно. Поверь мне.

Автомобиль круто свернул в сторону. Мэлоун обогнал огромную автоцистерну с надписью на голубых боках: «Молоко», и, не отрывая взгляда с дороги, сказал:

— На твоём месте я, знаешь, продал бы все-таки изобретение Советскому Союзу.

— Перси!

— Что возмущает тебя, мой мальчик?

— Но я же американец, Перси. Правда, я припутнул их Японией, но, конечно, у меня даже в мыслях не было поступить так бесчестно.

— Бесчестно, Джек?

— Ну да... Ты говоришь чепуху, Перси.

— А ты подумал о том, что дает рабочим твое открытие?

— Нет.

— Напрасно. Во-первых, и прежде всего, закроются все нефтепромыслы, затем встанут заводы, поставляющие оборудование для нефтепромышленности, наконец, сократятся перевозки по железным дорогам, исчезнет сеть дорожных автоколонок и, разумеется, появятся, в результате всего этого, новые миллионные армии безработных.

— А в Советском Союзе?

— О, там не боятся безработицы. У них всегда нужда в рабочих руках. Ведь у них там, чем больше рабочих рук, тем больше, значит, работы. А работа там великолепная:

созидаются прекрасные дворцы, огромные заводы, когда-то глухие места расцветают.

— Перси, я американец. Ты не забыл еще об этом?

— Наоборот, об этом-то я только и думаю, Джек. Ты думаешь об Америке, а те, кто имел с тобой дело — о своих хозяевах-банкирах. Я уверен, что любой из них, будь он на твоём мосте, продал бы это изобретение тому, кто больше дал бы. Нужна им нация, этим бандитам?! Как же! Только они и думают об этом.

— Нет, Перси, у меня есть отечество, и... Прекратим, пожалуйста, этот разговор.

— Есть, сэр миллионер. Молчу.

— Но я уже сказал, для чего нужны мне эти деньги.

— Чепуха. Если даже тебе разрешат открыть бесплатный университет для твоих самоучек-изобретателей, то все равно ничего путного не выйдет из твоей затеи. Они будут изобретать, а банкиры пожирать эти изобретения.

— Перси, ты надоел мне.

— Ладно, миллионер. Не забудь только, что место сторожа в твоём университете закреплено за мной.

— Ты хандришь. Перси.

— А ты просто глуп. Извини меня.

— Ты сегодня послал корреспонденцию в твою редакцию?

— О, да. Пока ты спал, я накатал картины будущей войны. Наш непромокаемый флот внезапно исчезает. Японские шпионы разыскивают его во всех портах, но он крейсирует у берегов этой прекрасной страны, избегая встреч с японцами. Конечно, корабли набиты сверху донизу стальными ананасами, ведь горючее им не нужно брать с собой, оно — за бортом, знай, только черпай. И вот, в один волшебный день, они громят чайные домики, благословенную Фудзияму, вишневые садики, а затем выбрасывают в рисовое поле несколько тысяч танков. Танки, понятно, полируют японские ландшафты, превращают Японию в симпатичную теннисную площадку, вполне пригодную для разведения картофеля, брюквы и других фруктов. Горючее для своей по-

лезной работы танки получают в любой канаве, а также во всех священных прудах Японии. Роскошная статья. Почти две тысячи слов.

— Не понимаю, Перси, почему ты рассматриваешь мое изобретение только с военной точки зрения?

— Потому что это успокаивает нервы магнатов каменноугольной и нефтяной промышленности. Ты знаешь, на что они надеются? Они думают, и не без основания, что твое изобретение не пойдет дальше армии и военного флота. Не станут же, в самом деле, наши Нельсоны и Наполеоны рассказывать японцам или немцам, как пользоваться или из чего приготовить ту штуку, за которую они дадут тебе два миллиона! Однако, поставка нефти для флота — тью-тью. Ускользнет от них этот жирный куш. И думаешь, они не понимают, что означает для их кармана твое изобретение? Ого! Отлично понимают. Смотри, Джек! Ты должен быть осторожным. Мне кажется, что за тобой уже начали следить. Остерегайся молодцов, от которых пахнет нефтью. У них ведь ты стоишь сейчас, как кость в горле.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Ну да. Вчера я получил письмо.

— Письмо? И ты мне не сказал ни слова?

— Я не придаю этому никакого значения.

— Кто прислал?

— Не знаю.

— И что же в этом письме?

— Буквально несколько слов. Слушай:

«Предлагаем больше любой суммы, которую вам согласится уплатить военное ведомство. Не торопитесь. Ждите нашего представителя».

— Ого! И что же ты думаешь делать?

— Боюсь, что они хотят приобрести мое изобретение для того, чтобы уничтожить его.

— Ручаюсь головой, Джек, что они так и сделают. На этот раз твоя голова работает не хуже арифмометра.

— Но я не допущу такой сделки. Однако, не пора ли нам пополнить баки?

— Не мешает, Джек. Кстати, я вижу впереди бензоколонку.

Друзья замолчали.

8

Ровно в 19 часов автомобиль остановился около одноэтажного белого домика.

— Алло! — крикнул Мэлоун.

Хлопнула дверь — на пороге показался здоровенный детина в синем комбинезоне с большим гаечным ключом в руках.

— Заправить?

— Пожалуйста. Посмотрите, кстати, что делается в радиаторе.

Детина подошел ближе, отвинтил крышку радиатора и, мотнув головой, сказал:

— Слегка перегрелся... Одну минутку

Сунув ключ в широкий карман, он взял шланг, поднес его к радиатору. Холодная струя воды полилась в радиатор.

— Все в порядке.

— Прекрасно. Теперь немного воды для карбюратора.

— Вы хотите сказать: немного бензина?

— Ничего подобного, — покачал с сожалением головой Мэлоун, — именно воды.

— В карбюратор?

— Да, в карбюратор.

Детина снисходительно улыбнулся:

— Что вы называете карбюратором?

— Друг мой, если вы не совсем точно изучили название частей автомобиля, тогда прошу вас налить воду туда, куда обычно вы наливаете бензин.

— Вы шутите?

— Ничуть.

— Но... Ах, понимаю, вы хотите промыть вашу машину?

— Вот именно, — усмехнулся Мэлоун, — дайте-ка я помогу вам. — Он выскочил из машины, взял шланг и направил струю прямо в бензиновый бак.

— Пожалуй, это вас сильно задержит, — почесал затылок парень. — Может быть, вы не откажетесь закусить что-нибудь?

— О, не беспокойтесь. Мы не намерены торчать тут больше пяти минут.

— Однако, — с сомнением покачал головой детина.

— И сколько причитается с нас за воду?

— Вода бесплатно. Мы получаем только за бензин.

— Ну словом, как везде. Очень мило.

— Можно приступить к промывке? — спросил парень.

— На обратном пути, — засмеялся Мэлоун и незаметно плеснул в бак фиолетовую жидкость. Легкое облачко взлетело над кузовом машину, как сигарный дым; оно растаяло так быстро, что парень не успел даже увидеть его. Мэлоун сел за руль.

— Ну-ка, посторонитесь. Дайте нам дорогу.

Парень, усмехаясь, отошел в сторону. «Эти ребята, видно, не прочь пошутить!»

Но что это?

Автомобиль рванулся и, взметнув пыль, быстро помчался по дороге.

Детина вытаращил глаза. То, что он увидел, никак не могло поместиться в его сознании. Он подбежал к шлангу, озабоченно понюхал его. «Нет. Все в порядке. Вода». Он попробовал ее на язык. «Вода. Настоящая, холодная вода».

Парень схватил руками голову. Она была на месте. Тогда он оглянулся и, не раздумывая, укусил мизинец. Из пальца брызнула кровь. Ничего не понимая, он тупо смотрел на палец, потом вслед удаляющемуся автомобилю, сплюнул соленую кровь

и сокрушенно покачал головой. Щеки его посерели. Лоб покрылся холодной испариной. Мигая испуганно глазами, парень стоял, хлопая, открытым ртом, точно рыба, вытасщенная из воды.

— «Проклятый Джим, — забормотал, наконец, расстроенный детина, — готов держать пари, что он разбавляет виски какой-нибудь дрянью. Чорт! Пожалуй, все это может плохо кончиться, если не поговорю завтра с врачом. Ну и галлюцинация, извините».

— Томми! — крикнула, высовываясь из окна, молодая женщина. — Ты свободен?

— А? Что? — вздрогнул детина. — Готов уже обед, Джесси?

— Стол накрыт. Сейчас только открою вино.

— Что-о? — отшатнулся в ужасе детина. — Вино? Ну уж нет, Джесси. Избавь. Вина я теперь и в рот не возьму. Выброси к свиньям бутылку.

— Что случилось, Томми? — тревожно спросила женщина.

— Ничего особенного, если не считать легкого разжигания мозгов. Во всяком случае, Джесси, теперь уж ни один виноторговец не похвалится тем, что он поставляет мне винное зелье. Хватит. Попил я, довольно. Слышишь, Джесси?

— Но, Томми... Я очень рада. Ты такой впечатлительный. Я давно уже замечаю, что вино не полезно тебе.

Здоровенный детина тяжело вздохнул.

9

— Да, я слушаю, отель «Марианна». Да, да. Корреспондент «Последних Известий»... Да, Мэлоун. Что-о? Кто говорит? Когда? Хорошо. Ждите. Буду через пять минут. — Мэлоун положил трубку.

— Старые знакомые, Перси? — спросил Григсон.. Он лежал в кресле, с потухшей папиросой во рту и находился в том состоянии, когда не хочется ни двигаться, ни думать.

— Да нет, Джек, — озабоченно сказал Мэлоун. — Знакомых в этом городе не имею. Кажется, интересное дело.

— Ты думаешь идти? Плюнь, Перси. Пошли их ко всем чертям.

После длительной дороги и сытного ужина Григсон предпочитал дремать спокойно в кресле, прогулки по городу не соблазняли его.

— Мне передали: задержан известный бандит Форбс.

— Откуда звонили?

— Кажется, из полиции. Ты понимаешь, Джек? Сам Форбс. Ну, я буду глупее телеграфного столба, если упущу такой случай. Три интервью. Очерк. Верных полторы тысячи слов. И главное, подумай только, я готов держать пари, что в этой дыре нет сейчас ни одного журналиста. Но я не задержусь.

— Мы что-нибудь выпьем на ночь?

— Да, да. Но не ложись без меня. Я принесу кучу новостей.

Мэлоун схватил шляпу, сунул в карманы блокнот, вечное перо, осмотрел фотоаппарат и, опрокидывая стулья, выбежал из номера отеля, махнув на прощанье рукой.

Григсон остался один. Он пробовал читать, но глаза его слипались. Незаметно для самого себя Григсон задремал.

Проснулся он от легкого стука в дверь.

— Да, да! — крикнул Григсон, приоткрыв сонные глаза.

В дверь просунулся боком плотный мужчина. Во рту у него торчал окурок потухшей сигары. Поля черной шляпы закрывали лицо незнакомца так, что можно было видеть один глаз, глубоко запавший в орбите, кончик угреватого носа и тонкий, узкий рот. Энергичный подбородок прятался в поднятый воротник летнего пальто.

— Мистер Григсон? — хрипло спросил незнакомец.

— Допустим, — недоумевая, ответил Джек.

— Меня зовут Гаррисон. Гарри Гаррисон. Очень легко запомнить. Вы Григсон, а я Гаррисон. Очень просто.

Джек промолчал.

Незнакомец шагнул вперед и остановился посреди комнаты.

— Паршивый отель! — сказал он, бесцеремонно оглядывая обстановку.

Джек упорно молчал.

— Разрешите присесть? — дотронулся до шляпы мистер Гаррисон, и не ожидая разрешения, сел верхом на стул. С минуту помолчав, он сказал, снова тронув шляпу: — Я к вам по делу.

— Говорите.

— В двух словах. Вы слышали, мистер Григсон, что-нибудь о Лиге пацифистов?

— Увы, — вздохнул Джек.

— Печально, — качнул головой посетитель.

— Пацифизм — это движение против войны, насколько мне известно, не так ли?

— Скажите лучше: движение против массовых убийств. Это будет вернее. Но что вы думаете о пацифизме?

— Я думаю, — нерешительно сказал Джек, — что это — благородное движение.

— Ага, ага, — завозился на стуле Гаррисон, — я не ошибся. Я сразу понял, что вы благородный человек. Ваши честные глаза. Ваше лицо. О, я не мог ошибиться. Да и кто, скажите вы мне, может равнодушно смотреть, как люди убивают друг друга? А дети? — Мистер Гаррисон поспешно вынул платок и, скомкав его, приложил к открытому глазу. — Бедные, несчастные дети, — глубокий, скорбный стон вырвался из груди мистера Гаррисона, — кто заменит им убитого отца? Кто, я спрашиваю вас? — мистер Гаррисон в изнеможении опустил голову на спинку стула. — Да, — сказал он тихо, и вдруг порывисто вскочил: — Идемте. Одевайтесь.

— Куда? — спросил Джек, рассматривая с любопытством странного посетителя.

— В двух словах. Я говорю с вами по поручению Лиги.

— Но я впервые слышу о такой Лиге.

— Немудрено, — согласился мистер Гаррисон, усаживаясь снова. — Мы не рекламируемся нигде. Да и зачем? Вот вы нас не знаете, но зато мы-то знаем все о вас. А это более существенно. В двух словах: наша Лига, да будет вам известно, ведет активную борьбу против войны, против подготовки к войне, мы принимаем все меры к тому, чтобы сорвать военные приготовления. Короче, вы должны помочь нам.

— Я? — удивился Джек. — Не понимаю, чем же я могу быть полезен?

— В двух словах: вы имеете гениальное открытие. Тот, кто владеет им, выйдет победителем в борьбе против комбинации вооруженных сил.

— Допустим.

— Да, но мы как раз и не должны допустить того, чтобы это открытие привело к войне. Вы умный человек. Без преувеличений. Вы понимаете, что ваше открытие постараются использовать раньше, чем его откроет возможный противник.

— Допустим.

— Нет, нет! — вскричал мистер Гаррисон, поднимая руки над головой, точно желая оттолкнуть от нее невидимое чудовище. — Мы ни в коем случае не должны допускать этого. В двух словах: вы передадите это изобретение нашей Лиге.

Джек сделал резкое движение.

— О, не беспокойтесь, — поднял руку посетитель. — Мы достаточно богаты. Мы оплатим ваш труд не хуже военного ведомства. Пять миллионов? Как? Устраивает вас такая сумма?

— Гм-м-м, — в замешательстве промывал Джек.

— И, заметьте, подпрыгнул мистер Гаррисон, — вы получаете деньги, не передавая нам секрета. Вы честный чело-

век. Вы умный человек. Мы верим вам. Мы собрали все сведения о вас. Прекрасные отзывы. В двух словах: вы получаете пять миллионов, а нам даете только честное слово не пользоваться своим изобретением. Просто, не правда ли? Что может быть благороднее?

— Простите, я все-таки не понимаю...

— О-о! — взмахнул руками мистер Гаррисон. — Я объясню. В двух словах: мы обращаемся ко всем странам мира. Мы пишем так: в наших руках находится ваше изобретение. В том случае, если какое-либо государство осмелится решать вопросы международного характера силой оружия, это изобретение будет использовано против агрессора. Понимаете? Наконец, мы требуем полного разоружения и предлагаем тем государствам, которые разоружаются, первыми воспользоваться вашим открытием в мирных целях безвозмездно. О, мы его продвинем в жизнь. Будьте спокойны.

— Это заманчиво, — улынулся Джек.

— Ага, заманчиво? Идемте.

— Но куда я должен идти?

— Как? Вы еще спрашиваете? Но ведь вы же согласны?

— Допустим, согласен.

— Ну и все. Деньги вы получите завтра же. Пошли. Вас ждет комитет уполномоченных Лиги. Вы подтвердите свое согласие и получите чек, а завтра по этому чеку вам выдадут в любом банке любую сумму в пределах пяти миллионов. Мы не военное ведомство. Мы правнуки тех энергичных янки, которые не теряли зря времени. Как видите, они неплохо экипировали нашу старушку Америку.

— Не поздно ли, мистер Гаррисон? Если не ошибаюсь, скоро будет полночь.

— Ай, мистер Григсон. Уй-юй-юй. Как бы нас не съел серый волк?! Стыдитесь. Кажется, мы живем в передовой, культурной стране. Впрочем... — мистер Гаррисон выхватил из кармана браунинг, положил его на опрокинутую ладонь и протянул руку Джеку. — Вот, возьмите. Возьмите

его, хотя бы для того, чтобы пустить пулю в затылок болтуну Гаррисону, если только он что-нибудь спутал.

Мистер Гаррисон насильно сунул браунинг в карман Джека, затем схватил его шляпу, ловко провел рукавом по тулье и подал ее с шутливым поклоном.

— Ах, да, — спохватившись, спросил мистер Гаррисон, — рецепт у вас с собой?

— Здесь, — хлопнул себя по лбу Джек.

— Самый верный сейф. Вы молодец. А... а... эта штука? Жидкость?

— Штуки нет. Израсходована. Завтра нужно будет приготовить новую.

— Великолепно. В таком случае, я спокоен. А то, знаете, в некоторых отелях прислуга бывает не в меру любопытна. Кстати, ваш спутник Мэлоун знает что-нибудь о рецепте?

— Не больше, чем я знаю особенности сиамской грамматики.

— Я спокоен. О, мы с вами будем еще делать большую историю.

Мистер Гаррисон подбежал трусцою к дверям, распахнул их и, пропустив Джека, посмотрел ему в спину таким взглядом, что, если бы только Джек мог увидеть странное выражение глаз Гаррисона, он навряд ли рискнул бы отправиться в эту ночь дальше порога своей комнаты.

10

Освещенные улицы остались позади.

Автомобиль мчался по темному асфальту пустынного шоссе, шупая дорогу пыльными снопами желтого света. Справа и слева мелькали в темноте далекие огни невидимых ферм. Ночной холодный ветер бил в лицо, с противным визгом забирался под сорочку.

Григсон поднял воротник, наглухо застегнул все пуговицы пальто.

— Б-р-р! Холодно, — поежился он, втягивая голову в плечи.

— М-да. Прохладно.

— Далеко еще?

— Ерунда. Две или три мили. Не больше, — весело ответил мистер Гаррисон, не отрываясь от руля.

Джек улыбнулся. В сущности, это неожиданное предложение вполне устраивало его. «Все-таки лишние три миллиона долларов не помешают. О, на эти деньги многое можно сделать! Но интересно, что предпримет Мэлоун, если подарить ему два миллиона? Чудак! Но, в

самом деле: почему бы не подарить ему?.. Не два... Нет. И не миллион. А, допустим, ну... сто тысяч долларов?»

Джек засунул руки глубже в карманы пальто. «Пожалуй, тысяч десять можно будет подарить этим Лендам. О, Несси!»

Григсон втянул голову в плечи, нахлобучил шляпу по уши. «С тех пор, как старого Ленда посадили в тюрьму за какую-то стачечную историю, семья его здорово нуждается. Бедная Несси! Ей пришлось бросить консерваторию и поступить в контору. Не очень-то приятно писать торговые ведомости вместо того, чтобы сочинять симфонии».

Ждек вздохнул. Перед его умственным взором поднялась здоровая, кряжистая фигура Ленда.

Старик сердито хмурит брови и с раздражением бормочет:

— Эх, Джек, Джек, ничего-то ты не понимаешь... В такой помойной яме, как наша жизнь, ты мечтаешь сдуру о счастье. Цыпленок. Жалкий цыпленок! Впрочем, ты даже хуже цыпленка. Тот хоть может надеяться, что его прилично приготовят, продадут к обеду в сухарях, а вот нас с тобой, Джек, слопают вместе с грязью. Нет, парень, уж если ты хочешь счастья, поговори об этом с такими же молодца-

ми, как ты сам, а в одиночку брось дурить — ничего не добьешься. Надо, милый, учиться драться, а не мечтать.

«Ах, Ленд, Ленд!»

Джек тихонько рассмеялся. «Сколько ему еще сидеть? Месяц? Два? Кажется, что-то в этом роде. А что, если... Нет, право, это будет недурно — приготовить ему такой сюрприз»

Перед Джеком замелькали, как на экране, замечательные картины. Вот открываются со скрипом ворота тюрьмы. Старый Ленд угрюмо выходит на улицу, держа в руках крошечный узелок. Он щурится от солнца, смотрит по сторонам, как бы соображая, в какую сторону двинуться.

— Алло, Джек! Я вижу, ты не теряешь время даром. Костюм у тебя, прямо скажу, шикарный.

— Мистер Ленд, мне поручили встретить вас и проводить домой. Ваша семья переменила недавно квартиру.

— Понимаю, Джек. Ну, веди меня. Посмотрим. Поглядим, в какую дыру они забрались, бедняги... Ай, Джек! Отойди, оставь, пожалуйста. Не трогай автомобиль. Не балуйся с этим. Слышишь, Джек?

— Но, мистер Ленд, это моя собственная машина.

— Ври больше.

Джек прыгает в машину.

Старик, разглядывая машину, покачивает недоверчиво седой головой:

— Понимаю, понимаю, Джек. Тебе дал ее кто-нибудь на полчаса?

Джек не спорит. У него немало приготовлено сюрпризов для старика. Сейчас Ленд увидит свой собственный котедж, увидит Несси за собственным пианино, увидит клумбы, цветы, ковровые дорожки на желтом паркетном полу, а старая Ленд, конечно, не забудет похвастаться чековой книжкой. Она проведет дрожащими пальцами по цифрам и скажет с гордостью:

— Двадцать тысяч. Неплохо, Эпп?

— Двадцать тысяч?

— Ровно двадцать, — кивнет головой миссис Ленд. — Джек подарил нам ни за что, ни про что.

— Джек?

И тогда он выступит вперед и скажет:

— Мистер Ленд, разгребая помойную яму, я, как видите, без помощи других наткнулся на скромный клад, а поэтому...

Автомобиль внезапно остановился.

— Вылезайте, мистер Григсон.

Он поднял голову. В стороне от шоссе мутно светилась в темноте поверхность угрюмого озера. Оно было похоже на кипящий свинец. С печальным шумом бились о берега волны. Шуршали грустно камыши. Свирепый ветер дышал с другой стороны озера холодом и сыростью.

— Мы уже приехали?

— Не совсем, — крикнул мистер Гаррисон. Ветер подхватил его голос и кинул в кипящее озеро.

— Но все в порядке, — услышал Джек сквозь вой ветра бодрый голос. — Нам предстоит еще небольшая прогулка на катере. Минутное дело. Надо переправиться на другую сторону. Эй, катер!

— К-а-атер! — подхватил ветер.

Из темноты донесся сдавленный голос:

— Ну, катер. В чем дело?

— Мы хотим переправиться на другую сторону, — громко сказал мистер Гаррисон.

— На ту сторону? Три доллара.

— Три? Вы с ума сошли.

— Убирайтесь вон!

— Зачем нервы? К чему сентиментальность? Мы едем... Выходите, мистер Григсон.

Поеживаясь от холода, Джек вышел из машины. Его спутник потушил фары автомобиля и прыгнул легко на землю.

— Идите за мной, — дотронулся Гаррисон до руки Джека. Сунув руки в карманы, он зашагал к озеру, покачиваясь и спотыкаясь на ходу. Джек двинулся следом за ним.

Внизу, у самого берега, чернел в темноте катер. Плечистый мужчина в кепке возился на корме, запуская мотор. Гаррисон подхватил Джека под руку:

— Ради бога, осторожнее!

Джек прыгнул в катер. Днище легкого суденышка дрогнуло. Катер качнулся. За бортами заплескалась вода.

— Сюда, сюда, — приветливо сказал мистер Гаррисон, пропуская Джека. Усадив его спиной к мотористу, Гаррисон крикнул бодрым голосом:

— Поторопитесь, старина! У нас нет времени киснуть в вашей лоханке.

Моторист буркнул что-то себе под нос. В ту же минуту мотор затрещал, как пулемет. Поворачиваясь носом в плес, катер помчался, раскачиваясь на волнах, как на качелях.

За кормой забурлили белые буруны.

Катер нырнул в темноту и исчез.

— Все в порядке, — сказал кто-то негромко.

На шоссе показался тучный человек. Пыхтя и отдуваясь, он подошел к машине. Резко щелкнула дверца. Человек сел за руль. Машина загудела. Вспыхнули и тотчас же погасли фары. С притушенными огнями автомобиль покатился тихо вдоль берега.

11

— Жалко мне тебя, парень, — услышал Джек голос моториста сзади, — как видно, помешал ты кому-то... Однако, все там будем. Молись, парень!

Джек похолодел. «Что это значит? Шутка? Но почему такая тоска?» Он сунул руку в карман. Нашупав холодную сталь браунинга, Джек неожиданно для самого себя взвизгнул:

— Назад! Сейчас же назад! Я не хочу!

— Кончай, Билль! — рывкнул Гаррисон.

Моторист размахнулся. Ударом кулака он сшиб с Джека шляпу. Еще один взмах руки — и Джек, икая, ткнулся головой в колени мистера Гаррисона. Больше Джек не встал...

Катер подлетел к берегу. Гаррисон прыгнул на землю. Билль повернул катер носом в озеро, запустил мотор и сильно толкнул руками корму. Катер помчался обратно.

— Разумно, — сказал Гаррисон.

— Что делать, Нэд! Несчастный случай. Молодой человек захотел покататься и... отправился изучать рыбы нравы на дне озера.

— А что скажет хозяин катера?

— Не беспокойся. Он сейчас читает лекции ракам.

— И его? Ну, Билль...

— Ладно, Нэд, пошли.

Гаррисон, а за ним Билль вскарабкались по насыпи на шоссе.

Гаррисон свистнул. В темноте мелькнули, погасли и снова вспыхнули фары автомобиля.

— Он, — сказал мистер Гаррисон тихо.

Вдали загудел мотор. Два желтых круглых глаза мчались по шоссе, держась правой стороны, приближаясь с каждой минутой. Все ближе и ближе подходит машина.

Гаррисон поднял руку вверх.

Вдруг фары погасли. Авто круто свернул на середину шоссе и с полного хода врезался в него. Гаррисон отлетел в сторону. Билль исчез под колесами. Автомобиль дал задний ход, потом снова рванул вперед и проехал по телу Гаррисона.

Тучный человек выскочил из машину, посмотрел вправо. Влево, потом, кряхтя и отдуваясь, перетащил Билля и Гаррисона на середину шоссе, вскочил в авто и переехал по ним еще раз.

Свесив голову, он взглянул на разможенные головы Гаррисона и Билля и брезгливо поморщился.

— Жалкие пачкуны! — процедил сквозь зубы толстяк.

Он вытащил сигару, тщательно обрезал кончик ее и, закурив, пустил машину полным ходом.

Ветер засвистел в ушах. От горящей сигары посыпались, как огненный дождь, длинные искры.

Толстяк отбросил сигару прочь и громко запел:

Птичка свила гнездышко

Под моим окном

Мери, моя звездочка

Тили, тили-бом.

Распевая громко песню, король нефтяной промышленности мчался на предельной скорости.

Король спешил: ровно к десяти часам утра должен был успеть на богослужение.

Опаздывать в церковь король не мог. Это могло подать дурной пример прихожанам церкви, которая была построена для спасения заблудших душ на средства нефтяной компании.

КОНЕЦ

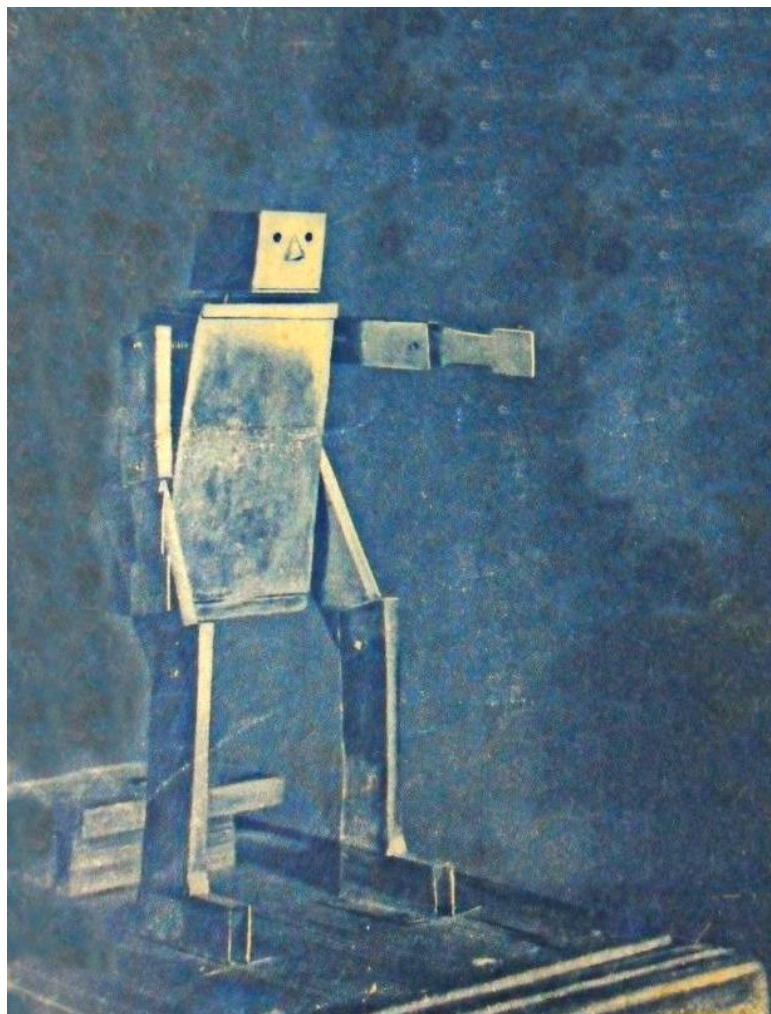

Иг. МАЛЕЕВ

КУКЛА ПАНТАГРЮЭЛЯ

Фантастический рассказ

Журнал «Новый мир», № 4, 1931 г.

Кукла Пантагрюэля

Рассказ

Иг. МАЛЕЕВ

«Да будет милостива и благосклонна статуя».
(Эпиграф к «Илльской Венере» Мериме из Луккиана.
135 год.)

«Будь милостива ко мне, станок». (Стихи рабкора Подольского завода Н. Тумского из газ. «Пролетарий» № 49, 1930 г.)

I

Ж

елезный истукан стоял посреди мастерской, и тень от его огромной фигуры падала на панно, которое художник Беркутов заканчивал для клуба красных директоров. Панно это называлось «День отдыха».

Дожидаюсь своего друга — инженера Сухова, художник откинул занавеску на окне и повернул мольберт повыгодней к свету, так, чтобы картина сразу бросалась в глаза. Но все эти приготовления результатов не дали: Сухов поздоровался с хозяином и прошел к истукану, даже не взглянув на холст,

— Включи-ка электричество, — попросил инженер, взбираясь на табуретку.

«Свинья» — вздохнул художник, но просьбу своего гостя уважил.

Только голова и блестящий, металлический торс истукана освобождены от рогож. И поэтому он напоминает игрушку, которую привезли из магазина и не удосужились еще распаковать. Так, по крайней мере, кажется Беркутову. «Кукла, превосходная кукла для Пантагрюэля!» — воскликнул он, когда инженер в первый раз показал ему то, над чем трудился в течение нескольких лет.

А теперь Сухов морщится неодобрительно, как врач, окончивший осмотр тяжелобольного:

— Нет, нет! Как это все далеко от моих замыслов! К чему например гордая складка вокруг рта этого субъекта или надменно сощуренные зрачки? К чему бакенбарды на холе-ных щеках? Я ведь просил — нарисуй ему холуйскую физиономию...

— Какие тут еще, к чорту, замыслы?! — передернуло художника. — Придрался! Это выражение, на мой взгляд, больше всего соответствует такому овалу лица.

— Хорошо, ну, а почему ты натянул ему на голову рыжий, длинноволосый парик?

— Вы это, шатенов предпочитаете? — спросил Беркутов как можно ядовитее.

Дошло! Сухов наконец заметил, что друг его недоволен, раздражен и обижен. Сухов взглянул на мольберт, на Беркутова и смутился еще более потому, что ответ, который он приготовил, не мог изменить настроения художника.

— Я хамоват сегодня? — робко поинтересовался инженер.

— Да, несколько хамоват, — подтвердил Беркутов.

— Ну, садись сюда! — Сухов увлек его на кушетку. — Мне бы очень хотелось... ты только выслушай спокойно... Мне бы хотелось видеть этого фрукта остриженным под нулевой номер. В концентрационном лагере для военнопленных нас всегда стригли машинкой.

Истукан — военнопленный. Именно так к нему относится Сухов — конструктор сложного автомата, который стоит сейчас посреди комнаты.

Многолетняя и очень кропотливая работа над этим изобретением представлялась инженеру бесконечной вереницей батальных сцен: лабораторные разведки, атаки напильника, штурм парового молота, длительные зимовки над чертежами сменяли друг друга.

Можно ли, прикасаясь к стальной шкуре, не думать о том, что еще два года назад она лежала в прекрасно оборудованном блиндаже глубоко под землей? Соратники Сухова

с опасностью для жизни закладывали динамит и тянули шнур в далекую траншею, чтобы оторвать несколько кусков от толстого слоя руды. Так добыли субстанцию. Ее погрузили в железную вагонетку. При этом вагонетку легко сравнить с ручным голубем, заманивающим своих диких товарищей в силки хозяина...

Но вот бесформенные глыбы препровождены в мартен, где они много часов подряд выдерживают огневую осадку. А человек, созерцая агонию руды, испытывает трепет победителя.

Белая сталь проливается на песок; мы встречаем ее с ковшами наизготовку. Проклятый металл выдыхает жар и бледен от ярости, — он дал заманить себя в ловушку. Люди хватают в ковши гневную сталь, чтобы отвести ее в тюрьму из формовочной глины.

Вот какое прошлое у этих бедер, у этой грудной клетки, которая звенит, как гонг, когда Сухов щелкает по ней пальцами. Сражение при мартене стоит сражения на Марне. А пусть инженер покажет свои чертежи! Разве Мольтке и весь его генеральный штаб могли бы составить такой план наступления? Младенцы, они чертили обожженной щепкой на шкуре барабана.

В стальных ушах автомата — мембраны. Это единственный его орган чувств. Вдоль рук и ног — нервная система: провода, их не меньше, чем у человека в позвоночнике. Справа у лопатки термометр. Когда в комнате ниже двенадцати градусов по Цельсию, великан регулирует воздушное отопление; когда выше сорока — звонит в пожарную часть, — квартира инженера Сухова горит...

Легко сказать — градусник, пожарная часть, а сколько труда и силы было потрачено прежде, чем дались в руки разрозненные куски металла!

Все эти мысли Сухов изложил как мог своему другу. Тот слушал с участливым вниманием, по временам иронически усмехаясь.

— Твои метафоры даже художника обескуражили. Военнопленный, сражения, Мольтке!.. Сколько наворотил. А

между прочим — зря. Ведь если пойти по этой дорожке, то шум воды в уборной можно сравнить с рокотом Ниагарского водопада. Разберемся: ты изобрел автомат. Полезная штука. Но при чем здесь эта длинная философия?.. К вещам нужно относиться просто: зажигает твой автомат спички, и хорошо, а перестанет зажигать, так к чортовой матери его, на свалку...

Художник мстит: «Картина ему нипочем, а вот над железом своим убивается». Тысячи вещей окружали Беркутова, но никогда ему и в голову не рассматривать их иначе, как с точки зрения утилитарной. В живописи — там он был поэтом. Но поднимать на Парнас все произведения рук человеческих! Благодарю покорно, никакой поэзии на это не хватит.

— Вот я собираюсь писать дирижабль. Так что же, ты мне прикажешь выяснять, сколько времени он строился, или сколько людей погибло при неудачных полетах. Не стану я этого делать. С меня достаточно, что он похож на летающую дорическую колонну. Так и с твоим автоматом. Ты захотел его разукрасить. Законное желание: ведь рисуют же картины на обоях. Ну, я и сделал ему лицо, сообразуясь с комплекцией и силой... вернее с грузоподъемными возможностями... А ты толкуешь о военнопленных...

— Конечно военнопленный, — не сдавался Сухов. — Эта мембрана раньше, чем покорила мне, не раз и не два — десятки раз лопалась, как граната. Я был отравлен ядовитыми испарениями, когда работал над новым способом никелировки. На неделю пришлось оставить все дела, меня ослепила автогенная сварка. Посмотри теперь на эти руки, изъеденные кислотой; ведь кирасиры Наполеона брали пленных, не выпачкав даже своих белых перчаток. А мне каждая шестеренка, каждый винтик давался с боя!..

— Да тебе было тяжело, — сжалился Беркутов. — Съезди в Крым, отдохни...

Мастерская помещается в первом этаже. Мелькают прохожие. То один, то другой остановится, чтобы заглянуть в

окно. Они видят яркий, еще не просохнувший холст, видят Беркутова, который развалился на диване в позе ленивого созерцателя, а рядом с ним — Сухова; последний размахивает руками, говорит быстро и взволнованно. Можно поручиться, что посторонние считают инженера художником, который имел неосторожность показать свое произведение отчаянному скептику. По существу они не ошибутся. Кому, как не инженеру, быть сегодня поэтом. Вероятно, Маркони и Блэрио не писали стихов только потому, что были слишком заняты в своих лабораториях.

Сухов выругался:

— Да пойдешь ты в болото вместе с Крымом своим!.. Я победил, понимаешь!? А теперь, когда я добился всего, истукан по твоей милости смотрит на меня победителем. Эта физиономия меня оскорбляет.

Беркутов, хоть и не понимал друга, но решил больше ему не перечить.

— Хорошо, хорошо, — я сделаю его кретином.

И сказал он это с такой поспешной готовностью, что не рассмеяться было нельзя.

— Шалишь! Кретином у меня не отделаешься! Это было бы еще более оскорбительно... Он мой военнопленный, а следовательно, прежде всего предмет моей гордости. В то день, когда посетителям берлинских ресторанов впервые подали паштет из картофельной шелухи, нас, военнопленных, водили перед окнами для поддержания патриотического духа голодающей нации. А в офицерском собрании столы вместо скатертей были накрыты отбитыми у неприятеля знаменами... Итак, я горжусь своим автоматом. Но мой пленник — в прошлом мой враг. Долго велась борьба, и в результате я вышел победителем. Куски руды повинуются мне. Они ходят и разговаривают. И я никогда не откажусь от права на безусловное, абсолютное — превосходство... Понял, Беркутов? Так вот, смешай эти два чувства на своей палитре и тогда — за дело!

II

Жену инженера звали Лизой. Она не стригла волос, и портупеею на своей юнгштурмовке поправляла, как когда-то гимназистки поправляли спустившуюся шлейку передника.

— Вы все удивляетесь? — часто спрашивал Лизу старичок-сосед.

Лиза привыкла к старичку и к его вопросу. Этот старичок учил Лизу простейшим приемам, когда прислали ее из техникума в заводскую лабораторию.

Теперь Лиза квалифицированный работник, она знает наизусть десятки рецептов, но чувство удивления и замешательства перед чудесными перевоплощениями твердо, чувство, свойственное новичкам, не покидает ее до сих пор. И не то, чтобы она была слабее своих товарищей в основах химии. Лизе хорошо знакома механика чудес. Но разве это все для того, чтобы считать себя творцом и вождем событий, происходящих под руками? Выследить и записать формулами цепь взаимодействий — ведь это работа соглядатая.

— Какой я химик, я филер.

Так, начитавшись мемуаров, говорила о себе Лиза.

Ее участие в процессах не поднималось выше посредничества. Лиза сводит растворы едких щелочей с алюминием и получает свои коммиссионные — пузырьки водорода. Вот и все. Проникнуть в глубь событий ей никогда не удавалось. О чем ни подумаешь — мысли начнут сутулиться сквозными вопросительными знаками.

За глаза Беркутов говорил о жене своего друга:

— Человек неограниченных интересов, но ограниченных возможностей.

Знакомые посмеялись бы над Лизой, узнав, что она всякий раз с опаской и с почтением поворачивает выключатель электрической лампы. Кто знает до конца природу белого света? Никто, даже сам Эдиссон. А раз так, то возможны всякие неожиданности. «Что, если вдруг ток выступит из

проводов, как река из своего русла?» — это думает Лиза, облокотясь на чугунный парапет набережной; плывут редкие льдины, река взбухла и в ней отражается красное здание МОГЭС...

Вечером Сухов пришел от Беркутова и постучался к жене. Лиза была в постели, но еще не заснула.

— Послезавтра наконец я привезу истукана.

— Правда?

— Истинная. Он сам поднимется по лестнице, сам отыщет нашу дверь и откроет английский замок. Вот увидишь.

Инженер, в сущности, только усовершенствовал автомат, известный за границей под именем телевокс. Уже сравнительно давно люди научились управлять аэропланом с земли, пользуясь радио. Этот же принцип был положен в основу телевокса. Определенного сочетания слов, на которые настроен автомат, достаточно для того, чтобы железный великан проделывал сложные эволюции. Завтра Сухов скамандует: «Немедленно отправляйтесь домой!» — и автомат будет восемнадцать раз сгибать колени, затем, поднявшись на второй этаж, сделает поворот в 82 градуса и, наконец, откроет английский замок.

— Мой телевокс обучен уже ста трем движениям. Он чорт-те что умеет делать. Ты бы вызубрила фразы, с которыми к нему нужно обращаться. Это легко. Вот здесь они выписаны все.

Сухов передал жене блокнот. Она взяла его, высвободив только кисть руки из-под одеяла.

— «Затворите дверь, и поживей», — прочла Лиза, — «Старый ленивец, вскипятите чайник.» Это я так должна говорить?

Лиза опустила блокнот на подбородок.

Заложив руки за спину, Сухов ходит по комнате. Он доволен собой и пытается даже насвистывать.

— Эти фразы для меня?

— Разумеется.

— Нет, ты придумай что-нибудь другое, повежливей.

Сухов растянул очередную ноту в длинное восклицание.

— Вежливей?! Ничего, дорогая, он лучшего обращения не заслуживает.

Блокнот погрозил инженеру:

— Берегись, в один прекрасный день великан раздавит тебя, как котенка.

Теперь Сухов и вовсе рассмеялся:

— Страсти какие! Не беспокойся, жена, этот прекрасный день наступит только, если мне вздумается покончить самоубийством. «Послушайте, переломайте-ка мне хребет» — скажу я, ну, он и переломает...

Досадно Лизе. Это чувство испытывает почти всякая женщина, когда муж не представляет ей своих знакомых. А о телевоксе она только слыхала. Иногда муж показывал ей чертежи, но они не могли заменить даже фотографической карточки того предмета, о котором Сухов говорил со все возрастающей фамильярностью.

— Все-таки ты придумай для меня другие фразы.

— Но почему?! Вот чудачка!

— Неудобно...

Сухов повалился в кресло — так ему было смешно.

— Конечно неудобно, — продолжала Лиза громко. — Кто я ему? Чем заслужила право на такой тон? Это от начала до конца твое произведение, ну, и обращайся с ним как хочешь. А меня не впутывай. Раб должен знать только одного хозяина.

Последние остатки смеха уходили со свистом, как воздух из лопнувшей камеры. Сухов поднялся. Он прерывает жену:

— Вот это ты врешь! Разве я истукана для себя мастерила? Целые годы стоял у станка, чтобы добыть себе дешевую прислугу? Нет, ты мне его не подкинешь, голубушка! Вы все имеете право на него. Я бы лопнул с досады от сознания, что этот гигант только меня одного обслужить и может... Через месяц он будет лифтером. Это, как факт. А там — дай срок — я его и на завод упеку. Он у нас погостит недолго. Вот этот блокнот с приказаниями мы размножим в типографии по числу рабочих. Все будут помыкать телевок-

сом, как помыкали прежде друг другом. Иначе и быть не может: ведь не пишут же у военнопленного на спине имя того, кто отобрал у него винтовку...

Сухов далеко не исчерпал своей аргументации. Он мог бы говорить еще, но едва ли это нужно. Лиза поняла, согласилась и теперь слушает только потому, что ей приятно следовать за складной речью Сухова. Он почувствовал себя на эстраде: еще несколько фраз, и придется раскланиваться на аплодисменты:

— Ну, словом, ты понимаешь, — сказал он просто и утвердительно.

— Понимаю, понимаю. Завтра постараюсь вызубрить хоть главные приказания, а вечером ты меня проэкзаменуешь вразбивку... Теперь иди спать.

— Разве? — спросил он некстати.

Вместо ответа Лиза повернулась на правый бок, что должно было выражать непреклонную волю ко сну.

— Ты мне хоть книжку дай.

— Возьми на столе.

Помялся Сухов, однако взял книжку и осторожно запер за собой дверь.

III

Раньше чем раздеться, инженер взглянул на маленький томик. Это — рассказ Проспера Мериме «Илльская Венера». На обложке, уже изрядно потрепанной, Сухов разглядел гравюру: черный силуэт статуи изображен на ней, а рядом — восторженный человек в камзоле: «Мой истукан и я» — улыбается инженер, расшнуровывая ботинок.

Улегшись поудобней, инженер открыл томик. Вот что он узнал из первой же страницы.....

«Меня направил к господину де-Пейрораду господин де-П. По его словам, это был большой знаток древностей и любезнейший человек на свете. Он, конечно, с удовольствием

покажет мне остатки старины на десять миль в окружности. Но эта женитьба сына, о которой я услышал сейчас впервые, грозила расстроить все мои планы.

— Держу пари, сударь, на сигару, — сказал мой проводник, когда мы спустились уже в равнину, — что я догадываюсь, ради чего вы едете к г. де-Пейрораду.

— Но, — ответил я, протягивая ему сигару, — это не так уж трудно угадать. В такой поздний час, как сейчас, после шестимильного перехода через Канигу первая мысль должна быть об ужине.

— Пожалуй. Ну, а завтра? Знаете, я готов об заклад побиться, что вы пришли в Илль, чтобы поглядеть на идола. Я угадал это еще, когда увидел, что вы рисуете портреты святых в Серрабоне.

— Идола, какого идола?

Это слово пробудило во мне любопытство.

— Как, вам не рассказывали в Перпиньяне, что г. де-Пейрорад вырыл из земли идола?

— Вы, вероятно, хотите сказать — терракотовую или глиняную статую.

— Как бы не так. Из настоящей меди. Из нее можно было наделать немало монет, потому что весом она не уступит церковному колоколу. Нам пришлось-таки покопаться под оливковым деревом, чтобы достать ее.

— Значит, и вы были там?

— Да, сударь. Недели две тому назад г. де-Пейрорад велел мне и Жану Коллю выкопать старое оливковое дерево, замерзшее прошлой зимой, потому что, как вы помните, стояли большие холода. Так вот, начали мы с ним работать, и вдруг, когда Жан Колль ударил со всех сил киркой и услышал «бимм», словно стукнули по колоколу.

«Что бы это было?» — спросил я себя.

Мы стали рыть все глубже да глубже, и вот показалась черная рука, похожая на руку мертвеца, лезущего из земли. Меня разобрал страх. Иду я к г. де-Пейрораду и говорю: «Хозяин, там под оливковым деревом зарыты мертвецы. Надо бы сбегать за священником». — «Какие мертвецы?»

— говорит он. Пришел он на это место и, едва завидел руку, как закричал; «Антик, антик!»

Можно было подумать, что он нашел клад. Засуетился он, схватил сам кирку в руки и принялся работать не хуже нас с Жаном.

— И что же вы, в конце концов, нашли?

— Огромную черную женщину, с позволения сказать, почти совсем голую, из чистой меди. Г. де-Пейрорад сказал нам, что это — идол времен язычества... Времен Карла Великого, что ли.

— Понимаю, это наверно мадонна из какого-нибудь разрушенного монастыря.

— Мадонна? Ну, уж не! Я бы сразу узнал мадонну.. Говорю вам, это идол; это сразу видно по выражению ее лица. Уж одно то, как она глядит на вас в упор своими большими белыми глазами... словно сверлит взглядом. Невольно опускаешь глаза, глядя на нее.

— Белые глаза? Должно быть, они вставлены в бронзу. Вероятно, это какая-нибудь римская статуя.

— Вот, вот — именно римская. Г. де-Пейрорад говорит, что римская. Я вижу теперь, вы такой же ученый, как он.

— Хорошо она сохранилась? Нет отбитых частей?

— О, все в порядке. Она выглядит еще лучше и красивее, чем крашенный бюст Луи-Филиппа, что стоит в мэрии... А все-таки лицо этого идола мне не по сердцу. У него недоброе выражение... да и сама она злая.

— Злая? Что же плохого она вам сделала?

— Мне-то ничего, а вот вы послушайте, что было. Принялись мы в четыре руки поднимать ее, и г. де-Пейрорад — милейший человек — тоже тянул веревку, хотя силы у него не больше, чем у цыпленка. С большим трудом поставили мы ее на ноги. Я уже взял черепок, чтобы подладить под нее, как вдруг — трах, она падает всей своей массой навзничь. «Берегись» — кричу я, но слишком поздно, потому что Жан Колль не успел убрать свою ногу.

— И статуя ушибла ее?

— Переломала начисто его бедную ногу, как щепку. Ну, и разозлился же я, увидев это, чорт побери. Я хотел проломить идола своей киркой, да г. Пейрорад удержал меня. Он дал денег Жану Коллю, который до сих пор лежит в больнице, хотя дело было две недели назад. Доктор говорит, что он никогда не будет владеть этой ногой, как здоровую».....

.....
.....
... «Ну кто же это теперь станет черепок подкладывать» — подумал Сухов. — «Я б ее, голубушку, краном поднял».

И инженер заложил страницу карандашом.

IV

Работа в конструкторском бюро отняла у Сухова все утро. Уже несколько раз звонили из цеха, и консультант Стадлер отвечал всегда одно и то же:

— Ваш инженер работает, как тигр!

Только после обеда Сухов урвал время, чтобы съездить к себе. Он поднялся на плоскую крышу дома. Здесь, рядом с теннисной площадкой — «здоровье конструктора» — проходит линия подвесной железной дороги. Маленький вагон скользит по канату, кружит над заводом; то здесь, то там он остановится — корпуса как будто играют в «колечко».

И в дождливую и в солнечную погоду, веселый и хмурый, злой и восторженный, наблюдал Сухов через окно кабины заводские корпуса.

Поступки отдельного человека, вырванные из контекста его жизни, часто поражают своей несхожестью. То же можно сказать и об образах, которые возникают в разное время при взгляде на один и тот же предмет. Стекланные крыши, залитые солнцем, казались иногда Сухову озером, сквозь прозрачную воду которого можно разглядеть дно. Зимой озеро замерзает, и Сухов вспоминал о катке. Это не мешало ему на следующий день сравнивать цехи с ангарами, а самого себя считать авиатором. Он даже старался подражать звукам пропеллера. Иногда он прикидывал дорогой: как бы

это поудобней расположить надпись на крышах: «Победивший человек». Для двух букв места не хватает. «Ну да ничего — скоро новые корпуса подведут под крышу. Остались сущие пустяки».

Сегодня большую часть пути Сухов просидел над справочником. «Куда запропастился этот коэффициент?» После долгих поисков, нашел.

«Ко-э-фи-ци-энты, эфициенты, эфициенты».

Найденное записал и выглянул в окно, на крышу токарного цеха. Сквозь стекла видны станки. Они стоят в три ряда. Маленький толстый человек идет через весь зал к инструментальщику. «Почему не организуют подвозку?» — думает Сухов. — «Ведь это так просто, и вместе с тем, так удобно». Заключительная мысль только наполовину относится к цеху; кабина проезжает сейчас над виадуком, соединяющим два крыла завода; там, внизу — лошадь; она жует овес и отмахивается хвостом от мух. — «Ловко устроено!»

Цех гидравлических прессов рационализируется. Его начальник рассматривает сегодня весь мир с этой точки зрения.

Мастер ненадолго задержал Сухова в своей каморке. Минуты через три инженер был уже в цехе.

Он ждет, пока Максим Федорович заставит боек повиснуть в воздухе. Станина правого молота крепко вросла в фундамент, грязный и выщербленный от времени. Приземистая наковальня как будто втянула шею под постоянными ударами бойка. Это был молот двойного действия, и сто-тонная тяжесть обрушивалась со страшным грохотом. Даже тесно от этого непрерывного гула! Сухов морщился, как человек, слишком долго терпевший шумливого соседа. Он не желает с ним больше мириться. Чорт знает что! От раскаленного вала летят снопы искр, и Максим Федорович прячет от них свою бороду в вырез кожаного фартука; руки с трудом удерживают клещи — при каждом ударе вздрагивает спина, словно старика секут розгами.

Вал приобрел наконец нужную форму, и Максим Федорович выключил двигатель. Звук еще несколько раз метнулся от стены к стене и замер. Больше ничто не нарушало ти-

шины. Огромные прессы делали свою работу совершенно бесшумно. Они слегка касались железа — эти гидравлические пресс-папье, и на конвейер выходила целая рама шестиосного вагона. Рядом с ней легко и вовсе не заметить болванку, над которой трудился старик,

— Максим, завтра твою клячу ломать будем.

Рукавица из дубленой кожи царапнула по щеке, очки в сплошной металлической оправе всползли на лоб, и Сухов увидел глаза, растерянные, почти испуганные.

— Зачем же завтра?

На лице грязном и закопченном оставались светлые круги возле глаз, обычно прикрытых очками. Сухов вспомнил — так же выглядит тело человека, который принимает солнечные ванны, не снимая трусиков. Эта мысль показалась инженеру очень смешной.

— Довольно, отстучала свое, по ней печь рыдает.

— А я куда же? Ведь ты ни одного старого молота не оставил.

— На этом самом месте через десять дней будет стоять воздушно-гидравлический пресс. Последняя марка. Мощность — пять тысяч тонн. Здесь ты будешь хозяйничать. И за бороду тогда не опасайся, да и фартук не нужен — хоть в выходном костюме на работу приходи.

Признаться, Сухов очень рассчитывал на этот аргумент. Он знал, как старик гордится своей бородой, и возможность гладить ее должна была казаться очень соблазнительной. Найдя же на лице Максима Федоровича еще более огорчительную мину, инженер смутился: «Что бы еще придумать?»

Старик оперся было на станину, но тотчас же выпрямился, сочтя неуместным такое вольное обращение с приговоренным к смерти.

— Все это верно, легче будет с прессом, — сказал он грустно, как отец; показывающий на суде против собственного сына.

— Вот и хорошо! Значит завтра утром будем ломать... — поторопился Сухов с выводом.

— А зачем завтра? Ты оставь мне хоть на недельку стукача, Шуметь не будет — ручаюсь. У него буфер работает исправно. Щеку подставляй — погладит.

С деланной веселостью старик юлил перед инженером и хлопал ладонью по наковальне, как хлопает цыган по крупу больной лошади, расхваливая ее покупателю.

— Ты брось вытанцовывать, — прервал его Сухов, — садись, поговорим.

Присели на болванку.

— Слушай, Максим, я тебя как ребенка на конфетку хотел поддеть. Каюсь. Давай разговаривать серьезно. Что этот злодей тебе, кроме зла, принес? Ведь ты, состарился раньше времени, «глухарем» стал. Какая же радость от такой работы? Когда тебе в прошлом году оттяпало палец бойком, я писал директору: «В цехе прорыв — меньше одним пальцем». А разве не прорыв, на самом-то деле? Молот беспрерывно обстреливал тебя: каждый его удар — легкая контузия. И вот ты не выдержишь ураганного огня — хлоп — и палец на наковальне. По-твоему, это как? Зазевался? Но ведь зазевавшимся называют и солдата, который не мог больше сидеть, скорчившись, в окопе и стал разминать спину под пулями... Пойми — твой молот для меня то же, что и старинное ружье, которое разрывалось и ранило стрелка. Мы научились лучше сковывать природу с тех пор, как был построен этот молот. Новый способ требует меньшей бдительности, меньших усилий, и нет риска, что пленники разбегутся, перебив конвой. Прежде за природой оставалось одно бесспорное преимущество — мы умирали. Но теперь и это оспаривается человеком: «проблема бессмертия» стоит в одном ряду с «проблемой искусственного каучука». И, черт возьми, мы можем себе позволить роскошь заботиться о человеческих пальцах! С какой стати отдавать трофеи врагам?

Мимо ушей пропустил старик все эти сложные рассуждения инженера. Зато он с удовольствием вспомнил, как Сухов принес ему в больницу пять яблок антоновок. Максим Федорович — неприятный человек, и за одно это готов питать к инженеру добрые чувства. Ему хотелось по-

говорить сейчас о яблоках, но, чтобы не обидеть Сухова, он собрался с мыслями и начал о машине:

— Молоток этот стоит здесь с двенадцатого года. Видишь, масляной краской написано число — это моя рука. С тех пор и стучу... Палец отшиб — было дело, а я после этого случая — хочешь, смейся, хочешь, нет — еще больше к нему привязался. Вот смотрю и думаю: как это у него внутри? Ведь силой какой располагает. Не говоря о бойке, одним дыханием он человека сдует. Ты сказал, что новые прессы в десять раз сильнее моего стукача. Не видать, не видать этого. Может быть, по старости, но силы их я совсем не замечаю. Покажи мне ее и послушать дай, вот тогда и поверю... Чего говорить, мы со стукачом — родня. Люблю я его — вот!..

Сухов оглядел оранжерейную крышу своего цеха и подумал: «Для таких интимных отношений вовсе не обязательно, чтобы площадь света составляла шестьдесят процентов площади пола».

— Не любишь ты его, а боишься. Стукач — идол твой. Ты ему себя в жертву приносишь. Палец на алтарь положил, потерей слуха умилиствовал, здоровье отдал. Боек, клочок пара — все тебя пугает. Разве ты хозяин этой вещи?

В цехе четыре гидравлических прессы. Они свежескрашены, они спокойно прожевывают железо, не чавкают, не шумят — человек воспитал вполне пристойные машины.

Старик встал:

— Так это, значит, идол мой?

Он не собирался спорить с инженером, а переспросил только для уверенности.

— Обязательно. Чорт тебя знает, ты, может быть, молишься ему, когда пар включаешь...

— Отче наш, иже еси... — рассмеялся старик, снова влезая в свои рукавицы.

— Так завтра, Максим, мы твой молоток в печку отправим. Приходи, поможешь.

Уже обернувшись спиной к инженеру, Максим Федорович сказал:

— Управитесь и без меня. Мальчик, болванку.

Инженер хотел возразить, но молот, пущенный вхолостую, обрушился на его слова.

Передавали, что за оставшиеся четыре часа Максим Федорович сработал целую дневную норму.

V

Вечером Лиза только и говорила, что о телевоксе. Предстоящее свидание с автоматом, по-видимому, очень ее волновало. Она все расспрашивала мужа о том, как выглядит их будущий слуга — интересовалась его ростом, голосом, походкой; просила мужа хоть приблизительно набросать на бумаге портрет телевокса. Сухов отшучивался. То он рассказывал всякие небылицы, то рисовал слонов, ящеров и попугаев:

— Вот он какой.

— Неправда. Я знаю, что он похож на человека. И это мне не нравится. Неужели была необходимость изобразить его именно человеком?

Сухов отбросил бумажку в сторону.

Он отвечал с видимой неохотой:

— Да, здесь я спасовал. Для автомата, исполняющего человеческие функции, я не мог придумать лучшей формы, чем та, на которой практикуется природа-конструктор. Опыт у нее большой, все продумано. А уж решившись на плагиат, я не стал вносить свои поправки. Так оно чисто-плотней.

Вслед за этим признанием Сухов пожелал жене доброго сна, и они разошлись по своим комнатам.

Через минуту инженер лежал уже в постели. Из-под груды газет он извлек томик Мериме. Старичок с обложки не устал восторгаться своей Венерой. Как раз о нем повествует книга.

Г. де-Пейрорад, с которым автор познакомился спустя короткое время после того, как проводник закончил свою страшную историю, оказался пресимпатичным человеком.

Жена его — истинная провинциалка — всю жизнь посвящала хозяйству. В этом автор убедился, когда его подвели к столу, сплошь уставленному блюдами и бутылками.

Мериме так увлекательно описывал жареных голубей, просяные лепешки, дичь, варенья, что Сухов совсем было решил подняться и поискать съестного. Но туфли далеко под кроватью; лезть за ними неохота. Он продолжает чтение, стараясь обходить соблазнительные места.

Уселись ужинать. За столом присутствовал сын Пейрорада Альфонс — молодой человек лет двадцати шести с правильными, но маловыразительными чертами лица. Это ему предстояло жениться на первой местной красавице и богатейке... Разговаривали о Париже, о достопримечательностях Илля и, наконец, о статуе. Старик ею очень гордился и называл Венерой. «Шедевр, шедевр» — повторял он на каждом слове.

Сговорились идти смотреть Венеру при первых же лучах солнца. Ужин кончился. Уже час никто не прикасался к еде.

Наконец Пейрорад догадался отвести гостя в спальню....

...«Мы вошли в хорошо обставленную комнату. Показав мне, где находится звонок, хозяин несколько раз спросил, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, и, любезно простившись, оставил меня одного.

Окна были заперты. Прежде чем раздеться, я отворил одно из них, чтобы подышать свежим воздухом, таким сладостным после долгого ужина. Прямо передо мной возвышался Канигу, изумительный во всякий час дня, но в этот вечер под заливавшими его лунными лучами показавшийся мне прекраснейшею горою в мире. Я уже собирался закрыть окно, когда вдруг заметил саженях в двадцати от дома стоявшую на пьедестале статую.

С такого расстояния трудно было разглядеть ее позу, и я мог судить лишь о ее высоте, которую определил примерно

в шесть футов. В эту минуту два местных шалопая проходили по площадке, насвистывая хорошенькую русильenskую песенку: «Среди гор родимых». Они остановились, чтобы посмотреть на статую, и один из них громко выругался:

— Ты здесь, подлюга (он употребил на своем родном языке еще более сильное выражение)? Это ты сломала ногу Жану Коллю? Будь ты моя, я бы тебе свернул шею.

— А как бы ты это сделал? — сказал другой. — Она вся из меди, и такой твердой, что Этьен сломал свою пилу, когда попробовал резануть. Эта медь языческих времен тверже всего на свете.

— Будь у меня с собой долото (он, очевидно, был подмастерьем у слесаря), я бы сейчас же выковырял ее белые глаза. В них серебра не меньше, как на сто су.

Они сделали несколько шагов, удаляясь от статуи.

— Надо все же попрощаться с идолом, — сказал вдруг, остановившись, старший из парней.

Он наклонился и, должно быть, поднял с земли камень. Я увидел, как он размахнулся, и тотчас бронза издала гулкий звук. Но в то же мгновение подмастерье схватился рукой за голову, вскрикнув от боли.

— Она швырнула в меня камень обратно, — воскликнул он.

И оба проказника пустились бежать со всех ног. Очевидно, камень отскочил от металла и наказал глупца, дерзнувшего оскорбить богиню. Я закрыл окно, от души смеясь:

— Еще один вандал, наказанный Венерой» .....
.....

...Человек отходит ко сну. Мысли его случайны и мелки. Мозг дремлет, но, приученный к работе, вздрагивает время от времени:

«И в моем истукане футов шесть будет».

«Эх, опять забыл опустить штору».

«Что это за пила, которая не берет меди?»

Так думал Сухов, лежа в темноте. Уже на границе сознания он задался вопросом:

«Су, это больше или меньше копейки?..»

VI

Все произошло именно так, как предсказывал Сухов: автомат поднялся на восемнадцать ступенек, отыскал дверь и открыл английский замок. Шагает он уверенно, но тяжело, суставы его скрипят, как протезы.

Лиза стоит за высокой спинкой кресла и смотрит в лицо истукану. Стальная голова улыбается покорно. Верхняя губа не вздрагивает только потому, что она металлическая. Брови надломлены, полускрыты глаза.

Заметно волнуясь (как бы не осрамиться!), Сухов сказал, отчеканивая каждый слог:

— Отрекомендуйтесь.

Автомат смотрит вверх Лизы. Вдруг нижняя челюсть у него отваливается, как у деревянного щелкуна. Из черной пустоты женщина слышит голос, безразличный ко всему на свете:

— Ваш слуга.

— Да ну его к чорту! — содрогнулась Лиза, прячась за кресло. — Это — чудовище!

Сухов очень доволен; он смеется и хлопает себя по коленкам:

— Вылазь, трусиха. Вылазь, привыкнешь.

Челюсти истукана смыкаются с лязгом.

— Попробуй, не струсь. Так делают мертвецы.

Но, когда Сухов вздумал натянуть на автомат свой старый костюм, когда из-под коротких штанов показались никелированные ноги, Лиза и сама повеселела. Она даже вызвалась перешить пуговицы на брюках...

Вечером собрались друзья. Пришел Беркутов, а за ним следом — Аркадий Шульц, товарищ Сухова по работе.

Телевокс проделал в присутствии гостей все сто три упражнения, которым был научен. Он звонил по телефону,

зажигал спичку, переставлял мебель и наконец спел любимую арию Сухова из «Севильского цирюльника».

Шульц сидит в сторонке и курит. Иногда он улыбнется, иногда задаст вопрос, еще реже выразит похвалу. Этот человек задумался как-то над пределами творческих возможностей своего поколения. Он ограничил их искусственным приготовлением белкового вещества. Отсюда рукой подать к искусственному человеку. С тех пор Шульц не затруднял себя этим предметом и, как это часто с ним бывает, к раз задуманному и решенному больше не возвращался. В телевоксе же он увидел лишь грубую и очень несовершенную модель своего человека, хотя этот последний существовал только в воображении.

Беркутов, напротив, суетился, бегал за автоматом и, припоминая детство свое, кричал, как цыган на медведя:

— А ну, Миша, покажи, как девки по малину ходят!..

Очень всех потешил один эпизод:

Сухов предложил Беркутову влезть на руки к автомату. Художник уселся на предплечьи, как на ветке.

— Эй, отнесите это в кладовую, — скомандовал Сухов, и прежде чем художник успел спрыгнуть, железная рука обняла его за талию. Все так же сдержанно и покорно улыбаясь, телевокс пошел в сторону кладовой. Смеялись зрители, смеялся и сам Беркутов, когда его опустили на груду порожних бутылок.

— Я весь в пыли, — пожаловался пострадавший, стараясь взглянуть себе на спину (заведомо обреченная на неудачу попытка, от которой люди никак не могут отказаться).

— Сейчас устроим, — сказал Сухов с величественной небрежностью. Он отдал приказание, и телевокс появился со щеткой в руках.

— Вот это кисть! — умилялся Беркутов. — Вот это игрушка! Куклы такие бывают, нажмешь под юбкой, а она «мама» пищит...

Шутя стали придумывать автомату имя. Лизе все приходили на память имена знакомых. Беркутов же гнул из мифологии.

— Почему например не назвать его Вулканом. Краткая биография: кузнец и пенкосниматель — первый любовник Венеры.

Сухову это предложение пришлось по вкусу. Он, разумеется, вспомнил Мериме: «Чем плохая партия для илльской злочки».

— Вулкан. Быть по сему!

Наконец, возня с телевизором надоела. Только Лиза срывающимся голосом говорила ему дерзости, стараясь произносить их как можно деликатнее.

Сухов спросил у Вулкана, который час. Ответ последовал немедленно, причем с точностью до одной секунды. Такая пунктуальность даже обидела Беркутова:

— Шестнадцать секунд! — повторил он. — Противно слушать! Почему не сказать просто — четверть первого, как все люди.

— Отправим-ка его спать, — предложил Шульц.

— Да, да, — к чортовой матери!

— Отправляйтесь к себе и поживей, — приказал хозяин.

Вулкан вздрогнул, мгновенная тень от лампы исказила его черты. Но он тотчас же ушел.

— Ты не забыла, Лиза, отдать ему на завтра распоряжения? Вот бы нам с вами такую память. Она идеальна, принцип адской машины, могу настроить на любое время.

...Когда дети хозяина, попрощавшись, наконец, со всеми, уходят спать, в обществе намечается перелом. До сих пор беседа велась на уровне ребячьих интересов; родители демонстрировали таланты своих отпрысков, а гости восторгались ими. Но теперь нужно говорить о другом, на темы, достойные ровесников. И поборов минутное замешательство, хозяин спрашивает гостя: «Как живете, можете?» — точно они только что встретились.

Такой перелом произошел и здесь, когда проводили Вулкана. Теперь можно поговорить. Шульц стал рассказывать о своей заграничной командировке (а делал это он увлекательно и интересно). Задавались приватные вопросы,

по специальности, но когда очередь дошла до Сухова, он сказал:

— Вы заметили, друзья, что нынче гостеприимство переживает кризис. Люди перестали ходить друг к другу в гости. Уже очень давно на этом диване не сидели одновременно четыре человека.

— Это, пожалуй, хорошо, — отозвался Беркутов. — Крах гостеприимства — прекрасный знак. Дружба уже не умещается на жилплощади. Ей нужны залы.

— А может быть, это и есть одиночество? — спросила Лиза.

— Не думаю, но если уже мы завели такой разговор, давайте его расширим. Поговорим о чувствах.

Шульц, которому принадлежали эти слова, начал изда-лека:

— Когда садишься в поезд дальнего следования, то почти не думаешь о конечной станции. Внимание занято соседями, выбором места, поисками кипятка, и совсем не остается времени для того, чтобы решать, в каких брюках ты выйдешь навстречу родным, что скажешь, как будешь улыбаться. За окном — огоньки уходящего города, с которым связана вся твоя прошлая жизнь. И в эти минуты ты думаешь о прошлом, не о будущем — ведь конечная станция так далеко... Я хочу сказать, товарищи, что о социализме мы мечтали раньше, чем взять билет... в поезд.

И в самом деле, кто из нас не заглядывал в третью часть «Антидюринга» — этот универсальный справочник для путешественников в социальное будущее? Мы приценивались, высчитывали издержки, старались представить себя в новом городе среди новых людей. Стоит ли игра свеч?

...Все согласились с Шульцем: о социализме думали прежде, чем стать социалистами. Но вот все вопросы решены, сомнений нет, социализм стал априорной целью, ради которой стоит жить и умереть. Мы не думаем больше о деталях, о выкройках будущих одежд, о меню будущих обедов. Все помыслы ушли в борьбу.

Шульц ходит по комнате. Он старается ступать так, чтобы подошвы покрывали целиком кирпичики паркета.

— ...Наконец, в ноябре история подняла семафор, и наш поезд двинулся. Иногда я урываю минуту, чтобы посмотреть в окно: много ли дороги осталось? Как переменялся ландшафт, я не узнаю своей страны, десятки меридианов отделяют нас от станции отправления. И по всему видать, скоро конец дороге. Какими же мы выйдем на перрон? Вот вопрос. Что сохраним из старого? Какие чувства, навыки, черты характера? Будем ли мы негодовать, приходить в ужас, завидовать? Будет ли место склокам, издевательству и презрению? То есть я говорю о тех чувствах, которые рождает борьба.

«О чем беспокоится человек?» — думал Беркутов, разглядывая взволнованное лицо Шульца. Вопросы эти казались такими бесспорными и ясными. Он поторопился ответить, боясь, что его опередят.

— Ну, разумеется, вся эта нечисть исчезнет. Люди освободятся от пороков, навязанных им несовершенным обществом прошлого. Можете быть уверены.

Однако эта мысль не показалась присутствующим такой уж бесспорной. А Сухов — тот с яростью накинулся на художника:

— Если бы вышло по-твоему, я бы стал заклятым врагом социализма. К счастью, ты говорил вздор... В сознании единомышленников прививаются общие для всех корни, грядущая эпоха не будет знать классов. Но листья и плоды каждый из нас питает своими вкусами, своими надеждами, и они не похожи друг на друга. «Чего я жду от социализма?» — на такой вопрос сотни людей ответят по-разному.

— ...Ненависть, презрение, сарказм — неизменные оруженосцы борьбы. А без нее, без борьбы-матушки, человечеству некуда податься. Не пойму только, почему все эти прекрасные, мужественные чувства ты называешь пороками? Лишиться права ненавидеть?! Да нужно же быть ханжой, рыбой, чтобы желать этого... Ты большой противник склок. Так вот знай, я склочник первой руки.

— Брось ерундить. — Беркутов заерзал на диване, все стараясь высвободить ногу, на которой сидел.

— Ей-богу. В доменном цехе я устраивал в свое время великолепные склоки между рудой и углем. Как истый интриган, я стоял в стороне и со злорадством наблюдал: уголь и руда схватились на смерть, они уничтожают друг друга в братоубийственной войне. Я, и никто другой, натравил уголь на руду... Вот тебе отличная склока во внеклассовом обществе. Не отходя от домны, я буду переживать всю гамму чувств, которые тебе так не нравятся: если уголь окажется сырым, я его буду ненавидеть так же крепко, как американцев, линчующих негра; если стрелка на манометре будет подниматься медленно, я лопну от нетерпения и зависти к соседям. Сотни таких поводов доставит жизнь.

Шульц подбавил со своей стороны:

— А научные общества, а плановые комиссии, в них будут спорить не менее горячо, чем когда-то в якобинских клубах. Электрики подводят мины под тепловиков, сторонники мощных самолетов грозят кулаками дирижаблистам. Красота!

Легким поворотом головы, движением рук Шульц изображал попеременно спорящие стороны.

— Bravo! Учись у него, Беркутов. Люди никогда еще настоящему не брались за природу. Художник односторонне понимал слово «природа». Это понимание ограничивалось зримой поверхностью — пейзажем.

— Ренегат! Ведь не далее как в прошлом году мы с тобой любовались Эльбрусом!

— Верно. Но это только до тех пор, пока признаешь его безусловное превосходство над людьми. Ну, а если я взорву его на воздух? Тогда я буду восхищаться самим собой, а к памяти Эльбруса отнесусь в лучшем случае иронически. Все, о чем ты говоришь, — восторги от испуга. Любование силами природы — это и есть мистика в самом популярном виде.

Беркутов взъерошил волосы, постарался изобразить на

лице своем мистический экстаз, и скользящей походкой лунатика пошел к окну. Он декламировал:

— О, чудесный рассвет майского утра. Аврора розовою рукою потрясает алую сбрую на конях...

Но художник оставил образ на полуслове. Он воскликнул с пафосом натурального отчаяния:

— Товарищи, мне завтра, то есть сегодня, нужно быть в мастерской и не позднее девяти часов!

Беркутов хватал всех за руки, отыскивая часы.

— Вон, на стене, — показала Лиза.

— Начало шестого! Куда девался мой макинтош?

Сухов обнял художника.

— В кои веки тебе довелось увидеть нашу бледную, маленькую Аврору горожан, и ты тотчас же бросил ее ради плотского искушения поспать. Ну, иди, иди. Если доживем мы до социализма, я, так и быть, пощажу тебя. Зато уж Вулкану достанется. На нем я буду срывать чувства. Для этого даже не нужно выдумывать новых слов: когда рабочий ударяет себя по костяшке, он чертыхается на молоток.

Увлекая за собой Шульца, художник воскликнул:

— Аврора меня простит. И вы прощайте.

VII

Несмотря на поздний час, Сухов не изменил давнишней своей привычке почитать перед сном. Книжка отыскалась где-то под телефонным аппаратом, который стоял на ночном столике, измятая, с чернильными пятнами на обложке.

«Лиза меня съест» — думал Сухов.

Хорошо вытянуться в мягкой постели. Тепло и покойно. Все отдыхает, и только пальцы ног шевелятся, — они весь день были сдавлены ботинками.

Сухов взялся за книгу.....

Г. де-Пейрорад разбудил на заре своего гостя и повел его осматривать диковинную статую. По словам Мериме, она была прекрасна. Нельзя себе представить что-либо бо-

лее совершенное, чем тело этой Венеры, более нежное и сладостное, чем его изгибы. Зато лицо... Презрение, насмешку, жестокость можно было прочесть на этом невероятно прекрасном лице. Осмотр статуи и попытки разобирать полустертые надписи на ее цоколе отняли все утро. Звонок к завтраку прекратил беседу ученого археолога с восторженным илльским помещиком. День прошел в визитах. Автор был представлен невесте Альфонса Пейрорада — мадмуазель Пюнгарик — и нашел девушку не только красивой, но и пленительной. Завтра их повенчают в часовне замка.

Уже с утра на следующий день археолог сидел перед Венерой и пытался набросать ее портрет. Здесь его застал жених, затянутый в свой новый фрак, в белых перчатках и лакированных сапогах. Как раз в это время на городской площадке играли в мяч. Илльцы терпели поражение одно за другим от погонщиков мулов, прибывших сюда накануне.

Г. Альфонс снял фрак.

— Надо поддержать честь родного города, — сказал он.

Жениху передали ракету, и игра началась. Против ожидания г. Альфонс проиграл первую партию.

Это был бриллиантовый перстень, [лакуна в тексте] ...нул он, — так давит мне палец, что я промазал верный удар.

Это был бриллиантовый перстень, изображавший две сплетенные руки. На внутренней стороне перстня можно было прочесть следующие слова, написанные готическими буквами: «Навек с тобой». Перстень должен скрепить сегодня союз г. Альфонса с м-ль де-Пюнгарик.

Жених снял кольцо, подбежал к статуе и надел его на безымянный палец Венеры... Через минуту он уже стоял во главе илльцев. С этого момента он ни разу больше не промахнулся, и погонщики понесли полное поражение. Голос г. де-Пейрорада прервал торжество его сына. Пора было ехать на свадьбу.

Церемония затянулась, и только к вечеру свадебный поезд вернулся в Илль. Здесь гостей ждал ужин. Среди всеоб-

щего веселья и двусмысленных шуток молодой муж казался необычайно бледным и серьезным. Он беспрерывно пил старое коллилуйское вино, крепкое, почти как водка. Наконец, все встали из-за стола, чтобы проводить новобрачную.

«Г. Альфонс увлек меня к выступу окна и, отведя глаза в сторону, сказал:

— Вы будете надо мной смеяться... Но я не знаю, что со мной сделалось... Я околдован, чорт меня возьми...

— Вы слишком много выпили коллилуйского вина, — сказал я ему. — Я вас предупреждал.

— Да, это возможно. Но случилась вещь, более ужасная.

Его голос прервался. Мне показалось, что он совсем пьян.

— Вы помните мое кольцо? — продолжал он, помолчав.

— Ну конечно. Его украли?

— Нет.

— Значит, оно у вас?

— Нет... я... я не мог... снять его с пальца этой чертовки — Венеры.

— Вот еще, вы просто недостаточно сильно потянули.

— Я старался всячески... Но Венера... согнула палец.

Он пристально поглядел на меня растерянным взглядом, опершись об оконную задвижку, чтобы не упасть.

— Что за басни, — воскликнул я. Вы слишком глубоко надвинули его на палец. Завтра вы снимете его щипцами. Только будьте осторожны, не повредите статую.

— Да нет же, говорю я вам! Палец

Венеры изменил положение: она сжала руку, понимаете ли вы это... Выходит, что она — моя жена, раз я отдал ей кольцо!.. Она не хочет его возвращать.

Я внезапно вздрогнул, и по спине моей пробежали мурашки. Но в эту минуту он испустил глубокий вздох, и на меня с силой пахнуло вином. Бездельник, подумал я, вдребезги пьян».

«Я ворочался в постели, будучи в самом дурном расположении духа. Какая глупая роль холостяка в доме, где совершается свадьба.

На некоторое время воцарилась тишина, но вдруг ее нарушили тяжелые шаги, подымавшиеся по лестнице. Деревянные ступеньки ее сильно скрипели.

— Вот увалень, — мысленно воскликнул я. — Еще, пожалуй, свалится с лестницы.

Все снова стихло. Я взял книгу, чтобы отвлечь мысли в сторону. Это был статистический отчет департамента, украшенный статьей г. де-Пейрорада о друидических памятниках в округе Прод. Я заснул на третьей странице.

Я спал плохо и несколько раз просыпался. Было, должно быть, часов пять утра, и я лежал уже более двадцати минут без сна, когда вдруг пропел петух. Близился рассвет. И вот я отчетливо опять услышал те же тяжелые шаги, тот же скрип лестницы, какие слышал перед тем, как заснуть. Это мне показалось удивительным. Позевывая, я пробовал угадать, для чего г. Альфонсу понадобилось встать так рано; но не мог придумать ничего правдоподобного. Я уже собирался снова закрыть глаза, как вдруг внимание мое было привлечено страшным шумом, к которому вскоре присоединились звонки, громкое хлопанье дверей и, наконец, какие-то явственные крики.

«Наш пьяница где-нибудь обронил огонь» — подумал я, вскакивая с кровати.

Я поспешно оделся и вышел в коридор. С противоположного конца его доносились крики и жалобные стоны, покрываемые душераздирающим воплем: «Мой сын! Мой сын!». Было ясно, что с г. Альфонсом приключилось какое-то несчастье. Я побежал в комнату молодых. Она была полна народа. Первое, что меня поразило, было зрелище молодого человека, полуодетого и распростертого на сломанной кровати. Он был мертвенно бледен и неподвижен. Его мать плакала и кричала над ним. Г. де-Пейрорад суетился, тер ему виски одеколоном, подносил к носу пузырек с солями. Увы, его сын давно умер. На диване в другом конце комнаты лежала новобрачная, бившаяся в страшных судорогах. Она испускала нечленораздельные крики, и две дюжих служанки еле в силах были ее сдержать.

— Боже мой, — воскликнул я, — что случилось?

Я подошел к кровати и приподнял тело несчастного юноши; оно уже окоченело и остыло. Его стиснутые зубы и почерневшее лицо изображали величайший ужас. Было очевидно, что он погиб насильственной смертью, и что агония его была ужасна. Однако ни малейшего следа крови не было видно на его одежде. Я отодвинул его рубашку и увидел на груди синюю полосу, продолжавшуюся на боках и на спине. Вид был такой, точно его сдавили железным обручем. Нога моя наступила на что-то твердое, лежавшее на ковре. Я увидел бриллиантовый перстень».....

«— Узнали вы что-нибудь существенное у г-жи Альфонс? — спросил я прокурора после того, как мои показания были протоколированы.

— Эта несчастная молодая особа потеряла рассудок, — сказал он мне с печальной улыбкой. Она совсем помешалась, совсем. Она лежала, по ее словам, несколько минут в кровати с отдернутыми занавесками; когда дверь в ее комнату отворилась и кто-то вошел. В этот момент г-жа Альфонс находилась на самом краю постели с лицом, обращенным к стене. Она не шевельнулась, уверенная, что это ее муж. Вскоре затем кровать затрещала, точно на нее навалилась огромная тяжесть. Она очень испугалась, но не решилась повернуть голову. Прошло пять минут, может быть, десять... Она не знает в точности, сколько. Потом она сделала невольное движение и почувствовала прикосновение чего-то холодного, по ее выражению, как лед. Она опять забилась в краешек кровати, дрожа с головы до ног. Немного погодя, дверь отворилась, и вошедший сказал: «Здравствуй, милая женушка». Вслед за тем занавеска задернулась. Она услышала сдавленный крик. Особа, бывшая рядом с ней на кровати, села и как будто вытянула вперед руки. Тогда г-жа Альфонс повернула голову и увидела, уверяет она, своего мужа, стоящего на коленях возле кровати, с головой на уровне подушки, в объятиях какого-то зеленого великана, который сжимал его с силой. Она заверяла меня, эта несчастная женщина, что она узнала — угадайте кого? —

бронзовую Венеру, статую г. де-Пейрорада... С тех пор, как эта статуя появилась здесь, она совсем свела народ с ума. Но вернемся к рассказу бедной помешанной. При виде этого зрелища она потеряла сознание, как, вероятно, потеряла свой рассудок за минуту до того. Она не может даже приблизительно определить, сколько времени она лежала без сознания. Придя в себя, она снова увидела статую, ноги которой, как и нижняя часть тела, неподвижно лежали в постели, а руки обнимали ее замерзшего мужа. Пропел петух. Тогда статуя сошла с кровати, выронила труп на пол и удалилась.

.....
.....

Тяжелые шаги сначала глухо, а потом все громче и явственней неслись из коридора. Скосив глаза на дверь, но не поворачивая головы, Сухов слушал этот подстрочный аккомпанемент к только что прочитанному.

Совсем близко скрипят половицы. Вот дрогнула ручка, скользнул луч по филенке...

*«и с тихим пыхтением вдруг,
как выдох,
распахивается дверь
без прикосновенья рук».*

В черном провале стоит Вулкан.

Немигающие глаза его смотрят на Сухова. Медленно поднимается железная рука. Она, наконец, замерла на уровне лица, но сквозь пальцы видны все те же остановившиеся зрачки и лоб, исчерченный обидами.

«Я читаю, я продолжаю читать» — старается успокоить себя инженер. Но в то же мгновение книга с шелестом сваливается на пол. Разрушительный этот шелест не оставляет больше сомнений: разгневанный кузнец идет на Сухова, неся перед собой огромную руку.

«Синие полосы на груди, и ни капли крови» — мог только подумать Сухов, шарахаясь к стене.

Минута, меньше минуты, и эти страшные пальцы достанут жертву.

Скрыться некуда. Инженер падает лицом на подушки. Шаги смолкли. С протяжным скрипом рука опускается вниз.

Вздрагнул ночной столик, задребезжал телефон и какие-то склянки. «Черное лицо, стиснутые зубы... Скорей, скорей».

Голос, безразличный ко всему на свете, услышал над собой Сухов:

— Двадцать второй цех? Мастер? Слушайте: инженер Сухов просит напомнить, чтобы к его приходу была закончена площадка для нового гидравлического пресса.

Н. ЛОПАТИН

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Фантастический очерк

Художник И. Француз

Борьба Миров

Журнал «Борьба миров», № 1, 1930 г.

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Очерк П. ЛОПАТИНА
Рис. И. ФРАНЦУЗ

Пятилетка будет выполнена в четыре года. 5-летка является первой частью боевой программы генерального социалистического плана реконструкции народного хозяйства, рассчитанного на 15 лет. Энтузиазм масс, безусловно, сократит этот срок. И картина, развернутая инж. Лопатиным, уже не кажется нам фантастической.

Четыре электростанции

Северный полярный океан. Полгода — незаходящее солнце, зажигающее ослепительно-белым светом вечные снега полярной страны. Полгода — темная ночь с морозами, пургой и сказочно-прекрасным северным сиянием. А кругом — и днем и ночью — ледяные горы, ледяные пропасти, ледяные поля.

Подо льдом — полярные острова. А на льду — дома, ажурные, металлические радиомачты и громадное здание, на фасаде которого в темную северную ночь гордо горят яркие буквы:

ПОЛЯРНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ № 1

Питается станция углем полярных островов, и питает сама всю северную половину европейской части Союза — от Свердловска до Ленинграда, от Архангельска до Москвы.

Раскаленный солнцем песок голодной степи. Жалкий, корявый, стелящийся по земле саксаул. Верблюды с мягко ступающими ногами и раскачивающейся «морской» походкой. А среди всего этого — поле зеркал. Зеркала живые: дви-

нется солнце, и они движутся за ним, движутся неотступно, поворачиваясь своей блестящей поверхностью навстречу солнечным лучам. И лучи, пойманные зеркалами, становятся послушными. Они нагревают воду громадных котлов, и белый пар, бунтуя в паровых турбинах, дает сотни тысяч киловатт, вырабатываемых

СОЛНЕЧНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЕЙ № 2

Станция, питаясь солнцем, шлет свой ток Кавказу, Южному Уралу, полям белого хлопчатника и бескрайним степям Казахстана, где выросли мощные комбинаты цветной металлургии, грандиозные фабрики хлеба, риса и мяса, и плантации гвайюллы, хондриллы, кенафа и кендыря.

Сибирь. Забытая, почти никому не известная сейчас речка Ангара превратилась в сибирскую Ниагару. Ее громадное падение, скалистые берега и неисчерпаемые запасы воды создали здесь сверхмощную водную

СИБИРСКУЮ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ № 3

Она питается белым углем и питает своим током поля Западной Сибири, серебряные и свинцовые рудники Алтая, золото Лены и Алдана, Кузбассовские шахты, лесные разработки и новые сибирские города.

Наконец, Днепрострой. Он расширен до предела. В двух местах он перегородил Днепр своими плотинами. В двух местах он создал громадные водоемы. И в двух местах он превратил белую пену Днепровских порогов в электрический ток

ДНЕПРОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ № 4

Порабощенной мощью Днепра питается теперь Украина и Донбасс с их громадными совхозами, рудниками, химическими комбинатами и металлургическими и тракторными заводами.

Мир без проводов

Четыре сверхмощных электростанции питают Союз. Но напрасно вы будете искать провода и столбы электропередачи на волнах и плавающих айсбергах Северного ледовитого океана, отделяющего станцию от берегов Союза. Вы не найдете их и на песках Голодной степи, и в сибирских лесах, и в днепровских плавнях.

От каждой из четырех станций электрическая сила в миллионы киловатт течет по воздуху над водами океана, над тундрой побережья, над песками пустыни и степями Украины. Течет десятками воздушных прямых, как стрела, потоков: «станция—Архангельск», «станция—Магнитогория», «станция—Москва».

Эти потоки невидимы, как невидимы те радиоволны, которые от Московской радиостанции «всем, всем, всем» шлют сегодня вести из Советской страны. Но они полны силы и мощи, и эту силу ловят в Архангельске, Свердловске, Ленинграде особые уловительные приборы на заводах, улицах, в домах. В них невидимые воздушные потоки превращаются снова в электрический ток, приводящий в движение станки и машины, зажигаая электрические лампы и нагревая электрические печи.

Наш Союз раз навсегда отказался от ненужных, обременительных электрических проводов.

Новорожденные города социализма

С полярных островов, из Голодной степи, от Днепровских порогов и реки Ангары радиомачты шлют свою мощь советским городам.

За 15 лет на карте Союза появилось много новых «городских» кружочков.

...Вот новый город — Хибины. Он вырос за Полярным кругом, там, где полным ходом среди диких скал и сурового северного леса идет разработка величайших в мире залежей апатитов.

...Город Новый Котлас — город леса. Здесь громадный лесной комбинат, который из северного леса prepares доски, пластины, шпалы, скипидар, бумагу, пуговицы и кинематографические ленты.

...Город Кизел. Еще сегодня здесь девочки собирают малину. А через 15 лет в этом северном углу Урала вырастет каменноугольный и химический комбинат и многотысячный город при нем.

..Южнее — город Магнитогорск около Магнитной Горы, под которой уже на наших глазах строится Магнитогорский металлургический гигант.

А дальше — Дзержинск, Запорожье, Новый Сталинград, Соликамск, Кумовской, Несветай, Горловка, Рыково — все новые, рожденные революцией, советские города.

Но разве можно перечислить все города, которые вырастут за 15 лет нашей бешеной стройки?

Труба умерла — да здравствует антенна!

В центре каждого нового города — громадный завод. Это будет прекрасное здание с зеркальными окнами, днем жадно вбирающими в себя солнечные лучи, а по ночам зажигающиеся ярким электрическим светом.

Трубы, старой привычной заводской трубы нет. Копоть, сажа, душный жар, черный дым, проникающий в легкие — все это исчезло. Оказалось нелепым жечь уголь на каждом заводе, когда электрическая централь шлет по воздуху сотни тысяч сил более дешевой энергии.

Фабричной трубе нечего делать, она умерла, уступив место фабричной антенне.

Антенна примет силу электрического потока и отправит ее вниз, в то отделение, откуда электрические волны; превратившись в электрический ток, разбегутся по этажам, ма-

стерским и цехам, чтобы тысячи машин могли, ворча и вздыхая, выполнять свою работу.

Завод завтра

Громадная умная точная машина безраздельно царствует в залах завтрашнего завода, Но это только первое впечатление. Действительный владыка и повелитель завода — рабочий. И в этом — разительное отличие «сегодня» от «завтра».

«Сегодня» рабочий — слуга у машины. Он ходит вокруг нее, подает ей материалы, всячески заботится и пестует ее, как нянька капризного ребенка, не могущего шага шагнуть без посторонней помощи.

«Завтра» машина сама служит и заботится о рабочем. Она сама подает рабочему нужный инструмент, сама приносит ему материал и сама рассказывает ему о том, как обстоит сейчас дело в недрах ее металлического тела.

Мягкий, не слепящий глаз свет позволяет рабочему без напряжения следить по бегающим золотым стрелкам измерительных приборов за пульсом машин, за качеством изделия, за скоростью хода. Рычажки, кнопки, штепселя — вот чем орудует главным образом рабочий завтрашнего дня, потому что он не слуга, а повелитель машины, ее управитель и ее творец.

Творчество, изобретательство, конструирование — на первом месте. Громадное здание лаборатории и научно-исследовательского института — неременная принадлежность промышленного комбината. Здесь претворяются в жизнь технические мечтания рабочих, здесь «чистая» наука тесно переплетается с практической техникой. Ученый с мировым именем и рядовой рабочий-практик рука об руку, рядом, засучив рукава, творят одно и то же великое дело — техническое господство человека над стихией, природой, материалом.

Рабочий — творец, и потому все, что требует бессмысленной механической, а тем более, вредной для здоровья

работы, переложено на «умные» машины и артели «механических людей» — тех самых «телевоксов», которые уже сейчас сконструировала граница и которых, благодаря обреченности своей, она заставляет дирижировать хороводами голых женщин в ночных кабаках и выступать на банкетах почтенных джентельменов.

Эти умные машины и мертвые «телевоксы» в наших промышленных комбинатах заменят рабочего там, где быть вредно и бессмысленно, оставив радостное творчество и управление созданной им самим армией послушных машин.

Город, которому принадлежит будущее

Вокруг промышленного комбината — новый город. Город, который может быть только у нас, в Советском Союзе. Потому что мечта о городе будущего у нас и границей бесконечно различна.

Там, за рубежом, будущий город так же, как и сейчас, растет вверх — в воздух, и вниз — под землю; слишком скаречно относится он к своей земле, чтобы развиваться вширь. Он превращается в темные, мрачные улицы — ущелья между башнями-домами. Как слепой крот, врывается он в подземные галереи, как бы прячась в них от солнечного света. Он заливает асфальтом и сковывает бетоном каждое дерево, каждый кустик, каждый побег зеленой травы.

Завтрашний город Советского Союза — прямая противоположность этому.

Прежде всего, ему незачем быть многомиллионным городом, со стихийно растущим населением. Каждый город будет связан с определенным производством, и лишнего населения, непосредственно не связанного с этим производством, не должно быть в новом городе.

Поэтому, в центре города — промышленный комбинат. Вокруг него — зеленое кольцо, в котором нет зданий и нет жилья. А от этого промышленного зеленого центра радиусами во все стороны отходят линии прекрасных асфальти-

рованных дорог, трамвайных путей, линий электрических поездов.

Вдоль этих транспортных лучей и вокруг них — жилые дома, теряющиеся среди моря зелени, свежего воздуха и солнца. А между жилыми лучами — поля совхозов — зерновых, животноводческих, овощных, обслуживающих город.

Наш дом через 15 лет

В солнечном городе — солнечные дома. Это — не монументальные сооружения заграницы, потому что разве можно строить сейчас дом, рассчитанный по своей прочности на 80-летнюю жизнь, когда несущаяся вперед техника заставит сдать его на слом через 20 лет.

Дома в нашем новом городе — стандартные постройки — продукт новой, только что рождающейся строительной промышленности. И не строить мы будем их в новом городе, а монтировать из готовых фабричных стандартных частей.

Это фабричное стандартное производство дома даст возможность добиться того, что солнечный луч и свежесть зеленых садов будут действительно полновластно царить в будущих домах.

Наши будущие квартиры станут, наконец, только жилыми квартирами, а не кустарной мастерской домашнего хозяйства. Из них раз и навсегда будут изгнаны проклятые кухни, а с ними вместе дым, чад, примус, палящая жаром плита и кухонная кабала женщин.

Вместо всего этого — небольшие электрические отопительные приборы, в которые домашняя антенна подводит электрические волны электростанции, и фабрика-кухня для целого района, где каждый получит сытный, здоровый домашний обед без хлопот, без предварительной муки у плиты и примуса, без недоброкачественных продуктов.

Особенное внимание в нашем будущем городе отдано детям: самые лучшие светлые дома, самые солнечные зеле-

ные площадки парков отданы детскому городку: яслям, садам, пионерским отрядам.

Для взрослых — районные клубы и читальни, где каждый сможет получить нужную газету и книгу, необходимую справку, полезный совет.

И везде и всюду — в квартире, в клубе, на заводе — повсеместное господство радио и ультрафиолетового света — этих «лучей жизни», которые пойманы уже ультрафиолетовым стеклом колпачков электрических ламп, выпущенных впервые в октябре 1929 г. Ленинградским заводом «Свет-Лампа». Таков наш советский город через 15 лет.

Мечта, которой суждено стать явью.

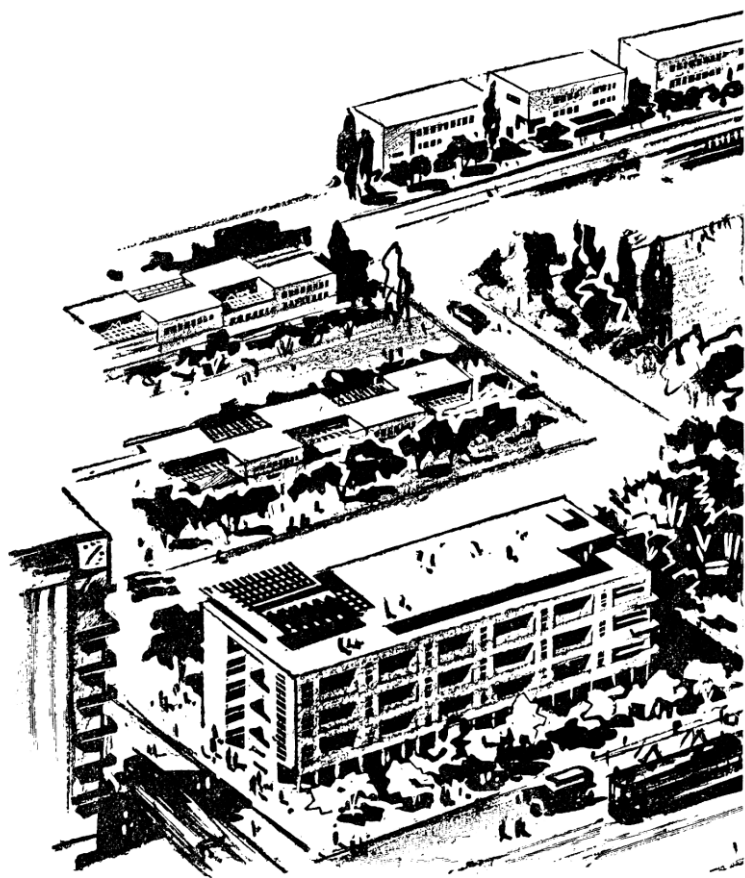
Вы скажете, что это — бессмысленные мечтания, до которых не доживем ни мы, ни наши дети, ни дети детей наших.

Да, это мечтания, потому что сейчас, сегодня, этого нет. Но разве можно назвать бессмысленным то, к чему настойчиво идет наука, что почти полностью уже решено в лабораториях и только ждет, чтобы из тесного, замкнутого кабинета ученого выйти в широкую жизнь?

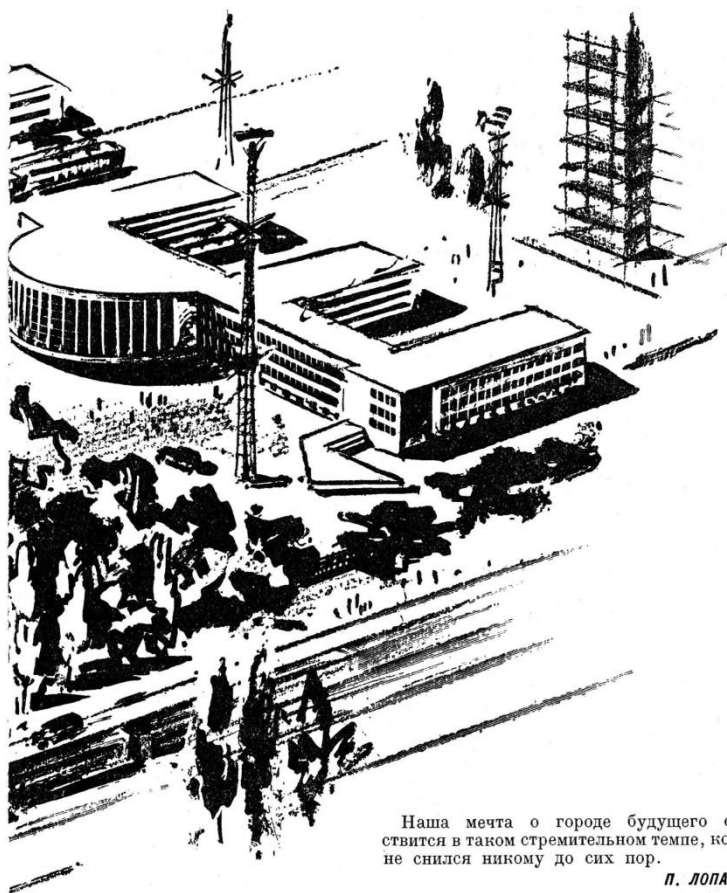
Разве не думают некоторые ученые, что на неизведанных просторах Арктики лежат острова, которые, быть может, так же богаты углем, как богат им Южный полярный материк?

И разве Маркони и наша Нижегородская лаборатория не научились по определенному адресу направлять радиоволны, а Никола Тесла не уверяет, что он скоро будет по определенным адресам направлять электрическую силу на сотни километров? И, наконец, разве Томас и Рентлер — инженеры компании «Вестингауз» — не показали в нью-йоркской лаборатории блестящих опытов по передаче с помощью радио света и тепла на расстояние? О «телевоксах» и умных машинах говорить не приходится.

В этих «бессмысленных» мечтаниях нет ничего, что не было бы достигнуто в лабораториях ученых.

И если 30 лет назад мы не знали самолета и радиоаппарата, а сегодня стальная птица — обыденное явление, если сейчас наверняка треть человечества связана с радиоволнами, — то чья фантазия способна нарисовать причудливую картину расцвета творческой мысли в СССР тогда, когда историей к творчеству призван восходящий класс — пролетариат?!

Наша мечта о городе будущего осуществится в таком стремительном темпе, который не снился никому до сих пор.

П. ЛОПАТИН

Революция дает тысячи творцов. По всей необъятной шири СССР стремительным шквалом набегают волны творчества. Многие из области мечтательного стало у нас явью.

И, можно смело сказать, именно в создании нового наши «фантазии» осуществляются скорее всего. Потому что нет ни одного правительства в мире, да и не может быть, которое в такой короткий срок могло бы столько создать для построения нового, лучшего быта, сколько сделало при поддержке рабочего класса правительство пролетарской диктатуры.

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

МОЛНИЯ В ПЛЕНУ

Фантастический рассказ
Перевод с украинского Е.В.

Рисунки В. Невского

*В. Владко, "Блискавка у полоні":
в журнале "Знання та праця", № 20-21 за 1933 год.
Впервые опубликовано в авторском сборнике «Дванадцать
рассказов». — Харьков — Одесса: Дитвидав.*

Блискавка у полоні

Оповідання **В. Владка**

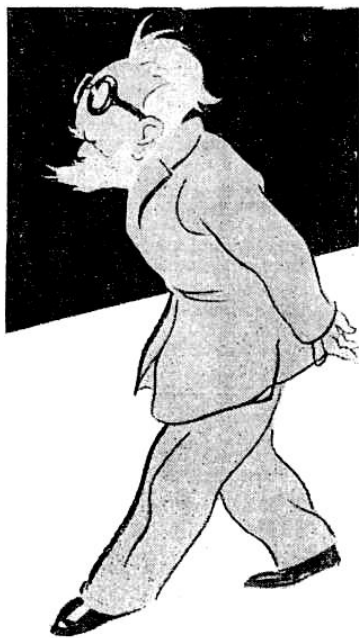
Ілюстрації **В. Невського**

Гроза мешала профессору Экслеру. Он встал, громыхнув креслом, сдвинул очки на лоб и нервно начал ходить по комнате, измеряя длинными шагами стороны и диагонали ее прямоугольника. В самом деле, беспрестанные молнии и резкие удары грома не помогали мыслить.

А впрочем, профессор Экслер не обратил бы никакого внимания на грозу, когда бы не события, которые произошли раньше. Он гневно взглянул на круглый стол, где стоял массивный сундук из мрамора, и еще быстрее заходил наискосок по комнате.

Этот сундук!.. В письме, которое профессор получил сегодня утром, было написано буквально следующее:

«Дорогой дядечка! Я пришел в восхищение от работ местных мастеров, которые чудесно изготавливают из мрамора различные вещи. Потому я приобрел у них этот прекрасный сундук из сплошной глыбы мрамора и присылаю его Вам в знак моего

почтения. Положите туда свои рукописи, забросьте туда, кстати, и моего врага — вашего злого бульдога Джима, чтобы он поменьше лаял. Одним словом, используйте как хотите этот подарок своего племянника, который уважает и любит Вас настолько, что сегодня же выезжает к Вам собственной персоной.

Ваш Дик».

Рукописи — в это отвратительное громоздкое сооружение?.. Любимого бульдога Джима — в эту неуклюжую вещь?.. Нет, Дик, хотя он и племянник профессора Экслера, весьма много берет на себя. Что за наглость, что за распушенность!

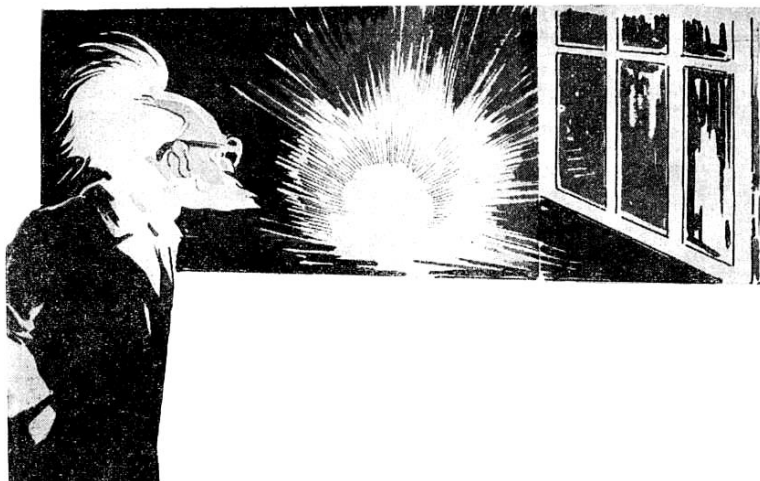
Снова мелькнула молния, снова пророкотал и рассыпался на тяжкие раскаты гром. Гроза свирепствовала. В комнату поступали.

— Заходите!

На пороге возникла худосочная фигура. Экономка профессора миссис Пунд несмело проговорила:

— Господин профессор, — у вас снова не заперто окно. Не дай Бог ударит молния...

— Идите прочь! Ну? — гроыхнул профессор грознее грома.

— Меня уже нет... нет!

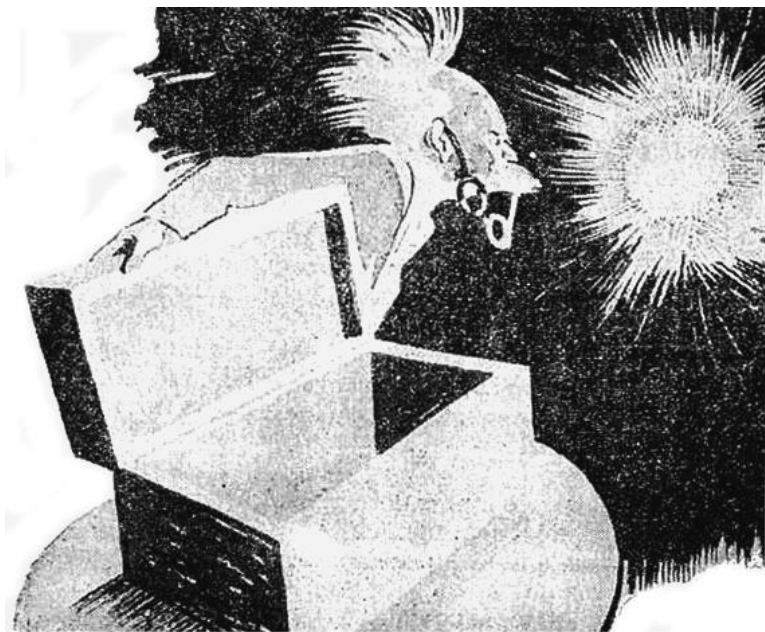
Двери снова закрылись. Профессор, засунув руки в карманы, люто взглянул на ручку дверей, которая еще несколько секунд едва заметно двигалась: миссис Пунд никогда не сдавала позиций сразу. Профессор топнул ногой:

— Ну?!

Ручка замерла. И в ту же минуту профессор Экслер услышал позади себя какое-то странное шипение, даже легкий присвист, будто из крана выходил газ. Профессор быстро развернулся на каблуках — и застыл пораженный.

На подоконнике сиял странный голубой клубок огня. Он заметно вибрировал и вздрагивал. Шар был похож на ежа, только вместо игл во все стороны от него торчало что-то подобное мху... Нет, не торчало, а мерцало голубым сиянием, пушистым и причудливым. Шар колебался на окне, будто собираясь прыгнуть в комнату. От него-то и шло это странное шипение: это горела краска на подоконнике.

Профессор не успел даже вынуть руки из карманов, а

голубое чудо уже мягко качнулось, оторвалось от подоконника и медленно поплыло, словно игрушечный воздушный шарик, вдоль комнаты. Оно колебалось, оно плавно и будто умышленно аккуратно обходило предметы.

Нет, профессор Экслер не испугался. Правда, глаза его почти вылезли на лоб и волосы зашевелились на голове — но это не от испуга. Дрожащими губами он прошептал:

— Шарообразная молния! Исключение из миллиардов обычных молний! Сохранить... спрятать... она же разорвется!

Огненный шар плыл по комнате, подхваченный воздушным течением. Он миновал уже одну стену, другую... и медленно приближался к мраморному сундуку.

— Эврика! Вот оно! Сундук — тайник для молнии. Мраморный сундук — в нем молния будет изолирована от всего. Но... но как же ее заманить туда?

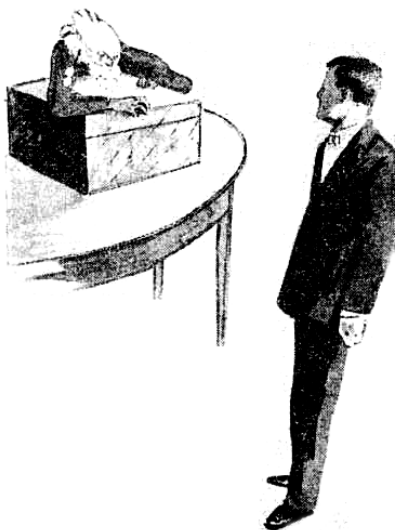
Шар плыл прямо к сундуку. Профессор Экслер забыл обо всем. Он стремглав бросился к столу и с натугой приоткрыл тяжелую крышку сундука.

— Иди... иди сюда, дорогая, — ласково бормотал он, — замечательная молничка, ну иди же сюда!

Он умолял, он приятно улыбался, лстиво прищуривал глаза, зазывая голубой сгусток, будто живое существо. Огненный шар, словно соглашаясь, подплывал все ближе — и остановился над самым сундуком, вибрируя и колеблясь в воздухе.

— Ну, милая, ну, дорогая моя... ну лезь же в сундук... умоляю тебя!

Шар замер, но не изъявлял желание спускаться в сундук.

И вдруг отворились двери в комнату. Дуновение ветра качнуло сияющий шар, он слегка затронул поднятую крышку и от нее качнулся вниз. Этого оказалось достаточным. Профессор Экслер быстро прижал крышку: голубой шар спрятался в сундуке.

В комнате прозвучал звонкий смех:

— Дядечка, это вы так прячете Джима? Но почему же он не лает? А впрочем, я никогда не думал, что вы так быстро выполните мой совет и спрячете эту мерзкую собачонку.

Да, это был Дик, племянник профессора. Он вновь рассмеялся, и на его загорелом лице сверкнули белые зубы.

— Иди, помоги мне, — с трудом выговорил профессор, из всех сил наваливаясь на крышку сундука.

— Охотно, дядечку, но ему там ничем будет дышать... — И Дик собрался приоткрыть крышку.

— Не трогай! — воскликнул профессор.

— Но...

— Никаких «но». Нажимай!

— Да я же и так навалился!

— Положи на сундук несколько томов энциклопедии!

— Ну вот, положил, но...

— Не разговаривай! Сверху поставь вон ту тяжелую лампу.

— Но... Нет, нет, я молчу. Давайте поставлю!

Профессор, облегченно вздохнув, рухнул в кресло.

Племянник стоял перед дядей и непонимающе поглядывал на него.

— Он взбесился? — наконец несмело спросил Дик.

— Кто?

— Джим... ваш бульдог?

— Никакого бульдога. Джим спит. В твоём сундуке — молния!

Дик широко открыл глаза, но сразу засмеялся.

— Дядечка, не шутите... — начал он.

Но профессор Экслер властным взмахом руки остановил его:

— Никаких шуток. В твоём сундуке — молния. Наиредчайшая шаровая молния. Я поймал ее, когда она залетела в комнату через открытое окно.

Дик беспомощно взглянул на сундук.

— Совершенно верно, молния ТАМ, — подтвердил профессор победным голосом. — Эта исполинская сила — в сундуке. Неслыханный факт! История, правда, знает несколько случаев, когда шаровые молнии залетали в помещения. Но они, затрагивая что-нибудь металлическое, конечно, взрывались, как бомбы, разрушая все вокруг. Это же сконцентрированная энергия! И вот она здесь, в сундуке. Так, чего же ты отступил?

— Нет... я ничего... — произнес Дик. — Это очень, очень интересно, конечно. Я никогда не думал... А что же вы будете с ней делать?

— Гм... Я этого еще не решил. А в самом деле...

Профессор задумался.

— А и в самом деле, что же с ней делать? Если молния взорвется, она поднимет на воздух весь наш дом.

Дик оглянулся на сундук и отошел еще чуть дальше.

— Твой сундук закрывается? — спросил профессор.

— Нет.

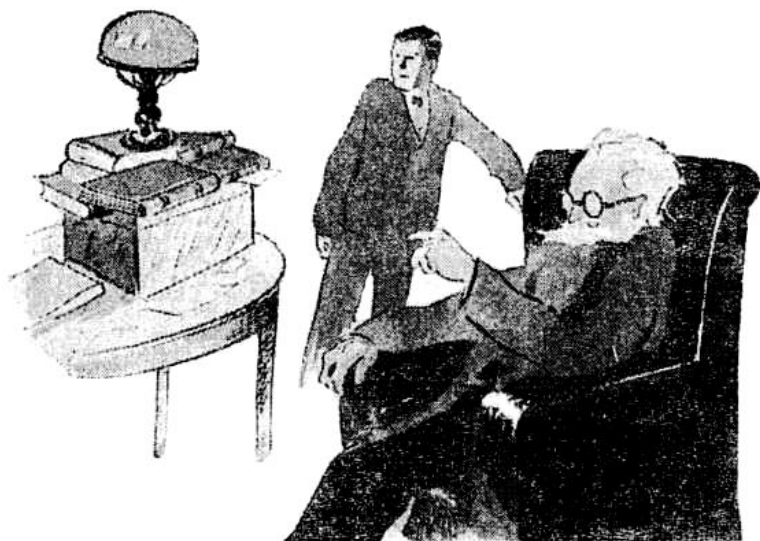
— Гм... Тогда надо... А черти его знают, что именно надо!

Профессор Экслер смущенно потер висок. В самом деле, положение складывалось угрожающее. Всего в трех шагах от него в мраморном сундуке теснились миллионы вольт конденсированного электричества, которое в любую минуту могло разрушить все кругом.

— Дядечка... — нарушил молчание Дик.

— Что?

— Зачем вы ее... поймали? Пошла бы она себе прочь и тогда... все было бы хорошо.

Профессор Экслер сердито взглянул на Дика.

— Как мог я пропустить такой чрезвычайный случай? Ведь...

Он вдруг остановился и прислушался: снова послышалось знакомое шипение. Осторожно, на цыпочках профессор подошел к сундуку. Ага, он был горяч, это ощущалось даже на расстоянии. От сундука шел странный запах свежести.

— Ты слышишь, Дик?

— Что именно?

— Это запах озона. Понимаешь? Молния, которая сидит в сундуке, озонирует воздух. Значит, она делает это сквозь мрамор: ведь сундук хорошо закрыт.

Дик кисло улыбнулся:

— Знаете что, дядечка? Пока она, ваша молния, ограничивается этим озонированием, я не возражаю. Но она может внезапно лишить нас возможности ощущать этот запах...

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего особенного, дядечка. Вы же сами предупреджали, что шаровая молния может взорваться, как бомба... вместе с сундуком. А чего это она, кстати, шипит?

— Не знаю... Гм... вижу только, что она все больше разогревает сундук.

Дик снова улыбнулся.

— Вплоть до самого взрыва будем иметь бесплатное электрическое отопление, дядечка. А может, мы от этой молнии еще будем прикуривать папиросы?..

— Ни к чему твои шутки, — сурово отрезал профессор Экслер.

— Да я же совсем не шучу, дядечка, — не утихал Дик. — Почему бы ей, вашей молнии, не зажечь мою папиросу, если она — вон посмотрите! — производит поджог обложек томов вашей драгоценной энциклопедии, которые лежат на сундуке. И это всего за несколько минут. Кстати, который сейчас час?

Дик взглянул на часы. На его лице ясно проявилось удивление. Дик прислушался:

— Дядечка, часы стоят!

Профессор впопыхах извлек из кармана свои часы. Они тоже стояли.

— Так-так... Видать, Дик, он, этот клятый электрический шар, магнетизирует все вокруг. Вот он и остановил наши часы. Ведь это, в конце концов, вполне объяснимо... как возле большой динамо-машины. И чего ты снова улыбаешься?

Дик тяжело сел в кресло.

— Имеем определенные научные достижения, дядечка. Бесплатное элек-

трическое отопление — раз. Сожженные обложки вашей энциклопедии — два. Магнитное действие вашей молнии... три. Озонированный воздух — четыре. В конце концов, остановившиеся и возможно испорченные часы — пять. Что будет дальше?..

Вдруг зашипело сильнее. Казалось, в сундуке, как в паровом котле, клокочет пар. Профессор Экслер и Дик смолкли. Они смотрели на сундук, не осмеливаясь шевельнуться.

— Лампа! Лампа! — наконец воскликнул Дик.

Лампа, которая стояла поверх томов энциклопедии, вдруг пошатнулась. Крышка вздрогнула, будто кто-то изнутри сундука попробовал поднять ее. Шипение усилилось.

Наконец крышка резко дернулась вверх. Лампа снова пошатнулась, но не упала. Крышка, приподнявшись на полсантиметра и выпустив изнутри сундука маленький сгусток голубого огня, снова опустилась. Сгусток, покачиваясь, поплыл в воздухе, приближаясь к Дик.

— Э, нет! — пробормотал тот, бросаясь в сторону. — Не имею ни малейшего желания, чтобы меня расстреляли, хотя бы и электрическим шаром. На это я согласия не давал. Иди прочь!.. Дядечка, берегитесь!

Сгусток обогнул его и поплыл к профессору — тот шустро отпрыгнул в сторону. Лицо его вспотело, одна дужка очков соскочила с уха и повисла. А голубой шарик, грациозно покачиваясь в воздухе, словно шутя, плыл и плыл, приближаясь к окну.

— Дядечка, есть выход! — вдруг неистово завопил Дик.

— Что? Какой выход?

— Она же плывет в воздухе. Ее можно выгнать отсюда.

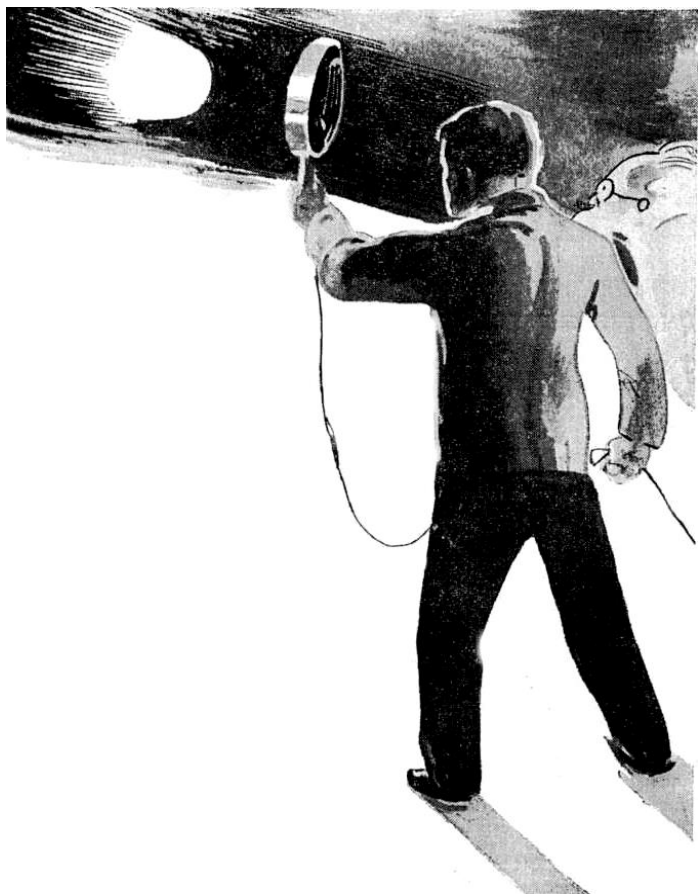
— Как?

— Вентилятор!

Он схватил маленький настольный вентилятор и включил его. Лопасты слились в один блестящий круг, создавая ветерок.

— Вот сейчас я ее выгоню...

Дик осторожно навел вентилятор на шарик.

Воздушная волна подхватила его и понесла к окну.

— Осторожно, Дик, осторожно!..

Но Дик уже уверенно руководил передвижением опасной игрушки. Сгусток, покачиваясь, подплыл к окну, легко вылетел в него и исчез, подхваченный свежим послегрозовым ветром. Дик облегченно вздохнул:

— Детку выгнали. Теперь возьмемся и за матушку.

Он вытер рукой лоб. Профессор Экслер с уважением смотрел на племянника: тот ловко нашел выход из непростого положения.

— Так, — взял инициативу в свои руки Дик, — хорошо. Дядечка, идите к сундуку!

— Но...

— Никаких «но». Идите! Так. Снимите лампу.

— Однако, Дик...

— Никаких «однако»! Мы с вами поменялись ролями, дядечка. Это вы мне приказывали, а я говорил «но» и «однако». Теперь наоборот. Никаких «однако», говорю я вам! Сняли лампу? Хорошо. Снимайте по одной и ваши книжки. Да поосторожнее! Так, подождите, я зайду с противоположной стороны, чтобы быть наготове. Хорошо. Поднимайте крышку. И не голыми руками, дядечка!..

— Ой! Обжегся!

— Я ж говорил: не голыми руками. Возьмите то полотенце. Хорошо. Раз... два... три!

Крышка с треском откинулась. Оба смотрели на сундук. Из него, как голова любопытного человека, выглянула верхняя часть большого голубого шара.

— Вылезай... ну вылезай же оттуда! — бормотал сквозь стиснутые зубы Дик. — Махните на нее рукой, дядечка!

Профессор выполнил приказ. Голубой шар вздрогнул и подался вверх, подхваченный горячим дыханием, повеявшим из сундука.

Насколько хватало шнура от вентилятора, Дик зашел за шар и направил на него воздушный поток от лопастей. Шар колыхнулся вбок, но, тем не менее, поплыл в нужном направлении. Он так же вибрировал, как и вначале; от него расходилось яркое сияние.

В комнате вдруг раздался выразительный хруст: это профессор Экслер уронил с носа очки и, забыв о них, раздавил ногой.

Но Дик ни на что не обращал внимания. Он старательно подталкивал шар к окну. Вот он уже приблизился к раме, совсем готовый выскользнуть наружу. Но что-то словно бы задерживало его... Дик подошел ближе, подставляя вентилятор почти вплотную к шару.

Однако огненный шар не хотел выходить за окно.

— Да пусть его бес ухватит! — выругался Дик. — Изменился ветер. Не пускает. Одного вентилятора здесь мало...

И именно в эту минуту профессор увидел, как осторожно шевельнулась ручка дверей: кто-то пробовал их отворить.

Одним прыжком профессор Экслер оказался возле дверей, стараясь остановить непрошеного посетителя: ведь любое стороннее движение могло повлиять на стабильность шаровой молнии, а это было чревато взрывом... Но было уже поздно.

Двери приотворились, и нерешительный, сладкий голос миссис Пунд произнес:

— Не время ли, дорогой господин профессор, попить чаю? Ведь все на столе уже с полчасца...

— К черту!.. — взревел профессор Экслер.

— Ой, меня уже нет! Я только напомнила... я...

Миссис Пунд исчезла. Профессор снова повернулся к окну, боясь взглянуть на Дика.

Однако тот стоял неподвижно, опустив вентилятор вниз. На его лице играла счастливая улыбка.

— А... молния? — едва слышно спросил профессор.

Дик небрежно махнул на окно:

— Вылетела! Уважаемая миссис Пунд помогла мне, отворив двери. Возник сквозняк, который подхватил нашу опасную гостью и вынес ее наружу. Конец. Поздравляю вас, дядечка!

Видя, что профессор молчит, растерянно мигая глазами и изумленно смотря на племянника, Дик добавил:

— Пойдемте-ка лучше выпьем чая. Кстати, поблагодарим миссис Пунд, которая помогла нам. А вообще, дядечка, в дальнейшем не ловите молний, даже шарообразных. Конечно, это очень интересно иметь миллионы вольт в сундуке, которые бесплатно обогревали бы нас... Но лучше пока обойтись без этого. Пойдемте! Я с наслаждением выпью аж пять стаканов чая за здоровья нашей опасной гостьи и дорогой миссис Пунд.

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

МЕРТВАЯ ВОДА

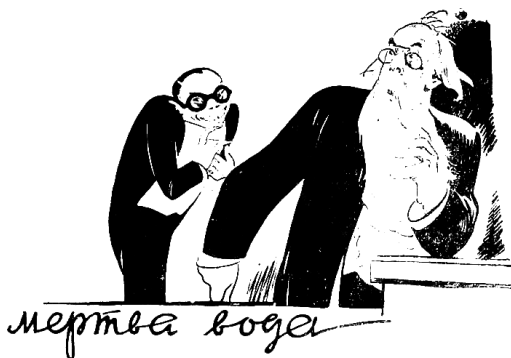
Фантастический рассказ

Перевод с украинского Я. Грекова

Рисунки В. Невского

В. Владко. Мертва вода: Оповідання / Мал. В. Невського //
Піонерія, 1934, №5-6

1

— Вот он, вот!.. Сам профессор Тарп! — пронесся по комнате сдержанный шепоток.

Зашелестели страницы записных книжек и блокнотов, нацелились автоматические ручки: репортеры приготовились.

Да, это был сам профессор Тарп, который сегодня, впервые за несколько лет, согласился принять репортеров европейских газет. Великий профессор Тарп, который до сих пор отказывался принимать любое участие в работе лабораторий научных учреждений; тот самый Тарп, что упрямо отказывался от любой помощи и государства, и гигантских промышленных корпораций, одинаково заинтересованных в его работе. Тот самый профессор Тарп, что высказался однажды перед представителями печати:

— Я горжусь тем, что моя работа независима. Я горжусь тем, что служу самой науке — и больше никому. Наука должна быть вне границ политики, она должна быть независима. Наука для науки, чистая наука — вот мой лозунг.

И сегодня профессор Тарп согласился наконец, после нескольких лет молчания, принять репортеров. Повод имелся веский: ему принадлежала большая честь стать изобретателем удивительного аппарата для добывания сказочной тяжелой воды, о которой так много писали научные журналы всего мира.

Профессор Тарп презрительно посмотрел на репортеров; его длинная седая борода качнулась вправо, влево и замерла, ухваченная профессорскими пальцами.

— Джентльмены! — начал он. — Джентльмены! Надеюсь, ваше время так же ограничено, как и мое. Посему, позволю себе высказываться коротко и конкретно. Всем вам известно, что формула воды H_2O . Это стандартная формула — и только. Равно как символы Н, ОБ, Р — и все это может определять разные вещи. Это не морфологические признаки, а...

Он остановился, сурово взглянув на одного из репортеров, поднявшего руку.

— Что такое? Да?

— Извините, глубокоуважаемый господин профессор, но... мы просили бы вас говорить, так сказать, немного популярнее... конечно, для нас все это в общем-то... гм... целиком понятно, но... но, гм... наши читатели, публика...

Этого было довольно, чтобы профессор Тарп вдруг рассердился:

— Читатели? Публика? — крикнул он. — Мне это безразлично! Пришло время уже всем понимать научный язык. Я не могу говорить иначе. Однако... А, ладно, идите сюда, Грехем. Господа, это мой помощник, мистер Грехем. Он попробует вам рассказать яснее. Читайте, что это говорю я. Грехем, объясните суть этим, гм, молодым людям.

Он победно взглянул на репортеров и поудобнее устроился в кресло, вытянув перед собой ноги. Грехем, сухой мужчина в очках, выступил на середину комнаты.

— Господа, — начал он, — я попро-

бую, если это мне будет позволено... Все вы, вероятно, слышали о так называемых химических элементах. Ведь простейшие вещества мы зовем элементами. Ну, например, водород, кислород, железо и т.п. Для каждого из этих элементов есть определенное место, предусмотренное знаменитой периодической таблицей известного химика Менделеева. Это с точки зрения химии. А с точки зрения физики — все элементы отличаются электрическим зарядом ядра своих атомов и весом этого ядра...

— Погодите, Грехем, — одернул его профессор Тарп, — оставьте о весе!

— Извините, профессор, — поклонился Грехем. — Сейчас я поясню. Главное, господа, это электрический заряд. Вот, предположим, атомное ядро железа имеет электрический заряд 26 условных единиц; это свойственно только железу. Только оно имеет такой заряд. А вес ядра атома железа, как это считалось до сих пор, — 56 условных единиц. Но физика установила, что есть другие атомы с таким же самым электрическим зарядом ядра 26, но уже с другим весом — не 56, а 54 единицы. Что же это за элемент? Элемент, который отличается от обычного железа лишь весом ядра?

— Новый элемент?... Гм... Запишем, — произнес один из репортеров.

— Никаких новых элементов, юноша! — зло выкрикнул профессор Тарп. — Вы ничего не понимаете. Молчите! Грехем, я не могу, скажите им сами...

Грехем заговорил вновь, так же спокойно, как и раньше:

— Конечно, это не будет новый элемент. Это будет такое же железо, как и обычное. Его даже почти невозможно выделить из смеси обычными нормальными химическими средствами. Только наиточнейший спектральный анализ покажет вам наличие этого нового железа, железа номер два. И такие элементы-близнецы очень распространены. Мы имеем теперь уже два железа, два водорода, три серы, целых семь вариантов ртути, и даже одиннадцать разных олов. Надеюсь, господа, это понятно... — Грехем сделал коро-

тенькую паузу и не скрывая иронии, добавил: — ...для ваших читателей, господа?..

Тот же самый репортер радостно откликнулся:

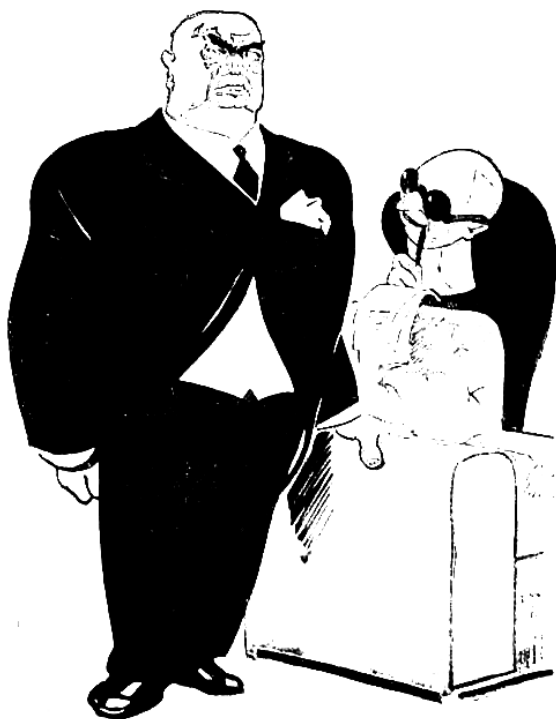
— О, да, безусловно! И все это...

— Все это называется изотопами! — нетерпеливо перебил его профессор Тарп. — Ведь об этом даже мой кот Том знает...

— Новые... элементы... называются... изотопами, — бубнил репортер, старательно записывая в блокнот.

— Молчите! Не пишите такого! — снова закричал Тарп. — «Ничего подобного! Нет никаких новых элементов. Ой, я не могу с этими дур... ой, извините, я не то хотел сказать... Бинч, объясните же им. Господа, это мой второй помощник.

Мистер Бинч, коренастый мужчина с лысой головой, говорил еще спокойнее, чем Грехем:

— Господа, профессор Тарп просит вас иметь в виду: никаких новых элементов нет. Понимаете, нет. Видите ли, это как будто близнецы. Они из одной семьи. Понимаете? И такую семью приходится полностью вмещать в одну клеточку таблицы Менделеева, уплотняя, так сказать, ее жил-площадь. Вот почему мы называем таких близнецов изотопами: поскольку на греческом языке «изо» означает «одинаковый», а «топос» — значит «место». Вот и все.

Репортеры записали последнее слово — и один из них спросил:

— А причем тут эта самая тяжелая или мертвая вода?..

— Мы предположили, что может существовать такая вода, в которой вместо обычного водорода есть его близнец, тяжелый водород с точно таким же электрическим зарядом атомного ядра, но другим весом, вдвое более тяжелым по сравнению с обычным. Химическая формула этой воды не изменится, но сама жидкость будет немного другой. И мы нашли эту воду после долгой и упорной работы. Она замерзает при более высокой температуре, и кипит так же при более высокой, нежели обычная вода. И эта вода более тяжелая по сравнению с обычной, как вам легко понять из названия.

— А почему вы называете эту воду еще и мертвой?..

Бинч раскрыл было рот, чтобы ответить, но властный голос профессора Тарпа остановил его:

— Стоп! Грехем, Бинч, прошу немедленно за мной, в лабораторию. Довольно разговоров! У меня возникла интересная мысль. Надо ее немедленно проверить. А вам, господа репортеры, все, что надо, скажет мой третий помощник, мистер Охаси.

Тарп вышел. Грехем и Бинч поспешили за ним. Охаси, маленький стройный японец, с узкими глазами, прятавшимися за большими круглыми очками, видимо, недовольный тем, что ему приходится терять время на болтовню, поспешил закончить разговор:

— Относительно названия “мертвая вода”, — быстро проговорил он. — Это произошло вот почему. Мы пробова-

ли брызгать такой водой зерна. И зерна сразу становились мертвыми, они потом не прорастали... Мы побрызгали такой водой насекомых — и насекомые сразу погибли. Мы побрызгали кролика — и он умер так же, как и другой кролик, которому мы дали выпить тяжелой воды. Мы назвали эту воду мертвой, потому что она убивает все.

— Яд?..

— Нет, этого мы не знаем. По правде сказать, это что-то большее, чем яд. Потому что яд действует, лишь попав в организм или в кровь. А мертвая вода убивает, даже лишь затронув живое существо.

— И аппарат профессора Тарпа?..

— Об аппарате ничего не могу сказать. Он пока что конструируется. Извините, господа, мне надо идти, меня тоже ждет работа.

2

Вообще профессор Тарп с помощью своих помощников рассказал репортерам все совершенно верно. И не его вина, что репортеры остались недовольными, ведь им, прежде всего, хотелось все разузнать о новом аппарате профессора Тарпа. Но говорить об этом аппарате было еще рано. Его модель только установили в лаборатории, и он был еще не испытан в работе.

Прошла всего неделя, — и положение резко изменилось. Правда, теперь на профессора Тарпа не наседали незнайки-репортеры, и его ничто не раздражало. Но, — тем не менее, он ни за что не был бы таким веселым и разговорчивым, если бы не закончил модель. Аппарат работал. Аппарат, который мог извлекать тяжелую воду в неограниченном количестве, — был готов.

Профессор Тарп сидел в уголке лаборатории в своем любимом кресле. Поглаживая седую бороду, он торжественно говорил:

— Итак, друзья мои, аппарат работает! Это настоящая победа! Вот она, тяжелая вода, собирается капля за каплей. Но давайте повернем эту ручку, увеличим общий поток воды, которая проходит через аппарат. И, смотрите, — тяжелая вода теперь отделяется уже не каплями, а льется сплошной струей. Это победа! Друзья мои, поздравляю вас!

Помощники профессора внимательно слушали его: Гре-хем, — стоя возле аппарата, словно готовый защищать его

от кого-то; Бинч, — не отводя глаз от большой бутылки, где собиралась тяжелая вода; Охаси, — нервно потирая сухие пальцы своих маленьких рук.

Первый ответил профессору Грехем:

— И при этом нам уже не надо испарять тонны воды, чтобы достать частицу грамма воды тяжелой...

— Чрезвычайно, господин профессор, — отозвался и Бинч. — Это, по моему мнению, гениальное изобретение.

— Примите и мое почтение, господин профессор, — тихим приятным голосом добавил Охаси. — Я захвачен вашим новым аппаратом...

Профессор Тарп удовлетворенно улыбнулся:

— Да-да, мои друзья, и я очень рад. Теперь наука пойдет другими путями. Мы не будем жалеть воды для исследований. Грехем!

— Слушаю, господин профессор.

— А помните, как мы начинали? Когда решили, что тяжелая вода есть в обычной? И начали испарять воду, считая, что тяжелая вода в этом процессе останется, и будет испаряться последней?.. А?

Грехем задумался. Вместо него ответил Бинч.

— Все верно, господин профессор. И мы испарили около двух тонн воды. И вследствие этой гигантской работы получили...

— Всего три четверти грамма тяжелой, — засмеялся Охаси.

Тарп разгладил свою бороду:

— Ну, довольно воспоминаний. Ха-ха-ха, из двух тонн — три четверти грамма, ха-ха!.. Ох, и работа была... Но — я сказал, что довольно вспоминать. Кто это снова упоминает о прошлом? Довольно, я говорю! Ха-ха, с двух тонн — три четверти грамма!.. А?.. Ну, к работе! Охаси, прошу вас измерить количество тяжелой воды за минуту. Интересно знать точно, сколько мы ее отделяем...

Он прищурил глаза, задумавшись. Грехем внимательно посмотрел на Охаси, что старательно высчитывал что-то в своей записной книжке, и шепотом сказал Бинчу:

— Бинч, между нами говоря, не кажется ли вам, что этот японец принимает чересчур активное участие в работе над новым аппаратом?.. Что-то мне это не нравится...

— Тише, Грехем, — так же шепотом ответил Бинч. — Я замечаю это и сам. Охаси явно втирается в доверие к профессору...

— Так, так, Охаси, хорошо, — прозвучал снова голос Тарпа. — Итак, мы отделяем прочь всю тяжелую воду от обычной. Благодарю, Охаси, довольно. Теперь все очень просто. Никакой мороки. Из водопроводной трубки вода течет к моему новому аппарату, она проходит сквозь него и льется себе дальше. Вода совсем не изменилась. Но аппарат успел выделить из нее всю тяжелую воду. И мы имеем, таким образом...

— Литр тяжелой воды на тонну, — договорил за него Охаси.

— Правильно, — подтвердил профессор, победно поглядывая на помощников, — правильно. И это очень просто. Электрический ток нужной мне частоты выбивает молекулы тяжелой воды. Так?

Охаси чуть склонил голову:

— Все решает частота тока, господин профессор. Если она больше, чем восемь тысяч периодов в секунду...

Он не закончил и едва удержался, чтобы не прикусить себе губу. Но Тарп уже подозрительно смотрел на него:

— Откуда у вас эти цифры, Охаси? Ведь я о них ничего не говорил.

Однако Охаси уже опомнился:

— Господин профессор, я только предположил, что суть в том, что... я думал... я рассчитал...

— Это не ваше дело, Охаси. Рассчитывать — мое дело, — раздельно и сурово проговорил Тарп. — Эту цифру должен знать только я, и больше никто. Довольно об этом. Я верю вам, Охаси. Господа, — обратился он к помощникам, — прошу в экспериментальную лабораторию. Я хочу провести маленький опыт. Грехем, принесите

кролика. Бинч, приготовьте хронометры и генератор. Охаси, вам придется взять отсюда десять граммов тяжелой воды. Ясно?

— Столько много?

— Верно, но ведь мы теперь можем тратить ее, не жалея: Грехем, Бинч! Ага, они уже ушли?.. Хорошо... Сейчас идем и мы.

Профессор Тарп подошел к аппарату.

— Работает... И неплохо работает... А все-таки мне не хватает денег. Ведь на самом деле эту модель надо было сделать значительно большей, Охаси, значительно!.. Ну, ничего, зато я ни от кого не завишу. Меня никто не контролирует, гм, я никому не позволяю этого, вот что...

Охаси пристально посмотрел прямо в глаза профессору. Выдержав паузу, он осторожно заговорил своим обычным тихим голосом:

— Но, господин профессор, с деньгами можно было бы поставить дело значительно шире...

— Я знаю это, — ответил Тарп.

Голос Охаси стал еще вкрадчивей:

— И главное, вас никто ни к чему не обязывал бы, так же, как и теперь... Ведь разве было бы в ущерб, господин профессор, если бы еще кто-то другой работал возле вашего аппарата?..

Тарп снова подозрительно посмотрел на Охаси:

— Что вы хотите сказать?

Теперь Охаси уже не говорил, а почти пел, — слова, словно сладкий мед, лились из его рта:

— Предположим... только предположим, ничего больше, господин профессор, что какая-нибудь организация... или государство... скажем... ведь это же только предположение... какое-то государство предложило бы вам солидную сумму денег за то, чтобы вы дали ей расчеты и чертежи вашего нового аппарата... и даже обязалась бы обо всех своих экспериментах с тем аппаратом сообщать вам... А ваше имя так же фигурировало бы во всех работах... Что бы вы на это ответили, господин профессор?..

Тарп гроыхнул кулаком по столу. Голос его загремел, как гром:

— Я выгнал бы из своего кабинета человека, который осмелился бы намекнуть мне на такое предложение! Я выбросил бы его в окно, Охаси! Слушайте, разве вы не понимаете, что мой аппарат использовали бы, прежде всего для военных нужд!.. Я не хочу этого. Довольно болтовни, Охаси! У нас мало времени. Я иду в лабораторию. Берите тяжелую воду и поспешите туда.

Раздраженно посапывая, Тарп вышел. Охаси злобно посмотрел ему вслед. Бледное его лицо искривилось, и он чуть слышно промурлыкал:

— Так-так... а я-то думал, старый, что ты сохранил хоть немного здравого смысла... Ну ладно, видно, я ошибался... Что же, у нас остается другой путь... Пусть будет так!..

3

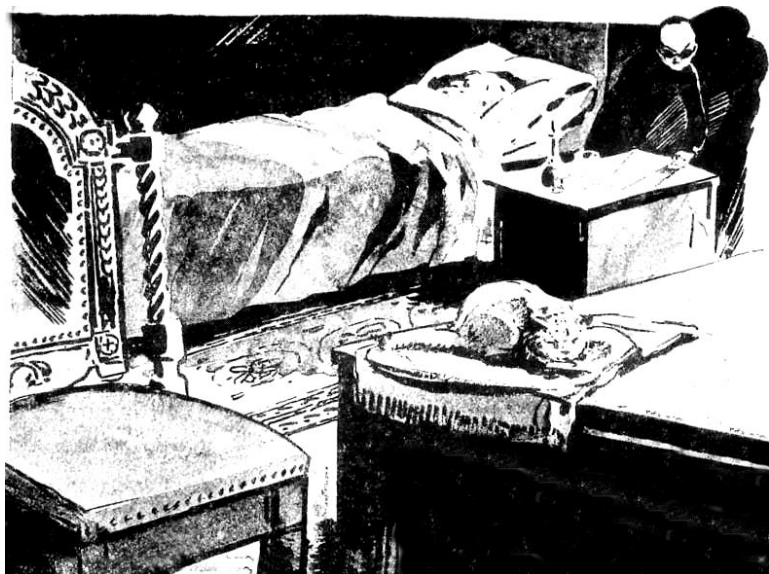
Не ошибался ли профессор Тарп, думая, что о его изобретении мало кто знает? Ведь его аппарат открывал новую эру в добыче тяжелой воды. В самом деле, если бы этот аппарат поставили где-нибудь в городском водопроводе так, чтобы сквозь него проходила вся вода, которую потребляет город, — сколько тяжелой воды от обычной отделил бы через сутки аппарат Тарпа!..

Но профессор Тарп не задумывался над этим. Он находился в эйфории от столь успешного результата работы. Двое суток он и его помощники не выходили из лаборатории. И, когда миновали третьи сутки, бледный от усталости профессор решил отдохнуть. Он записал данные последнего опыта, простился с ассистентами, и они разошлись по своим комнатам в доме профессора Тарпа.

Профессор долго не мог сомкнуть глаз. Его мысли были поглощены научным опытом. Но, в конце концов, усталость взяла свое. Тарп заснул.

В его спальне было тихо и темно. Лишь было слышно, как тяжело дышал профессор, что-то бормоча во сне. А на

стуле, на своей подушке, дремал любимый кот профессора, Том. Бледные серебристые лучи Луны едва заметно пробились сквозь оконные шторы.

И вдруг кот приподнял голову и зашевелил усами. Что случилось?

По спальню прошмыгнула какая-то бесшумная ловкая тень. Легким движением она юркнула мимо кровати, где спал Тарп, лишь на миг задержалась возле маленького прикроватного столика, — и тут же исчезла. Это произошло так быстро, что даже кот не успел ничего увидеть.

Он пошевелил усами, нехотя выпрямился и, мягко соскочив со своей подушки, подошел к кровати. Выгнув спину, Том ласково потерся головой об профессорскую руку, свисавшую с кровати. Этого оказалось довольно, чтобы тот проснулся:

— Кто это? Том, это ты?.. Безжалостное животное, будить меня, когда я так утомлен!.. Чего тебе?

Том выгибался, мурлыкал, шершавым языком лизал руку Тарпа.

— А, тебя, небось, мучит жажда? Пить захотел? Хорошо, сейчас дам...

Профессор протянул руку к своему ночному столику, на который, ложась спать, всегда ставил стакан с водой. Стакан находился на традиционном месте. Тарп налил воды на блюдечко и подал Тому:

— На, пей. И, пожалуйста, дай мне поспать еще.

Кот удовлетворенно замурлыкал и начал лакать воду.

Но почти в тот же миг он скорчился, мяукнул — и тяжело упал на ковер. Лапы его вытянулись, шерсть встала дыбом. Он не двигался. Профессор похолодел.

Дрожащими пальцами он включил свет:

— Том, что такое? Что с тобой?.. Он мертвый! Он скрутился кольцом, как вчерашний кролик, которому мы дали выпить тяжелой воды... мертвой воды...

Профессор вскочил с кровати и стремглав бросился в комнату Грехема, ближайшую из всех. Остановившись перед дверью, он завопил:

— Грехем! Грехем!

Послышался полусонный голос Грехема:

— Алла, профессор, что произошло?

Через полминуты профессор смотрел, как Грехем внимательно осматривал мертвого Тома. В конце концов, Грехем подвел итог:

— Профессор, может, я ошибаюсь, но мне кажется, что это влияние мертвой воды. Надо немедленно проанализировать воду, которая осталась у вас в стакане. Вы можете сейчас пройти в лабораторию?

Тарп шагал следом за Грехемом, шепча:

— Итак, если бы не Том, я наверняка выпил бы сам эту воду и лежал бы теперь мертвый...

Вдруг Грехем остановился:

— Тсс... здесь кто-то есть. Алло, это вы, Бинч? Почему в лаборатории свет? Кто там?

Напряженный тихий голос Бинча ответил:

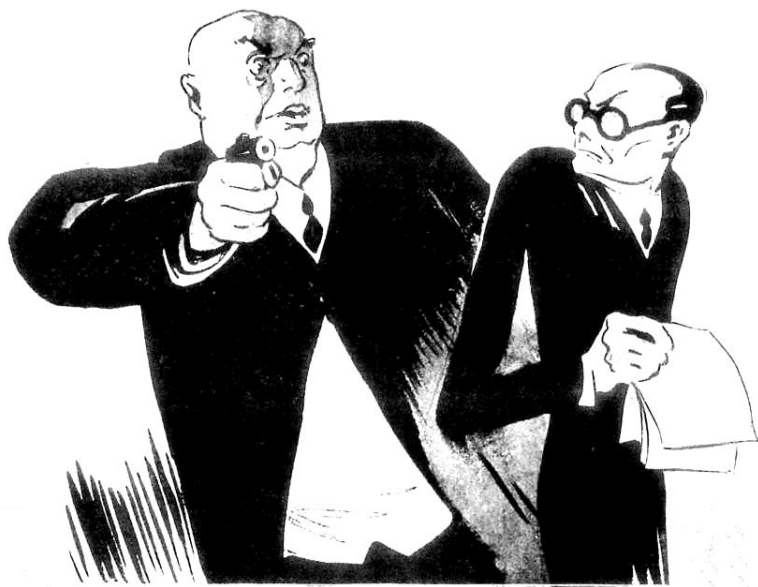
— Тише, Грехем, тише... Ага, и профессор с вами? Тише! Я услышал шум в лаборатории и решил проверить...

Мне кажется, что там Охаси... Ваш револьвер с вами, Грехем? Будьте наготове, внимание!

Бинч быстрым движением распахнул двери и, направив вглубь комнаты свой револьвер, крикнул:

— Стой! Ни с места! Буду стрелять! Стой!

Не веря своим глазам, профессор Тарп увидел, как от стола, где стояла модель аппарата, отпрыгнул человек. Это был Охаси! Японец бросился к окну, на ходу пряча в карман какие-то бумаги.

— Стой! — прозвучал снова голос Бинча. — Стой!..

Резко треснули выстрелы. Один, второй... Охаси упал, как подкошенный. По виску тоненьким ручейком стекала кровь.

Профессор покачнулся.

— Вы убили его, Бинч?

Но Бинч лишь махнул профессору рукой — с досадой, как человек, которому мешают.

— Подождите, профессор. Грехем, посмотрите, действительно ли он мертвый? От него можно ожидать всего...

Грехем склонился над телом.

— Так... Он мертвый.

— А что это за бумаги? — спросил Бинч. — Дайте их.

— Но... почему вы приказываете? — изумленно взглянул на Бинча Грехем.

— Прошу без возражений. Смотрите сюда. Видите?

Голос Бинча звучал властно. Грехем посмотрел туда, куда Бинч показывал рукой. Туда же смотрел и Тарп. Бинч отогнул борт своего пиджака: под ним виднелся небольшой значок агента тайной полиции.

Тарп не выдержал:

— Вы... вы агент тайной полиции, Бинч?..

Бинч спокойно ответил:

— Но вам от этого, профессор, только лучше. Ведь... Ага, послушайте этот рапорт. Треклятый японец действительно был шпионом. Слушайте.

Он громко прочитал:

«Директору ГУ отдела департамента внешней разведки господину Мирусави. Учитывая то, что известный вам человек отказался от переговоров по поводу продажи для наших потребностей расчетов и чертежей его нового аппарата, мне пришлось принять решительные меры. Сегодня ночью вследствие несчастного случая профессор Тарп погиб, случайно выпив вместо обычной воды мертвую...»

Тарп воскликнул:

— Что?.. Я погиб?.. Ах, так... понимаю... Негодяй! Это его работа — смерть бедного Тома... И так равнодушно написал заранее об этом рапорт...

— Одну минутку, профессор, — остановил его Бинч, — надо дочитать...

«Итак, вместе с этим пересылаю к вам, господин директор, чертежи аппарата и расчеты, которые мне повезло скопировать самому во время работ в лаборатории. Одновре-

менно имею честь сообщить, что работа по добыванию чертежей известного вам тяжелого танка в штабе...»

— Стоп, Бинч! — властно прозвучал голос Грехема.

— Что такое? — изумленно поднял голову Бинч.

Грехем шагнул к нему:

— Бумаги сюда. Вот вам небольшая карточка. Видите?

Бинч взглянул на маленькую зеленую карточку, которую Грехем вынул из бокового кармана, и сразу выпрямился, подавая бумаги:

— Извините, мистер Грехем... Я же не знал, что вы агент генерального штаба... Извините... вот, прошу... вот бумаги.

Профессор Тарп растерянно опустился в кресло, беспомощно посматривая то на Грехема, то на Бинча:

— Как?.. И вы, Грехем?.. Вы - агент генерального штаба?.. Нет, этого не может быть... Вы же мой помощник...

Холодный, вежливый Грехем, новый Грехем, ответил ему:

— Совершенно верно, я ваш помощник. И вместе с тем, имею некоторые доверенности от нашего генерального штаба. Разве это вам чем-то помешало, господин профессор?

— Какой ужас, — простонал Тарп, — какой ужас... Ох-си — агент японской разведки, шпион, хотел убить меня. Бинч — агент тайной полиции... Грехем — агент генерального штаба... Можно сойти с ума! Мои помощники — агенты. Значит, вы следили за каждым моим шагом?.. Я не выдержу этого... Моя наука... Моя работа!..

Грехем поднял руку.

— Незачем так волноваться, господин профессор. Все обстоит превосходно. Мы оберегали вас от опасности. Вот вам довод — этот мертвый шпион. Позвольте провести вас в кабинет. Вам надо немного отдохнуть.

— Нет! Это невозможно! Я, старый дурак, болтал, мечтал о своей независимости, о чистой науке... а справа от меня была тайная полиция, налево — генеральный штаб... И еще этот шпион-японец...

Грехем сдвинул брови, недовольно скривив лицо:

— Мистер Бинч, пожалуйста, проведите профессора в его кабинет. Господин профессор весьма волнуется. Вызовите врача.

— Есть, мистер Грехем, — воскликнул Бинч. — Прошу, господин профессор, дайте вашу руку. Так, спокойнее!

Профессор Тарп медленно пошел, покоряясь энергичным движениям Бинча. Он слышал, как Грехем снял телефонную трубку и произнес:

— Алло! 18-44-63. Да. Восьмой отдел штаба? Да. Кабинет полковника Джонсона? Да. Это я, агент Грехем. Да. Извините, что беспокою вас. Господин полковник, случились неожиданные события. Охаси действительно был шпионом, он покушался на жизнь...

Дальше Тарп уже не слышал. Он покачнулся и упал без сознания на руки агента тайной полиции Бинча...

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

• ————— •
**МАТЬ ВСЕХ ЦВЕТОВ
И ВСЕГО ЖИВОГО
(Таинственная орхидея)**

Фантастический рассказ
Перевод с украинского Я. Грекова

Рисунки В. Невского, Г. Малакова, А. Гороховцева

*Под названием «Таємниця орхідеї»: Оповідання//
мал. худ. Невського// журнал «Піонерія». 1935. № 9.
Також входить в збірник «12 оповідань», 1936 г.
Илл. А. Гороховцева.
Иллюстрация Г. Малакова из «Твори в п'яти томах. Т.5»*

Таянища Оухидеї

В. ВЛАДКО

Мал. худ. НЕВСЬКОГО

1

Кто не знал в Брюсселе блестящего офицера, лейтенанта бельгийской королевской армии Альберта Фаберне? Кто не знал его подкрученных черных усов, его никелированной сабли, его громкого голоса?

Не был такого праздника, или большой вечеринки, где не обращал бы на себя внимания публики этот элегантный офицер. И в ту пору ничто не пророчило ему столь неожиданного путешествия в Центральную Африку — в страну грязных черных обезьян, как называл лейтенант Фаберне людей, обитавших в далекой Африке — негров банту (но, разве, по его мнению, они заслуживали, чтобы их называли иначе?). Для него это был рабочий скот, рабы — вот и все, что он предпочитал знать о них. Да и кто из окружения лейтенанта Фаберне вообще что-то знал об Африке, кроме того, что африканский уран и фруктовые акции дают их владельцам большие прибыли? Никто и ничего. Далекая, непонятная страна, откуда бесконечной рекой плывет богатство для тех, кто владеет ценными бумагами и акциями, страна, до сих пор полная загадок и тайн, неизвестных белым. Страна,

на карте которой до сих пор иные реки обозначены лишь пунктиром — и никто не ведает, откуда берет свое начало капризное течение каких-то там Санкуру, Луалаби, Ломами — притоков большого Конго.

Никогда не думал об этом и лейтенант Альберт Фаберне. Ценных бумаг он не имел, коммерческие сделки его не интересовали. Он любил веселье, вино, женщин, танцы, карты. Притом, все эти склонности доблестного офицера считались в обществе даже почетными. Куда меньше нравилось окружающим, что лейтенант Фаберне, увлекшись картами, непременно почему-то выигрывал. Но что поделать: таким способом лейтенант находил себе деньги на вино и веселье.

Как именно удавалось ему всегда выигрывать — было для всех загадкой. И лишь однажды... Скажем просто: в один несчастливый день лейтенанта Фаберне поймали на шулерстве. Разгадка оказалась проста: лейтенант играл нечестно, был прохиндеем. Фаберне заполучил несколько позорных пощечин и был выброшен из клуба. Закончилась на этом и его карьера лейтенанта. Фаберне оставалось только одно: пойти в отставку.

Но... но был еще один выход из неприятной ситуации. И лейтенант Альберт Фаберне воспользовался им.

Он поехал в Бельгийскую Центральную Африку и стал начальником урановой фактории Агуин. Здесь под командой Фаберне размещался отряд из десятка солдат и одного, всегда полупьяного сержанта. Они были одновременно и охранниками и служащими урановой фактории Агуин. С их помощью лейтенант Фаберне должен был ежемесячно извлекать нужное количество урановой руды. Нет, нет, не следует думать, что кто-то из личного состава фактории, а тем более сам лейтенант Фаберне, брался за грязную лопату. Для этого существовали туземцы, негры. Раньше туземцы просто выплачивали налоги. Но с тех пор, как акционерное общество «Транс-Уран» в поисках дешевой руды простерло свои шупальца даже в наидичайшие чащи Экваториальной Африки, положение изменилось.

На больших приисках работали перемещенные туда тысячи негров; они жили в лагерях, окруженных колючей проволокой, под надежной охраной. Богатейшие запасы ценной руды, на которую в Америке был большой спрос, оправдывали затраты на оборудование и охрану. В Агуини запасы руды были незначительные, но зато прииски не нуждались в сложном оборудовании.

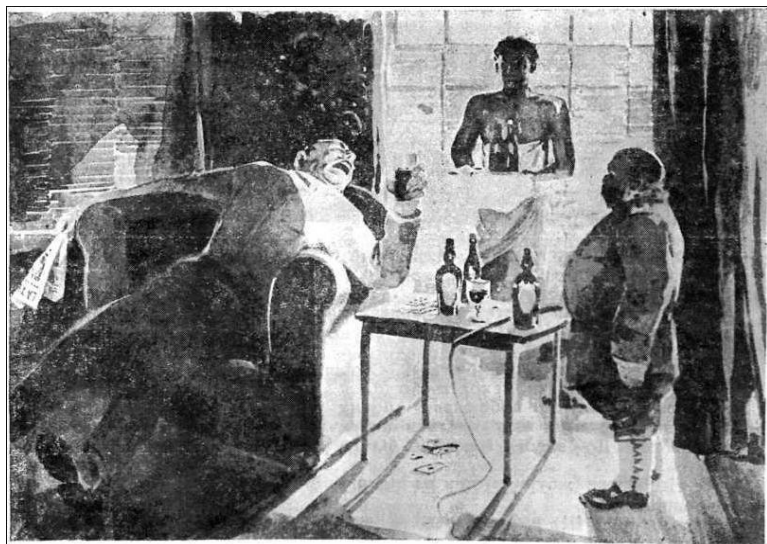
Река Дуала несколько лет тому изменила свое русло, отошла в сторону — и открыла неглубокие пласты урановой руды, которую можно было извлекать просто лопатой. Правда, залежи руды залегали в болотах, но это уже было дело негров. Теперь они должны были платить все налоги только урановой рудой. Ни деньгами, ни чем-то другим фактория налогов не принимала, а за неуплату жестоко наказывала туземцев.

Собирать эти взносы, причем только урановой рудой, и наказывать, собирать и наказывать — такой была задача лейтенанта Фаберне. Это ему хорошо втолковали еще в Бельгии, перед отъездом. Более того, лейтенанту пообещали, что ровно через два года он сможет вернуться в Европу, если на протяжении двадцати четырех месяцев фактория будет исправно поставлять определенное количество руды. А с добычи, которую фактория сдаст свыше нормы, лейтенант будет исправно получать премию, которой ему хватит, самое меньшее, на год развлечений в Брюсселе. Для этого надо лишь лучше принуждать ленивых негров извлекать руду — вот и все.

— Черных, отвратительных, грязных обезьян — негров... — со злостью повторял лейтенант.

2

Сегодня лейтенант Фаберне особенно томился от скуки. Он сидел в удобном кресле и обмахивался только что полученным журналом десятимесячной давности. Перед лейтенантом на столе стояла полупустая бутылка крепкого вина. Что ему оставалось делать, как не пить?..

Пить, без конца перелистывать старый журнал, разговаривать с самым собой — потому что нельзя же много поговорить с тем же сержантом Кокилем. К тому ж это отрицательно повлияло бы на дисциплину. Однако как же скучно разговаривать с самым собой!

— Проклятая страна, — брюзжал Альберт Фаберне, — проклятая!.. Кажется, я никогда не привыкну к этим отвратительным черным неграм. К их блестящим глазам, которые только и знают, что следят за моими движениями, к их черной, словно намащенной маслом коже. И подумать только, прошло всего лишь четырнадцать месяцев... четырнадцать месяцев! Год и два месяца, если вам угодно!.. Нет, не так, пусть его бес ухватит, не так! Уже год и два месяца прошли. А осталось ждать еще... тьфу, все равно осталось невероятно много!

Он дрожащей рукой схватил стакан с вином и выпил до дна.

— Очень много! Только и радости, что вино... Только и надежды, что на возвращение. Снова в Европу, снова к истинной жизни. Фу, которая жара! Кажется, будто тебя поли-

вают сухим кипятком... Фу!.. Только вино и спасает. Вот, налью — и выпью еще... так, фу!.. Еще десять месяцев быть здесь...

Руки лейтенанта бессильно повисли по бокам кресла.

— Тот директор сказал: «Мы даем вам возможность восстановить свою карьеру. Если все будет хорошо... Шесть тонн руды... каждый месяц... и мы вас возвратим в Европу. Но — помните! — шесть тонны руды. Помните, что ваша премия зависит от них». Так сказал директор... а он, бестия, деловой человек! Фу, какая жара!

Мало-помалу лейтенант ощутил, как обычная опьяненность охватывает его. От жары он совсем разомлел, но злость не прошла — ему хотелось кого-нибудь бить, кому-то сурово приказывать, на кого-то кричать...

— И... и я могу умереть здесь, не дождавшись... Уф, какая жара!.. Вот выпью еще... Так. Молчать! Кто смеет разговаривать, когда говорю я?.. Молчать! И еще вот выпью. Так лучше. Фу!.. А как вернусь в Европу, беса лысого меня кто-нибудь поймает на шулерстве, когда буду играть в карты. Ха-ха-ха, никто не поймает! Все ваши деньги будут мои, дураки чертовы. За эти три месяца я придумал новый ловкий фокус. Вот, вот... сейчас!

Альберт Фаберне извлек из кармана колоду карт — с ней он никогда не расставался.

— Вот они, мои карты. Так — раз-два-три... видите? Хоть бы сколько у вас было — все одно я буду иметь больше очков. Ха-ха-ха!.. Теперь я уже не шулер, а артист шулерства, я профессор мошенничества... Молчать! Кто разговаривает?.. А? Великолепно?! Ха-ха-ха!..

Громкий хохот звучал в комнате, и солдаты боязливо прислушались к нему, проходя мимо дома: лейтенант Фаберне свирепствовал.

— Вот, еще выпью, — и не боюсь никакой жары. Мне на все наплевать. Постой, а где же вино? Неужели я все выпил?

Бутылка стояла на столе пустая. Лейтенант Фаберне злобно стукнул по столу кулаком:

— Сержант! Сержант Кокиль! Эй, Кокиль! Куда вы подевались?

На пороге возник небольшой, с длинными руками и коротким туловищем сержант Кокиль, очень напоминающий гориллу.

— Слушаю, господин лейтенант.

— Э-э... Кокиль, друг мой, дайте мне сюда еще вина. Эта черная обезьяна Нгами снова куда-то исчез. Где он, я вас спрашиваю, а? Где этот Нгами? Молчать! А?

— Позвольте доложить, господин лейтенант, но он вот, здесь. Ваш прислужник Нгами уже принес вам вино.

— Что? Что такое? Нгами, ты принес вино?

Высокая черная фигура коренастого молодого негра сделала шаг вперед, к лейтенанту:

— Да, масса лейтенант, принес. Вот оно.

Лейтенант даже улыбнулся:

— Ой, которая ты хорошая, черная обезьяна! Ну, давай сюда. Но как ты смеешь стоять здесь так свободно? Что? Прочь! Прочь, обезьяна! Фу, какая же жара. Выпьем, сержант... Точно... Фу!..

Сержант таинственно наклонил голову к нему:

— Позвольте доложить, господин лейтенант. Там делегация от негров.

— Что? Какая еще делегация?

— Они пришли, господин лейтенант, якобы о чем-то вас просить. Думаю, господин лейтенант, о налогах.

Лейтенант Фаберне даже закашлялся от смеха:

— Они пришли делегацией? Ой, которая смешная картина! Черные обезьяны пришли делегацией? Ой, не могу, ха-ха-ха!.. Вот я им сейчас покажу делегацию, давайте их сюда.

— Но, господин лейтенант, — голос Кокиля прозвучал еще таинственнее, — но, позвольте доложить, они весьма встревоженные, гм, возбужденные... и с ними их старейшины...

— Кто кому приказывает, сержант Кокиль? Я вам или вы мне? А? Молчать! Давайте сюда эту делегацию. Ну?..

Снова звякнула бутылка: лейтенант готовился встретить негров.

Двери распахнулись. Негры входили боязливо, по порядку. Это были старики, две женщины и даже старый жрец, обвешанный амулетами. А позади, словно прячась за других, стоял Нгами, слуга лейтенанта. Лицо напряжено, челюсти сжаты. Он молчал. Лейтенант повел головой. Его правая рука ухватила со стола короткий ременной стек.

— Ну, — произнес он, — ну! Это вы, черные обезьяны, — делегация? Да знаете ли вы вообще, что такое делегация? Хорошо, послушаем вас. Ну, чего вы хотите?

Негры загомонили все сразу:

— Масса лейтенант, мы голодаем...

— И наши дети умирают...

— Нам нечем их кормить...

— А солдаты гонят копать руду...

— У меня взяли единственного теленка...

— А уменя даже посуду...

— Заткнитесь вы, — громыхнул лейтенант Фаберне, — заткнитесь! Всем молчать! Ха-ха, делегация, а галдят, как бабы на базаре. Ну, говори кто-нибудь один.

И лейтенант победно взглянул на сержанта Кокиля: а что, дескать, разве я плохо разговариваю с этими обезьянами?

Негры снова загомонили:

— Мы не можем все время копать руду!

— Масса лейтенант, у нас умирают дети...

— И старики умирают...

— Мы голодаем...

— Едим коренья...

— Люди гибнут в болоте...

Дальше все смешалось в раздражающем гаме. Этого лейтенант Фаберне уже стерпеть не мог. Он поднял вверх стек — и негры смолкли, подавшись назад. Лейтенант оглянулся на Кокиля: лицо сержанта было смурным. Лейтенант вспомнил предупреждение Кокиля о взбудораженности негров, вспомнил, что сержант живет здесь уже несколько

лет и хорошо знает негритянские обычаи. Нет, негров нельзя выгонять, могут возникнуть осложнения... тогда прекратится добыча руды. А возвращение в Европу? А премия? Нет, надо поговорить с ними.

— Молчать! Пусть говорит кто-то один. Иначе всех выгоню. Слышите?..

Негры переглянулись. Никто не отважился говорить за всех. И вот высокая черная фигура выступила на несколько шагов вперед и остановилась перед сбитым с толку лейтенантом! Какая наглость! Это же Нгами, его слуга!

— Что? Что такое?.. Ты, Нгами, черная обезьяна, хочешь говорить за всех, ты, мой прислужник? И как ты смеешь? Молчать! Вот я тебя...

Но лейтенант не успел вскочить и замахнуться стеклом, поскольку ощутил осторожное прикосновение к сво-

ему плечу. Сержант Кокиль выразительно зашептал ему на ухо:

— Господин лейтенант, позвольте доложить, пусть Нгами скажет... они, эти негры, очень раздражены...

Тем временем, Нгами уже начал говорить:

— Масса лейтенант, у меня нет длинных слов. Негры хотят есть так же, как белые, масса. Негр голодный, бедный негр. Ему нет денег, ему нет кого нанимать работать. Солдаты принуждают копать руду. А кушать нету, ничего нет... Это лето — совсем голодное лето. Масса прикажет не выгнать копать руду, негры будут жить. Масса велит копать руду, негр умирает. Негры просят позволить работать на поле, потом снова копать руду.

Теперь лейтенант Фаберне понял все. Негры не хотят копать руду! Это было больше, чем бунт. Это создавало угрозу всем надеждам лейтенанта, угрозу его возвращению с премией в Европу! Неистовая злость охватила лейтенанта Фаберне:

— Что? Не копать руду? А что же, я сам буду копать ее за вас? Что? Молчать! Или буду ждать, пока вы отдохнете — год, может и два?.. К черту! Молчать! Убирайтесь прочь! И — за работу! Я вам покажу!..

Недовольный гул был ему ответом. Лейтенант вскочил на ноги и поднял стек:

— А, вы еще стоите?.. Вот вам, вот вам, вот вам! Вот еще и тебе, отвратительная обезьяна!..

Он стегал стеком направо и налево, стараясь метить по лицам. Негры, закрывая головы руками, медленно отступали. Сказывалась многолетняя привычка страха перед гневом белого человека. Но в один миг ситуация вдруг изменилась. Неожиданно Нгами молниеносно подскочил к лейтенанту, выхватил из его рук стек и замахнулся на белого:

— Негр черный, негр не обезьяна! Масса белый, масса хищник! Белые хищники сосут кровь черных. Хищников бить! Так — вот... вот!.. На плече лейтенанта посыпались крепкие удары его собственного стека. Нгами бил изо всех сил, несмотря на крик лейтенанта:

— Ой-ой!.. Сержант!.. Стреляйте в него!.. Ой!.. Солдаты... схватите его!..

Но сержант колебался, видно, опасался крепких рук Нгами, потому как не сдвинулся с места и только выкрикивал:

— К оружию! К оружию! Негр бьет белого! К оружию!..

Однако Нгами уже швырнул стек на пол, выкрикнув:

— Прощайте, масса. Негр будет жить — хищник нет! — и выпрыгнул в окно.

Прозвучало несколько коротких выстрелов. Это солдаты с некоторым опозданием выполнили приказ. Негры один за другим выскакивали за двери. А лейтенант безумно орал:

— Схватить его!.. Стреляйте!.. Расстрелять его!.. Сержант Кокиль, увеличить налог на негров на тонну руды... Ах, какой позор! Нет, на две тонны увеличить, да!..

3

После трудного, беспокойного дня настала темная, благодатная ночь. Из леса доносились пронзительные вопли диких зверей, ночных птиц, какой-то отрывистый, похожий на человеческий, хохот. И над всем этим беспристанно дрожало тонкое жужжание комаров. Комары бились в окна, забранные сеткой, и страшно было даже думать о необходимости выйти за двери.

Лейтенант Альбер Фаберне потерял счет стаканам вина, которые выпил. Нгами не было, Нгами исчез. И вино теперь приносил сержант Кокиль. Он же старательно помогал лейтенанту и пить. Между лейтенантом и сержантом лежали разложенные карты: Фаберне демонстрировал Кокилю свое артистичное умение выигрывать при любых условиях. Но надоели уже и карты. Разговор тек непринужденно и неторопливо: куда спешить на фактории Агуин?..

— Э-э, сержант Кокиль...

— Слушаю, господин лейтенант.

— Э-э, этот мерзавец Нгами... Вы поймаете его, сержант?

— Гм... Не могу сказать наверняка, господин лейтенант. Он, наверное, сбежал на реку Санкуру. Это за болотом. Там его нельзя найти.

— Как так нельзя? Ведь же я приказал. Вы не выполняете моего приказа, сержант. Э-э, ведь же я ваш командир, разве не так?

— Извините, господин лейтенант, в этих джунглях свои законы. Мы не знаем их. На фактории вы наш начальник. А там... Мы хозяйничаем здесь, и то до тех пор, пока не настанет тьма...

Лейтенант вздрогнул: какое-то животное закричало совсем близко от дома. Сержант Кокиль продолжал дальше:

— Мы не знаем ничего уже за двадцать километров от фактории. Там начинаются негритянские тайны.

— Э-э... и вы что же, никогда не изучали ваш округ, сержант?

— Я никогда там не был, господин лейтенант. Мое дело — выгонять негров на работу, принимать руду... А негритянские фокусы меня не касаются. Это пусть интересует Стенли и Ливингстона. Здесь, отойдя на десяток километров, можно лишиться головы...

— И меня послали в такое захолустье?

Голос сержанта Кокиля снизился до таинственного шепота. Сержант взглянул в окно, за которым без умолку жужжали и пели свою бесконечную песню комары, и заговорил:

— Я не знаю, господин лейтенант, но... мне рассказывали, господин лейтенант, что... что...

— Да не медлите же. Ну?

— Мне рассказывали, что... одну минутку, господин лейтенант... Погодите, это же звучат их тамтамы. Слышите, как зычно бьют.

Оба подняли головы, прислушиваясь. Издалека, сквозь разноголосицу тропических звуков, сквозь вопли зверей и птиц, — доносились странные звуки кожаных негритянских барабанов — тамтамов. Они угрожающе звучали то в одном месте, то в другом, будто перекликаясь меж собой. Их звуки

то становились громче, то стихали. Что-то было в тех звуках от условной азбуки: короткий удар... длинный... короткий... несколько длинных... несколько коротких...

Лейтенант испуганно взглянул на сержанта:

— Э-э... что это такое, сержант, а?

— Позвольте доложить, господин лейтенант, это негритянский телеграф.

— Какой телеграф? Что вы несете?

— Я не знаю, что именно он сейчас передает, господин лейтенант, но это телеграф. Их телеграф. Стуком барабанов негритянские поселки пересылают важные новости. Такое у них происходит всегда, когда что-то случается. Это, я думаю, если позволите, господин лейтенант, они переговариваются о делегации... той, что сегодня пришлось...

— То есть, они извещают всех своих, так, что ли?

— Так, господин лейтенант, весть передается от села до села, за сотни километров.

Воцарилось молчание, во время которого был только слышен далекий стук тамтамов.

— Однако это очень раздражает, сержант... хм... Разве выпить еще? Кокиль, а нельзя как-то прикрыть этот телеграф? А? У меня от него уже в голове стучит.

— Ничего не поделаешь, господин лейтенант. Здесь свои законы. Негритянские законы... Мне, знаете, говорили...

— Снова вы тянете, сержант. Довольно болтовни! Говорите сразу, что вам там говорили. Ну?

— Мне рассказывали, что там, где-то в лесу... к тому же не очень далеко от нашей фактории... в направлении реки Санкуру... есть странное негритянское село Ньягва. И в том селе живет негритянский бог.

— Какой там еще бог? Что вы мелете, сержант? Вы много выпили!

— Истинная правда. Они молятся ему, господин лейтенант. Там сидит жрец по имени Гамбо. И негры приносят в жертву богу скот. И он, тот бог, его пожирает.

— Бессмыслица, сержант! Вам надо проспаться.

— Думайте, что угодно, господин лейтенант. Но негры говорят, что это правды. Это, говорят, исполинский цветок, который пожирает живые существа. Я думаю, — исполинская орхидея. Негры зовут ее — Мать всех цветов и всего живого.

— Кто это вам говорил? Тот мерзавец Нгами?

— Нет, господин лейтенант. Один старый негр. Он даже говорил, что лично видел этот цветок. Он однажды пролез в храм — и за это ему отрезали ухо и выгнали.

— Фу, ну и страна, я вам скажу, сержант!.. Черные отвратительные обезьяны-негры, потом эта невероятная жара, дальше барабаны, тамтамы, или, как вы уверяете, негритянский телеграф. И еще всякие басни об исполинских орхидеях. Мать всех цветов и всего живого... черт знает что! И я вынужден жить здесь и собирать налоги... Ну, хорошо, я их заставляю, этих негров! Мне наплевать на то, что случится в следующее лето. Меня тогда здесь уже не будет, вот что. Сержант Кокиль!

— Есть, господин лейтенант.

— Идите спать. И я буду спать. Фу, какая отвратительная страна!.. Слушайте, эти чертовы барабаны когда-нибудь перестанут стучать? Я спать хочу...

Однако сержант Кокиль уже вышел. Лейтенант Фаберне тяжело вздохнул и лег на диван...

4

Но спать лейтенанту Фаберне не посчастливилось.

Он ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть. Его раздражал стук далеких барабанов, этот таинственный разговор, суть которого он не мог постичь. Какая-то неуверенность, забота и беспокойство охватили насквозь проспиртованный мозг лейтенанта.

Фаберне встал, налив еще стакан вина, выпил со стоном, будто от боли.

Фактория спала. Вокруг нее властвовала дикая таинственная ночь. Слышались те же самые непонятные вопли

лесных зверей, ночных птиц, жужжание комаров. А над всем царил глухой стук негритянских тамтамов.

Лейтенант был крайне раздражен. Он ощущал, что выпил сегодня слишком много — даже для его привыкшего к алкоголю организма. В голове шумело, ноги неуверенно держали тяжелое обрюзгшее тело. И к тому же ему всюду мерещились странные призраки.

Вот в этом углу комнаты, он точно знает, всегда висело полотенце. Белое полотенце. Но сейчас это уже не полотенце, а что-то другое. Что? Непонятно. Белое пятно вытягивается, расширяется... Это какой-то странный цветок. И от него тянет сладким запахом, от которого дурманится в голове... Лейтенант Фаберне закрыл глаза и бросился на диван: спать, спать, во что бы ни стало, иначе можно сойти с ума!..

Снова потянулись длинные, тягучие минуты. Когда именно лейтенанту Фаберне посчастливилось заснуть, он не помнил. Но ему показалось, что он и вовсе не спал: вроде бы только на минутку смежил горячие веки, и тут же снова раскрыл их — ему почудилось, что диван под ним качается.

Лейтенант широко распахнул глаза — темно, ничего не видно. Лампа, наверное, совсем погасла. Но откуда такое странное впечатление, будто диван все время качается — словно лодка на морских волнах?.. Что за странная иллюзия? Никогда еще алкоголь не влиял на лейтенанта так своеобразно. И сладковатое благоухание никогда не ощущалось так остро.

Лейтенант повернул голову и сразу ощутил, как у него с лица упало что-то мягкое, будто вата или тонкая ткань. И вместе с тем куда-то исчезло благоухание. Это было совсем непонятно: словно в комнате находился кто-то посторонний... Что? Посторонний?.. При мысли об этом лейтенант Фаберне похолодел. Зажечь лампу, света сюда, побольше света!

Лейтенант напряг мышцы, чтобы сесть на диване, — и с ужасом ощутил, что не может этого сделать.

— Сержант Кокиль! Сержант!..

Молчание. Лейтенант не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. И снова в его уши ворвался стук далеких барабанов — стук то приближался, то отдалялся...

— Сержант! Сержант!..

Диван качался. А может, это уже и не диван? И вдруг лейтенант Фаберне, который старался собрать в своих глазах все, всю тьму, все скрытое мраком, лишь бы что-то понять, увидел далеко крошечную искорку, которая едва заметно дрожала среди тьмы. Казалось, искорка плыла, она так же качалась в воздухе, как качался диван, а вместе с ней качался и лейтенант.

Что-то мягко притронулось к лицу лейтенанта — будто ветвь, росистая ветвь, оставившая на лице несколько капелек влаги. Так вот откуда ощущение холодной росы... Лейтенант крикнул, вкладывая в этот вопль последнюю надежду: — Сержант!..

Искорка, с которой он не сводил глаз, вспыхнула ярче, она превратилась в острый язычок пламени. И сразу вместо нее вспыхнул большой факел. Он пылал ярко, освещая все вокруг. Будто кто-то вдруг распахнул черный занавес и показал неожиданные декорации величественного театра.

Все закрутилось в голове в лейтенанта, смотрящего широко раскрытыми глазами на факел, на исполинские раскидистые деревья, проплывавшие мимо него, на черные блестящие, словно вымазанные маслом руки негров, которые несли его, связанного... несли — куда?..

Да, лейтенант Альберт Фаберне был связан; как кукла, он висел на веревках, подвешенный к большой жерди. Ту жердь несли несколько крепких негров, и лейтенант качался в воздухе в такт их быстрым широким шагам. Или, может, носильщики ступали в такт угрожающим ударам далеких барабанов?..

Лейтенант сжал челюсти. В голове его молниеносно пронеслись обрывки мыслей:

«Негры захватили меня, когда я спал... захватили, связали и теперь куда-то несут. Куда? Что они хотят сделать со мной?

Вдруг лейтенанту вспомнился разговор с сержантом Кокилем, сказка об исполинском цветке. Тогда, слушая сержанта, он улыбался. Теперь дикая, невероятная сказка превращалась во что-то ужасное. Лейтенант громко застонал, пробуя разорвать крепкие веревки. Напрасные потуги!..

Горящий факел, который освещал все вокруг, подвинулся к лейтенанту поближе. Стеклянными глазами смотрел лейтенант на пламя, на черные фигуры негров, которые несли его.

Высокие крепкие люди с блестящей черной кожей не обращали на него, казалось, никакого внимания; они прислушались к далекому стуку тамтамов.

Но вот один негр широкой твердой походкой подошел к лейтенанту. На его плече была боевая одежда из шкур диких животных. Негр пристально рассматривал белого. И лейтенант Фаберне с ужасом узнал знакомые суровые черты лица: это был Нгами.

— Это ты?.. Ты?.. - прохрипел он, сжимая кулаки, охваченный припадком бессильной злости.

Негр спокойно смотрел на лейтенанта.

— Верно, масса, это я, — наконец выговорил он.

— Куда... куда вы несете меня?

Нгами махнул рукой вперед:

— Туда, где тебя, масса, ждет смерть. Белого хищника несут связанного, как зверя. Потому что он — зверь!

— Черная обезьяна, за меня отомстят! Тебя будут бить палками, так, что мясо начнет падать кусками с твоего тела... Тебя расстреляют... Тебе отрубят голову!

Лейтенант Фаберне выкрикивал эти угрозы словно сумасшедший. Он извивался гадюкой, стараясь освободиться из пут...

Нгами лишь улыбнулся:

— Кто будет бить? Кто расстреляет?

— Я разорву эти веревки. Я застрелю тебя! Ты... ты осмелился захватить белого!..

Нгами пренебрежительно махнул рукой:

— Пусть белый хищник лучше считает свои собственные минуты. Уже недалеко. Тамтамы извещают всех негров. Слышишь, масса?

Глухой стук наполнял весь лес. Казалось, тамтамы были всюду, потому что со всех сторон звучал их стук — однообразный и страшный. Шуршали под ногами носильщиков ветви, трещал факел, с него огненными каплями падала горящая жидкость. И тамтамы, эти ужасные дикие барабаны с них глухим стуком...

— Куда... куда вы несете меня? — еще раз выкрикнул Фаберне.

Нгами торжественно поднял голову:

— Тебя несут, белый хищник, навстречу смерти. Она тебя ждет...

Факел вспыхнул ярче и неожиданно погас. Во мраке, что разом надвинулся со всех сторон, лейтенант ясно услышал:

— Она тебя ждет: Мать всех цветов и всего живого.

Больше лейтенант Фаберне ничего не слышал. Он потерял сознание.

5

А когда он раскрыл глаза, его уже не несли. Он лежал на мягкой траве, его освещали розовые утренние лучи. Вначале лейтенанту подумалось, что он просто видел страшный, призрачный сон. Он пошевелился, чтобы позвать сержанта и рассказать ему о пригрезившемся. И сразу ощутил, что руки и ноги у него связаны. Он мог шевелить только головой. Нет, это был не сон!..

Справа и слева лейтенант Фаберне увидел десятки негров. Они смотрели на него с ненавистью, как на злейшего врага. И он неожиданно для себя узнал среди этих лиц несколько мужчин из тех, что приходили к нему просить уменьшить налоги урановой руды.

Лейтенант отвернулся и увидел Нгами в его боевой одежде. А рядом с Нгами на ковре из сухой травы сидел еще один негр, фантастически одетый старик, разрисованный

белыми полосами. На его морщинистой шее висело ожерелье из звериных клыков. Старик пошатывался и что-то однообразно и тихо напевал, посматривая на лейтенанта.

Прямо напротив лица Фаберне что-то медленно и лениво шевелилось. Сначала лейтенант не мог понять, что это такое. Но через минуту он вздрогнул и будто бы крошечные молоточки застучали у него в висках.

Это был исполинский цветок. Он походил на орхидею, но был в тысячу раз больше, чем она. Цветок будто просыпался. В нем будто что-то пульсировало, сокращалось и снова раздувалось, то раскрывая, то снова закрывая его толстые красные лепестки, похожие на губы сытого хищника. И густым смрадом, отвратительным смрадом протухшего мяса веяло от него...

Гул негров стих. Прозвучал голос Нгами — уверенный, торжественный голос:

— Твой путь закончился, белый хищник. Готовься увидеть свою верную собаку сержанта в царстве теней.

— Вы убили сержанта Кокиля? — прошептали мгновенно побелевшие губы лейтенанта Фаберне.

— Верно, он умер еще вчера. Он больше не будет сосать кровь негров, и ты не будешь сосать ее, и твои братья, белые хищники. Негры проснулись. Негры захватили и твою, и другие фактории. Мы будем уничтожать белых угнетателей, мы идем!..

Гневный гул негров ответил ему. И снова стало тихо.

Нгами произнес:

— Ты погибнешь здесь, масса. Тебя пожрет Мать всех цветов. От тебя не останется ничего. Никто не увидит твоей гибели, кроме старого Гамбо, старого жреца, который потом расскажет мне обо всем. Сегодня же я вернусь, чтобы справиться о твоей гибели! Готовься умереть, белый хищник! Гамбо, мы идем!

Старый жрец торжественно встал, подняв руку. Он пел какую-то песню — печальную, заунывную. Негры, один за другим, выходили за двери в высоком заборе из толстых стволов деревьев, который окружал это место.

Они бросали последний взгляд на лейтенанта, лежавшего на траве перед цветком-великаном, и скрывались. В этом взгляде не было ни сожаления, ни сочувствия. Так смотрят на злейшего врага, которому нет и не может быть пощады. Лейтенант Фаберне ощутил это. В бессильной злобе он заскрипел зубами.

Когда все вышли, Нгами что-то сказал жрецу; тот ответил, наклонив голову. В один прыжок Нгами оказался перед лейтенантом. Глаза его пылали ненавистью.

— Я убил бы тебя, масса, своими руками. Но племя хочет принести тебя в жертву. Пусть будет так! Но я еще вернусь. Я вернусь! И, если цветок не захочет сожрать тебя, я сам помогу тебе увидаться с сержантом!..

6

Лейтенант закрыл глаза: им пришлось чересчур много увидеть этой ночью... Через минуту он снова раскрыл их. Нгами уже не было. Лейтенант боязливо взглянул на старого жреца. Негр сидел на своем ковре и так же однообразно что-то пел. В его песне, непонятной и дикой, Фаберне слышались знакомые слова. Старик напевал:

— Ты погибнешь, ты погибнешь, масса... Мать всех цветов пожрет тебя... От тебя ничего не останется, ничего... Смотри, она просыпается, Мать всех цветов, просыпается...

Лейтенант Фаберне через силу принудил себя взглянуть туда, откуда веял отвратительный сладкий смрад. Он увидел, как раскрываются красные лепестки исполинского цветка. Они наклонялись, они тянулись к нему. Красные языки лепестков готовились схватить его связанное тело. Липкая жидкость каплями собиралась на краях лепестков и смачивала жесткие волосинки, торчавшие по тем краям. Извиваясь, лейтенант попробовал отодвинуться, но это оказалось невозможным. А жрец бормотал, посматривая на него:

— Ты погибнешь, ты погибнешь, масса... она пожрет тебя!..

Він побачив, як розсуваються товсті червоні пелюстки велетенської квітки.
Вона нахилилася, вона тяглася до нього... Зниваючись, лейтенант спробував
відшукатись. Це було неможливо.

— Слушай, ты, черная обезьяна... слушай, — хриплым голосом произнес Фаберне и сразу пришел в себя: — Э-э, извините, священник, жрец, как тебя... Я дам вам много денег, только спасите меня... Господин жрец, я все отдам вам... Все! Ведь никто не увидит этого... Они все ушли отсюда...

Лейтенант вкладывал в свои мольбы все надежды. Если бы этот старый негр только захотел!.. Если бы он только захотел выручить его!..

Гигантский цветок наклонился ближе. Его густой, отвратительный смрад дурманил. Его лепестки двигались. Они тянулись к лейтенанту.

— Господин жрец, я все отдам вам... спасите меня!.. Ведь я ничего не сделал вам плохого, спасите меня!.. Господин жрец, мне нельзя умирать, мне надо вернуться в Европу... Я все отдам вам...

Лейтенант говорил, путаясь в словах, он видел перед собой только красные лепестки, которые угрожающе приближались к нему. На его лбу выступил пот:

— Спасите меня... Он, он тянется ко мне!.. Эти сытые красные губы... Он шевелит ими... Я все отдам вам!.. Все, все... Ой!..

Лейтенант Фаберне ощутил, как что-то осторожно приоткрылось к его куртке. Обливаясь потом, он оглянулся. Старый жрец извлек у него из кармана часы на цепочке и с любопытством рассматривал их. Новая надежда вспыхнула в душе лейтенанта:

— Господин жрец, я отдам вам все, — начал он снова. — У меня есть еще другие вещи, они понравятся вам... Спасите меня... Ведь никто не узнает...

И с удивлением, с радостью он заметил загадочную улыбку на лице у жреца. Старый негр ухватил лейтенанта за ноги и с натугой оттащил от страшного цветка...

Лейтенант Фаберне лежал метрах в двух от цветка, который беспрестанно двигал толстыми лепестками. С отвращением он наблюдал, как старый негр, хитро улыбаясь, отрезал небольшие куски мяса от туши козы, лежавшей перед ним, и подавал их цветку. А тот медленно захватывал их толстыми лепестками и пульсирующими движениями втягивал вглубь, будто глотал. Да, цветок ел куски мяса, он пожирал их, как хищник, как животное, только медленнее...

Жрец подложил цветку последний кусок, и тот незамедлительно исчез внутри странной пасти. Лепестки закрылись. И теперь только едва заметное движение их свидетельствовало о том, что цветок переваривал пищу. Жрец подошел к лейтенанту.

Он хитро прищурил глаза и противно улыбался:

— Цветок наелся, масса, он сытый. Так он ест каждое утро, масса. Гамбо знает, как обманывать людей. Они приносят жертвы цветку, Гамбо дает ему часть — и часть оставляет себе. Глупые негры верят, что цветок съедает все. Они не знают, что цветок ест только часть.

Жрец смеялся, показывая гнилые пеньки зубьев, он подмигивал лейтенанту. В конце концов, Фаберне понял, о чем речь: старый жрец обманывал негров. Исполинский цветок, и в самом деле ела мясо, но только маленькие куски. На самом деле, он не мог съесть ничего большего, чем мышь. Жрец обманывал свой народ, и теперь был рад оттого, что мог избавиться от лейтенанта, да еще и оставить себе его часы.

— Масса пойдет отсюда, Гамбо покажет ему путь. Масса пойдет, негры будут думать, что цветок пожрал его... Негры принесут еще жертвы, Гамбо будет сытый...

Теперь лейтенант уже не боялся ничего.

— Ну, давай же скорее, ты, черный мошеннику, — велел он. Ведь жрец был заинтересован в том, чтобы лейтенант как можно скорее исчез. Тогда он мог бы объявить неграм,

что цветок сожрал его. — Развязывай и показывай путь. Быстрее, потому что мне уже надоело валяться здесь!..

Старый негр, хитро улыбаясь, распутал ноги лейтенанта и помог ему встать.

— Ну, развязывай руки, — нетерпеливо подгонял Фаберне.

Гамбо отрицательно покачал головой.

— Что? Развяжи руки!

— Нет. Я выведу массу за село. Только там развяжу руки. Масса может причинить неприятности старому Гамбо.

Лейтенант люто заскрипел зубами: хитрый старый мошенник!

Однако спорить было нельзя.

— Тогда пойдем быстрее!

— Пусть масса идет сюда...

Старый жрец осторожно подошел к забору и с натугой оттянул в сторону один из стволов. В стене открылся узкий проход.

— Сюда, масса, — тихонько произнес жрец, показывая рукой на проход. — Пусть масса идет, Гамбо — за ним.

Лейтенант сделал несколько шагов к стене. За ней, это было видно через проход, лесом тянулась узенькая тропа. Фаберне оглянулся. Гамбо действительно шагнул за ним. Вперед, быстрее отсюда!.. Лейтенант быстро подошел к проходу — и вдруг отшатнулся.

— Проклятый мошеннику, ты обманул меня! — воскликнул он, бросаясь назад.

Но и старый негр был испуган не меньше лейтенанта. Он дрожал, он пятился, он отмахивался, не отводя взгляда от дыры в стене, где стоял высокий Нгами с топором в руках. Из-за спины Нгами выглядывали еще несколько молодых негров.

Лейтенант Фаберне застыл на месте. Это был конец. Он видел, как Нгами подошел к старому жрецу. Глаза его пылали. Он гневно что-то сказал, потом высоко поднял топор и молнией обрушил его на голову старика. Без малейшего звука старый жрец замертво рухнул на траву.

Даже не глянув на него, Нгами приблизился к исполинскому цветку. Несколько секунд он стоял перед ним, будто изучая. Потом снова взмахнул топором — и цветок упал на землю, отрубленный от ствола. Товарищи Нгами с боязнью смотрели на вздрагивающий бутон. Но Нгами лишь толкнул лепестки ногой и рассмеялся.

Будто со стороны, лейтенант Фаберне видел, как шевелились лепестки странного цветка, как Нгами подступил ближе к нему, как люто и непримиримо смотрели на него глаза молодого негра. Лейтенант еще услышал, как Нгами выговорил:

— Масса не хотел встретиться со своим сержантом? Теперь он все равно встретит и сержанта, и старого Гамбо.

Последнее, что увидел лейтенант Фаберне в своей жизни, — блеск топора над головой. Он закрыл глаза, что-то резко ударило его — будто взорвалась граната, — и все исчезло.

С. БАКЛАНОВ

ВОЗДУШНАЯ СОТНЯ

Необычайный рассказ

Рисунки В. Голицына и И. Шульги

*Журнал «Всемирный следопыт» № 1, 1927 г.
Иллюстрации взяты из украинского издания рассказа:
журнал «Червоні квіти», № 23, 1927 год.*

ВОЗДУШНАЯ СОТНЯ

Необычайный рассказ
С. Бакланова

Рисунки художника
В. Голицына

Станица пригласилась около Азовского лимана, а лиман — зеркало в живой камышовой оправе. Да, он живой, этот камыш — он вечно шепчется с волнами, и волны рассказывают ему были морские. Люблю я их переговоры: таинственны они, когда свирепую ночью ветер-буян размахивает своими безмерными крыльями по степи и по лиману; ласковы эти переговоры золотым утром кубанским, когда ветер, забыв, что вчера он скандалил, еле дышит шелковой струей.

Я очень люблю и станицы, пригревшиеся около приморских лиманов. Пышные станицы. Зарылись в садах, раз'ехались верст на пятнадцать; взглянешь на крышу иной станичной хаты — какая пышная камышовая крыша!

Вы, может быть, думаете, что очень скоро можно разыскать в станице друга своего, какого-нибудь казака Федоренко. «Как Федоренко не знать, — думаете вы, — он уроженец этой станицы». Вот и ошиблись. Встречаете вы встречного-поперечного:

— Где Федоренко живет?

— Какой Федоренко?

— Денис Федоренко. Он здешний уроженец.

— Эх, голубок, — говорят вам, — мало что уроженец. Вы вот скажите, к которому краю станицы хата его. А так невозможно у нас всех Федоренков разгадать — какие Денисы, какие Иваны. До исполкома шагайте.

Идете вы в исполком, и там, в списке засаленных книг, пропотев часа два, находите, наконец, задушевного друга своего Дениса Федоренко.

* *

*

В этой станице, про которую я говорю, жил человек знаменитый, Федот Щелкин.

Его хату знала вся станица. Смело можно было спрашивать:

— Где живет Федот Щелкин? Не направляли вас в исполком, сразу давали адрес:

— А вон, добрый человек, видишь улочку? Иди по ней, все иди, некуда бурую свинью с полосатыми поросятами не завидишь. Как завидишь, знай: у самой ты хаты Федота Щелкана. Это его бурая свинья, — она далеко не заходит.

В послереволюционные времена Федот Щелкин славу себе приобрел. Приехал он из Рязанской губернии и накрепко поселился в станице. Застучал молотком по подметкам, и ветром разлетелась молва:

— Эге, а Федот Щелкин н е в и д а н н о сапоги мастерит. Ну, прямо тебе: не сапоги — картинка!

Со времен буденовских, с тех времен, когда квартировала в станице наша геройская кавалерия, сапожная мода укоренилась. Самый последний казак не будет теперь чуяки носить, и потому Федоту Щелкину, великолепному сапожному мастеру, — слава.

А сапожник Федот Щелкин — и хлебороб. Сапожное дело позволило Федоту и домашность приобрести. Быки есть, кони есть, прочая скотина, птица всякая.

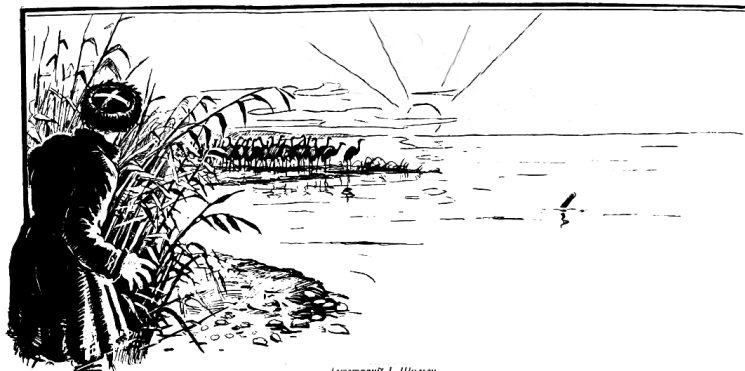

Иллюстрация И. Шувалова

Рязанский Федот. Темнотой прославилась его родная губерния, но знаменитый сапожник грамотен куда хлеще исполкомовских писарей. Читать до смерти любит. Выписывает Федот всякие журналы да газеты, и до четырех с полтиной в месяц на это удовольствие выкладывает.

Заглянет вечером к Федоту лекарский помощник, а, у сапожника очки на носу, — уткнулся в печатные листы Щелкин. Лекпом — первый приятель Федота. Служит лекпом в станичном сумасшедшем доме.

* *

*

Своей жене Ксении, отведя глаза от картинки журнала, на которой был изображен летящий аэроплан, сказал однажды Федот:

— Видишь, какая штука. Тридцать тысяч, тут пропечатано, аэроплан стоит. Подумать толком — оно и не так, чтобы дорого. Лёт ведь. С другой стороны — ну, пожелал бы, скажем, я аэропланное удовольствие себе доставить. Могут ли? Куда там! Аэроплан да еще ангару для него. Н-да.

Заколыхалась на стуле Ксения.

— С чего это тебя на эропланное удовольствие потянуло?

— Бачиш, яка штука. Тридцять тисяч, тут пропечатано, аероплан коштує...

— Хочется страсть полетать. Люди по небесам запустывают, а я на быках. Обидно.

— Вот тебе, здравствуйте, — только и сказала Ксения.

И стал Федот частенько думать: почему это он на быках, когда люди по небесам летают, и как бы добиться, чтобы без тридцатитысячной затраты можно летать было.

Не только Ксения, но и лекпом из сумасшедшего дома беспокоиться начал:

— Не клепки ли в голове раскачались у Федота?

Беспокойство передалось на соседей. По станице пошел разговор:

— Наш небывалый мастер сапожный свихнулся на аэропланах.

Жалели соседи Федота...

* *

*

К станице робко прокрадывалась южная зима. Кажется, вот-вот нагрянет. Мороз утренниками уже цепляется за уши — смотришь, в полдень отпустило, и ноябрьское солнце повесенному пригревает.

Лиман стонал птичьими голосами — слетелось пернатых гостей видимо-невидимо; в пору им за места на лимане воевать. Гуси и лебеди держались на середине: сторожкую позицию соблюдали, а утки жирные, нахальные крутились у берегов. Недавно убралась африканская гостя — птица-баба; эта зобастая птица, весь октябрь грузно плавала в воздухе над станицей.

Прошла неделя, как отпраздновали наш красноцветный, радостный праздник, — Октябрь в ноябре.

Дымными тучами укрылось солнце, мокрые спицы дождя повисли, и провисели они три дня, раскиселив липкую черноземную грязь.

Похолодало. Зима обрадовалась, толкнула под бок деда Мороза:

— Не зевай!

И мороз грянул. Солнце опять с ним в схватку, но на этот раз осилил дед: развесил серебряные махры по деревьям.

Лиман опустел: в мокрую мрачную ночь учуяла птица, что настала пора одолевать трудный путь через волнистую пустыню морскую. В эту мокрую ночь ветер-буян не мог перекричать командных призывов птичьих армий.

Шел Федот Щелкин утром морозным по берегу замолкшего лимана. Вышел Федот из-за камышовой косы и

напоролся прямо в упор на журавлиное войско. Замер Федот и журавли шеи вытянули.

«Чего это не летят?» — думает Щелкин.

Шагнул — не летят, только чуть-чуть отступили.

«Ага, — догадался Федот, — морозом после дождя у них скованы крылья. Запоздали голубчики!..»

Ближе подошел, вплотную.

«Так, так, — сказал сам себе Федот, — а ну-ка я их попробую забрать».

Отхватил он ножом камышину и погнал журавлей от берега; и пригнал их к станице.

Жене Федот журавлів станичною вулицею...

Гонит Федот журавлей по станичной улице, радуется, как малый, а станичане из хат повысыпали:

— Куда гонишь такую силу? — спрашивают.

— Домой, — говорит Федот.

— На перо побьешь, что ли?

— Зачем на перо. Кормить буду.

— Да ведь они обожрут тебя.

— Авось, не обожрут.

Пригнал Федот к своим воротам журавлиное войско:

— Растворяй, Ксения!

Заахала супруга сапожника:

— Очумел ты, что ли? — спрашивает его.

— Растворяй ворота, тебе говорят! — Суров стал голос у Федота, и испуганная Ксения побежала ворота растворять.

Освободив одну клуню, загнал в нее Федот журавлей и запер. Пересчитал их и улыбнулся:

— Аккурат сотня.

* *

*

Оттаяли журавли, живут. Плачется Ксения по соседским хатам:

— Овец стеснил для своей журавлиной силы. Хлебным месивом кормит этих голенастых чертей, сколько добра переводит. А слова против не смей оказать — так и рывкнет.

— Не допытывалась, зачем он журавлей прикормил? — спросил Есению казак Луговой.

— Летать на них хочет. Особенную сеть рыбаку Максиму Корню заказал. Тоже в копеечку в'едет.

— Неужли и сеть заказал?! — ахнул Луговой.

— Заказал, горюшко. Узду для жожака, который стаю направлять будет, сам мастерит. И сбрую для журавлей прочих. Страхи меня берут, как подумаю, что Федот птицу взнуздать задумал.

— Это летучее счумение у Федота, — сказал казак Луговой, — лечить его надобно. Ты бы, Ксения, до бабушки Власихи добежала.

— Думала я, да накостыляет он Власихе, пожалуй. Очень не любит ее.

— Придет беда — отворяй ворота. — вздохнул Луговой.

* *

*

Посреди своего просторного двора Федот Щелкин делал удивительные опыты с журавлем. Журавль был взнуздан и

по-особенному взнуздан. Сбоку его покатою затылка, около каждого скрытого птичьего уха, были укреплены на ремнях медные кольца. От колец к Федотовым рукам тянулись веревочные вожжи. Когда дергал Федот правую вожжу — журавлиный клюв поворачивался направо, когда дергал левую — клюв налево кривился. Если обе вожжи натянуты — что же остается журавлю, как не задрать голову. Так учил Федот жожака летать по его, Федотову, желанию — направо, налево, а когда нужно — забираться повыше.

Серед свого просторого двору Федот Щолкін робив якісь дивні досліді з журавлем...

Когда дергал Федот правую вожжу, журавлинный клюв поворачивался направо; когда дергал левую, клюв налево кривился. Если обе вожжи натянуты, — что же остается журавлю, как не задрать голову?.. — Так учил Федот вожака летать...

Однажды заскрипела калитка и вошел приятель Федота, лекпом, уже не один: с ним был гражданин в золотых очках — главврач сумасшедшего дома. Федот не заметил вошедших, — в свои птичьи опыты очень погрузился.

— Видите, Валериан Николаевич, — сказал главврачу тихонько лекпом, — какие у него яркие признаки летучего психоза.

Главврач улыбнулся от эдакого необыкновенного диагноза и заметил:

— Проверим, действительно ли летучий психоз, но пока не будем ему мешать.

И «медицина» вошла в хату.

Самовар уже запел тоскливую самоварную песню, когда, после третьего оклика Ксении: «Иди же, наконец, очумелый, чай пить», — в хате появился Федот. Увидел он гостей, поздоровался, затем гости полегонечку приступили к проверке умственных способностей сапожника.

— Когда же вы думаете лететь? — спросил врач Федота.

— Раньше весны где же, — ответил Федот. — К рождеству Максим Корень сеть свяжет. До февраля надо мне за птичьей сбруей посидеть. Вожака придется учить месяца три. Практический расчет еще произвести надо. Много работы.

— Какой практический расчет?

— А как же. Вот, скажем, я — человек кволый, однако, четыре пуда тяну. Поклажу с пуд взять рассчитываю, значит, пять пудов есть. Сеть, сбруя — их тоже нужно считать. Журавлей сотня: по два фунта с гаком на каждого приходится. Но ведь журавль журавлю рознь, которому четыре фунта поднять, как чихнуть, а другой — послабее. Вот и должен быть расчет, какова всех моих журавлей лётная сила. Может, мне от пудовой поклажи совсем придется отказаться.

На другой день после проверки лекпом сказал Ксении:

— Вы тово... стало быть, не тревожьтесь. У вашего супруга такой крепкий мозг, что дай бог всякому. Верю теперь и я, — обязательно он полетит... Ах, да чего ж ваш супруг башковитый!

Славу сапожную Федота пополнила новая слава. Станичане с нетерпением стали ждать весну. Частенько забегали к Федоту:

— Ну как, не хворают?

Журавли не хворали — жирели от хлебного месива, сил набирались.

* *

*

Хорош февраль на Кубани. Соленые струи по степи плывут. Солнце торжествующее. Нет уже простыни снегов: она ручьями в балки скатилась. Между тем, лукав на Кубани февраль... Сегодня денек — радость, завтра денек — красота, а послезавтра, глядишь, как запоем поземка:

— Взы-и-и... взы-и-и...

Приготовления Федота к полету отразились на основном творчестве знаменитого сапожника.

Взял казак Коцуба новые хромовые сапоги, смотрит — выточены не по-щелкински.

— Эге, что же ты? — сказал Коцуба Федоту.

— Подкачал, — сознался Федот, — вижу, что подкачал. Извиняй, — все журавли эти. Только о них все мои думы.

Подошел день первого Полета, — праздничный день. Уже с раннего утра беспокоилась станица... Казаки, их жены, дети, словно пчелы, гудели по хатам. Только и слышалось:

«Когда ж, да когда ж Федот станет выводить журавлей в степь?»

С самых дальних окраин станицы посылали гонцов до Федота, с вопросом:

— Когда ж?...

— Не ранее полдня, — был ответ, — в журавлиной сбруе есть непорядок.

Нестерпимо медленно двигалось время. Казаки не вытерпели: казачья громада вывалилась из хат, войском потекла по улицам к хате Федота.

Знаменитого сапожника оторвали от дела:

— Будет тебе морить народ. Выводи!

Казачья громада, жаждущая невиданного зрелища, чуть не волоком вытащила Федота с его сетью, сбруей и журавлями.

В середине сети были устроены дыры для ног. Прodel в них Федот ноги и зашагал со своим птичьим отрядом, за-

хватывая улицу во всю ширину. Впереди этого шествия из хат выскакивали люди. Казачья громада рывкала зверем на выскочивших:

— Дорогу давай ему! Не мешай! Хочешь глядеть — на плетень лезь!

Когда вывел Федот журавлей в степь, Ксения протяжно завывала. Впрочем, с утра она уже пятый раз принималась причитать.

От воя Ксении дрогнули казаки, дрогнул и сам необыкновенный летчик. Он крикнул:

— Ну, землячки милые, отлетать время! Коли со мной что неладное случится — жену не оставьте.

— Летай, не оставим! — многогласно гаркнула толпа.

Федот натянул вожжи, две сотни крыл распахнулись — журавли побежали. Подняли легко. Сеть, окаймленная стройным птичьим отрядом, поплыла над бархатом трав.

Треугольник с паутиной и запятой посредине всползал все выше и выше. Наконец, исчез треугольник, Молчаливая, как задремавший бор, долго стояла казачья громада, Как только исчез треугольник, казак Коцуба «пробудился».

— Понесли, — сказал он, — потащили нашего небывалого Федота,

* *

*

Уже целый час летел Щелкин, уже давно ушла назад земля, — под Федотом кипело Черное море.

Безмерно широкое, бескрайное водное пространство представлялось сверху темно-синей пустыней с раскиданными по ней громадными белыми перьями, — по морю гуляла зыбь, волны опрокидывались пенистыми гребешками.

Сбоку Федота, вытянув ноги, журавли туго махали крыльями.

Вдруг Щелкин заметил вдали, на бирюзовом горизонте, дымок.

— Эге, — сказал сам себе Федот, — видимо, пароход. Надо будет показать себя на журавлях.

**І пасажирами, і екіпажем пароплаву заволоділа
якась панічна цікавість.**

Щелкин направил вожак на дымок, и вожак, словно угадав мысли своего хозяина, начал снижаться. Пароход, рассекая пенистую зыбь, быстро катил навстречу. Вдруг один из пассажиров парохода, вооруженный биноклем, крикнул:

— Граждане, да не сошел ли я с ума? К нам человек на журавлях по воздуху сыпет!

И пассажирами и экипажем парохода овладело паническое любопытство. Каюты опустели... Даже повар, бросив крайне ответственную работу, — он разделял индюка, на пять персон, — вылез в колпаке и поварской прозодежде на палубу.

Федот, между тем, набив трубку сухумским табаком, задумал распалить ее. Снял Федот свою каракулевую кубанку и стал на сети прилаживаться. Чиркнул он одну спичку — не закурилось, — погасла; чиркнул другую, — эта загорелась и, быть такой беде, разом вспыхнула вся коробка. Ветер раздул огонь, — огонь ухватился за подкладку кубанки, прожег, уцепился за вату.

Если бы дождь на этот случай, был бы спасен Федот. Да, на грех, небо чи-

Загорелась сеть, и журавлиный летчик в пропаленную дыру ухнул...

стое, ни единой тучки на нем. От пылающей кубанки загорелась сеть, и необычайный журавлиный летчик в пропаленную дыру ухнул... И упасть пришлось ему прямо в море, у самого борта парохода...

А журавли покружились-покружились над пароходом (как только провалился Федот, тут же и сеть погасла), жалобно покурлыкали, и полетели, спутанные сбруей, на север.

В Тамбовской губернии, спускаясь на кормежку, зацепились птицы сетью за ивы и к мужикам в плен чуть не попали. Но у журавлиной сотни сила большая: рванулись голенастые, когда бежала по полю вся всполошенная деревня, и оставили мужичкам только обрывки веревки на ивах плакучих...

СОДЕРЖАНИЕ

Н. МОГУЧИЙ
АГДИАН-КЕМИ

Рассказ

5

АНДРЕЙ ИРКУТОВ
КОММУНИЗАТОР МИСТЕРА ХЭДДА

Фантастический рассказ

23

АНДРЕЙ ИРКУТОВ
БЕССМЕРТИЕ

Фантастический рассказ

35

АНДРЕЙ ИРКУТОВ
ЧЕК НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ

Рассказ

55

АНДРЕЙ ИРКУТОВ
БОРЬБА ЗА ГАЗ

Фантастический рассказ

71

Б. ПЕРЕЛЕШИН
СПЛОШНОЕ СОЛНЦЕ

Фантастический рассказ

85

Е. ТОЛКАЧЕВ
S.-L.-ГАЗ

Фантастический рассказ

93

Е. ТОЛКАЧЕВ
ЗОЛОТОЙ НАКОНЕЧНИК
Авантюристический роман (штамп)

107

Е. ТОЛКАЧЕВ

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА МИНАЕВА

Коллективная ненаучно-фантастическая повесть

119

ВАЛЕРИЙ САНЧОВ

ЗАВОД ПРОИЗВОДИТ ГАЗ

Фантастический рассказ

131

ТОЖЕ УТОПИЯ

146

ДОЛОЙ ТИРАНА!

148

Ник. ПОГОДИН

ЛЕТАЮЩИЕ ХУТОРА

Фантастический очерк

149

Е. ЛАУМАН

ВЕСТИ ИЗ БУТЫЛКИ

Фантастический рассказ

159

В. ЯЗВИЦКИЙ

МЕКСИКАНСКИЕ МОЛНИИ

Фантастический рассказ

173

В. ЯЗВИЦКИЙ

АППАРАТ ДЖОНА ИНГЛИСА

Фантастический рассказ

193

В. ЯЗВИЦКИЙ

ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ

(Хранитель жизни)

Фантастический рассказ

211

В. ЯЗВИЦКИЙ
ЗАГАДКА МАУЭРСКОГО ОЗЕРА

Фантастический рассказ

227

ЛЕВ КАССИЛЬ
ТРЕХГЛАВАЯ СУДЬБА

Фантастическая повесть

243

ЯНКА МАВР
ПОВЕСТЬ БУДУЩИХ ДНЕЙ

Фантастическая повесть

(отрывок)

297

К. ВЕРИН
В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Частушка

319

АЛЕКСАНДР ШАРОВ
ТРАНСАРКТИКА

Фантастический очерк

321

ЯН ЛАРРИ
ЗАГАДКА ПРОСТОЙ ВОДЫ

Научно-фантастический рассказ

341

Иг. МАЛЕЕВ
КУКЛА ПАНТАГРЮЭЛЯ

Фантастический рассказ

387

Н. ЛОПАТИН
ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Фантастический очерк

423

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

МОЛНИЯ В ПЛЕНУ

Фантастический рассказ

437

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

МЕРТВАЯ ВОДА

Фантастический рассказ

451

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

МАТЬ ВСЕХ ЦВЕТОВ И ВСЕГО ЖИВОГО

(Таинственная орхидея)

Фантастический рассказ

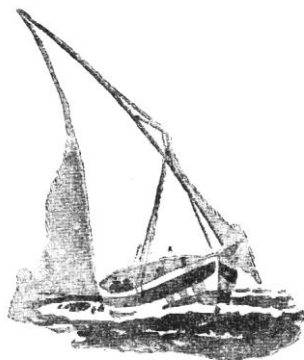
471

С. БАКЛАНОВ

ВОЗДУШНАЯ СОТНЯ

Необычайный рассказ

499

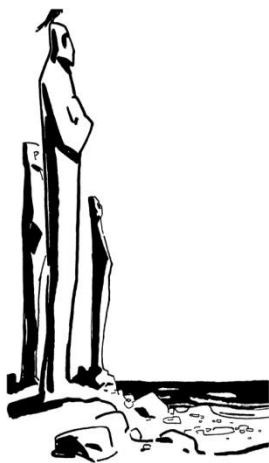
Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

ТРЕХГЛАВАЯ СУДЬБА
Антология советского фантастического
и приключенческого рассказа 20-30х годов XX века
№ 7

Издательство «СПУТНИК™»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 29.05.2020
Отвественный редактор А.Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с качеством представленного электронного оригинал-макета в типографии ООО «Шер-Хан», субсегмент Энлиль, пр. Голконды Таврической, 177